АШОТ БЕГЛАРЯН

ПРЕОДОЛЕНИЕ

Повести и рассказы

Издательство “Дизак плюс”
Степанакерт-2018

УДК 821.116.1-3Бегларян
ББК 84(2Рус)-4
Б 375

Бегларян Ашот
Б 375 Преодоление: Повести и рассказы/ А. Бегларян.-
Степанакерт: Изд-во “Дизак плюс”, 2018.- 440 с.

Настоящий сборник произведений Ашота Бегларяна приурочен к 50-летию прозаика и 30-летию его творчества. Это девятая книга известного писателя и журналиста, лауреата ряда международных конкурсов.

В сборник вошли 50 выбранных самим автором повестей и рассказов, написанных в разные годы. Это военная проза, философские, психологические, сатирические и юмористические произведения.

В сборнике преобладают рассказы о войне, в которую по сей день вовлечён край, где родился и живёт автор. Сюжеты произведений основаны на реальных событиях, разносторонне передают атмосферу войны и послевоенных лет. Автор художественно обобщает события, останавливается на психологических и социальных аспектах войны, создавая типичные образы. В повестях и рассказах А. Бегларяна отчётливо просматривается идея преодоления - обстоятельств, собственной слабости, страха, разрушения и смерти... Герои произведений борются не только с войной и другими проявлениями зла, но и, кажется, бросают вызов самой судьбе.

В сборнике также нашли место философские и психологические произведения - о смысле жизни человека, его месте и роли в мироздании.

Отдельной рубрикой представлены сатирические и юмористические рассказы, в которых автор обнажает пороки общества, социальные и общественные язвы, некомпетентность и ханжество, алчность, двурушничество и высокомерие. В то же время он тонко и безобидно, по-дружески подшучивает над человеческими недостатками и слабостями.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

УДК 821.116.1-3Бегларян
ББК 84(2Рус)-4

ISBN 978-9939-1-0756-1

© А. Бегларян, 2018

ВОЕННАЯ ПРОЗА

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Бои, жестокие и кровопролитные, с каждым днём принимали всё более упорный характер: сёла в Мартакертском районе Нагорного Карабаха порой в течение одних суток несколько раз переходили из рук в руки. Лето 92-го стало крайне тяжёлым периодом, когда многое решал случай. Линия фронта была размыта, на передовой всё перемешалось: противники, часто будучи не в силах или не имея достаточно времени, чтобы чётко определить, где свои, а где враг, попадали в окружение и напарывались на засады...

Готовясь к наступательной операции, вторая отдельная карабахская рота отправила группу разведчиков для изучения местности. Мовсес Шахмурадян, самый опытный из разведчиков, пошёл впереди своих товарищей...

Он очнулся и тут же ощутил режущую боль под левой ключицей. «Жив», - скорее удивился, чем обрадовался он и попытался поднять голову, но не сумел. В ушах невыносимо звенело, тошнотворно-кровавый рассол во рту вызывал мучительную жажду. С трудом повернул затёкшую шею: пожухлая трава вокруг была залита кровью...

Тут со всей яркостью представилась ему недавняя стычка. Вражеские разведчики появились из густого орешника неожиданно близко. Их было двое - в таких же, защитного цвета «афганках», как он сам, отличить от своих было практически невозможно. Опасаясь ошибки, он крикнул: «Пароль!» Те молча переглянулись и... спустили курки. Раненный, он успел прыгнуть за ближайший бугор и, превозмогая боль, открыть ответный огонь.

Бой длился минут пять. За это время он успел расстрелять все патроны. Когда опустел последний из двух запасных магазинов, пустил в ход гранаты - все до одной, потому что

ему казалось, что через минуту всё равно умрёт от раны. С разрывом последней гранаты наступила мёртвая тишина. Затем всё вдруг исчезло...

Он достал из подсумка кусок желтоватой ваты и наложил его на свербящую рану. От кислого запаха крови мутился рассудок. «Если что, живым не сдамся», - подумал он, прижимая к груди ещё не совсем остывший автомат. Немеющими пальцами нащупал во внутреннем кармане куртки то, что хранил как зеницу ока, - последний патрон, последнюю надежду. Надежду на спасение, избавление от плена. Сейчас он, конечно, понимал, как трудно будет решиться на это...

Нечто похожее произошло неделю назад при возвращении с вылазки в тыл противника. Разведчиков засекли: еле вырвавшись из окружения и чувствуя сзади горячее дыхание противника, они вынуждены были оставить раненого товарища - Меружана, которого долго тащили. Мрачное предчувствие заставило Мовсеса через минуту вернуться к раненому, спрятанному в овражке. Вернуться с тем, чтобы прикончить его: мысль о том, что его близкий друг может оказаться в руках у остервенелого врага, леденила ему сердце - солдаты противника нередко глумились даже над мёртвыми...

Но рука дрогнула...

- Я не смогу этого сделать, - протягивая Меружану гранату, сказал он. - Возьми, подорвёшься вместе с ними, когда уже другого выхода не будет... Постарайся продержаться, я обязательно приду за тобой вместе с подкреплением...

Тогда обошлось - уже глубокой ночью полумёртвого, озябшего бойца удалось вынести с поля боя и спасти. Теперь же то, что он предлагал с хладнокровием палача другу, ему, возможно, предстояло сделать по отношению к самому себе.

- Ничего, скоро наши пойдут в наступление, - отправляя патрон в патронник, успокаивал он себя. - Тысячу раз был прав ты, старый капитан, вдалбливая нам в головы, что война больше всего не терпит легкомыслия: зачем нужно было соваться вперёд, тем более в такой день?! А ещё, бывалый наш ротный, только сейчас дошёл до меня смысл твоего сравнения

солдата на поле боя с охотником: «Одного зверя необходимо терпеливо караулить, поджидая в засаде, другого нужно решительно и неотступно преследовать, третьего же, наоборот, надо остерегаться, стараясь не попадаться ему на пути, иначе самому беды не миновать...»

Раненый прислушался, борясь с чуть унявшимся звоном в ушах. Кругом вроде было тихо, и лишь где-то в стороне, далеко за холмами, грохотала канонада. «Неужели я их укокошил... - гадал он. - А может, выжидают, сволочи... Надо было сразу, как они, - стрелять без лишних церемоний».

Он унёсся мыслями в город: в сладком полузабытье мерещились мать, хлопочущая на веранде у печки с праздничным пирогом, и весело снующая рядом сестрёнка.

«Мама, а Моси когда придёт, когда уже темно будет?» - на миг став очень серьёзной, спрашивает она. Сегодня старшему брату исполняется двадцать три, и он обещал отметить день рождения дома...

Вдруг кто-то воровато прикоснулся - он очнулся. Рядом никого не было - лишь на заросшей щеке трепетал сорванный ветром с кустарника сухой лист.

Мучительно хотелось пить. Стараясь не делать лишних движений, чтобы не причинять себе новой боли, он отстегнул от ремня фляжку и с жадностью вобрал в полость рта тёплой, невкусной и неприятной воды. Не глотая её - бойцы, как нехитрый урок, давно уже усвоили, что пить с открытой раной категорически нельзя, - долго полоскал рот, стремясь достать все его уголки, и, стараясь не проронить ни капли, растёр намоченным пальцем губы и выдохнул воду обратно в скудную солдатскую ёмкость... Грозившая в любой миг обернуться ядом, обычная вода для него, беспомощного и неподвижного, имела теперь цену золота.

«Вот когда человек в полной мере осознаёт органическую и чудовищную зависимость свою от внешней среды. Впрочем, если верить тому, что процентов на семьдесят он состоит из воды, всё становится понятным. Человек как некий резервуар, не стеклянный, железный или глиняный, а сплетённый густо из живых нервов, которые нуждаются в постоянном поливе. В

противном случае они, ноя, умирают. Вот несправедливость - эта прозрачная жидкость, сама так любящая свободу, сделала человека навеки своим рабом!.. Эх, превратиться бы сейчас в лужу, просочиться в землю или же испариться медленно и тихо, без боли и страданий, под лучами солнца!.. Уйти меж пальцев кровожадного и трусливого врага, когда тот, подло выждав, пока он полностью обессилеет, наконец приблизится. Увы...»

Вдруг неподалеку раздался отчётливый сухой треск.

«Всё... - подумал он, медленно кладя палец на курок. - Живым не сдамся!..»

Свой день рождения Мовсес Шахмурадян отмечал в военном госпитале. Его подобрали подоспевшие карабахские разведчики.

1992 г.

ЛОВУШКА СМЕРТИ

– Чувствую кисть и каждый палец в отдельности, - говорит Арсен, вытянув перед собой культю и делая воображаемые движения отсутствующей частью руки. - Вот так разминаюсь несколько раз в день...

У Арсена Хачатряна, внешне неприметного, невысокого, худощавого парня из села Тагавард, необычная судьба. Впрочем, бывает ли обычной военная судьба?..

Морозной ночью зимы 92-го в местечке Геворкаван Мартунинского района Нагорного Карабаха противник неожиданно напал на пост карабахцев. Бой был жаркий, но неравный и короткий. Смертельно раненный командир Славик Тамразян успел лишь крикнуть: «Ребята, спасайтесь!»

Вместе с несколькими уцелевшими товарищами Арсену удалось прорваться к БМП, замаскированной неподалёку в винограднике. Однако, отъехав всего три-четыре сотни метров, боевая машина напоролась на противотанковую мину. Чудовищной силы взрыв легко, словно пушинку, подбросил БМП в воздух. Бойцов спасло то, что люки машины были открыты, в противном случае от удара и давления внутри экипаж просто размазало бы по стенам этого железного гроба.

Придя в себя, Арсен с ужасом осознал безвыходность собственного положения: перевернувшись в воздухе, железная махина, упав, задавила всей своей тяжестью кисть хрупкой человеческой руки. Коварнее ловушки смерть придумать не могла, но страшнее смерти представлялся плен - неподалёку слышались голоса вражеских солдат.

Боец догадывался, что той части руки, которая осталась под БМП, уже нет: он даже не чувствовал её - боль начиналась только с предплечья, моментально затёкшего. Рядом, постанывая от переломов и ушибов, вразброс лежали товарищи. Все пока находились в шоке, и каждый был занят лишь своей болью, собственной бедой - кто-то ругался, проклиная случай, другой в полузабытье звал на помощь, третий молчал и было неясно, жив он или нет.

Арсен осторожно потянул придавленную руку на себя - наэлектризованная боль прошлась по предплечью к шее. «Другого выхода нет, надо решиться!» - наконец признался он самому себе, принимая неизбежность того, что в первую минуту подсознательно отогнал с ужасом.

Боец достал штык-нож, ещё раз приказав себе быть решительным. Поманив одного из товарищей, находившегося поближе и, видимо, отделавшегося лишь лёгкой контузией, он протянул ему нож. Просьба Арсена заставила того невольно отшатнуться. Подойти к нему не решались и другие.

Стиснув зубы, он сам стал резать собственную плоть.

К великому удивлению, боли почти не было - непосредственная смертельная опасность, огромная внешняя и внутренняя напряжённость, служа своеобразным наркозом, заглушили даже такое сильное чувство, свойственное всякому живому организму. Инстинкт самосохранения полностью поглотил человека, заставляя его ради сохранения целого жертвовать частью, не задумываясь. Бойцу даже не было жаль родной кисти, и он лишь досадовал на неё, когда связка сухожилий не хотела поддаваться грубому ножу, упорно выскальзывая из-под тупого лезвия. Перерубить кость сил не хватило - сделать это помогли осмелевшие наконец товарищи, накрепко перевязавшие свежую культю солдатским ремнём.

До госпиталя Арсен добирался сам, всю дорогу внушая себе: «Не упаду!..»

1993 г.

ЖАЖДА ЖИЗНИ

(автобиографический рассказ)

Иллюстрация Альберта Саркисяна

Очередь ударила в левое предплечье, словно тяжёлым молотом отбив его. Боль от первой пули была столь сильной, что двух других ран - чуть выше кисти и под мышкой - он почти не почувствовал. Точнее, не успел почувствовать каждую рану в отдельности: всё слилось в один мощный удар, который, как показалось в первый момент, оторвал и унёс руку...

Шок прошёл быстро, вернее, усилием воли раненый преодолел его. Рука с двумя переломами тотчас вспухла, застыв в неестественном виде - согнутая в локте и с открытой ладонью, направленной вверх. Не выпуская автомата, предплечьем здоровой руки Армен попытался положить кисть левой в раскрытую грудь афганки. Однако через несколько шагов рука вылезла из-под одежды и, почувствовав свободу, с силой подалась влево до отказа, причинив тупую, жидко-

тошнотворную боль, и ещё долго успокаивалась, нелепым приветственным жестом содрогаясь прямо перед глазами. Она абсолютно не подчинялась, казалась чем-то самостоятельным и чужеродным.

Вдруг до боли стало жалко себя и нелепую руку, но Армен сумел быстро побороть это чувство. «Ещё не всё кончено, буду идти сколько смогу», - как бы раздваиваясь, внушал раненый своему внутреннему «я» и даже улыбнулся ему, когда догнал товарищей. Те на ходу перевязали ему раны. Бинты моментально набухли от крови, к кислому запаху которой он никак не мог привыкнуть.

Противник преследовал вырвавшихся из окружения. Во время одной из стычек группа невольно разделилась. Теперь они остались вчетвером. Армен шёл молча, пытаясь переосмыслить случившееся...

Противник, безуспешно штурмовавший стратегически важную высоту над небольшим горным озером, на третьи сутки взял хитростью: зайдя незамеченным с тыла, он окружил полумесяцем небольшой отряд карабахских воинов. Долгое сопротивление грозило пленом - просто не хватило бы боеприпасов. Отступать же было некуда: внизу в холодной зыби сверкали воды озера, и если раньше оно служило серьёзным препятствием для противника, то теперь невольно стало продолжением вражеской цепи окружения... Быстро оценив ситуацию, бойцы пошли напролом, на прорыв вражеской линии - к единственному свободному пути, тропинке, поднимающейся в гору с левой стороны.

У подбитой БМП развернулся жаркий бой. Рядом, сражённые, падали товарищи. Кровь одного из них, поражённого снайперской пулей в лоб, залила Армену лицо. Если бы не удалось засечь вражеского пулемётчика, тщательно замаскировавшегося в кустах под венком пожухлых августовских трав и листьев, то перебили бы всех. Когда Армен попытался прикрыть огнём отходившего последним товарища, вражеская очередь настигла и его...

В детстве, уже хорошо понимая, что смерть неминуема для

всех, он почему-то был уверен в собственном бессмертии. Ему казалось, что смерть обойдёт его неким волшебным образом. Вспомнив это сейчас, почти двадцать лет спустя, Армен невольно улыбнулся.

Тем временем жизнь всё ещё пульсировала в нём, связывая с миром тысячью невидимых нитей - ощущений, чувств, мыслей, воспоминаний. И ему казалось, что только путём неимоверной боли можно будет разом оборвать всё это, что лишь нечто сверхъестественное способно прервать это удивительное состояние, даруемое в полной мере только человеку... Но чтобы вот так, безмолвно и тихо, вместе с утекающей кровью ушла жизнь - никак не укладывалось в голове. Он не мог, не решался представить себе это, не верил, что буквально через несколько минут может стать таким же неподвижным и бесчувственным, как лежавший неподалеку пень, вырванный с корнями снарядом. Он не хотел верить и тому, что часть боевых товарищей, с которыми ещё недавно делил пищу, сон и отдых, погибла... И это давало ему силы.

Армена мучила жажда - не пил почти сутки. Всегда аккуратный водовоз вчера почему-то не появился. Подъехал же к позициям только к полудню следующего дня, как раз перед самым началом боя, когда совершенно неожиданно появился дозорный, весь в поту, и срывающимся от волнения голосом сообщил, что противник окружает. Тогда стало уже не до воды... Теперь, приблизительно зная местонахождение родника, они искали его, петляя в горном, горячем от летнего зноя лесу.

Кровотечение, несмотря на все старания, остановить не удалось. Раненый заметно сдавал. Он достал из карманов самодельного бронежилета и передал товарищам гранаты и магазины. Некоторое время спустя, стараясь не причинять раненому новой боли, бойцы разрезали бронежилет, весь пропитанный кровью, и только тут заметили третью рану под мышкой, с досадой упрекнув его за то, что скрывал её от них...

Вскоре поиски родника увенчались успехом, и неодолимое желание вдоволь напиться овладело им. Однако раненого

ожидало великое разочарование - товарищи решительно запретили ему пить: вода, обычная вода, в данном случае означала конец, несла, словно яд, смерть.

Не в силах открыть слеплённый застывшей пеной рот, он жестами показал, что собирается лишь смочить губы и попробовал сделать это. Но уже через минуту его, всем телом припавшего к земле и со страстной жадностью, словно саму жизнь, её свежесть и силу, впитывавшего студёную воду, пришлось силой отрывать от жизнерадостно журчащего ручейка.

А ещё некоторое время спустя Армен, сделав несколько шагов, внезапно почувствовал невыносимую тяжесть в ногах и присел, попросив товарищей, которых столь легкомысленно ослушался, оставить его, пообещав, что с наступлением сумерек сам доберётся до постов. Но когда позвали, и он с трудом разомкнул отяжелевшие веки, то понял, что силы окончательно покидают его, и жизнь, быть может, уже наполовину вышла из него.

- Уходите, - механически настаивал он, впрочем, сам не веря своим словам. - Ночью сам доберусь!

Вдруг как-то стремительно закружились в глазах кроны гигантских деревьев, и слабый дневной свет, тоненькой струйкой пробивавшийся сквозь пышную листву, исчез.

Как-то смутно и далеко пригрезилась мать, которая скончалась ровно месяц назад... Тут он почувствовал чьё-то лёгкое и заботливое прикосновение. «Мама!» - прошептал раненый и попытался открыть глаза, но не смог. Он уже не слышал, как товарищи звали его.

Раненый впадал в безмятежное состояние, которое бывает, наверное, только тогда, когда вплотную подходишь к последней черте, целиком и безропотно отдаваясь накатившему ощущению полной, страшной свободы. Весь мир, казалось, медленно отворачивался, а ему совершенно не хотелось сопротивляться, даже попытаться удержать его. Он чувствовал себя лишним, отчуждённым, стёртым. Даже о самых близких, родных людях думать не было сил. Они, и это

было ужасно, казались чужими и нереальными... Замолкло и внутреннее «я».

Согнутые и сгорбленные под грузом автоматов - своих и погибших друзей, под тяжестью его тела и набухшей от крови куртки, изнурённые от преодолённых восьми-десяти километров горного ландшафта, товарищи тащили раненого...

В военно-полевом госпитале врачи обнимали Армена как родного, а медсёстры ни разу не отказали в воде, которую он просил чуть ли не каждые пять минут...

Жизнь, лучезарная и радостная, медленно, но властно возвращалась, наполняя собою каждую клетку.

1993 г.

СОН

Иллюстрация Альберта Саркисяна

- Вот уже целый час мы говорим о войне, но меня так и подмывает спросить: «А всё-таки, что такое война?»

Карен, боец отряда самообороны, устало посмотрел на молодого развязного журналиста, который находился на передовой впервые, а потому донимал его всевозможными вопросами.

- Можно по-разному определять войну, - не сразу начал Карен, старательно набивая табаком самодельный бумажный патрон. - Ну, к примеру, это - грохот разрывов, шум моторов, боль, крики, страх и, наконец, смерть, вечно крадущаяся по пятам и выбирающая подходящий момент для того, чтобы выхватить тебя из жизни... Но всё это, пожалуй, лишь атрибутика войны, а сама смерть - наёмный служака и временная приспешница войны... О войне я думаю как о реальном существе и давно пытаюсь понять, а вернее, разоблачить это существо... Знаешь, на передовой и философом немудрено стать.

Карен взял уголёк из тлеющего костра, зажёг им самокрутку и глубоко затянулся. Почти треть цигарки вмиг превратилась в пепел.

- Недавно сон такой странный приснился, как раз в ночь перед боем. Снилась незнакомая мрачная местность. Кругом - тишина, вернее, какая-то приглушённость, словно после близкого разрыва артиллерийского снаряда. В небе абсолютно нет никакого движения: ни птиц, ни бабочек... Кажется, всё вокруг вымерло.

Затаив дыхание, слежу из окопа за пригорком напротив. Оттуда должен появиться воображаемый противник. Палец застыл на курке автомата, мышцы напряглись, какой-то липкий страх (хотя трусом себя не считаю) постепенно овладевает мною. Конечно, понимаю, что всё происходит во сне, однако это не успокаивает меня, наоборот, внушает, что враг, созданный во сне моей фантазией, будет необычен, чудовищен.

И вот наконец появляется он... Тощий, с хлипкими, словно плети, безвольно свисающимися руками. Спускался он вяло и рассеянно-задумчиво по склону холма - совсем не страшный, и даже вызывал жалость нелепым видом своим. С застывшим, словно у слепца, взглядом брёл он прямо на меня, ворча что-то себе под нос. Тут я не выдержал, встал во весь рост и расхохотался.

- Эй, раззява, прибавь-ка ходу! - крикнул я, в шутку целясь в человечка.

Человечек вздрогнул от неожиданности, опешил, но, опомнившись, вдруг резко оживился, скривил губы в злорадной улыбке и, вытянув перед собой руки, готовый схватить всё, что попадётся на пути, пошёл на меня скорым шагом.

К глубокому моему изумлению он увеличивался с каждым шагом, заслоняя собою горизонт, а когда приблизился вплотную (в это время я словно пригвождённый застыл на месте с онемевшим пальцем на курке), то с ужасом увидел перед собой не человека, а лишь частицу его - желудок, правда, громадных размеров...

Я полетел - сначала вверх, потом куда-то в бездну, в

темноту, и не сразу понял, что нахожусь внутри этого Существа. В кромешной тьме бегали такие же, но крошечные желудочки на тоненьких ножках, с крохотными автоматами в руках - приспешники и слуги Существа. Наскакивая в темноте друг на друга (я наблюдал всё это как хозяин сна, видел себя как бы со стороны, сам оставаясь незамеченным для других), существа эти кричали: «Где он, где этот фраер с ружьём?!» И вот, с омерзением почувствовав чьё-то липкое прикосновение, за которым на вздохе облегчения последовал удовлетворённый, злорадный возглас: «Вот он! Я нашёл, я поймал его!» - я открыл глаза, и пробуждение вырвало меня из тьмы...

Карен затянулся и, выпустив из себя дым, задумчиво посмотрел вдаль. За холмами приглушённо грохотала канонада. Тоненькие блики-змейки от разрывов рассекали холодное и безучастное небо...

- Если бы я сразу догадался, с кем имею дело, то, бросив автомат, бежал бы куда глаза глядят. Убежал бы ещё тогда, когда Существо только показалось из-за пригорка, было маленьким и хилым, не успело раздуться до невероятных размеров... Но было уже поздно: оно почуяло, увидело человека с ружьём, беспечного и самоуверенного, и это взбудоражило его... А существо это и есть Война, в которую мы вовлечены вопреки своей воле и конца которой так страстно ждём. Но пока в руках у людей автоматы, они слабее войны...

- Однако при чём тут этот странный желудок? - спросил журналист.

- Вот и я до сих пор пытаюсь понять это... Быть может, полуголодное состояние и язва, последние дни не раз напоминавшая о себе, воспалили моё воображение?.. А впрочем, если война - явление противное человеческому разуму и душе, то не желудок ли в таком случае, вечно голодный и ненасытный, не эта ли прорва движет войной, являясь скрытым её мотором?.. Кто знает?..

Давно уже пора отдыхать. Уложив, словно ребёнка, автомат, Карен ложится рядом. Он спит лишь одним глазом. Ранним утром - в бой...

1993 г.

ДЕД АРШАК

С утра, как обычно, дед Аршак возился на пасеке. Приближалась роевая пора - пчёлы нуждались в особом уходе и, сами не зная покоя и суетясь, доставляли старику много хлопот. Ни свет ни заря выходил он из дому, а возвращался только с наступлением сумерек. Его, кажется, нисколько не волновало то, что за околицей давно бушевала война...

Стоял жаркий полдень. Старик уже подносил специальную ёмкость к ветке акации, чтобы стряхнуть с неё привившийся пчелиный рой, как сзади донёсся до него сдавленный женский крик:

- Аршак-даи*, скорее бросай всё - азеры в село ворвались... Все ушли, только мы остались!..

Заупрямился по-старчески дед: не хотелось ему вот так, разом бросать всё, накопленное и выстраданное годами, оставлять на произвол судьбы единственных утешителей одиноких дней угасающей своей жизни. Уж больно сроднился дед Аршак с пчёлами за последние восемь лет - с тех пор, как старушка его, почти полвека делившая с ним все горести и радости жизни, ушла навсегда, оставив ему одному этот мир...

Старик побежал в усадьбу, снял со стены старинную двустволку, спустился и встал перед калиткой на пасеку - кособокий, тощий и сгорбленный годами, но гордый:

- Пусть все уходят, я один буду защищать село!..

Силком ли, ласковым словом, но соседке удалось вывести старика за околицу...

Долго мыкался дед Аршак по разным столицам, не уживаясь ни с родичами в Степанакерте, ни даже с замужней дочерью в Ереване. Всё мерещилась ему пасека в цветущей, лоснящейся от солнца и мёда деревне, а по бессонным ночам, словно колыбельная песня, откуда-то издалека доходило до старческого слуха жужжание пчёл. И монотонное жужжание это для старика было лучшей мелодией на всём белом свете.

И вот, услышав в один прекрасный день долгожданную

весть об освобождении родного Атерка, дед засуетился, засобирался...

Неласково встретила его родина. Мельком оглядел старик обгоревший, полуразвалившийся, опустевший дом и поспешил на пасеку. Взглянул он на побитые, осиротевшие ульи, загрёб пригоршню сухих, невесомых трупиков и опустился в бессилии на колени. Не выдержало старческое сердце - разрыдался, как ребёнок... оборвалась мелодия в душе.

Но недолго горевал дед Аршак. Успокоился, поднял одиноко валявшуюся в весенней поросли роевню и поплёлся по привычке в сарай за инструментом - чинить скособочившуюся калитку.

И кто знает, быть может, через год-другой вновь появятся среди цветущих акаций на пасеке пчёлы, радуя жужжанием своим исстрадавшуюся старческую душу...

Примечание:

***Даи** - почтительное обращение к пожилому человеку.

1994 г.

МАТЬ

Иллюстрация Алвард Григорян

Кругом всё полыхало. Жадное трескучее пламя, пожирая густые сумерки, безудержно стремилось ввысь. Кровавое зарево царственно нависло над мёртвым городом... Да, город казался необитаемым: люди не выходили из подвалов и укрытий, опасаясь возобновления чудовищного артобстрела. В пучину войны невольно оказалось вовлечённым и мирное население. Но, несмотря на прямую угрозу своей жизни, люди ещё больше переживали за тех, кто в это время находился на передовой...

В одном из полуразрушенных домов на окраине города не спала пожилая женщина, думая о единственном теперь уже сыне. Мужа и дочь, когда ещё только-только обозначались симптомы войны, вражеские солдаты подожгли в машине на просёлке - они ехали в деревню на сороковины одного из родственников. А спустя два года, когда война уже полыхала вовсю, в бою погиб старший сын, и мать осталась одна с Андреем.

Бои за высокогорный Омарский перевал не стихали вторую неделю. Победа имела стратегическое значение для обеих сторон... Целыми сутками мать не смыкала глаз.

Она, кажется, давно должна была привыкнуть к редким приездам сына - два раза в месяц, где-то в середине и в конце. И всё же, словно надеясь на чудо, мать непрестанно прислушивалась к шагам на лестничной площадке. Андрей заметил, что нередко картошка, которую она обычно подавала на стол, была ещё вчерашнего дня. Он догадывался, что, словно надеясь ускорить приезд сына, мать заранее готовила ужин и не притрагивалась к нему в одиночку... А он так часто опаздывал...

Сын приезжал наконец. Усталый и грязный, он тщательно мылся, чтобы, наспех поужинав, зарыться с головой в постель. Мать, которая в воображении своём часами беседовала с ним, не решалась заговорить - в такие минуты от сына трудно было добиться слова. «Ничего, в следующий раз буду внимательнее», - обещал себе Андрей, уходя ни свет ни заря.

Наутро Андрею предстоял очередной бой. Однако ближе к вечеру, когда на позициях вовсю шли приготовления к отражению атаки противника, что-то вдруг больно шевельнулось в груди. «Перед боем надо обязательно повидать мать!..» - эта мысль пришла как-то сама собой.

Всю дорогу Андрей думал о ней. С гибелью мужа и дочери надломилась она, осунулась, похудела, стала мало говорить, шамкая беззубым ртом. Смерть старшего сына добила её - одна тень осталась. Сядет в углу у печки, уставится невидящим взором перед собой, думая о чём-то, и не сразу очнётся, когда окликнешь.

Только сейчас Андрей по-настоящему осознал и прочувствовал её положение и сильно, по-сыновьи, пожалел. Ведь единственное, что теперь связывало мать с миром, был он...

Мать была на седьмом небе от счастья, но этого по ней видно не было - казалось, у неё не осталось и сил, чтобы выказывать радость. Сутулясь, она накрывала на стол. Ужинали, как обычно, молча. Мать почти не ела - всё потчевала сына...

Едва забрезжил рассвет, Андрей встал, стараясь не шуметь, чтобы не разбудить мать. Но та уже была на ногах.

Согнувшись над печкой, она раздувала огонь. Знакомое чувство болезненной жалости кольнуло грудь, когда в зыбком свете керосиновой лампы он увидел распущенные редкие волосы матери, исхудалую, словно надломленную шею...

С неожиданной настойчивостью она стала просить сына повременить с отъездом. Андрей прекрасно понимал, как ждут его на передовой. Но внутренний голос подсказывал, что нельзя ослушаться матери, которая давно ни о чём не просила. Уже совсем рассвело, а они всё ещё сидели за столом. Никогда раньше сын не был так откровенен и нежен с матерью.

«Посиди ещё, не уходи...» - шептала она сыну...

Андрей жал до отказа педаль акселератора своего грузовичка - каждая минута на передовой была на счету. Доехав же наконец, не сразу понял слов старшины, который как-то виновато-исподлобья сказал, что загружаться не надо - ребята сами как-нибудь управятся...

Андрей долго не мог прийти в себя, когда наконец дошло до него, что пока он мчался по ухабистым просёлкам к позициям, там, дома, не стало его матери...

1995 г.

ЗАТРАВЛЕННАЯ ПТИЦА

Иллюстрация Айка Саадяна

При воспоминании об этом эпизоде у Арена слёзы наворачиваются на глаза...

Дело было на позициях. Стояла необычная для прифронтовой зоны тишина. На засыпающие холмистые окрестности опускались сумерки. Выставив дозор, ребята легли отдохнуть.

Сквозь неглубокий сон Арен услышал странное дребезжание, доносившееся откуда-то сверху. Он открыл глаза и вскинул голову. Со скудной кроны дикой яблони что-то капнуло на лицо. Вцепившись когтями в ветку, истекающая кровью птица пыталась удержаться на дереве, отчаянно хлопая крыльями. Бронзовый колокольчик звенел на её лапе.

Арен потянулся к птице. Непокорный беркутёнок насквозь пронзил острым когтем его ладонь. Боец молча снёс «обиду», перевязав себе и птице раны. Беркут покорился новому хозяину.

Загадочное появление птицы Арен объяснял так: по всей видимости, прежние хозяева выдрессированной, но своенравной и гордой боевой птицы чем-то не угодили ей, и в отместку она переметнулась в противоположный стан. Раненная догнавшей её пулей птица-перебежчик всё-таки долетела, предупредив своим появлением о близости противника. Через полчаса вражеская техника и многочисленная пехота попытались ворваться в село. Благодаря неожиданному гостю ребята избежали лишних жертв.

С тех пор человек и беркут стали неразлучными друзьями, вместе пробирались по суровым тропам войны, деля скромный солдатский пай и беспокойный отдых, пока однажды Арен не забрал его с собой домой в город в краткосрочный отпуск.

Воспользовавшись недолгой отлучкой хозяина, птица, видимо, пожелавшая разведать незнакомую ей местность, выбралась через форточку во двор и была затравлена местной пацанвой собаками. Отчаянно сопротивлялся беркутёнок, но силы были неравны... Опьянённых от первой крови собак всё больше охватывала жажда разорвать птицу...

Арен едва сдерживал себя, чтобы не разрыдаться, собирая по всему двору окровавленные перья. Он похоронил их вместе с растерзанным тельцем...

Впоследствии Арен, человек склонный к рефлексии, часто вспоминал птицу-друга: его воображение живо рисовало неравную жестокую схватку, без правил и намёка на честь и благородство, с остервенелым противником. От этого щемило под ложечкой, заглушая боль от трёх ран, полученных на войне.

Бывали моменты, когда он чувствовал самого себя затравленным жизнью и обстоятельствами, и чувство безысходности без видимой конкретной причины охватывало его. Война и неопределённость будущего истерзали его нервы, исподволь опустошили изнутри. В душе образовался некий всезасасывающий свищ - в нём бесследно исчезали

нормальные человеческие чувства, побуждения, надежды...

Война кончилась, однако боль души и растерзанной памяти у многих осталась навсегда. Это боль памяти тех, кто пережил своих друзей, кто под шквалом огня волочил их - и раненых и, увы, мёртвых. Эта боль мучает долго, до конца жизни.

Не скрашивает воспоминаний и то, что война закончилась победой. Ведь война - явление, противоречащее человеческой сути...

1995 г.

РОДИТЕЛЬСКАЯ КЛЯТВА

СЫН

Иллюстрация Алвард Григорян

Ночь была лунная - местность просматривалась. Действовать приходилось лёжа, передвигаться по-пластунски. Картофельные клубни были на редкость крупные: урожай выдался на славу. Но жители села боялись подходить к полю: на другом конце находился вражеский пост. Угрозе смерти они предпочитали голод. Однако с этим не хотела мириться горсточка молодых парней: всего несколько дней они в шаумянском Карачинаре, а сельчане полюбили их как родных - не только с оружием в руках защищают село, но и, рискуя жизнью, добывают населению пропитание...

Пальцы уже онемели, но Эдмон продолжал выковыривать картофелины из земли. Прокапывая почерневшими пальцами грубую почву, он вспомнил школу, десятый класс. Дело было на винограднике - каждую осень школьники помогали колхозникам собирать урожай. В тот день так же ныло тело, так же не чувствовал он пальцев: Эдмон один собрал и сдал

больше тонны винограда, больше всех.

Пущенная с той стороны поля ракета, вспыхнув, ярко осветила местность - противник напоминал о своём присутствии. Припав к земле, бойцы замерли. Перед глазами, как наяву, предстала свадьба - праздничный фейерверк, весёлые и шумные гости, Наринэ в ослепительно белом платье, любующаяся белоснежными лебедями на капоте свадебной машины... Влюблённые своими руками делали их - символов красоты, любви, верности, чистоты и нежности. Лебеди обещали молодым вечное счастье. Увы, как только кортеж тронулся, один из лебедей упал...

В Эдмоне сочетались ум интеллигента и безумство героя, сила и нежность, гордость и необычайная простота и скромность. Среднюю школу юноша окончил с золотой медалью, в университете также учился на отлично, серьёзно занимался спортом, музыкой, рисованием, военным делом... И везде был среди лучших. Природа щедро одарила его всем, но поскупилась в главном...

Враг наступал на Шаумянский район. «Это северные ворота Арцаха, именно там решается судьба всего края», - говорил он родным, собираясь на передовую. Те вначале попытались отговорить. Только жена Наринэ молчала: зная хорошо его характер, она понимала, что раз Эдмон почти сразу же после свадьбы покидает её, значит, это необходимо и остановить его будет невозможно. Как многие женщины Арцаха, она была не только женой, но и боевой подругой: когда всенародное национально-освободительное движение только начиналось, Наринэ прятала у себя дома оружие друзей мужа и, деля с ними все невзгоды подпольной работы, помогала печатать и распространять листовки, организовывать встречи...

Закрывая перед врагом северные ворота Карабаха, Эдмон Барсегян погиб, став для шаумянцев символом человечности и мужества, самоотверженности и героизма. За свою короткую жизнь он многое сделал для родины и народа, но для себя лично многого не успел. Не успел увидеть маленького Эдмончика, родившегося спустя два месяца после смерти отца, не успел вернуть к жизни белоснежного лебедя - недопел песню любви жене...

ОТЕЦ

А жизнь продолжалась, продолжалась борьба карабахцев за свободу. Шестидесятилетний Александр Барсегян поклялся на могиле сына отомстить - за Эдмона и за все раны, нанесённые родине врагом. Как настоящий фидаин*, поклялся он не возвращаться домой до тех пор, пока не будет изгнан с родной земли последний вражеский солдат.

В течение нескольких месяцев Александр пытается записаться в один из отрядов самообороны. Однако оружия ему не выдают - возраст неподходящий. Он не отчаивается. Безоружный, под градом разрывающихся снарядов, рвётся в самые горячие точки - помогать выносить с поля боя раненых, поднимать своим присутствием ребятам дух. Видя, что старика не удержать, наконец выдают ему автомат. Отец добился своего - сменил сына.

«Я знаю, ты окажешься сильным, крепись, не падай духом, справедливость в конце концов восторжествует...» - это слова из записки Эдмона отцу в следственный изолятор зимой восемьдесят восьмого. Тогда гордость Степанакертского комбината строительных материалов, многократный победитель социалистических соревнований, кавалер ордена «Знак почёта» каменотёс Александр Барсегян - активист Карабахского движения - был подло оклеветан, и прокуратура СССР не замедлила возбудить уголовное дело. Справедливость в конечном счёте восторжествовала, но душевная рана осталась надолго.

Александр оказался сильным отцом - слово своё он сдержал: продолжил дело, начатое сыном. Воевал наравне с молодыми. Во время одной из операций в сентябре 92-го года с небольшой группой взял в плен шестьдесят двух вражеских солдат. Но ни человеческая подлость, ни суровые реалии войны, ни потеря сына не очерствили его сердце. Увидев брошенного в хаосе разрухи и смерти плачущего азербайджанского ребёнка, Александр поднял его и, приласкав, передал находившейся неподалеку женщине

(мирному населению был оставлен гуманитарный коридор), наказав беречь как собственного.

Верный клятве, Александр Барсегян сражался до последнего, до конца... Тело его привезли домой боевые товарищи...

За один год учительница Епраксия Карапетян потеряла сына и мужа. Но не сломилась женщина: словно олицетворение Родины-матери, во время ужасных артобстрелов она ни на минуту не покидала родной Аскеран. И умудрялась даже в стенах полуразвалившейся старинной крепости Майраберд** с автоматом и гранатой в руках (она умела обращаться с ними) вести занятия с детьми, тоже не пожелавшими покинуть родную землю.

Одолима ли земля, на которой живут такие отцы и дети?!

Примечания:

***Фидаин** - ополченец, партизан.

****Майраберд** - старинная крепость в Аскеранском районе Нагорного Карабаха: «майр» в переводе с армянского означает «мать», «берд» - «крепость».

1995 г.

НОЧЬ НА ПОСТУ

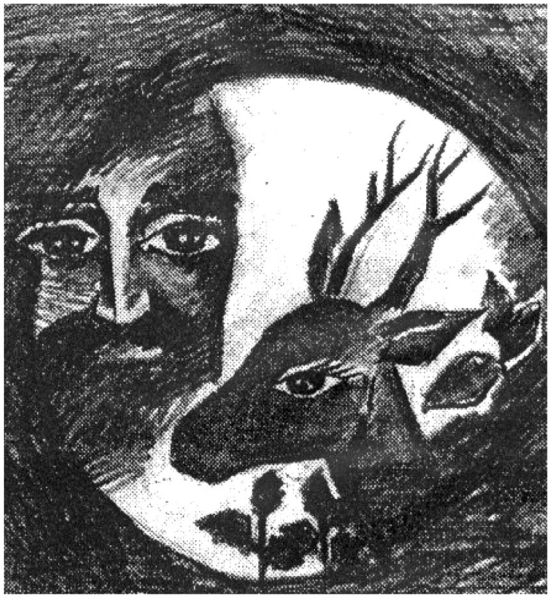

Иллюстрация Алвард Григорян

...Ночью стреляем без предупреждения: хотя разделительная полоса заминирована и сторонам дана установка «не воевать», возможность диверсионных вылазок не исключается. Впрочем, почти во всех случаях тревога оказывается ложной - на посты забредают животные: косули, дикие козы, реже - медведь.

Ночь на посту - время... философское. Не только предельного напряжения, физического и душевного, требует она, но и настраивает на извечные размышления о Боге, человеке во времени и пространстве, о жизни и смерти... Изучая долгими ночами звёздное небо, часто видишь падающую звезду и думаешь, что звёзды, как всё живущее, не вечны и что они, выполнив свою миссию, уступят место другим. Умирая, звёзды падают вниз. Люди же возносятся - наверное, чтобы жить дальше, в другом измерении, в другом качестве... И быть может, это качество для нас конкретно определяется сегодня здесь, на этом горном посту, и зависит от того, насколько мы будем просты и откровенны в отношениях друг с другом, насколько будем преданы своей земле, народу, семье - тем высшим идеалам, ради которых лучшие из нас готовы пожертвовать и жизнью...

Ночь продолжалась. Мы с Тиграном Багдасаряном напряжённо вслушиваемся в тишину. Фактически мы - на краю света, на краю земли, вернее, на краю своей земли. Впереди - пропасть, как в прямом, так и в переносном смысле. На той стороне такие же вооружённые люди, ставшие по воле судьбы и случая нашими кровными врагами. Ступив на тропу войны, мы готовы без раздумья и предупреждения стрелять друг в друга. Хотя по большому счёту человек человеку, наверное, всё-таки - не волк, и во всём, в данном случае, виновата война. Это она разводит людей по разные стороны баррикад, часто не спрашивая фамилию и национальность. И всякое ещё может случиться: невидимая ленточка хрупкого перемирия - это далеко ещё не пограничные столбы, вкопанные в землю и скреплённые надёжным, долговременным договором...

Спереди раздался отчётливый треск, разом прервав все мысли. Мы с Тиграном переглянулись и, выждав определённую паузу, открыли огонь - ночью стреляем без предупреждения. Невидимый враг заметался, о чём свидетельствовал беспорядочный шум опавших листьев и веток, неожиданно выскочил прямо на нас. Косуля! Она была метрах в пяти-шести. Не хотелось лишать жизни Божью тварь, но товарищи не поняли бы меня, моего бездействия - придётся стрелять... Не целясь, нажимаю на курок - осечка!.. Такое случается нечасто. Зверь скрывается в темноте ущелья - значит, на то была воля Божья.

Ночь на посту продолжалась...

1996 г.

ЧУЖОЙ СЧЁТ

(рассказ написан на основе дневниковых записей арестанта)

ГЛАВА 1

В «ТЕМНИЦЕ»

Где-то снаружи возилась мышь. Узник ловил себя на мысли, что почти с нетерпением ожидает приближения полуночи, когда всё вокруг затихает и отчётливее становятся писк и царапанья зверька. Он давно уже пытался заманить грызуна к себе, привязывая к нитке кроху хлеба и проталкивая её в щель между дверью и полом. Лелея надежду на удачу, Вадим даже придумал ему имя - Чико.

Иллюстрация Альберта Саркисяна

На четвёртые сутки повезло наконец. Заключённый был на седьмом небе от счастья, бережно сжимая в кулаке тёплое пушистое тельце. Он поселил зверька во внутреннем кармане куртки, делясь с ним скудным тюремным пайком - кусочком хлеба и кружкой воды.

Общение с Чико, самым родным в эти минуты существом, помогало Вадиму коротать время, которое, кажется, само было узником в этом странном жилище и лишь поневоле, вяло хныча, выполняло свой долг, потому что рядом поселили человека, срок которого должен непременно отсчитываться...

Сам карцер, которым пугают заключённого в любой тюрьме, просторнее и гуманнее «темницы»: в нём имеется лежанка, на которой разрешается отдыхать несколько часов в сутки. В «темнице» же - явной фантазии местных тюремщиков - человека лишали и этого удовольствия: почти квадратный метр сырого и вонючего бетона. Раньше здесь была уборная. Заткнули дыру ветошью - готово жилье, гуляй, арестантская душа!

Из помещения, где располагаются надзиратели, доносится монотонное бормотание телевизора. Это ещё больше угнетает заключённого, подчеркивая его отверженность и оторванность от внешнего мира, от родного города, который начинается сразу же за порогом тюрьмы, но кажется теперь таким далёким и недоступным. Отбывающий срок с томительной страстностью ждёт наступления тех пяти-десяти минут, которые даются в этой страшной «тюрьме в тюрьме» три раза в сутки на выход, чтобы подышать в тюремном дворе воздухом, кажущимся по сравнению с «темничным» воздухом свободы.

Впервые в жизни Вадиму приходилось спать стоя, прислонившись к облезлой, изъеденной сыростью стене. Даже лечь калачиком было нельзя - вмиг отморозишь почки. Внутри тихой холодной волной двигалась какая-то непонятная дрожь - от пятки до макушки головы и обратно, заставляя время от времени содрогаться всем телом. В этом необычном, полудремотно-лихорадочном состоянии и сны снились необычные и странные. Один из них повторялся чуть ли не каждый день - двое, лиц которых во тьме не разобрать, выводят его из мрачного обиталища, ведут непонятно куда, в темноту, ещё более густую, чем внутри...

Узник открывал глаза, но сон, казалось, продолжался: кругом была другая, непроглядная и сырая тьма холодной «темницы».

ГЛАВА 2

«НЕ ВЕРЬ, НЕ БОЙСЯ, НЕ ПРОСИ»

На восьмые сутки дверь «темницы» отворилась с ржавым скрипом не в обычный, определённый для выхода час. Вадима перевели в общую камеру.

«Камера как камера - сырой бетон, холодное железо коек, колотун собачий, - писал в своём тюремном дневничке арестант (он завёл себе такую привычку невольно - записи помогали вернее разбираться в калейдоскопе новых ощущений и чувств в изоляторе временного содержания). - Спасает сравнение с Арктикой, где проходил службу в армии: «Арктика, ты проклята богами, твои снега из вечной мерзлоты...» От сознания того, что где-то на свете ещё хуже, кажется, становится теплее...

Настроение гадкое, кусачее. Самочувствие бодрое, жрать неохота. Решил есть только хлеб, «баланду» отдаю Эдику, по кличке Бамбук.

Эдик - тяжёлый случай! Это - сорокачетырёхлетний малый, выглядит на шестнадцать, а жрёт как мамонт. Мозги десятилетнего, хотя уже дедушка, имеет внука. Таких называют «умный дурак», сидит второй месяц, искренне не зная за что... Бамбук, одним словом, на всю жизнь. На орехи, не удивительно, таким достается больше всех. Они - «козлы отпущения», вечный предмет приколов. У них почти совершенно атрофирована способность переживать, не щепетильны они ни в чём, не имеют, так сказать, собственного жизненного кредо. Сами себя они не уважают, их едва хватает на то, чтобы жалеть себя. Глядя на Эдика, лишний раз убеждаешься в разумности принципа: «Не верь, не бойся, не проси».

Впрочем, таким, как Эдик, даже легче. Они не голодают даже тогда, когда другие в это время готовы из-за жратвы друг другу горло перегрызть. Правда, халяву потом приходится отрабатывать, оказывая «благодетелю», пожертвовавшему

своей долей, различные услуги. И в этом они ничего зазорного не находят.

У Эдика маленькие, вороватые, вечно бегающие, словно ищущие, откуда угрожает опасность, глаза... А опасность в виде насмешек, издевательств, угроз и нередко побоев не заставляет таких себя ждать»...

- Эй, Бамбук, иди сюда! - подскочив и сев на кровати, нечеловечески рявкнул доселе не подававший признаков жизни Жора, прозванный на «зоне» Чёрным за смуглое лицо, цвета сажи волосы и брови. Видимо, давно уже он притворялся, что спит, подслушивая сокамерников. В Чёрном Вадим подозревал тюремного агента, «сетку», который должен был неофициально следить за настроением умов в камере, выведывая у сокамерников «сокровенное». Эдик безропотно подошёл.

- Сделай мне массаж!

Бамбук стал щипать заученными движениями Чёрному шею и спину.

- Ты что, падла, не ел с утра?! Жёстче давай!

Эдик старался как мог, вспотев от напряжения. Однако Чёрный неожиданно повернулся и въехал кулаком ему в лицо. Бамбук упал, распластавшись на полу.

- А ну встал!.. Или ты хочешь, чтобы я тебе череп размозжил!

- Оставь его в покое! - дописав что-то в блокнот, с негромкой внятностью произнёс Вадим.

Чёрный зло посмотрел на Вадима, подался всем корпусом вперёд, морща с неестественным напряжением лоб у переносицы и превращая своё мясистое лицо в маску агрессии.

- Следак, ты что нюх потерял?!

- Это легавому не положено нюх терять. Ты должен знать это, урод!

Застывшие морщины Чёрного расслабились, и что-то жалкое шевельнулось на его выпукло-низком лбу от недвусмысленного намёка Вадима.

Он подпрыгнул к койке Вадима, собираясь ударить его, но

не успел замахнуться сжатой в кулак рукой, сам получив удар ногой по шее. На шум дверь камеры отворилась, и надзиратель крикнул с порога:

- Встать, смирно!

И хотя команда главным образом относилась к Вадиму, Эдик-Бамбук немедленно вытянулся во весь рост, опустив, как положено, руки по швам, но подбородка не поднял и стал очень похож на провинившегося ученика. Трое других - Гена, Слава и Арман - привстали.

- Вольно! - Вадим, к изумлению всех, «отменил» команду вертухая*. Камера замерла в ожидании дальнейшего развития событий.

- Ты не задавайся, «прокурорчик», небось судеб немало сломал, крови людской попить успел! За что залетел-то, жадность что ли сгубила?.. - надзиратель было двинулся в сторону арестанта, но был остановлен его презрительно-спокойным взглядом.

- Не угадал, - сказал Вадим, усмехнувшись.

- Не строй из себя праведника. Все вы, «законники», такие правильные, пока в угол не загонят.

Вадим прекрасно понимал, что после «темницы» ничего хорошего не предвидится и решил горячки не пороть. Но и в обиду давать себя было не в его правилах.

- Ладно, пасть закрой, у тебя изо рта воняет, - бросил он.

Вертухай понял, что не на того напал, и ушёл, пригрозив устроить Вадиму карцер.

Чёрный же злость свою стал вымещать на Бамбуке. За «неточное выполнение команды» и неопрятный внешний вид он отправил худющего и сопливого дедушку отбывать наказание в «карцер», придуманный ради забавы самими заключёнными - стоять босиком на параше** в углу камеры. Постоял Бамбук с полчаса на толчке - снята напряжённость: и овцы целы и волки сыты.

ГЛАВА 3

«ЗАРЯДКА»

Утром, как водится в местах массового принуждения, - на зарядку. Формально - для поддержания бодрости тела и духа, реально - для подчеркивания коллективной зависимости подневольных.

Не обошлось без ЧП, тюрьма без них - не тюрьма. Старший по званию из надзора, известный в ИВС как «мастер спорта по боксу», вдобавок и «чемпион республики» - самодовольный молодчик и, скорее, самозванец, вывел из строя тщедушного мужичка, который не успел спрятать папиросу при его появлении. Перед выстроившимися в две шеренги зэками «боксёр», как на груше, отрепетировал на лице залётчика несколько коронных своих ударов, сопровождая каждый ругательскими назиданиями.

Вадиму претила нахальная рожа надзирателя. Антипатия была взаимной: этот коренастый, с пронизывающим взглядом арестант выделялся среди других, держался гордо и независимо. Тюремщик был убеждён, что такого непременно нужно сломать. Однажды, насмешливо-зло прищурившись, «боксёр» предложил Вадиму спарринг, наверняка рассчитывая на отказ. Получив в ответ: «С удовольствием», - замялся... «Милая» улыбка спарринг-партнера вызвала у «чемпиона» нервный тик.

- Готовься! - как-то неуверенно процедив сквозь зубы, он удалился. И, кажется, о своём вызове вовсе позабыл - видимо, умные люди отсоветовали связываться.

«А жаль, - думал Вадим, вспоминая сотрясаемого ударами безропотного, хилого залётчика. - На него ушло бы не более минуты... Надо как-нибудь напомнить ему, что нельзя ударять человека во второй раз, тем более гораздо старшего по возрасту, если тот не отвечает и даже не думает об этом... Впрочем, таким неведомо чувство благородства - даже выслушать не захочет».

Для себя Вадим уже выработал своеобразную тактику выживания, а вернее, систему, которая позволяла сохранить человеческое достоинство в самых нечеловеческих условиях. Ещё в годы службы в армейском спецподразделении инструкторы учили, как не растеряться, вытерпеть, преодолеть самого себя в тех или иных экстремальных ситуациях. К примеру, чтобы не бояться боли, нужно было концентрировать внимание на яркости ощущения боли, стремиться к увеличению её до пределов, где она не воспринимается - желание большей боли способно растворить в себе непосредственно причиняемую боль. Блокиатором боли могло стать также искусственное возбуждение эмоций - ярости, ненависти к обидчику. Гораздо сложнее было «превращение» себя методами медитации в инородное, более прочное, чем человеческий материал тело: камень, железо...

Вадим каждую минуту работал над собой, готовясь к новым испытаниям. Это помогло ему вытерпеть «темницу», в которую поместили его после трёхнедельных безуспешных попыток выбить «признания».

ГЛАВА 4

КОЛЛЕГИ

В полдень снова вызвали на допрос. В другой ситуации они по-свойски поздоровались бы: ещё месяц назад эти двое были его коллегами, приятелями, нередко обращались за советом, поддержкой...

Удивительно, до чего податлив человеческий материал: как пластилиновых, обстоятельства и условия жизни лепят по-своему большинство людей!.. Следователей словно подменили: несмотря на внешнюю учтивость, они были самоуверенны, видимо, не в шутку считая себя «право имеющими». А допрашиваемый, сам бывший следователь военной прокуратуры, теперь был для них всего лишь подследственным. И не важно, за что пришили ему дело: маховое колесо «правосудия» уже закрутилось...

Один из следователей даже попробовал почитать что-то вроде нравоучения.

«Сегодня ты на коне, а завтра конь на тебе», - неожиданно зло подумал арестант.

Вадим отвечал своим бывшим коллегам неохотно и односложно, давая понять, что «раскручивать» его - занятие бесполезное.

«А как бы они повели себя здесь, в камере?» - Вадим невольно улыбнулся, вспомнив рассказываемый в ИВС как анекдот случай с бывшим районным судьёй. Чтобы попасть в санчасть и скостить там часть срока, горе-судья задумал перерезать себе вены. И почти решился на «самоубийство», попросив одного из сокамерников колотить в нужный момент что есть силы в дверь, чтобы прибежал вертухай. Но, видимо, побоявшись, что сообщник подведёт или тюремщик опоздает, а он изойдёт кровью, оставил свою затею.

«Как ни крути, - думал допрашиваемый, почти не слушая следователей, - свобода - категория внутренняя: можно быть рабом в душе, занимая высокий пост и обладая почти неограниченными полномочиями, и можно оставаться свободным в душе, даже находясь за решёткой...»

Сразу же после допроса отправили в карцер - угрозы надзирателя осуществились.

«Здравствуй, карцер, не дам я тебе соскучиться по мне!» - переступая порог одиночки, Вадим удивлялся своему спокойствию и какой-то апатичной готовности ко всему.

После «темницы» ночь в карцере прошла как-то легко и незаметно.

ГЛАВА 5

БЕЗ ПРОБЛЕСКА НАДЕЖДЫ

Наутро ожидал новый сюрприз - перевели в «камеру смертников».

По сравнению с карцером, это номер «люкс»: койка, матрас с одеялом, решётчатый квадрат под потолком с видом

на городскую улицу. Давит лишь одно - сама атмосфера, дух камеры, скорее, искусственно нагнетаемый для постоянного держания заключённого в напряжении. Всё время мозг сверлит, пусть, быть может, и ложная мысль: «Для скольких несчастных эта камера стала последним пристанищем в жизни?..»

Тяжелее всего давалось время с десяти вечера до часу ночи, когда думы о беременной жене и больной матери, от которой поначалу всячески старались скрыть арест сына, мучали сильнее, становясь почти невыносимыми.

Вновь стал преследовать сон, который снился в «темнице»: двое без лиц вели его куда-то в непроглядную тьму, в неизвестность. Будущее расплывалось в этой тьме.

В дневнике нервно и неровно выстраивались строки: «Странно, почти у всех так мало надежд на будущее. Всё сводится к механическому счёту месяцев и годов, сменяющих друг друга. Свеча жизни сгорает, не давая света и тепла. Будущее мрачно, представляется нищим, убогим, ужасным. Где-то там, снаружи, всё будет идти своим чередом, будут происходить события, решаться мировые и личные проблемы. Здесь же, в этой затхлой среде, нет и проблеска надежды на лучшее. Одно я понял точно: существует Счёт, который непременно должен оплачиваться. Кто-то будет платить по этому Счёту, а некто при этом будет вбивать что-то ему в голову...»

Допросов и заумных бесед больше не было: заключённого решили расколоть самым древним и примитивным способом. Били остервенело, четверо в масках, резиновыми дубинками. Били куда попало: по голове, лицу, бокам, спине, животу... Этим людям казалось, что доказать наличие того, чего на самом деле не было, легче, чем признать отсутствие такового.

«Неужели нет выхода?.. Не бывает такого, ведь существует же Бог?! - мучился Вадим. - Боже, упаси меня от греха возненавидеть Тебя, как ненавидишь Ты меня в эту минуту!..»

ГЛАВА 6

СТРАСТИ ВОКРУГ ОРУЖИЯ

Пребывающий сейчас в неволе в бытность следователем военной прокуратуры в основном занимался преступлениями, связанными с оружием.

Пару месяцев назад, в застывший в августовском зное день, изредка волнуемый накатывающимся с окрестных гор ленивым ветерком, он вёл допрос в своём небольшом, по-военному необустроенном кабинете. Напротив сидел молодой человек с безразличным тусклым взглядом, выражением полнейшего равнодушия на широком щербатом лице, окаймлённом жидкой бородкой. Он умудрялся вывозить небольшими партиями оружие из воюющей республики. Он - кандидат в депутаты парламента (!) и гнуснейший, в понимании Вадима, из преступивших закон и нравственные принципы. Разумеется, за ним стояли люди, группа людей, заинтересованных в грязном бизнесе. Вадим почти уже знал, куда выведет его раскручивание клубка, кончик нити которого он держал в руках.

Вывозилось в основном трофейное оружие, которое тщательно чистилось и подкрашивалось. Механизм преступного бизнеса был чётко налажен и действовал без сбоев. Невзрачный на вид грузовичок беспрепятственно провозил оружие через таможню (там был свой человек). В условленном месте на территории соседней республики ждали специальные люди, которые, принимая и реализовывая «товар», получали свою долю.

Война, не скрывая того, творила не только героев, но и антигероев. Таких паразитов было немного, но вред, наносимый ими истекающей кровью республике, был огромен.

Вадим не жалел себя, твёрдо намереваясь раскрутить дело на всю катушку. Суровое наказание должно было навсегда отбить охоту подобным любителям грязной наживы. При этом

его не пугала перспектива наступить на чью-то «авторитетную» ногу, впасть в немилость тех, кого война и определённое стечение обстоятельств практически поставили над законом.

Сам преступник явно не боялся его. Не чувствовалось и тени раскаяния - он был развязен и нагл:

- Не трать энергии понапрасну, господин следователь. Не по зубам тебе орешек... - сверкнувший злобный огонёк на миг прорвал безжизненную тусклость его глаз.

Вадима так и подмывало врезать со всей силы в циничную рожу «продавца» Родины.

- Расколем, не таких кололи! - стараясь быть спокойным, ответил он...

ГЛАВА 7

В ПОИСКАХ ИСТИНЫ

Вадим отпустил подследственного до следующего, финального, как он предполагал, допроса и положил бумаги в сейф. Откинувшись на спинку потёртого чуть ли не до дыр кресла, он, устало прикрыв глаза, думал с негодованием: «Мыслимо ли - торгующий родиной кандидат в депутаты?! Как только жизнь, вбирая в себя столь много противоречий и контрастов, не запутывается сама в себе? Благородство и великодушие соседствуют с низостью и подлостью, беззаветная храбрость и самоотверженность уживаются со шкурничеством и малодушием... Этот урод делал деньги на крови своих соотечественников, обезоруживая их перед противником, мощь которого растёт с каждым днём. Он исподволь продавал родную землю - таким нет пощады!..»

Вадим, которому едва исполнилось двадцать семь, был полон сил и честолюбия, и не случайно принципом своей работы избрал - «Закон! Невзирая на лица». От буквы закона он действительно старался не отступать, но время было необычное, военное: реалии требовали совершенно нестандартных подходов к тем или иным ситуациям.

Контингент, с которым следователь имел дело, был специфичен. В молодой республике, вынужденной защищаться, ходило много оружия, в том числе незарегистрированного. Вооружённый человек опасен и непредсказуем, а когда в силу обстоятельств он теряет контроль над собой и чувство меры, становится опасен вдвойне.

Нередко в адрес работников прокуратуры поступали угрозы - большей частью анонимные, но однозначные и категоричные по сути своей - «в расход». Приходилось быть крайне бдительным, действовать на опережение. Не случайно сама прокуратура походила на небольшое мобильное воинское подразделение, составленное в основном из опытных бойцов.

Самому Вадиму боевитости и находчивости было не занимать. Увлечение спортом, каждодневные тренировки воспитали в нём самообладание, не изменявшее в самых сложных ситуациях. Он привык решать различные жизненные проблемы, надеясь почти исключительно на себя, старался быть предельно объективным, независимым и самостоятельным.

В то же время жизнь заставляла быть реалистом. Работа в экстремальных условиях очень скоро сняла с глаз пелену юношеских лет, в розовом цвете которой правосудие представлялось исключительно справедливым, независимым от общественно-политической конъюнктуры, давления и вмешательства извне - оно вынуждено было считаться с определёнными реалиями, а нередко и уступать им. Порой размывалась черта между законом и чьей-то волей.

Помимо писаных законов, в жизни были и сотни неписаных правил и норм поведения. Всё в жизни перемешивалось и переплеталось, накладывалось одно на другое, объединялось, образуя где-то на время мощь и силу, и, наоборот, боролось и сталкивалось, расшибалось, разрушаясь, разделяясь, расщепляясь, растворяясь, превращаясь в ничто или почти в ничто. То, что вчера казалось незыблемым, сегодня считалось малозначительным, смешным, устаревшим. Согласно этим неписаным законам миропорядка, одни погибали на фронте, другие делались генералами, одни нищали, другие становились хозяевами жизни. Победителем же часто оказывался тот,

кто был циничнее, наглее и хитрее других...

Всё это было пошло и несправедливо. В пароксизме отчаяния такие принципиальные и сильные духом человеческие индивидуумы, как Вадим, пытались найти, постичь истину в этом море беспорядочного неуёмного и алогичного движения.

Но истина была вне этой суеты, выше неё...

ГЛАВА 8

ПОДЛОГ

В тюрьме у Вадима уже было достаточно времени, чтобы попытаться понять, каким образом зелёные купюры оказались в папке с документами в его сейфе и почему, оперативно отреагировав на анонимный звонок, бывшие коллеги даже не захотели как следует выслушать его. Всё дело в сумме: подумать только - 400 долларов! Таких денег он в жизни в руках не держал. В бюджете самой прокуратуры столько не наберётся!

Зарплата его, неплохая по меркам военного времени, едва равнялась 10 долларам, и чтобы накопить такую сумму, которая оказалась в сейфе, потребовалось бы по меньшей мере три с половиной-четыре года, да и то если на всё это время положить зубы на полку.

Как же всё-таки валюта оказалась в сейфе? Вадим вёл расследование собственного случая - за «того парня», который должен был сделать это, прежде чем отправить его за решётку.

Версию о том, что в его отсутствие кто-то чужой мог проникнуть в кабинет и открыть сейф некой универсальной отмычкой, он отверг - прокуратура круглосуточно и хорошо охранялась. «Может, подкупили кого-то из своих?.. Вряд ли...» - гадал Вадим.

Внезапная догадка отозвалась болью в области сердца. «Как можно было так опростоволоситься - с этим гадом нужно было быть всегда начеку!..» Да, деньги, улучив момент, подложили во время допроса. И сделал это щербатый: у него

и его друзей такая сумма, без сомнения, водилась. Просто нужно было отвлечь «не в меру» энергичного следователя от дела и вывести его, хотя бы на время, из игры.

Не подозревая того, Вадим собственноручно положил себе в сейф «компромат», притаившийся в толстой папке среди рабочих бумаг на столе.

И нашлись же горе-коллеги, которые клюнули на это и с энергией, достойной лучшего применения, взялись, не мудрствуя лукаво, доказывать наличие несуществующей «взятки».

ЭПИЛОГ

Бог, к которому узник взывал в минуты отчаяния, существовал и видел всё, что творилось под Ним. И в происходящем меньше всего была Его вина: внизу, на земле, человечество было заражено вирусом зла, алчности и недоверия. Человек жить не мог, не умел без того, чтобы доказывать «ближнему» своему что-либо силой, добиваться чего-то ложью и обманом.

Не замечая трагедии отдельного, конкретного человека, человечество в целом не хотело остановиться, одуматься, признать фальшивость и призрачность выбранных ориентиров и целей, осознать своё истинное предназначение и возвратиться к Богу.

Бог видел всё это и всячески внушал людям, что реальность, когда Его, Божья истина предстанет во всей своей наготе и величии, наступит непременно - у каждого в своё время. И что выдержавшего натиск времени, претерпевшего и не растерявшего попусту себя в суете жизни и времени, ожидает достойное вознаграждение...

Подходил к концу шестой месяц пребывания в изоляторе временного содержания. «Признания» о получении взятки не было: следователи давно уже оставили Вадима в покое, тюремщики прониклись к нему уважением, помогали кто чем мог, предлагая горячий чай, сигареты.

Несмотря на небывало суровую зиму, весна 95-го пришла в

город по календарю. Паводком разлилась по улицам, прежде цвета «хаки», совсем по-мирному разноцветная толпа (война, кажется, шла на убыль, а фронт удалялся от города). Расцвели в улыбке лица людей, после страданий в полутьме сырых подвалов наконец увидевших свет Божий, вдохнувших полной грудью.

Вадим наблюдал всё это через решётчатый квадрат и радовался безотчётно за «ближних своих» - этих искусственно отдалённых от него людей. Всё было как многие годы назад, как в мечте, мечте о мире. «Счастье - это, наверное, жить там, где никогда не бывает войн», - думал он...

Всему на земле предопределён свой срок. Исчерпал себя и срок, который определили сами люди себе же подобному, чтобы доказать что-то ему и самим же себе.

Покидая своё мрачное обиталище, Вадим улыбнулся, сам не зная чему. Кругом было светло, тепло, просторно, шумно. Всё дышало настоящей жизнью и, казалось, было наполнено особым смыслом. С непривычки кружилась голова...

Примечания:

***Вертухай** - на криминальном жаргоне - надзиратель, караульный.

****Параша** - на криминальном жаргоне - сосуд для испражнений в тюремной камере, подсоединённый к канализации, туалет. Параша в тюрьме считается символическим местом. Около параши располагаются шконки опущенных.

1999 г.

ИЗГОЙ

Роман как-то не вписался в небольшой солдатский коллектив, сложившийся в ходе боевого дежурства резервистов в горах. Ребята на посту были опытные, наторелые в военном деле. Многие из них имели по нескольку ранений на фронтах войны, которая ещё пару лет назад полыхала вовсю. Они гордились своими шрамами и часто рассказывали о собственных подвигах. Рассказывали хладнокровно, будто не придавая им особого значения. Роман же всю войну находился в России, а вернувшись месяц назад на родину, был призван вместе с другими военнообязанными на трёхмесячные сборы. И суровый солдатский быт с тысячью своих неписаных законов оказался явно не для него.

Роман совсем растерялся: ему претили вяжущая на вкус, однообразная солдатская похлёбка, сырость блиндажа и дымящая печка. Нещадно кололись грубые, сколоченные из наспех очищенных стволов молодых деревьев и ветвей нары, выстланные сухой листвой, кусали насекомые. Но главным неудобством был тяжёлый ручной пулемёт, который вместо автомата почему-то вручили именно ему. Он не только не умел с ним обращаться, но и не знал, таскать ли его всё время с собой или спрятать где-нибудь. «А вдруг потеряется...» - Романа пробирал ужас от этой мысли. То и дело натыкался он на осуждающие взгляды сослуживцев и слышал брошенные ему вслед обидные слова, лучшими из которых были «маменькин сынок».

Чтобы получить досрочное освобождение от сборов, Роман пошёл на хитрость: решил не снимать ботинок и не мыть ног до тех пор, пока они не покроются чирьями. Однако, вопреки ожиданиям, результат не произвёл впечатления на видавших виды сослуживцев и не вызвал у них жалости. Наоборот, разоблачённого Романа совсем «зачморили», загрузили всяческой работой, переложив каждый часть своих обязанностей на него. Он должен был в день три-четыре раза таскать воду из родника, находящегося глубоко в ущелье, убирать блиндаж и территорию вокруг него, вырезывать квадратиками дёрн

сапёрной лопатой для укрепления земляной крыши блиндажа, вычерпывать золу из печки, убирать со стола и мыть посуду... В общем, выполнять самую непочётную, чёрную, но необходимую в солдатском быту работу. За это сослуживцы прозвали его Мамой, и это святое для каждого в отдельности слово звучало в отношении Романа кощунственно, некрасиво, с нескрываемой издёвкой.

Перед отбоем Роман садился дежурить у печки. Он должен был поддерживать огонь, периодически бросая в железный зев впрок расколотые им же дрова, и рассказывать засыпающим сослуживцам анекдоты до тех пор, пока они не заснут.

Роман давно уже исчерпал запас анекдотов и, чтобы не повторяться, каждый раз выдумывал что-то от себя. Тайно надеясь возвыситься в глазах сослуживцев, рассказывал небылицы о своих похождениях в России, в которых он выступал крутым и дошлым парнем. Он кормил ребят мнимыми своими авантюрами на «гражданке» в отместку за их геройства на войне, рассказы о которых Роман всегда слушал со скрытой завистью. Бывалые вояки относились к байкам Романа, особенно к его успехам у слабого пола, весьма иронично, но слушали от нечего делать, изредка грубо прерывая, когда тот особенно зарывался в своих фантазиях.

- У тебя гарем что ли был, негодяй? Каждый раз новое имя... - уже засыпая, вяло бросил Вардан.

- Да этот новоявленный Дон Жуан наверняка в жизни к женщине не прикасался, - тоном, не допускающим сомнений, возражал Лёва. - Ты не выпендривайся, а следи за огнём. Замёрзну - не сдобровать тебе!

Если Роман засыпал невзначай и печка остывала, то на него сыпались не только брань и проклятия - летели ботинки, каска и другая нехитрая солдатская утварь. У него всегда были красные глаза и опухшие от бессонницы, а вернее, от недостатка и жажды сна веки. Он худел день ото дня, постоянно снедаемый чувством голода, хотя, давно уже переборов отвращение, ел больше всех - в обед ему оставляли чуть ли не полкотла овсяной или гороховой похлёбки.

- Да у него совсем нет аппетита! - иронизировали ребята, наблюдая, как Роман с жадностью поглощает то, что другие едва осиливали с полмиски.

Когда все засыпали, Роман тихо колупал корочку от чёрствых батонов, выдаваемых блиндажу вперёд на целую неделю, клал в рот и перед тем как проглотить долго смаковал эти крошки. Он старался не чмокать, прекрасно зная, что товарищи не простят ему тайного его чревоугодия.

К утру Роману разрешалось соснуть на пару часов. Свернувшись калачиком, он засыпал в углу блиндажа, который, несмотря на крайнюю тесноту, никто не занимал - кто-то брезговал, а кто-то считал ниже своего достоинства ложиться там, где спит изгой. Роман тотчас проваливался в сон, и ему не снилось ничего: ни дом, ни мать, ни девушка, которая, быть может, была у него. А если нечаянно и приснится что-нибудь, то всё тот же повседневный кошмар: натыкающиеся друг на друга в темноте тесного блиндажа солдаты, их злые лица и ругань, дымящая печка и вечно не хватающий хлеб. Сон и явь у него слились в одно...

Едва брезжил рассвет, Романа будил часовой, и он, полусонный, привязывал к себе на спину и грудь фляги и термосы, брал в руки два больших бидона и спускался в ущелье к роднику. Шёл босой - ребята запретили ему надевать ботинки, уверяя, что утренняя роса лечит от грибков. Возвращался весь в царапинах и ушибах от колючих кустарников и острых камней. Он наполнял котлы водой для приготовления завтрака и чая, разжигал огонь и, если время позволяло, дремал прямо у костра.

Но однажды Роман опоздал. В горах уже рассвело. Обещая жаркий день, летнее солнце всё выше поднималось над убогими блиндажами, из которых уже вышел последний солдат. А Мамы всё не было...

Ребята молча курили, но чувствовалось, что терпению их приходит конец. Напряжённую тишину наконец нарушил Гагик, зло процедив сквозь зубы:

- Дрыхнет, наверное, где-нибудь под кустом. Вернётся - тут же отправлю без завтрака обратно.

И снова зловещее молчание...

- А может, в заложники взяли? - пошутил Самвел, желая как-то разрядить обстановку.

- От такого всего можно ожидать: глядишь, сам добровольно к врагу переметнётся, - мрачно произнёс всегда

весёлый Левон, и никто не понял, шутит он или говорит серьёзно.

Наконец Джон - самый старший в группе - бросил сигарету и, окинув всех быстрым взглядом, сказал:

- Надо сходить за ним...

Давид и Гагик молча взяли автоматы - перемирие перемирием, а возможность диверсионных вылазок из вражеского стана не исключалась. Старательно переставляя ноги, чтобы не поскользнуться в росистой траве, они медленно спускались по крутому склону к роднику, осматривая каждый куст.

- Куда он мог запропаститься, не испарился же?! - не выдержал Давид.

- Сквозь землю что ли провалился?! - в лад ему произнёс Гагик.

Наконец в кустах что-то заблестело.

- Дурак, бросил флягу и дал дёру! - в невольном восклицании Гагика сквозило удивление.

- А может, сорвался?.. Он должен быть где-нибудь поблизости, - возразил Давид.

Ребята всё больше углублялись в ущелье. Под кустом шиповника они нашли вторую флягу и термос. А откуда-то из ближайшей поросли послышался тяжёлый храп.

Ребята приблизились. Роман лежал, распластавшись на росистой траве и широко раскинув руки, словно хотел обнять ясное, без единого облачка небо. Печать какого-то неземного блаженства лежала на его чёрном от гари лице.

- Сволочь, дрыхнет тут, а там ребята от жажды умирают, - Гагик собирался пнуть спящего Романа, но Давид неожиданно удержал его.

- Пусть поспит, а мы пока покурим...

Гагик нехотя подчинился.

Они сели поодаль и закурили, стараясь не смотреть в сторону Романа, будто там происходило нечто неприличное...

Солнце медленно спускалось в ущелье, наполняя его светом и теплом. Ласковый луч на миг остановился на прокопчённом лице Романа, и тот улыбнулся. Что-то необычное снилось ему...

2002 г.

МАРШ-БРОСОК

Произошло это в советской армии. Рядовой Игнатюк был кандидатом в мастера спорта по лёгкой атлетике и на 2 года старше своих сослуживцев (ему дали отсрочку для завершения учёбы в физкультурном техникуме), однако, несмотря на это, терпел ежедневные унижения, оскорбления и побои. Да, именно терпел - в силу своего, наверное, неправильного воспитания на гражданке. Он почти добровольно выполнял «чёрную» работу: чистил туалеты, мыл полы, убирался на кухне. Кроме того, стирал старослужащим одежду, подшивал воротнички, начищал сапоги, короче говоря, служил за «того парня», который всячески отлынивал от службы и пытался переложить свои обязанности на плечи таких «правильно», по-домашнему воспитанных, как Игнатюк.

«Игнатюк, принеси воды!», «Игнатюк, отнеси бушлаты в каптёрку!», «Игнатюк, достань сигарету!» - без конца слышалось в казарме в отсутствие офицеров. Игнатюк бессловесно выполнял команды, стараясь угодить всем и каждому. Но не тут-то было: вечно кто-то был недоволен им, кто-то ругал его, а бывало и бил.

Игнатюк пасовал перед теми, кто позволял себе прикрикнуть на него или всего лишь грозно посмотреть в его сторону.

- Ты что, блатной или быстро бегаешь?! А ну, давай, веник в зубы и вперёд лестницу подметать! - после таких наездов кого-либо из «стариков» (Игнатюк, как минимум, на год был старше их) он как-то скукоживался, гнулся, словно молодое деревце под сильным ветром. Его так и подмывало сказать: «Быстро бегаю», - но он молча, почти с готовностью выполнял приказы своих «продвинутых» сослуживцев, которые пока не знали о его скрытом таланте.

Впрочем, мало кто знал даже имя Игнатюка, а фамилию его произносили так, будто матерились. У него не было друзей, а интересовал он сослуживцев постольку, поскольку

был полезен и нужен им в том или ином деле. Общая безликость Игнатюка подчеркивалась следующей деталью: черт его лица невозможно было запомнить с первого раза - казалось, что на нём и вовсе нет лица.

Вторую неделю батальон, где нёс службу Игнатюк, находился на полевых занятиях. Наутро солдату предстоял первый за время его службы марш-бросок. Завтра же ему исполнялось 20 лет, но он почему-то стеснялся говорить об этом кому-либо.

Сразу же после подъёма и утреннего туалета батальон выстроился поротно, с оружием и полным комплектом боеприпасов, вещмешками, набитыми солдатской амуницией. Иными словами, помимо своего 50-60 килограммового живого груза «молодому» солдату, изнурённому каждодневными многочасовыми строевыми и тактическими занятиями, физо, недоеданием и недосыпанием, предстояло целых 10 километров таскать на себе дополнительных 15-20 килограммов.

После короткой команды начштаба батальон двинулся. Тяжёлому топоту солдатских сапог с едким запахом ваксы аккомпанировали лязг котелков с чашками-ложками внутри, тихий, незлобивый пока мат, без которого в армии практически не обходится ни одно мероприятие. Воздух был морозный, пар валил из ноздрей солдат и офицеров, как из котла, пот зёрнами катился с их лиц. Уже через километр некоторые из солдат стали выдыхаться. Ротные, взводные и командиры отделений то грубым окриком или тычком, то подбадривая армейскими остротами, подгоняли своих подчинённых. Игнатюк взял у одного из сдающих товарищей вещмешок и пошёл дальше, не сбавляя темпа. Вскоре он оказался впереди батальона, рядом с высоким, спортивного сложения замполитом.

Когда переходили вброд небольшую речку, кто-то из старослужащих сзади толкнул Игнатюка. «Эй, урод, вырвись вперёд, натопи к нашему приходу печку, поставь чай и ведро с водой, чтобы помыться...» - тихо приказал «дед», просверлив его своим злым взглядом.

Выбравшись на берег, Игнатюк прибавил ходу. Вскоре он

далеко оторвался от остальных, став маленькой точкой, а затем и вовсе исчез за горизонтом.

Батальон прибыл в расположение полевого палаточного городка лишь через полчаса. К тому времени Игнатюк не только успел сделать всё, что ему поручили, но и прикорнуть на пару минут у дышащей жаром печки.

Командир батальона объявил перед строем рядовому Игнатюку благодарность за отличный результат на марш-броске. Когда же взводный сообщил, что у солдата сегодня день рождения (об этом он узнал из штатного расписания взвода), комбат поручил замполиту подготовить благодарственное письмо Игнатюку на родину.

После команды «Разойдись!» «дед» поманил Игнатюка:

- Молодец - с заданием справился! Но это ещё не всё - под вечер мы с Саней рванём в деревню на дискотеку... Короче, постираешь мне форму, высушишь у печки. Усёк?.. Натрёшь до блеска сапоги, а подшиву на воротник сделаешь широкую, в два слоя, как и положено «старику»... Всё понял?

Игнатюк «понимающе» кивнул.

- А пока можешь поспать часок - никто тебя не тронет... Да, возьмешь в столовой мой паёк масла - ведь ты сегодня именинник, - «дед» ухмыльнулся, почти по-дружески хлопнув Игнатюка по спине.

Игнатюк был на седьмом небе от счастья. Двойную порцию масла он бережно намазал толстым слоем на кусок белой буханки, круто посыпав солью. Прежде чем съесть, полюбовался бутербродом - такого богатства он не держал в своих руках с тех пор, как надел военную форму: старослужащие часто отбирали у него и положенный 20-граммовый кружочек масла, который в армии ценился на вес золота. Откусил небольшой кусок, подержал его некоторое время во рту, словно не решаясь проглотить, затем, разминая губами, медленно всосал его в себя. Смакуя, доел остальное.

Заморив червячка, Игнатюк подумал, что теперь можно отправиться на боковую. Однако, свернувшись в своём углу нар, он вдруг почувствовал, что внутри зарождается нечто вроде бунта:

«Почему всё время именно я? Почему я должен пахать как проклятый, когда все отдыхают?..»

Игнатюк вырубился и не знал, пять минут или несколько часов спал он, но проснулся от сильного толчка в бок. Он увидел над собой злое, упитанное лицо «деда»:

- Эй, виновник торжества, вставай - кончилась твоя лафа!

- Отстань, с меня довольно! - неожиданно огрызнулся полусонный Игнатюк.

- Не понял! - «дед» застыл с открытым от изумления ртом.

Затем случилось то, что собственно и должно было произойти. С нар спрыгнули «старики» и, скинув Игнатюка на пол, стали лупить его из чисто корпоративных соображений. Сквозь густой мат до Игнатюка донеслось:

- Ты что, и вправду решил день рождения справлять, салага?

До рассвета Игнатюк зализывал свои раны, тихо плача - то ли от боли и обиды, то ли от гордости за себя и свой поступок.

2004 г.

«ОРЁЛ»

Война была в самом разгаре. Каждый день с фронта приходили вести о погибших и раненых. Особую категорию жертв составляли пленные - тоже непременный атрибут всякой войны. Многие солдаты предпочитали плену смерть, потому что плен ассоциировался с той же смертью, но позорной и мучительной, растянутой во времени. И всё же, попавшие в плен верили в чудо, продолжая надеяться, что на Родине сделают всё, чтобы выцарапать их у Смерти.

С карабахской стороны пленными занимался майор Костанян. Тяжёлая и крайне сложная работа, которую он выполнял уже третий военный год, укладывалась во внешне нехитрую схему: нужно было на основе официальных и неофициальных данных установить местонахождение пленного, выйти на контакт с лицами, занимающимися аналогичной работой с противоположной стороны, договориться с ними об обмене, обговорить условия последнего... Кто мог догадаться, что после каждого обмена живого человека или трупа у Костаняна на голове прибавлялось седых волос, появлялось какое-то непонятное чувство опустошённости, от которого не сразу приходил в себя?

Костанян родился и вырос в Баку, имел по ту сторону баррикады множество знакомых, а потому искал пленных как по официальным, так и личным каналам. Он выходил на контакты с людьми самого различного склада ума и характера, социального и общественного положения. Звонил, просил, убеждал. Многие обещали помочь и помогали. Любопытно, что, несмотря на продолжающуюся войну, поддерживали связь и бывшие пленные, добровольно предлагая свои услуги по поиску без вести пропавших. Костанян даже не задавался вопросом, почему все эти люди должны помогать ему - ведь встреться на узкой тропе войны их сын или брат с карабахским солдатом, оба, не колеблясь, поспешили бы первыми спустить курки...

Костанян вёл свой старенький «Москвич» по улицам полупустынного военного города, мимо повреждённых от авианалётов и артобстрелов зданий, зияющих то здесь, то там пустыми глазницами окон. Его мысли были заняты Назилёй. Она была взята в плен во время боёв в Физулинском направлении. Девушка растерялась в общей суматохе, отстала от убегающих в панике родных.

Впрочем, называть Назилю «пленницей» было бы несправедливо. Её, как и многих других азербайджанских женщин, стариков и детей, оставленных своими на произвол судьбы, карабахские солдаты практически вывели из зоны боёв, спасли им жизнь. С ведома властей девушка-азербайджанка содержалась дома у одного из командиров - тот рассчитывал обменять её на своего солдата, пропавшего без вести. Она была как член семьи, кушала с домочадцами за одним столом, вместе со всеми спасалась в подвале от артобстрелов и бомбёжек, которыми почти каждый день потчевали город её соплеменники. Костанян помог Назиле наладить переписку с родственниками в Баку. Недели две назад он сам позвонил им, попросил поискать человека для обмена.

Несмотря на войну, почти ежечасные обстрелы и бомбёжки, несущие смерть и разрушение, жизнь в городе продолжалась. Оплакивая потери, люди не забывали и о праздниках - они были отдушиной, позволяли хотя бы на миг забыть о нависшей над городом опасности.

Майор Костанян делал вид, что слушает тост, но на самом деле мысли его были далеко, по ту сторону линии фронта. Сосед по столу - военный фельдшер Борис - то и дело толкал его локтем, когда поспевало время чокаться.

«Дорогая Нана, сегодня тебе исполнилось 16! Теперь ты уже взрослая девушка...» - в который уже раз в качестве своеобразной увертюры повторял эту или похожую фразу кто-то из опьяневших гостей, чтобы затем не без театральности попытаться сказать что-то своё. Костанян вдруг подумал, что и Назиле совсем недавно исполнилось 16. Он представил, как в день рождения её родня, вместо того, чтобы радоваться, поздравлять и дарить подарки, обливалась горькими слезами...

Когда вставали из-за стола, Костанян, заметив, что Бориса качнуло, решил подвезти его домой. Тот в свою очередь настоял на том, чтобы подняться к нему на чай.

- Только мне надо будет срочно позвонить. Телефон работает?

- Конечно, звони, сколько душе угодно.

Поднимаясь на четвёртый этаж, Костанян шутливо упрекал повисшего у него на плече Бориса в том, что тот поселился столь высоко.

- Орлы любят высоту! - парировал Борис.

Пока хозяйка готовила чай, Костанян снял трубку и набрал номер.

- Карен, здорово! Как там наша гостья?.. Можно с ней переговорить?

После небольшой паузы Костанян заговорил на азербайджанском. Он справлялся у Назили о здоровье, спрашивал, не получала ли она нового письма от родных, нет ли вестей относительно кандидатуры для обмена. Костанян не сразу заметил, что хозяин дома стал мрачнее тучи. Когда он положил трубку, Борис снял очки, аж запотевшие от злости, протёр их нервным движением и негодующе произнёс:

- Слушай, какое ты имел право говорить из моего дома на азербайджанском?

Костанян, которому в его 36 лет не раз приходилось попадать в самые щекотливые ситуации и выпутываться из них, на этот раз казался растерянным:

- Ты же знаешь, чем я занимаюсь... Я же не просто так позвонил. Мы поддерживаем связь с азербайджанцами, чтобы обменивать людей.

- Это меня не волнует. Ты осквернил мой дом!

- Мы же пытаемся обменять эту девушку на нашего солдата!

- В любом случае, ты не имел права говорить в моём доме на языке врага. Я патриот и не потерплю этого!

- Вот не ожидал от тебя... Ты же медик, где твой гуманизм?

- Ладно, хватит философствовать! Я знаю одно - эти люди, на языке которых ты только что говорил, убивают наших парней.

- Но ведь завтра и ты ко мне придёшь, если, не дай Бог, с родными что-нибудь случится... Вот тогда посмотрим, кто из нас философ.

- К тебе уж точно не приду... Не дождёшься!

Костанян вышел, не заметил, как спустился с четвёртого этажа, завёл мотор и погнал машину по улицам военного города. Потрёпанный «Москвич» сильно раскачивало на многочисленных колдобинах, образовавшихся в результате артобстрелов. Машина ревела, скрежетала и лязгала старым железом, будто жаловалась на хозяина. Однако, не обращая на это внимания, Костанян жал на газ, словно хотел как можно скорее удалиться от дома, где минуту назад столкнулся с откровенным невежеством.

Прошёл месяц. Однажды январским морозным утром к Костаняну в кабинет пришла заплаканная женщина. Не сразу он узнал в ней родную сестру Бориса - она как-то осунулась, будто разом постарела. На фронте пропал их племянник...

Майор снял трубку и стал набирать номер...

Война продолжалась и в наступившем 1994 году. С фронта шли вести о новых раненых и убитых. Были, конечно, и пленные. Костанян по-прежнему занимался их судьбой.

А однажды во время очередного обмена с азербайджанской стороны к нему подошёл смуглый усатый мужчина. Он обнял Костаняна и поцеловал три раза.

- Это - за Самаю! Это - за Роксану! А это - за Назилю! - после каждого поцелуя он называл новое имя. - Ты помог моим сёстрам заново родиться!..

2004 г.

ПРОЩАНИЕ

Иллюстрация Альберта Саркисяна

Обнявшись, они стояли на лестничной площадке между вторым и третьим этажами детской больницы - мужчина в летах, одетый в робу синего цвета, и молодой человек лет 25-ти в афганке и с автоматом на плече. Мужчина плакал, не стесняясь своих слёз. Проходившие же мимо медработники реагировали на происходящее по-разному: кто-то сам смахивал слезу или сочувственно улыбался, кто-то, наоборот, бросал немой осуждающий взгляд на военного или же проклинал его, не стесняясь в выражениях...

Это были пленный и его охранник - азербайджанец и армянин. Мужчину звали Аваз. Ему было за 50. В плен попал как-то глупо. Ездил на свадьбу в далёкое прифронтовое село. Погуляли на славу. Тосты и вино лились рекой до поздней ночи. Хозяин настойчиво просил Аваза остаться переночевать. Он решительно отказался: «Дел невпроворот. Надо успеть». На обратном пути машину остановили военные, спросили что-то... на армянском языке. Поначалу Аваз подумал, что разыгрывают.

- А где наши? - наивно спросил он, поняв, что это не шутка.

- Ты что с луны свалился? - рассмеялся крупный бородач в камуфляже. - Ваши там, за горой, а здесь наши... И как это ты минное поле проскочил?

Теперь всё было ясно - перебравший на свадьбе Аваз вёл машину не в том направлении...

Пленных содержали в здании городской детской больницы. Как человека опытного и выдержанного, Аваза поставили старшим над другими пленниками - в основном желторотыми юнцами, взятыми на поле боя. С Авазом все считались, он улаживал споры, давал советы, следил за порядком и чистотой в комнатах. Сам Аваз брился каждый день, всегда был свеж и опрятен. Единственный из группы он хорошо изъяснялся на русском и являлся своеобразным переводчиком между пленными и охраной.

Однажды у Аваза приболела нога. Он долго колебался, прежде чем решился попросить нового охранника, Левона, освободить его от дневного построения. Тот молча кивнул и повернулся идти, но пленник заковылял за ним, словно не надеясь, что его просьбу удовлетворят.

- Иди отдыхать, сегодня тебя никто не тронет, - сказал Левон.

- Спасибо, гардаш!* Век не забуду твоего великодушия.

После построения Левон, который был беженцем из Сумгаита, разговорился с пленным на его родном языке. Тот охотно рассказывал о своей жизни. Аваз был водителем-дальнобойщиком, много ездил и общался с людьми.

- Война не спрашивает фамилий и национальностей, разводя людей по разные стороны баррикады. Зачем нам Карабах? Зачем лить кровь и убивать друг друга из-за клочка земли? - говорил он.

Левон чувствовал искренность в словах пленника и всё больше проникался к нему симпатией и уважением.

«Такие, как он, прятали у себя армян во время погромов в Сумгаите», - невольно подумал охранник.

В очередное дежурство Левон принёс Авазу огромный

гранат со своего приусадебного участка. С минуту пленник задумчиво держал в руках потрескавшийся перезрелый плод, видимо, вспоминая что-то своё.

- Извини, я унёсся мыслями домой. У меня там роскошный сад, выращивал хурму и гранаты. Они такие же породистые, как этот... - умиротворенно говорил он.

По окончании смены Левон позвал Аваза и протянул ему свёрток.

- Переодевайся. Дело есть...

Вышли из здания больницы.

- Иди рядом, по сторонам не оглядывайся. Если патрульные остановят, молчи, я буду говорить за тебя.

Долго шли по полупустынному вечернему военному городу, пока не дошли до непритязательного домика на окраине.

- Вот здесь и живу, - Левон открыл калитку. - Проходи, не стесняйся.

Аваз неловко, боком вошёл во двор.

- Жена, принимай гостя! - весело крикнул Левон в прихожую.

Зарезали курицу, принесли с огорода свежие помидоры, огурцы. Хозяйка быстро накрыла на стол. Поначалу Аваз не решался подойти к яствам - думал, что ему накроют отдельно, где-то в уголочке.

- Гардаш, не стесняйся, устраивайся поудобнее и, вообще, чувствуй себя как дома, - произнесла жена Левона на азербайджанском.

За ужином разговорились. Аваз быстро освоился, смеялся, шутил. Так он веселился впервые за время после злополучной свадьбы.

В один прекрасный день, а вернее, прекрасное утро во двор больницы въехала машина Красного Креста.

- Собирайся, - сухо сказал высокий подтянутый мужчина в штатском, сопровождавший сотрудника Красного Креста. - Домой едешь.

Лицо Аваза не выражало каких-либо эмоций.

- Вызовите Левона, я хочу попрощаться с ним, - попросил

он дежурившего охранника.

- Где мы его тебе найдём? Он только завтра заступает на смену, - равнодушно ответил тот.

Аваз настаивал:

- Не пойду, пока с Левоном не попрощаюсь.

Ждали уже полчаса. Высокий мужчина начал сердиться.

- Смотри, другого возьмём, нам всё равно, - пригрозил он.

- Без Левона никуда не пойду, -пленник был непоколебим...

Левона он узнал по шагам и побежал вниз навстречу...

Обнявшись, они стояли на лестничной площадке между вторым и третьим этажами детской больницы - мужчина в летах, одетый в робу синего цвета, и молодой человек лет 25-ти в афганке и с автоматом на плече. Мужчина плакал, не стесняясь своих слёз. Проходившие же мимо медработники реагировали на происходящее по-разному: кто-то плакал сам или сочувственно улыбался, кто-то, наоборот, бросал немой осуждающий взгляд на военного или же проклинал его, не стесняясь в выражениях...

Примечание:

***Гардаш** - в переводе с азербайджанского означает брат.

2004 г.

ДЕД МОРОЗ

(Исповедь в канун Нового года)

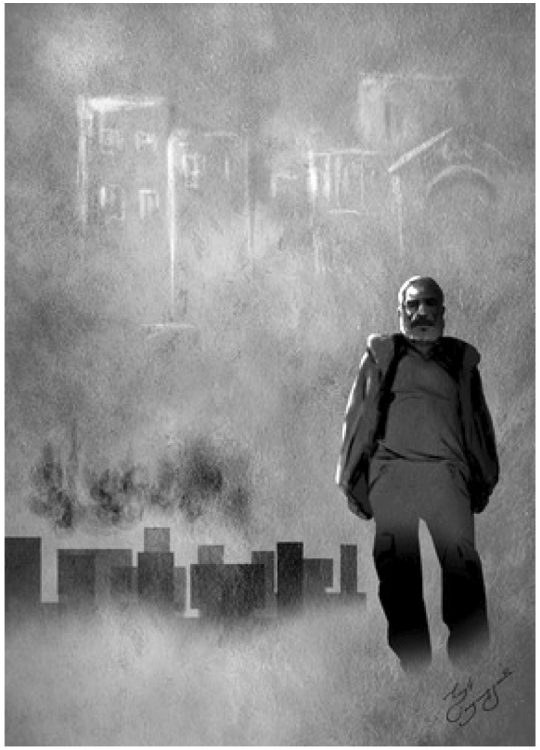

Иллюстрация Айка Саадяна

– Папа, расскажи, как ты был солдатом, - буквально за час до наступления Нового года просит, требует рассказать на сон грядущий трёхгодовалый сынишка.

- Когда на нас напали... - я хочу сказать «турки» (так мы почему-то называем азербайджанцев), но останавливаюсь, - я взял автомат и пошёл защищать нашу землю. Вот так я и стал солдатом...

- А зачем ты пошёл защищать нашу землю?

- Чтобы ты родился, сынок, - говорю я после некоторой паузы.

Ребёнок слушает, затаив дыхание. Постепенно, входя в роль сказочника, начинаю рассказывать ему про боевые действия: как мы стреляли в «них», а они - в «нас»... и вдруг чувствую какой-то стыд. Попробуй объясни ребёнку, что мы стреляли друг в друга для того, чтобы... убивать. Убивать, чтобы... родился и жил он... Такие, как он, которым жизнь пока рисуется интересной, безобидной сказкой со счастливым финалом. Я замолчал.

- Папа...
- ...
- Папа, почему ты «теряешься»?
- ...

Я не оспариваю справедливость этих слов малыша: «папа часто теряется». Ведь малыш, наверное, хочет сказать, что отец порой так отдаётся своим думам, «уходит в себя», иногда даже прямо посреди оживлённой улицы, что «не достучишься» до него никак, словно спит на ходу. И, если честно, есть папе отчего призадуматься, что вспомнить. Он один из немногих бойцов отряда, который, участвуя с первых дней войны в самых тяжёлых боевых операциях, остался жив. Рядом, сражённые, падали, гибли товарищи...

Вот ни на минуту не выпускавший из рук пулемёт и даже отдыхавший с ним в обнимку в сырых окопах Аркадий - гроза вражеской пехоты. Пуля прошила ему живот, он держал руку на кровавой ране и... улыбался. Между пальцев текла багровая кровь, а он так и умер с улыбкой на лице...

Вот Юра, фаготчик. Перед тем, как навсегда покинуть ребят, он успел подбить три вражеских танка и две БМП. Однажды, когда по рации сообщили о наступлении бронетехники противника, он невозмутимо справился об их количестве.

- Два танка, - ответили ему.
- Так мало?! - произнёс он с неподдельной досадой.

Борик в агонии звал маму и просил простить его. Он был единственной опорой пожилой матери и жены с двумя малолетками.

А это Амаяк, друг детства... с расколотым черепом. В кармане у него нашли клочок пожелтевшей бумаги. В ней, к изумлению товарищей, оказались стихи, поразительное четверостишие:

Молись за меня, дорогая!
Молись за того, кого нет.
Кто, голову низко склоняя,
Пошлёт из могилы привет.

Чуть ниже:

Мой Бог, молю: во мгле ночи
Не погаси моей свечи...

Вереницей проходили перед его мысленным взором ребята, погасшие как свечи в ночи. Под огнём противника он выносил с поля боя раненых и убитых, и было тогда не до слёз - слёз и не хватило бы оплакивать их...

Впрочем, противник нёс гораздо большие потери. После одного из боёв во вражеском окопе нашли груду неподвижных тел. Трупы лежали штабелями. Почти у всех в карманах находились студенческие билеты. Некоторые же были убиты выстрелом сзади - они не сдали роковой экзамен. В открытых, устремлённых в небо глазах юнцов были одновременно ужас и удивление... По-человечески было жалко и их...

- Папа, а почему ты тоже не стал камнем? - прерывает мои воспоминания малыш. (Пару дней назад я водил его на мемориальный комплекс и показал памятники на могилах моих боевых товарищей. Тогда он молчал и не задавал вопросов. Лишь когда я положил на могилу цветы, он спросил: «А разве у них есть руки, чтобы взять цветы?»).

- Я вышел из камня и пришёл к тебе.

- А другие почему не пришли?

- ...

Малыш не даёт паузе развиться.

- А тебя не ругали за это?

- ...

Лишь потом, уже после войны, я ужаснулся: как-то тихо, незаметно ушли друзья-товарищи, не попрощавшись, словно и не жили на этом свете никогда. Я был ошеломлён этим открытием... Неужели и я мог оказаться на их месте? Не верится... Живому трудно представить себя мёртвым, как, наверное, весело журчащему ручейку трудно представить себя льдом. А впрочем, что я говорю?! Ведь родники рождаются из, казалось, мёртвого и холодного льда, как, впрочем, и герои

рождаются... из смерти, героической своей гибели, а точнее возрождаются.

Да, война непонятным, а вернее понятным только ей образом сберегла меня в самых сложных ситуациях, хотя я был достаточно крупной, открытой, можно сказать, неуклюжей мишенью. Впрочем, пуля - дура: однажды лёжа на сопке, в безопасном, недосягаемом вроде бы месте, вдруг почувствовал в ботинке горячую боль - очередь, сразу три пули раздробили стопу... «Кажется, задело», - буркнул я себе под нос. И когда из ботинка, словно из фонтана, в три струи хлынула кровь, понял, что теперь настала очередь ребят пособить мне.

- Папа, а почему тебя «выгнали» на войне? - видно, не понимая до конца значения слова, спрашивает малыш.

- «Выгнали»? - пытаюсь уточнить я, с трудом отрываясь от своих мыслей и возвращаясь к действительности.

- Да, выгнали, - твёрдо и настойчиво повторяет он.

И мне приходится выдумывать легенду про то, как меня «выгнали на войне»... Видать, он хотел сказать, почему тебя «выгнали на войну» или «выгнали с войны»? Я начинаю бормотать что-то, не совсем понятное мне самому. Мой ответ, как и следовало ожидать, не убедил его, и он спрашивает:

- Папа, а почему ты стал солдатом, а не Дедом Морозом?

- ...

- Ведь Дед Мороз не стреляет, а раздаёт подарки.

- Ну, из подарков мне достался автомат, - пытаюсь выкрутиться я.

- Война - это плохо, папа, ты знаешь?

- Да, сынок.

- А почему взрослые играют в войну, если это плохо?

- ...

- Война - это когда ножом ударяют в глаз. Если ты будешь воевать, то из ноги твоей будет идти кровь.

- У меня из ноги уже текла кровь... - говорю я, чтобы сказать что-то.

- Ничего, заживёт, - успокаивает малыш.

Но я вдруг чувствую себя исполосованным, растерзанным,

ослеплённым... Словно война всей своей тяжестью, жестокостью, бесчеловечностью разом обрушилась на меня, одного только меня... Я, беспомощный, лежу на сопке, стрекочет пулемёт противника, автоматные очереди с обеих сторон решетят сумерки. Наши тихо матерятся, пытаются засечь пулемётчика.

- Попал! - кричит кто-то.

Мне же всё это кажется сном.

Сынишка больше не спрашивает.

- Ты спишь, сынок?

- Я думаю, - неожиданно отвечает он. - Вот вырасту и пойду на войну, буду стрелять в этих плохих, поубиваю всех... Папа будет далеко... Плохие солдаты захотят убить меня, но я всех поубиваю, вернусь домой и буду рассказывать...

Теперь молчу и думаю я.

- Папа, а что подарит мне Дед Мороз?

Ночью я положил ему под подушку плюшевое солнышко - это армяне из далёкой Франции прислали защитникам Карабаха вместе с сухим супом из чего-то непонятного, подозрительно напоминавшего лягушачьи ляжки. Давишь пальцем солнышко в животик, а оно весело говорит: «Я люблю тебя!» На французском, правда, но какая по большому счёту разница?..

Пусть Дед Мороз подарит ребёнку мирное небо... Чтобы дети, повзрослев, не стали фидаинами, чтобы они лишь играли в войну - отцы вдоволь пролили крови за них...

2006 г.

ДОМ, КОТОРЫЙ СТРЕЛЯЛ

Горячим летом 1992-го в Мартакертском районе Нагорного Карабаха полыхали бои. Прорвав оборону карабахцев, многократно превосходящий по силам противник вошёл в село Кичан. С ужасом и скорбью на лицах женщины с детьми и старики оставляли насиженные места. Отряд защитников села отступил в лес.

«Я останусь, - говорил сам с собой старый охотник, заправляя дробовик. - Куда мне теперь идти?»

Завтра ему исполнится 82. Впрочем, об этом он и не помнил...

«Рука ещё держит, не дрожит, - бурчал он себе под нос, любовно проводя шершавой ладонью по гладкому стволу. - Лишь бы глаз не подвёл...»

Дед опоясался патронташем, поднялся на крышу, устроился среди всяческого полезного хлама, которым он по старческой своей бережливости забил чердак - авось когда-нибудь пригодится.

Вдруг он вспомнил Нахшун, покинувшую его 4 года назад. Жена, в белых одеждах, была как живая, с распущенными длинными волосами, гораздо моложе своего предсмертного возраста, словно не ушла в мир иной, а находилась во дворе, хлопотала по хозяйству, доила корову, которая вдруг мелькнула тенью и исчезла...

- Я постель свежую постлала, - вдруг сказала Нахшун, обернувшись и заглянув ему в глаза. - Теперь будешь спать спокойно: клопов всех раздавила, больше не будут кусать...

Старик очнулся...

«Зовёт меня, соскучилась, - объяснил он себе. - Правильно сделала, что раньше ушла, чтобы не видеть этого позора. А теперь и меня к себе зовёт - видать, там лучше, покойнее...»

Старик посмотрел вверх: солнце было в зените.

«Зачем пытаться тушить в других частичку света, дарованного свыше?» - подумал он...

Вдруг неистово залаял соседский Богар - старик крепче сжал ствол ружья. Точно так же пёс залаял однажды зимним вечером, когда в хлев прокрался волк. Старик выбежал с ружьём на крики соседей и пристрелил хищника. Правда, волк успел загрызть овцу... Теперь Богар снова надрывался - не его ли, старика, звал на помощь?

Но что это? Короткая очередь - и жалобный, угасающий визг. Не ожидал бедный Богар, что однажды люди пристрелят и его...

Старик зарядил двустволку, устроился между мешками и навёл ствол на калитку.

К усадьбе приближались трое с автоматами наперевес. Азербайджанцы громко и весело переговаривались, совершенно не подозревая об опасности. Они входили как хозяева, ногой распахнув калитку, заскрипевшую, словно пожаловавшись, пронзительным ржавым скрипом.

Тот, что был пониже и пошире в плечах, пошутил:

- А что в доме нет армянских собак? Что-то никто не встречает...

Все громко рассмеялись.

- Нехороший это знак - значит, за душой у хозяев не было ничего - охранять нечего, - ответил второй, худой и обросший.

Третий молча кивнул, отшвырнув ногой садовую лейку, которую старик впопыхах бросил у входа в огород.

- А это мы ещё проверим, - сказал первый, направляясь к деревянной лестнице, ведущей в дом. - Эти армя...

Он недоговорил. Раздался хлопок - аскер упал. Тут же последовал другой выстрел. Каждая пуля была ценою в жизнь. Пока старик перезаряжал ружьё, третий успел выбежать за калитку. В околотке послышались крики. Звали на помощь. Подоспевшие аскеры прилегли возле калитки, не решаясь переступить порог усадьбы. Дед менял своё место и стрелял. Казалось, что в доме расположился целый отряд...

Аскеры не пытались штурмовать дом. Началась какая-то возня возле деревянного забора. Старик догадался, что они обкладывают дом всем, что может воспламениться. Из поки-

нутых хозяевами соседних домов несли сено, дрова, доски. Обложив усадьбу со всех сторон, облили бензином и подожгли.

Дом долго горел, охваченный ярким, всепожирающим пламенем. К удивлению азербайджанцев, оттуда не доносились крики горящих людей. Но выстрелы продолжались, дом всё ещё сопротивлялся. Это разрывались патроны, припасённые стариком. Вскоре пламя спало. Дом уже тлел угольями, задыхаясь едким дымом. Но выстрелы продолжались...

Из дома никто так и не вышел... На пепелище лежал обгоревший остов охотничьего ружья...

2006 г.

БАКИНСКИЙ РАЗВОРОТ

Перед тухнущим взором раненого стояло широкое, улыбающееся, яркое, словно солнце, лицо. Невысокий голубоглазый крепыш с густой рыжей бородой что-то говорил ему. Раненый почти не слышал его, но по выражению лица догадывался, что он произносит что-то доброе, обнадёживающее. Раненый сомкнул веки, но свет и улыбка остались. Дальше он уже ничего не помнил...

С тех пор прошло 12 лет. Однажды летним вечером позвонили в дверь.

- Здравствуй, братишка. Ты помнишь меня? - непринуждённо спросил с порога рыжий коренастый мужчина лет пятидесяти у молодого человека с продольным шрамом на лбу.

След от раны на коже как-то сжался, но спустя миг образовавшаяся у переносицы напряжённая складка резко распрямилась, и на лице у молодого человека появилась гримаса неподдельной радости, примешанная некоторым удивлением. Распахнув объятия, они шагнули навстречу друг другу. Обнялись крепко, как делают это старые боевые товарищи. С минуту длилось молчание, орошённое скупой мужской слезой.

- Все эти годы был в России, в Красноярске. Вот приехал родственников навестить... О тебе всегда помнил.

Потом уже в гостиной, затянувшись сигаретой, Гурген рассказывал:

- Этот день навсегда врезался в мою память - 22 августа 1992 года. Во время развода в нашем автобате подошёл боец. Сразу было видно, что он прямо с поля боя. И не только потому, что был грязным и сильно обросшим, а в руках держал автомат с двумя магазинами, перехваченными посередине изолентой, но на нём была какая-то особая печать войны, по которой безошибочно можно было узнать в нём вояку даже со спины, не видя его усталого, почти изнурённого лица, напряжённого лба. С минуту он говорил с нашим комбатом. Потом командир позвал одного из водителей, сказал ему что-то. Тот, подумав, покачал головой. Позвал

другого. И этот, видно, колебался. Я подошёл, узнал в чём дело: под мостом тяжело раненный, дорога простреливается из танка, никто не решается идти на помощь...

Гурген выпустил изо рта дым, посмотрел куда-то вдаль, словно вслед своей мысли, и продолжил.

- Так и быть, поеду, - сказал я командиру. - Тогда я на своём УАЗике шёл на самые опасные и тяжёлые участки. Рыжего знали все: и рядовые солдаты, и генералы... Правда, у меня был свой секрет: выпивал перед действием. Пил до тех пор, пока не «замкнёт» в глазах. Фляжка коньячного спирта всегда была у меня в запасе... Этика жизни, ничего не поделаешь.

Гурген любил с некоторой поучительностью повторять фразу: «это - этика жизни». Он заключал ею практически каждый свой комментарий той или иной нестандартной ситуации, которых на войне было хоть отбавляй.

Из-под густых рыжих усов с опалёнными кончиками выплыла очередная порция дыма; беззаботно поднимаясь вверх, невесомые кружочки таяли, не доходя до потолка.

Гурген продолжил:

- Я отвёл бойца в сторону, предупредив: «Только делайте что скажу». Моё условие заключалось в следующем: я на скорости проезжаю место, где находился раненый (будто ехал не за ним), затем резко торможу, разворачиваюсь и еду обратно, почти не сбавляя скорости. Бойцы к тому времени должны были подвести раненого к обочине и, когда я приторможу машину, как можно быстрее положить его в кабину рядом со мной. Так мы должны были перехитрить их танк... Этика жизни, по-другому нельзя.

На широком скуластом лице Гургена играли желваки. Он рассказывал просто, незатейливо, и лишь «этика жизни» заставляла невольно призадуматься и переосмыслить услышанное. Иногда казалось, что эта фраза не к месту, но потом, по размышлении, становилось ясно, что в принципе всякое проявление жизни, пусть даже нестандартное и драматическое, можно охарактеризовать именно так - как норму и логику развития той или иной ситуации.

- Я сел за руль. Разумеется, до этого принял на грудь, влив

в себя полфляжки зелёного коньячного спирта. В глазах действительно замкнуло - теперь мне ничто не было страшно, и даже азарт какой-то появился: я готов был перехитрить саму Смерть и чувствовал в себе достаточно сил для этого. Трюк, который я должен был проделать на простреливаемом участке, в нашем батальоне называли «бакинским разворотом». Почему этот короткий и быстрый обманный манёвр назывался именно так? Не знаю. Может, его действительно бакинские лихачи придумали, а может, это просто ирония над противником - мол, одолеваем его собственным же его оружием... Как видишь, всё прошло удачно. Там, наверное, и не поняли, что произошло... После, уже в казарме, я выпил залпом целую кружку коньячного спирта и отрубился до следующего утра... Сейчас я к спиртному не притрагиваюсь - план свой ещё в войну перевыполнил, как в советском анекдоте про конец света - пятилетку за три дня. Зато другая, как видишь, страсть появилась - много курю: новую сигарету прикуриваю от потухающей... Этика жизни, против не попрёшь...

- А мне тогда показалось, что это уже Ангелы Божьи за мной пришли, - наконец заговорил Армен, до этого слушавший своего спасителя молча и без каких-либо внешних эмоций. - После того, как истекая кровью, прошёл пару километров и вконец обессилел, я прилёг и вскоре почувствовал, как мир отворачивается от меня. Нет, страха не было. Просто было как-то жаль вот так тихо и глупо уйти. Главное - не хотелось умирать в одиночестве, без свидетелей. Но судьба распорядилась иначе: меня заметили бойцы с ближайшей высоты...

- Этика жизни... - последовал ответ.

Разговор двух фронтовиков продолжался до утра. Колечки сигаретного дыма, словно контуры воспоминаний, появлялись и таяли в воздухе. На смену им приходили новые, оставляя после себя зыбкую сероватую пелену.

Прошлое казалось нереальным, но воспоминания, словно сигареты, зажигающиеся от своего ещё не догоревшего предшественника, воспламенялись друг от друга, будоража раненую память...

2006 г.

ДИТЯ ВОЙНЫ

Лёля не узнала мать, да и не могла узнать. Она смотрела на неё большими агатовыми глазами, как на чужую, но не равнодушно, а удивлённо и немного испуганно. Когда человек в военной форме попытался взять её на руки, девочка закричала на азербайджанском: «Ёх, ёх!» («Нет, нет!») и прильнула к няньке. Мать сама казалась растерянной - она не узнала дочь...

Весна 1992 года в карабахском селе Марага окрасилась в цвет крови. Кругом хозяйничали смерть и ужас. Уцелели немногие. Среди группы женщин и детей, которых подразделения азербайджанской армии взяли в заложники, оказались Арина вместе с сыном Виталиком и годовалой Лёлей (глава семейства - Амо - пропал без вести во время бесчинств в селе). Арина попыталась сопротивляться, но её схватили за длинные пряди, доходившие почти до колен, ударили прикладом автомата по голове. Женщина потеряла сознание, и, когда пришла в себя, малышки уже не было рядом. В плену она тщетно пыталась узнать что-либо о судьбе дочери...

С тех пор много воды утекло. В столице молодой военной республики стоял холодный декабрь 1993-го. Противник был отброшен далеко от города, грохот разрывов прекратился, остались в прошлом многомесячные и почти ежедневные обстрелы и бомбёжки, однако надрыв в сознании остался: образ смерти и разрушения вместе с мучительным вопросом «Когда же мир?» преследовал людей. В воздухе всё ещё витал дух Смерти, глядевшей на человека пустыми глазницами окон домов...

Арина и её сын уже были обменены, пробыв в азербайджанском плену 8 месяцев. Лёля же казалась матери сном. «Была ли она?» - порой предательски кололо в её растерзанной душе.

Найти девочку было непросто. В отличие от взрослых, она не могла говорить, помнить себя и своих родителей, да и

взрослые могли не опознать её - ведь потеряли Лёлю ещё младенцем, несформировавшимся живым комочком.

Карабахская госкомиссия по заложникам и без вести пропавшим долго теребила аналогичную госкомиссию Азербайджана. Там обещали помочь, однако надежды было мало.

Однажды морозным вечером майор Костанян, непосредственно занимавшийся переговорами и обменом военнопленными и заложниками, засиделся в своём в рабочем кабинете. Он предчувствовал хорошую весть и ждал её. Офицер почти слепо верил собственной интуиции, обострившейся за годы работы в экстремальной ситуации, когда нередко, чтобы не попасть впросак, нужно было иметь нюх, подобный верхнему чутью у собаки. Костаняну не сиделось на месте, он ходил взад и вперёд по неотопленному, тускло освещённому кабинету. Под ногами скрипел обшарпанный, местами недостающий паркет.

Самые различные мысли, вернее, их фрагменты, обрывки путались в голове, ни за одну он не мог ухватиться. Перед глазами мелькали измученные лица заложников и военнопленных. В их потухших взглядах всё-таки тлели угольки надежды, что кто-то вызволит их из позорного плена, выцарапает у смерти... С калейдоскопической быстротой образы этих надломленных людей сменялись сияющими лицами благодарных родственников... Вдруг появилось злое лицо высокопоставленного чина, уверенного в том, что военнопленные не достойны возвращения на родину, и они - лишь обуза для государства и общества, задаром получают пенсию... «Так куда же им, своим среди чужих и чужим среди своих, деваться?» - невольно подумал Констанян. Тут он вспомнил, как при обмене его самого чуть было не взяли в заложники.

Мысли-воспоминания гнездились в голове, от этого становилось тесновато и в комнате. В такие минуты тянет посмотреть в окно, куда-то вдаль, чтобы хотя бы мысленно раздвинуть давящее тебя пространство. Но майор не приближался к окну: вместо стёкол оно было обтянуто

плотным целлофаном, за которым в вечернее время суток невозможно было что-либо разглядеть.

Наконец зазвонил телефон. Костанян вздрогнул, может быть, потому, что ждал этого. Он схватил трубку - знакомый голос на другом конце провода сообщил, что в приюте одного из азербайджанских городов содержится девочка лет трёх, подкидыш. Никто не знал, кто она и откуда. Кто-то привёл её в приют, оставил и ушёл.

- Есть надежда, что это та самая, которую вы ищете, - произнёс далёкий собеседник.

Договорились о встрече. Взамен было решено отдать азербайджанскую девочку-сироту Роксану вместе с нянчившей её в детской городской больнице тётей, родной сестрой покойной матери.

Костанян предупредил Арину, что должен будет взять её с собой на обмен для опознания Лёли. Женщина сомневалась, что узнает дочь. На вопрос, имеются ли у ребёнка родимые пятна, шрамы или другие какие-либо особые приметы, мать сказала, что на темени у Лёли две завитушки...

- Отлично, - задумчиво произнёс Костанян.

Вскоре военный УАЗик вместе с Ариной, малышкой Роксаной и её тётей отправился на место переговоров. Представитель азербайджанской стороны по имени Назим после приветствия и принятых на Кавказе расспросов о житье-бытье, сообщил Костаняну, что в приюте девочке дали азербайджанские имя, фамилию и даже отчество.

«Что ж, война не спрашивает фамилий», - подумал майор.

Наступал волнующий для всех момент. Арине удавалось держать себя в руках, и лишь неестественная бледность и едва заметная дрожь в пальцах выдавали её. Лёлю из приюта несла на руках няня - пожилая женщина с выбившейся из-под тёмной шали прядью покрашенных хной волос. Девочка едва покосилась на присутствующих отрешённым взглядом и уткнулась головой няньке в грудь. Когда Арина подошла и прикоснулась к её предплечью, она посмотрела на неё большими агатовыми глазами, как на чужую, но не равнодушно, а удивлённо и немного испуганно. Костанян с Назимом

переглянулись: они сразу заметили схожесть Арины и ребёнка. Но свершилось то, чего боялась Арина: она не узнавала родного ребёнка, хотя Лёля осталась почти прежней, казалось, не росла эти полтора с лишним злосчастных года разлуки. Впрочем, чего было ожидать от маленькой, надломленной, израненной душой и телом женщины, которая сама долгое время была узницей и каждое утро встречала как последнее? Могла ли она верить или просто надеяться, что бурный водоворот войны, погубивший тысячи сильных и уверенных в себе взрослых человеческих особей, пощадит маленькое беззащитное дитя?

Пока Арина в растерянности взирала на ребёнка, Костанян подошёл к девочке и снял с её коротко остриженной головы красную спортивную шапочку. У ребёнка на темени оказались два завитка... Две заветные отметины - это была она!

Арина всхлипнула и потянулась трясущимися руками к ребёнку... Но Лёля лишь крепче прильнула к няне. Костанян попробовал взять её, Лёля закричала: «Ёх, ёх!» и стала вырываться с судорожным плачем.

Детский рёв послышался и сзади. Это была Роксана. Ребёнок, естественно, не понимая в чём дело, тоже залился пронзительным плачем в унисон с Лёлей, проявив своего рода детскую солидарность. Вслед заплакали Арина и тётя Роксаны. Няня, женщина крестьянского типа, успокаивая Лёлю, вдруг запричитала, пожаловавшись на жестокость жизни. Костанян невольно оглянулся и заметил слёзы на глазах своих телохранителей и азербайджанцев: люди воевали, не раз глядели смерти в глаза, но при виде этой сцены камень раскололся бы... У самого Костаняна на глаза навернулись слёзы. Назим отвернулся, вытирая ладонью влажные скулы...

Лёлю все-таки отобрали у няни и передали родной матери. Поблагодарили друг друга, попрощались, сели в УАЗик и поехали обратно. Девочка ревела, не умолкая. Но вдруг наступила тишина. Костанян оглянулся: Лёля, сидя на руках у матери, внимательно смотрела на неё, морща лобик, словно силилась вспомнить что-то. Неожиданно она положила голову на грудь матери и заснула крепким сном, сном младенца.

«Кровь всё-таки потянула», - подумал Костанян и улыбнулся. Он сделал это так, чтобы его усталую, измученную улыбку никто не заметил...

Лёлю привезли в дом, где у родственников в полуподвальном помещении Арина ютилась вместе с сыном и матерью. Бабушка сразу узнала внучку.

В первое время с Лёлей приходилось говорить по-азербайджански, она не знала и слова на родном языке. Девочка спала только на полу, не умела пользоваться ложкой. С собой в постель она непременно клала тряпичную игрушку, наподобие куклы, которую она привезла с собой «оттуда». Мать смотрела на неё и плакала украдкой - то ли от жалости и боли, то ли от счастья...

Лёле уже семнадцать, она заканчивает среднюю школу, в совершенстве владеет родным армянским языком и собирается учиться в университете на филолога. Первые три года своего детства она помнит едва - как странный, нелепый сон. Но истрёпанную, угловатую свою куклу, дитя войны, Лёля бережно хранит до сих пор.

Она стала для неё талисманом...

2007 г.

Посвящаю отцу - товарищу тех нелёгких дней...

ЗВЁЗДНЫЙ МАЛЬЧИК

Повесть

...А в небе яростную вспышку
Закрыл покров из серых туч.
И я обычным стал мальчишкой,
Утратившим от детства ключ...

Виктор Коноплёв

ГЛАВА 1

Иллюстрация Альберта Саркисяна

«Не добьётесь слезы от меня - бывали ситуации куда хуже... И вообще, я не умею плакать и не собираюсь учиться этому. Неправда, что слёзы облегчают страдание и ослабляют боль. Слёзы - удел слабых. Они - бессилие перед испытанием. Хуже того - притворство... Хватит убивать нас каждый день - однажды мы уже умирали!..»

В обычной обстановке, при людях, рассуждения молодого человека лет

двадцати пяти могли бы показаться бравадой. Но шёл уже второй час ночи, и он, поёживаясь от мартовской свежести на балконе пятого этажа большого притихшего жилого дома, пребывал наедине с собой и своими мыслями.

Арсен вспомнил и почти осязаемо пережил вновь то, как три года назад, в 1992-ом, именно в тот день, когда ему должны были вручить диплом об окончании университета, громом среди ясного неба (впрочем, на самом деле небо над Карабахом и Арменией уже давно заволокли чёрные тучи) пришло известие о кончине матери, и он, бросив всё, стал искать в большом городе знакомого работника аэропорта, прорвался с его помощью сквозь немыслимый кордон к одному-единственному вертолёту, доставлявшему раз в день на его маленькую блокадную родину медикаменты и муку, привозя оттуда раненых... И всё-таки не успел на похороны - опоздал на полчаса из-за задержки вылета. Когда он наконец появился, измученный и растерянный, сёстры, прильнув к нему, разразились плачем. Родственники подхватили этот плач. Плакал и отец. Арсен же не прослезился: его душили боль и обида, но слёз не было...

Не было их и прошлой весной, когда через четыре года интенсивных боевых действий противники, наконец, заключили перемирие, на передовой больше не стреляли, а на мине вдруг подорвался лучший друг, целым и невредимым прошедший всю долгую кровавую войну. Тот лежал в до странности маленьком гробу с белой бинтовой повязкой на синевато-мраморном лбу, безмолвный и неподвижный, так не похожий на прежнего себя - балагура с вечной улыбкой на губах. У гроба, потупив глаза, сгрудились боевые товарищи с мокрыми от слёз бородами. Всё кругом, казалось, превратилось в одну большую слезу... Он же не плакал, хотя внутри всё разрывалось...

В лунном свете отражался несколько подавленный орлиный профиль. Если бы ночь позволила вглядеться в большие глаза хозяина, то по болезненно-острому их выражению можно было догадаться, что молодой человек не так давно пережил необычную боль, сумел преодолеть её ценой недю-

жинного усилия воли, значительной затраты душевных и физических сил, но пока ещё вынужден бороться с её последствиями... Сейчас мало кто узнал бы в нём жизнерадостного златокудрого мальчика-озорника, который не давал проходу своим сверстникам во дворе и всё досаждал старшим. Ничего, казалось, не осталось в нём и от стеснительного подростка, которого вгоняло в густую краску простое общение с одноклассницами...

Уютно устроившийся в котловине между живописными горами, утопающий в зелени ухоженный город, где родился и вырос Арсен, до войны, по сути, был провинцией с почти патриархальными нравами и размеренной, ничем не колеблемой жизнью. Теперь, став центром борьбы небольшого края, неожиданно заявившего на весь мир о своих законных правах, город в одночасье превратился в столицу хотя и непризнанной, но достаточно самостоятельной республики, которой, оправляясь от ран навязанной войны, необходимо было создавать имидж независимого государства. А именно: для начала придавать больше эффекта внешней стороне, постараться в кратчайшие сроки восстановить всё повреждённое и разрушенное в центральной части и других видных местах новообразованной столицы, вернуть улыбку на лица горожан, исстрадавшихся за годы жесточайших обстрелов и бомбёжек в сырой полутьме подвалов...

Стараясь не ударить лицом в грязь, политики и дипломаты республики, делающей, подобно годовалому малышу, первые шаги на международной арене, учились держаться увереннее и непринуждённее на переговорах, которые призваны были решать вопросы, не решённые и ещё более запутанные продолжительной кровопролитной войной.

Тем временем в жизнь вовлечённого в большую политику маленького края вошло в обиход понятие «не война, не мир». Хрупкий мир пусть и продолжительного перемирия, конечно же, не мог заменить настоящий мир, и люди продолжали страдать от всякого рода бытовых неурядиц, гибнуть от случайных выстрелов и мин в приграничье. Иными словами, в душах у людей мира пока не было.

Порой Арсен чувствовал с крайней осязаемостью некий надвигающийся удар. Подобное ощущение могло внезапно возникнуть в любой момент, преследовать везде: на улице, в общественном транспорте, на работе и даже во время сна. Удар скорее ассоциировался с разрывающимся снарядом, яркой вспышкой и ударной волной. А ещё - с самим ожиданием этого разрыва после того, как снаряд начинает рвать воздух в своём бешеном, безумном полёте. От удара из Ниоткуда жизнь, казалось, должна была вмиг лопнуть.

Это навязчивое ощущение впервые появилось у Арсена на передовой. Попавшему в «мешок» небольшому отряду карабахских бойцов не оставалось ничего другого, как прорываться напролом сквозь плотное кольцо окружения противника. Из зарослей шёл шквал смертельного огня. Рядом падали сражённые товарищи. Арсен не сразу осознал, что произошло, когда чудовищная сила, казалось, оторвала и унесла куда-то его левую руку: одновременно три пули автоматной очереди раздробили в один миг кости плеча и чуть выше кисти. Потом, придя в себя после минутного замешательства, стараясь не выпускать из здоровой руки автомат и не отставать от товарищей, он внутренне готовился к новому удару, теперь уже наверняка смертельному: в голову или чуть левее от одной из ран - в сердце...

Ощущение надвигающегося удара обострилось и стало ещё более реальным с того времени, когда однажды средь бела дня в центре города взорвался «УАЗ» с находившимися внутри людьми. То, что секундой раньше составлял единый, по-своему совершенный человеческий организм, мощным ударом размазало по стенам, окнам и редким уцелевшим стёклам близлежащих домов. Растерянные души этих ещё миг назад уверенных в себе людей, наверное, в жалостном исступлении искали в кашице из человеческого материала части своих тел, части былого земного облачения...

Коварная и ужасная смерть вволю тешилась над людьми, и война, с которой она вступила в преступный сговор, давала прекрасную возможность для этого.

Над краем словно висело большое облако боли, от которо-

го невидимая рука распределяла каждому положенную долю. При этом кому-то доставалось гораздо больше других. А кто-то умудрялся сопротивляться неимоверной, нечеловеческой боли и выживать.

По вечерам на улицах полувоенного, полутёмного города можно было встретить человека-коляску: человеческий обрубок без ног и одной руки - всё это унёс разорвавшийся неподалёку снаряд. Получеловек окликал прохожих и, если те подходили, делился с ними своим горем. Однажды ему стало крайне тяжело нести бремя изуродованного тела и остаток жизни в нём, и, когда внутреннее переживание достигло критического предела, нивелировав даже инстинкт самосохранения, он откусил себе средний палец на уцелевшей руке. Лишь тогда боль... утихла, отпустила. Теперь же сам удивлялся собственному поступку и, показывая прохожим свежую культю, спрашивал:

- Вы видели нечто подобное: откусил себе палец?

Впрочем, что такое палец по сравнению с откушенной смертью половиной тела?..

Арсен давно уже понял, что существует определённый предел напряжения, за которым человек, даже очень сильный и волевой, теряет собственную личность. Больше смерти человек, пожалуй, боится боли, вернее того, что эта боль будет чрезмерной, невыносимой. Боль возвеличивает войну, возводит её в категорию чрезвычайного, экстремального. И если бы не страх боли, войны, как способ решения конфликтов, наверное, прекратили бы своё существование. Возможно и другое: притупившийся инстинкт самосохранения, самый мощный из животных инстинктов, который стимулируется именно ощущением боли, дал бы людям истребить друг друга в одной великой войне.

Арсен с досадой отмечал, что за чертой этого критического напряжения не существуют такие, казалось, незыблемые понятия, как «любовь», «дружба», «братство»... В том же бою ему, с раздробленными рукой и плечом, не нужно было особо всматриваться в глаза ребят, чтобы прочесть в них страх и растерянность. Раненый осознавал, что просить кого-либо о

помощи в данной ситуации было бы нелепо: напряжение, которое начало форсироваться с момента, когда стало ясно, что противник, намного превосходящий по численности, окружает и смертельная опасность приблизилась вплотную, переходило границы человеческих возможностей. Каждый в это время был поглощён собственным ожиданием боли, быть может, чудовищной. Для того же, чтобы преодолеть это напряжение, необходимо было совершить великий подвиг, перешагнуть в бессмертие, что, пожалуй, удаётся лишь единицам.

Но когда уцелевшая часть отряда смогла прорвать кольцо окружения и напряжение спало, расконцентрировалось, к ребятам, несмотря на то, что лес всё ещё кишел вражескими солдатами и всяческими опасностями, вернулось мужество. Арсен, порядком истекший никак не свёртывающейся кровью и совсем уже обессилевший после преодоления нескольких километров горного ландшафта, предложил идти дальше без него, но ребята, уже обретшие себя, свои личности, отчитали его.

- Выберемся или погибнем все вместе, - отрезал старший группы.

Выбравшись же, наконец, товарищи ещё долго удивлялись тому, как Арсен выдержал критическое напряжение почти в самом его апогее и не только не попросил помощи, не желая стать кому-то обузой, но даже не застонал в ответ на боль, о размерах которой можно было лишь догадываться.

Арсен же тогда скрыл от товарищей, что в тот момент, когда после первого шока он нашёл в себе силы преодолеть нечеловеческое напряжение и боль, сверху на него опустилось какое-то светлое невесомое облако, которое сопровождало его до тех пор, пока не вышли к своим. В полном врагами лесу он думал лишь о том, что будет здорово, если выживет и расскажет другим о пережитом.

И Арсен почти был уверен, что выживет: в обнявшем его облаке он почувствовал что-то очень похожее на заботливое прикосновение своей матери, с момента смерти которой не минуло ещё сорока дней...

ГЛАВА 2

Дом, где прошло детство Арсена, располагался на тихой улице, покой которой изредка нарушала похоронная процессия: по этой улице везли покойников на кладбище. Порой длинную процессию сопровождал оркестр, придававший церемонии торжественность и важность. Маленькому Арсену же это казалось забавным - будто взрослые играли с важным видом в какую-то игру. Когда процессия скрывалась за поворотом, он брал металлическую посудину, поднимал её двумя руками над головой как гроб и имитировал звуки оркестра: «бум-бум!..» Смерть тогда казалась ему чем-то нереальным, фантастическим, невероятным... «Я не умру», - был уверен мальчик и радостно делился со сверстниками и родными своим «открытием».

Откуда ему было знать, что со временем всё изменится, смерть станет каждодневным, точнее, круглосуточным явлением и коснётся его своим чёрным крылом?..

Море крови и слёз пролилось в Карабахе за четыре года войны. В Степанакерте каждый день кого-то хоронили, чаще - по несколько человек. Городское кладбище росло с каждым днём. Скорбный, плачущий поток людей с каждым днём поднимался всё выше и выше по косогору, на котором сгрудились многочисленные могилы юношей и мужчин, девушек и женщин, стариков и детей - несчастных жертв жестокой войны.

День ото дня всё выше и выше по склону холма поднимались траурные группы людей с гробом, словно стараясь достичь самого неба и найти в нём избавление от мук земных, раствориться в нём. Так и хотелось крикнуть: «Боже, останови это безумие!»

Каждое утро, в начале девятого часа, начинался обстрел Степанакерта из дальнобойного орудия. В народе называли его «морской пушкой» или «гаубицей с удлинённым стволом». Преодолевая многокилометровое расстояние, пущенные им снаряды долгое время несли смерть и разрушение.

Впрочем, с началом обстрела особой паники среди населе-

ния не возникало: реалии войны научили людей хладнокровной самозащите. Ещё в воздухе, набирая во время полёта скорость (вернее, резко меняя её), снаряд издавал грохот, подобный тому, который бывает при разрыве. После этого «первичного разрыва» люди спешно, но без особой суеты начинали покидать свои квартиры и спускаться в подвалы.

Человек индивидуален, и в экстремальной ситуации каждый вёл себя тоже индивидуально. Как это ни удивительно, но из квартир первыми выбегали пожилые члены семей и добросовестно спускались по крутой лестнице в подвал. Приходилось гадать: то ли больше всего им хочется жить, то ли опыт жизни приучил их к осторожности и предусмотрительности? Вслед за ними выходили подростки и женщины с детьми, давно уже отвыкшими от игр и практически без ошибки определявшими по звуку летящего снаряда его тип и вид орудия, из которого был произведён выстрел.

Главы семейств, не задействованные на фронте, стараясь сохранить «честь мундира» и невозмутимый вид, пропускали всех домашних вперёд и лишь после этого ступали на лестницу. Как правило, до конечного пункта следования они не доходили и, собираясь у дверного проёма первого этажа, довольно быстро находили общий предмет разговора и споров, будь то политика или виды на урожай. Однако бывали и исключения - не у всех мужчин стальные нервы. Так один из них выбежал из дому в кальсонах и в полумраке подвала предстал привидением перед испуганно-изумлёнными взорами соседей.

По окончании обстрела все в обратном порядке возвращались. Тут вмиг исчезала прежняя прыть стариков и старушек: кряхтя недовольно и чертыхаясь в стиле ретро, они едва доковыливали до порогов своих квартир, и долго ещё их проклятья в адрес врага не давали домашним покоя...

А вообще всё было намного серьёзнее. Беда не всегда проходила мимо. Был такой трагический случай: ложно сориентировавшись по «первичному разрыву», группа мужчин, не пожелавшая спрятаться в надёжное укрытие, подалась за сарай, куда прямо и летел снаряд... Смерть коварна и непредсказуе-

ма, не терпит она легкомысленного и пренебрежительного отношения к себе.

Редкая ночь в Степанакерте выдавалась спокойной - тревожен и неглубок был сон горожан. Обычным явлением для города стал и артобстрел из реактивной установки «Град». Часто люди уже спали, когда невообразимый грохот разрывал ночную тишину. Город, задрожав, вмиг просыпался. Тем, кого беда миновала, не верилось, не хотелось верить, что рядом, буквально в соседнем доме, калечилась и кончалась чья-то жизнь. Первые петухи в Степанакерте начинали перекличку сразу после полуночи: не спалось и птицам, они тоже перестроились на военный лад...

По ночам город бомбил самолёт. Бомбардировщики противника метили в места наибольшей концентрации людей: общежития, больницы, госпитали... Однажды бомба упала в самом центре города. Ударная волна выбила уцелевшие доселе стёкла чуть ли не на окраинах Степанакерта. Собственный дом возле одной из городских школ целиком ушёл в землю. Страшная воронка образовалась на его месте. Ели и сосны поблизости оголились полностью... Кровь текла по улицам, образовывала лужи. Бомбы унесли много жизней. Фары машины «Скорой помощи» вырвали из темноты кошку, ковылявшую на трёх лапах. Животные страдали вместе с людьми, делили их участь...

От каждодневных обстрелов и бомбёжек, наплыва беженцев из деревень, Степанакерт уже не был похож на город, некогда ухоженный и тихий. Это, скорее, была большая, полуразрушенная, заваленная мусором деревня. Жизнь здесь давно сбилась с привычного ритма. По понятным причинам не работали заводы и фабрики, были закрыты школы, не функционировал общественный транспорт. Вместо автомобилей на улицах города можно было увидеть небольшое стадо коров, отару овец. Почти в каждом дворе деловито квохтали куры, бодро перекликались петухи, угрожающе шипели гуси; трагическим диссонансом врывался в эту гамму звуков нескончаемо долгий рёв осла.

Картину «село в центре города» довершал всадник на коне.

Это был беженец. В Степанакерте их было очень много и ютились они где попало. Порой местом для ночлега служил городской газон, на котором днём пасся пригнанный из деревень скот. Однако смерть преследовала беженцев и здесь, шла по пятам и настигала их...

Но жизнь продолжалась. В подвалах, под тусклым, дрожащим светом обычной стеариновой свечи, рождались дети. Огневой вал непрестанно преследовал городской родильный дом, и, спасаясь от вражеских снарядов, врачи вместе с роженицами переселялись из одного подвала в другой. Роды принимались в сырых, неотапливаемых помещениях, под вечной угрозой смерти... И эти дети подземелья, появлявшиеся на свет Божий вопреки всему, символизировали собою веру в будущее и победу, которая тогда казалась призрачной...

С тех пор прошло несколько лет. Противник, развязавший войну и легкомысленно рассчитывавший на скорую победу, был отброшен далеко назад. Военные эксперты назвали карабахскую армию, разгромившую намного превосходящего по численности и вооружению противника, самой боеспособной в регионе; журналисты пытались разгадать её феномен. Образно выразился по этому поводу генерал, прошедший войны в Афганистане, Эфиопии и Сомали: «Секрет необычайных успехов карабахской армии не в слабости противника и деморализованности его рядов, а в характере самой армии: армия и народ выступают в одном лице и полны решимости отстоять своё законное право - жить на родной земле. Этот феномен уже не раз был апробирован историей».

В глубоких морщинах, изрезавших каждый сантиметр смуглого лица этого уравновешенного и обходительного военачальника, угадывались следы драматических и героических событий, непосредственным участником которых он являлся. И потому его слова внушали особое доверие.

Однако, несмотря на то, что пожар войны потух и остались в прошлом ежедневные обстрелы и бомбёжки города, надрыв в сознании людей остался. Образ смерти и разрушения вместе с мучительным вопросом: «А мир ли это?» - преследовал их, и даже весьма отдалённый намёк на пережитые ужасы, к

примеру, в виде хлопка игрушечного пистолета, мог вывести человека из равновесия. Во время активных военных действий, когда огонь с самого неба падал на головы людей, человеческая психика, словно настроенная на особый режим, была гораздо устойчивей и практически выдерживала всё. Теперь же она расслабилась, с ужасом отвергая саму возможность возвращения прошлого...

- К тому времени Арсен работал в Степанакерте собственным корреспондентом независимой газеты, издающейся в Ереване. Ещё подростком, в седьмом классе школы, он решил стать именно журналистом: в его глазах журналисты были самыми честными, красивыми и мудрыми людьми...

Мы оставили нашего героя в нелёгких раздумьях, наедине с собой. Что же так терзало его?..

Свежая, бодрая луна высвечивала многочисленные отметины войны на громадине спящего здания: тело его, словно небо звёздами, было испещрено выбоинами от осколков артиллерийских снарядов. За годы войны дом недосчитался многих своих жильцов, но сам выстоял, к радости и гордости людей.

Арсену, несмотря на ночной холод, не хотелось возвращаться в постель. Он стал наблюдать за звёздами. Наверное, там, среди мириад себе подобных, светила и его собственная звезда, от которой, согласно поверью, зависит судьба. Где же она, его военная звезда?! Поди угадай...

Ночной монолог неожиданно прервал отец, которому, очевидно, также не спалось. Арсена удивили слова родителя - днём он говорил совершенно другое:

- Карьеру ещё успеешь сделать, не спеши. Многим хватает ума делать карьеру, а вот мудростью не делать её любой ценой наделены не все...

- А сейчас он упрекал его:

- Может, не будешь упрямиться? Они же должность тебе предлагают, а ты...

Арсен не сдержался:

- Кто предлагает?! Те, кто ещё вчера пытались запугать меня? И, если бы наша газета не вмешалась, ещё неизвестно, чем бы всё обернулось... Тактику сменили: пытались кнутом -

не вышло, пряником решили заманить?.. Не получится!

Поняв, что задел Арсена за живое, отец молча вернулся к себе в спальню. Он всегда трепетал за единственного сына, пережил настоящую драму, пока Арсен находился на фронте. Отец крайне тяжело перенёс его ранение, тяжелее, чем сам Арсен. Надломился, стал нервным, мнительным... По молодости лет сын тогда не понимал всей глубины переживаний родителя, лишившегося в четыре года отца, который пропал без вести на фронтах второй мировой войны...

Арсен и не думал о сне. Воспалённый событиями последних дней, мозг был полон десятками светлячков-вопросов. Что нужно этим людям? Почему они с такой рьяной последовательностью и настырностью пытаются завлечь его в свои сети, лишить свободы или, по крайней мере, оторвать часть её? Почему, рассчитывая на его молодость и честолюбие, они действуют столь примитивно и грубо? Чего им не хватает? У них должности, деньги, общественное положение - всё то, о чём другие только мечтают... Но что такое должность, предлагаемая ими, как не тот короткий поводок, на котором постараются держать его до тех пор, пока не приручится совсем... Главная беда этих людей заключается в уверенности, что выше и дальше их никого нет. Они не хотят мириться с существованием самого Бога...

Арсен работал военным корреспондентом, иными словами, он был не совсем обычным журналистом. Журналистика военного времени - это балансировка на грани правды и лжи, дозволенного и запрещённого, долга и необходимости. На войне журналист находится меж двух огней - он не защищён как с передовой, так и с тылу.

Кроме бойни с кровью и смертью, на войне вовсю разворачивалась и битва слов. Противники часто прибегали к информационно-идеологическим диверсиям. Сам журналист при этом оказывался в весьма невыгодном положении. Исходя из военных реалий, он не должен был лить воду на мельницу врага ни единым своим словом. Профессиональный же долг требовал не умалчивать всего того негативного, что происходило во внутренней жизни. В противном случае это

означало признание собственной гражданской и профессиональной ущербности, фальшивости журналистики вообще. Взнузданное слово - всё равно, что птица без крыльев...

Тем временем журналисту всё чаще давали понять, что молчание - золото не только для тех, кто в нём кровно заинтересован, но и для самого «молчащего». Одни, пользуясь хаосом войны, наживались на этом молчании, для других же оно служило фундаментом для карьеры. Опасаясь журналиста, они ещё больше презирали его, часто не скрывая этого. Если же кто-нибудь из пишущей братии пытался несколько раздвинуть рамки предоставленной ему «свободы», то неприятности не заставляли себя ждать.

Иными словами, объективные реалии, обстоятельства и конкретные лица принуждали журналиста приспособиться и... писать. Писать не разумом и душой, а руководствуясь лишь инстинктом самосохранения...

Арсен не воспринимал этого всеми фибрами души, противился этому как мог. Работать с подрезанными крыльями означало для него отказаться от взлелеянной ещё в ранней юности мечты. За нежелание работать с комплексом неполноценности Арсену нередко доставалось.

На этот раз он был занесён в список «саботажников» - за то, что, невзирая сначала на недвусмысленные намёки, а потом и прямые угрозы наказания, отказался сотрудничать на договорной основе с новым редактором местного официоза - старым консервативным человеком, давно уже усвоившим «золотое» правило: «не высовываться».

Вечером того же дня за ним пришёл тщедушный паренёк из военкомата с повесткой в руке. Он сообщил, что «ему поручено проводить военнообязанного Арсена Чилингаряна в военкомат для уточнения кое-каких вопросов». При этом зачем-то добавил, помявшись, что сегодня не его очередь дежурить и он заменяет заболевшего товарища.

Не поужинав, Арсен накинул на себя куртку и вышел. Он даже не попрощался с отцом, не подозревая о том, что вернётся лишь через полмесяца.

ГЛАВА 3

Заместитель военкома, капитан лет тридцати пяти, даже не посмотрел в сторону Арсена, когда тот вошёл вслед за посыльным.

- Вы нигде не работаете, - скорее утверждая, чем спрашивая, произнёс он, не отрываясь от бумаг на столе.

- Я аккредитованный корреспондент.

Капитан наконец поднял глаза и посмотрел на Арсена в упор - с удивлённой миной.

- В таком случае... это - недоразумение, - он отвел взгляд.- И тем не менее, мне придётся отправить вас... Таково указание. Там, надеюсь, разберутся...

Замвоенкома не сказал, куда «придётся отправить», и Арсен спросил с нарочитой иронией:

- Это что? Арест?

- Арестами занимается не военкомат. При чём тут арест? - капитан усмехнулся и углубился в бумаги, поглубже спрятав в них свой взгляд.

Уже догадавшись, что, по сути, это и есть арест, Арсен одновременно осознавал - изменить что-либо невозможно: механизм управленческого пресса был запущен и, согласно логике, должен был действовать до заданного конца, до тех пор, пока не остановит запустившая его рука. Недаром был так вороват хилый работник военкомата и так рассеянно-несведущ сам заместитель военкома - винтики этого большого налаженного механизма.

Вскоре подошёл и молодой, не привыкший держать нос по ветру отставной редактор, фамилия которого возглавляла «чёрный список», и, усадив в военный «УАЗ», опальных журналистов повезли в направлении ближайшей войсковой части.

Их встретил комендант части, который остался за старшего, пока полк находился на полевых учениях. Будучи знаком с журналистами и поначалу уверенный, что приехали они не иначе, как делать газетный материал, комендант изобразил на своём смуглом широком лице приветливую готовность. Но, когда сопровождавший журналистов офицер протянул бланк

и попросил подписаться в том, что «получил их», глаза полкового блюстителя порядка, кажется, полезли на лоб.

- За что? - произнёс он в недоумении и каким-то механическим, растерянно-быстрым движением расчеркнулся на бесстрастной бумаге.

Через пару дней Арсен уже был на передовых позициях. Везли в кузове грузовика, забитом мешками с хлебом и какой-то крупой, вместе с засаленным дезертиром, взятым прямо из изолятора временного содержания. Всю дорогу тот жаловался на тюремщиков, прерываясь лишь для того, чтобы коротко выругаться, когда машину особенно сильно подбрасывало на просёлочных ухабах. Погрузившись в своё, Арсен сидел вполоборота к нелепому спутнику, не слушая монотонного нытья...

Полк расположился лагерем на опушке леса. От выстроившихся в аккуратный ряд солдатских палаток несло гарью, ваксой и консервами. Особняком стояла будка командира. К ней после регистрации в полевой строевой части и повёл новоиспечённых своих подчинённых высокий сутуловатый майор. Велев им подождать внизу, офицер поднялся по скрипучей железной лестнице и, откашлявшись, вошёл в приоткрытую дверь командирской.

Среди доносящихся из будки обрывков разговора Арсен услышал:

- Это его собственное или чужое?..

Было ясно, что речь идёт о журналистском удостоверении, которое при заполнении данных в строевой части офицер на всякий случай забрал.

- Кажется, его, - последовал ответ.

Не вопрос, произнесённый с недоверчивой иронией, а ответ задел Арсена за живое. Когда майор вышел, Арсен попросил у него разрешения поговорить с командиром. Офицер молча зашёл обратно и, выйдя через минуту, сделал пригласительный жест.

Внутренняя обстановка внешне невзрачной будки отличалась от аскетической скудности, свойственной солдатским палаткам. Увешанные пёстрыми коврами стены и предметы

домашнего обихода создавали определённый уют. В углу, у печки, изрыгающей жар сквозь треугольное отверстие на дверце, хлопотала маленькая черноглазая женщина. Сам командир с львиной шевелюрой и пышными тёмными усами гордо восседал на диванчике, словно стараясь всем своим видом подчеркнуть собственное превосходство над окружающими. Он был в безрукавке, несколько кокетливо выставляющей накачанные бицепсы. Арсен заметил на плече у командира татуировку - ГСВГ 1974-1976*. Взгляд полковника казался высокомерно-бесстрастным.

Попросив разрешения обратиться, Арсен начал без обиняков:

- Я невольно подслушал ваш разговор с майором и понял, что у вас не совсем верное мнение обо мне. Документ - мой собственный, я журналист, а моя отправка сюда незаконна.

На лице у полковника не дрогнул ни один мускул.

- Сегодня мы все подчиняемся одному закону - закону войны, - произнёс он, выдержав определённую паузу и окинув Арсена изучающим взглядом. - Когда-то я был преуспевающим бизнесменом, держал три цеха. Сейчас, как видите, служу.

- Простите, но я сам воевал, был ранен...

- Карина, что-то печка задымила, посмотри, - с тем же невозмутимым видом комполка обратился к черноглазой женщине, прежде чем ответить Арсену. - А кто застрахован на войне? И меня в одном из боёв зацепило... Если у вас проблемы со здоровьем, отправим на более лёгкий участок... К сожалению, стенгазету в полевых условиях не выпускаем.

Последняя фраза покоробила Арсена:

- О своём ранении я сказал не для того, чтобы выпросить себе тёплое местечко...

На лице полковника наконец шевельнулось что-то живое.

- В таком случае я буду рад, если всё уладится и вы вернётесь к своей работе.

То, что в ближайшее время «всё уладится», Арсен знал почти наверняка. Он даже знал, как именно будет происходить это - увидел во сне ещё до того, как за ним пришли из

военкомата. Такие сны отличались от обычных какой-то тягучей настойчивостью: с наступлением утра они не исчезали. Они как бы примазывались к хозяину, порой настырно преследуя, а порой сопровождая так ненавязчиво и незаметно, что даже забывались на время: на неделю, месяц - до тех пор, пока они не превращались в реальность.

Он видел себя лежащим на нарах в палатке среди угрюмых, заросших солдат. Сам был в штатском, с неизменными своими спутниками - ручкой и записной книжкой, зажатыми в левой руке. Во время сна Арсен силился понять, служит ли он вместе с солдатами или пришёл, как это бывало не раз, делать репортаж с фронтовой зоны... В конце концов появился какой-то маленький офицер и сообщил, что рядовой Чилингарян «свободен и может собирать вещи»...

В действительности всё происходило почти также - те же брезентовая палатка и грубые нары с усталыми солдатами, его потёртые джинсы и куртка коньячного цвета... Наконец, финал с низкорослым офицером.

Единственное, чего не было во сне и о чём Арсен вспоминал с неловкостью за себя - это то, что он не смог скрыть от окружающих - заложников войны, своей радости в связи с перспективой возвращения домой.

Арсен считал, что, проявив, пусть и сдержанную, эмоцию радости, он обидел ребят, с которыми две недели делил грубые нары, порой ложась на них боком и стараясь не менять до самого утра позы онемевшего тела, чтобы всем хватило места...

ГЛАВА 4

Арсена везли обратно в город - прямиком к человеку, который, как выяснилось позже, и «писал» сценарий злоключений журналиста.

Секретарь в светлой широкой приёмной, седой мужчина явно уже непризывного возраста, по всей видимости, ждал его. Едва Арсен, заросший и забуревший, вошёл, тот встал и направился к двери начальника с какой-то скомканной улыбкой на губах.

- Сейчас доложу шефу, - бросил он на ходу, почти сразу же вышел и пригласил Арсена зайти.

- Заходи, заходи, - «шеф» слегка привстал с массивного под стать ему кресла и с некоторой небрежностью протянул руку.- Как раз только что говорил по телефону с твоим редактором. Ну и растеребила нас эта женщина!..

Жестом приглашая Арсена сесть, он словно спешил оправдаться:

- Командующий был в отъезде, потому и задержались с освобождением.

«Задержались с *освобождением»?*.. Значит, всё-таки задержали... Значит, в самом деле это был арест», - невольно пронеслась в голове у Арсена.

Он не верил в радушие хозяина большого кабинета. Очевидно, чувствуя это, «шеф» продолжал наседать с невинно-добродушным выражением на крупном, мясисто-румяном лице:

- Перемирие, пусть и долговременное, увы, ещё не мир. Умные головы советуют: хочешь мира - готовься к войне. В армии же не хватает людей. Вот и приходится метаться между военными и гражданскими нуждами, искать компромиссы. И тебе, прошу понять меня правильно, придётся выбирать между армией и твоей газетой...

Нелегко было сразу почувствовать подвох в последних словах, понять их истинный смысл. Да и чиновник, не переводивший дыхания, не давал времени на это.

- Остаётся одна пустая формальность: секретарь покажет бумажку, подпиши её, чтобы отстали и больше зря не тревожили тебя...

Изнурённый ночным бдением на посту и долгой дорогой, Арсен, не вникая особо в содержание, подписал листок. Хотелось скорее избавиться от навязчивого сна, плавно перешедшего в реальность...

Уже через неделю стало ясно, что подписание документа было далеко не формальностью. Утром, когда Арсен выходил из дому, явился старший лейтенант, представившийся командиром резервной роты, и предупредил его, чтобы никуда не выезжал и готовился к трёхмесячным сборам. Он

назвал звание, подразделение, должность Арсена - рядовой Чилингарян, второй мотострелковый взвод, стрелок. Перед тем как уйти, ротный записал у себя в тетрадке недостающие паспортные данные резервиста.

Подсунутый «шефом» документ практически означал подписку о невыезде и закрепощение на неопределённое время. Разумеется, он ограничивал не только свободу передвижения, но и свободу мысли, а вернее, возможности её выражения. Отвечая за передвижения своего собкора, газета в свою очередь как бы прикреплялась к нему, не имея права увольнять с работы. В документе содержалась неприкрытая угроза: в случае, если подписавший его по получении повестки хотя бы раз не явится в военкомат, то он механически попадёт в ряды армии. Иными словами, корреспондент в любое время мог быть зачислен в дезертиры. Арсен направился к «шефу» и снова был принят без заминок.

- Журналист я или солдат? - бросил он в лоб, едва переступив порог кабинета. - Определитесь, наконец, чтобы я мог либо работать, либо служить.

Сейчас хозяин большого кабинета не был таким предупредительным, как в первый раз.

- Я тут ни при чем... Все вопросы - к Смбату. Это - он... - «шеф» несколько раз повторил имя военачальника, картинно хватая трубку телефона и бросая её обратно, словно собирался куда-то звонить, но никак не решался.

- Поверь мне, больше трёх дней на сборах тебя не задержат... - как и во время первой встречи «шеф» доверительно надвинулся на журналиста, отчего его жирное лицо стало неестественно большим. Однако оно уже не внушало никакого доверия и отталкивало.

- Дело не в трёх днях, - парировал Арсен, - сегодня три дня, завтра - три месяца, а послезавтра - три года. Вы преднамеренно создаёте прецедент того, чтобы власти в угодное для себя время могли оторвать журналиста от работы и распоряжаться им как вздумается. Я не жалуюсь на сборы, я требую равных условий работы с другими аккредитованными корреспондентами.

- И всё-таки давай не будем забывать о маленьком «но» - у нас всё ещё военное положение. Я сам не освобождён от службы, у меня всего лишь бронь первой категории, а у тебя - второй. И если, не приведи Господь, противник приблизится вплотную к городу, лишь тогда отправим тебя на фронт. А ровно через три дня за всеми последую и я с автоматом в руках.

Арсен, несмотря на серьёзность ситуации, с трудом подавил в себе готовый вырваться наружу смех. Ему живо представился огромный и неуклюжий визави в своём добротном костюме, при галстуке, с каской на голове и автоматом наперевес...

Из кабинета он вышел с тяжёлым камнем на душе. Перед глазами стояло большое фальшивое лицо. Интуиция подсказывала не верить ни одному слову чиновника. «Разве хватит у тебя духа взять в руки автомат?! Вся твоя суть в беспомощной игре с телефоном, - в раздражении думал Арсен о хозяине большого кабинета. - Удивительно, как такие люди, никогда не стесняющие себя и всё время чинящие неудобства другим, умудряются представляться справедливыми и даже по-своему добрыми?»

Отчётливо он понимал лишь то, что столкнулся с чем-то крайне неприятным и непробиваемым и что вызванное этим тягостно-болезненное чувство вряд ли исчезнет когда-либо насовсем, без следа.

«Работать и работать, писать и писать... Писать то, что подсказывают душа и совесть. Писать, не поддаваясь соблазнам и шантажу, лицемерию и коварству... Вот единственный выход из сложившейся ситуации».

ГЛАВА 5

Отец Яны был осторожным и недоверчивым стариком. Жизнь много била его. Он не ломался, но как человек скорее слабый, чем сильный, отвечал на удары судьбы тем, что всё глубже уходил в себя, отчуждаясь от людей и видя в каждом из них потенциального врага. Со временем он превратился в настоящего мизантропа, не признающего ничего из

категории абстрактного и возвышенного. Маленькие глаза его, казалось, не выражали ничего, кроме недоверия. Презирая сами понятия «любовь» и «дружба», он не верил и в искренность чувств Арсена к своей дочери. К тому же Яна, родившаяся, когда ему было под пятьдесят, являлась единственным утешением старика после смерти жены. Он лелеял мечту выдать её в большое семейство с патриархальными устоями. У жениха же, да ещё такого беспокойного, не было даже брата на чёрный день. Вдобавок ко всему вокруг шла война, и жизнь человека висела на волоске...

Пока Арсен и Яна встречались, не подозревая ни о чем, отца девушки стали посещать мрачные предчувствия. Поначалу он боялся их, но вскоре свыкнулся и даже начал как-то гордиться ими, потому что был уверен, что они не обманывают его. Гонения Арсена ускорили развязку: сомнения и тревоги родителя переросли в зловещее ожидание чего-то плохого, ужасного.

Теперь предчувствие наушничало: «Не пара они: оба с характером - не уживутся. Не бывать счастью, долго не протянут вместе».

Старик не стал сопротивляться своему невидимому советчику, наложив табу на свидания.

- Вы будете несчастливы, - отрезал он дочке, попытавшейся возразить ему.

Вскоре, догадавшись, что дочь продолжает тайком встречаться с Арсеном, он выступил с настоящим ультиматумом:

- Или я, или он...

Подчиняясь теперь своему внутреннему деспоту беспрекословно, старик не пожелал даже толком объясниться с парнем. Высокий, сухопарый, он стоял перед Арсеном как-то боком и не смотрел в глаза.

- Она ещё ребёнок, не разбирается в своих чувствах, - спокойно начал старик, потом вдруг отрезал, словно вынося приговор:

- Не любит она тебя.

Арсен старался не выдать того, что творилось на душе.

- Но ведь она утверждает обратное...

- Не любит, просто не решается признаться в этом, - грубо прервал отец Яны. - А если и любит, я заставлю её разлюбить. Всё равно вы будете несчастливы. Хорошо, что я вовремя спохватился: чуть было дом свой собственноручно не разрушил.

Арсена словно током забило, заныл повреждённый от ранения лучевой нерв. Он был уверен в искренности чувств Яны, и от этого становилось больнее и обиднее вдвойне. Юноша едва сдерживался, чтобы не нагрубить циничному родителю. Старика же понесло:

- У меня не так много дочерей, чтобы разбрасываться ими. Видите ли, любовь у них... Сегодня любит тебя, а завтра...

Арсен предупреждающе выставил руку:

- Это не ваше дело!

Старик побледнел, оступился, ссутулился. Неожиданно он произнёс с жалкой нотой в голосе:

- Если в тебе есть хоть капля уважения ко мне, оставь её.

- Я поговорю с ней.

Они расстались: каждый при своём и каждый ни с чем. Арсену предстоял нелёгкий разговор со своей возлюбленной.

Раньше, в горячке любви, ему казалось, что секретов между ними нет, что более откровенных и искренних отношений между двумя людьми, тем более разных полов, быть не может. На самом деле всё было гораздо сложнее.

Судя по всему, Яна действительно испытывала настоящее, пусть ещё и не совсем зрелое чувство к Арсену, но всерьёз опасалась за отца, которого, невзирая на его своенравность и причуды, любила немного жалостливой, но преданной, самоотверженной дочерней любовью. Девушка боялась, что если она пойдёт против воли родителя, то старик в самом деле может решиться на что-то серьёзное.

Арсен же с ранней юности берёг себя для настоящей и единственной любви. Ему, романтику, сразу же приглянулась мягкая и улыбчивая девчонка с кокетливыми локонами и ямочками на щёчках. В её синем ясном взгляде парню виделось небо, в периодически загорающихся глазах он находил звёзды.

Теперь они оба были в растерянности. Яна не смотрела ему в глаза, ей предстоял тяжёлый выбор.

- Пожалуйста, уезжай на время из города, - в отчаянии взмолилась она после неприятных объяснений. - Не мучай меня и себя, дай мне возможность забыть тебя...

Девушка зарыдала. Сердце у парня сжалось, что-то в горле стало судорожно искать выхода, но никак не находило его - ни в эмоциях, ни в словах...

Арсен не стал навязывать что-либо девушке. Чувства к ней запутались, теперь больше он жалел её. Конечно, он испытывал и досаду на то, с какой абсурдной лёгкостью, словно карточный домик, рушится, казалось, основательное и рассчитанное на долгие годы, на всю жизнь здание их любви. Больнее же всего было от сознания, что живое чувство приходится приносить в жертву суеверию и глупости.

Арсена мучило и другое: поступает ли он правильно, уступая своенравному родителю девушки? Как это восприняла в душе Яна, которая, будучи гораздо младше его, доверилась ему с самого начала, без оглядки? Быть может, втайне она ждёт от него обратного, большей решительности в отстаивании своей любви?.. И как, в конце концов, всё это отразится на её дальнейшей судьбе?

- Как часто мы не замечаем, недооцениваем красоту, окружающую нас, - вспомнил Арсен её слова всего недельной давности. - К примеру, вот эти прелестные цветы, так беззаботно рассыпавшиеся по склонам. А ведь у каждого цветка своя собственная судьба... и, быть может, родились они из чего-то важного...

Тогда она прислонилась к плечу Арсена, сжала двумя руками его правое предплечье, словно не хотела дать ему уйти.

- Представь на минуту, что мы обречены остаться здесь навечно, прямо вот здесь, на бугорочке, где сидим... Раствориться и уйти в землю... Появится ли на нашем месте цветочек наподобие вот этого, пусть и живущего на вековых склонах всего лишь неделю-две, но зато своей собственной жизнью, своей судьбой?.. Или же история нашей любви канет незамеченной в вечность, не оставив после себя ничего?..

Тогда Арсен не понял подтекста слов Яны и затаённую в них тревогу.

- Когда ты рядом, мне ничего не страшно... Ты видишь мои слёзы? Только ты можешь заставить меня плакать. Я не представляю, как можно любить другого. Спасибо, что ты есть...

Арсен тогда не почувствовал за всплеском эмоций Яны надвигающейся беды, о которой пока знала лишь она.

Яна, клявшаяся ему в вечной любви и уверявшая в готовности идти с ним хоть на край света, вынуждена была отречься от него. Потом он часто будет вспоминать последнее объяснение, её растерянную полуулыбку, слёзы на глазах вместо звёзд, нелепые и неуклюжие попытки оправдаться.

Арсен успокаивал её как мог, однако на душе у него было муторно, самому хотелось плакать, но не было слёз...

ГЛАВА 6

Вскоре после неприятной встречи с «шефом» позвонил новый редактор местного официоза и попросил зайти. Арсену предстояло решить довольно деликатный для себя вопрос: «идти или не идти». Идти - значило быть неискренним по отношению к самому себе, совершить небольшое насилие над собой. Не идти, проигнорировать - означало оскорбить пожилого человека, который хотя и подтолкнул, быть может, не совсем осознавая того, журналиста к краю пропасти, занося его, практически не имеющего отношения к газете, в список «саботажников» - тех, кто отказался работать под его началом, но теперь, по всей видимости, сожалел о случившемся и хотел как-то загладить свою вину. Да и раньше Арсен не замечал за ним ничего плохого, кроме хронического стремления быть при должности.

Юноша догадывался, о чём будет разговор. Действительно, редактор предлагал ему место заместителя. Ту самую должность, которая впоследствии стала предметом спора Арсена с отцом в бессонную ночь.

- Другие мечтают об этом, - словно боясь отказа, редактор спешил перечислить все выгоды предлагаемой сделки, - работа, как говорится, непыльная - редактировать дайджест газеты. Не синекура, конечно, но под рукой у тебя будут два переводчика... Гонорарами и премиальными не обижу.

Лицо Арсена было холодным, на редакторе же не было лица. В один момент его нижняя челюсть безвольно отвисла, и Арсен пожалел его. Хорошо зная этого человека, он догадывался, как ему, амбициозному и не привыкшему так долго и настойчиво упрашивать кого-либо, тем более мальчишку, в его понимании, стыдно и неловко за самого себя.

В минуты волнения редактор жевал губами и лишь после продолжительного «ы-ы-ы...» произносил что-либо. И сейчас, верный своей привычке, он с искажённым, словно от боли, лицом выдавил из себя:

- Не отказывайся, одному трудно, помоги.

Затем, не дождавшись ответа, он тяжело поднялся со своего кресла и, по-старчески кряхтя, направился к шкафу в углу кабинета. Распахнув дверцу, пригласил заглянуть внутрь: на полках лежали матрац и постельное бельё.

- Вот... Иногда приходится даже ночевать здесь...

Роль мучителя не льстила Арсену.

- Я подумаю, - ответил он.

Однако Арсен думал лишь о том, как избавиться от настырного редактора, не очень обидев его. Когда сместили прежнего неудобного редактора, этот, разменявший уже седьмой десяток, радовался как ребёнок. Он и не предполагал, какой тяжёлый груз взваливают на его старческие плечи. И теперь, словно милостыню, просил помощи у того, кого несколькими днями раньше не без его участия пытались взять угрозами и силой.

- И вообще, мне завидно, что ты как вольная пташка... - напоследок старик попытался отшутиться, однако эта фамильярность не понравилась Арсену.

Он пообещал ответить завтра...

В ту бессонную ночь рассыпавшиеся на бескрайнем просторе неба звёзды словно были отражением мириад

мыслей-сомнений, которые роились, как сверчки, в воспалённом юношеском мозгу.

«Хорошо, что у звёзд нет основания, что ни к чему они не прикреплены, самостоятельны и независимы, иначе не было бы столь чисто, искренне и убедительно их сияние», - подумал Арсен.

Он размышлял об эгоизме людей и поразительной изменчивости большинства из них. Ради обеспечения себя всевозможными удобствами они были готовы украсть не только эти удобства, но и свободу других, потому что в других они не хотели видеть её, признавать и ценить. Собственную свободу они давно уже либо потеряли, либо продали собственноручно. Променяли на удобства и выгоду, стараясь как можно основательнее устроиться в жизни. Свобода в других вызывала у них неприязнь, необъяснимый страх и зависть. Они изощрялись в лицемерии, искренне считая достоинством свои успехи и совершенство в этом... Обиднее всего для Арсена было то, что среди этих людей числилось немало тех, кого именовали словом «журналист».

«Нужно бежать от них. Бежать без оглядки. Бежать к Свободе!»

Мыслям-переживаниям от тесноты, казалось, становилось больно. Арсен поднял взгляд на усеянную звёздами даль - там был простор. Как и люди на земле, звёзды наверху предпочитали жить обособленно: кто семьёй-созвездием, кто уединившись. Последние, наверное, были либо гордецами, либо неудачниками, отвергнутыми звёздным сообществом...

Неподалеку от Большой Медведицы Арсен увидел незнакомую, не замеченную ранее звезду - Мальчика. Он держал наперевес длинное острое копьё. Звёзды вокруг с волнением наблюдали, как близко подходит Мальчик к Медведице, наводившей ужас на всех. Однако всем своим видом тот показывал, что не боится зверя и готов схватиться с ним.

У Медведицы сдали нервы: угрожающе разинув пасть, она коротко зарычала, встала на задние лапы, вытянувшись во весь свой громадный рост, и надвинулась на Мальчика, потянувшись к нему страшными космато-когтистыми лапами.

Однако Мальчик ловко вывернулся и вонзил копье Медведице в бок.

От разъярённого рыка задрожал небосвод, вмиг окрасившийся в кровавый цвет. Затрепетали созвездия и звёзды-одиночки. Собравшись с силами, раненый зверь снова попытался схватить Мальчика чудовищными лапами. Однако мощный встречный удар свалил зверя. Наступив Медведице на шею, Мальчик вонзил острое копьё ей в темя.

Взревела в агонии Медведица, и от душераздирающего звериного рыка, в котором, казалось, больше было досады от полного бессилия перед Мальчиком, с неба друг за другом стали падать звёзды. Вместе с поглотившей всё вокруг непроглядной тьмой наступила мёртвая тишина. Время остановилось. Земля перестала держать людей: они повисли между небом и землей. Великий ужас обуял людей, когда они поняли, что всё переместилось в другое измерение и навсегда лишилось земной опоры.

Не стало больше должностей и общественного положения, и те, которые ещё минуту назад были хозяевами жизни, кто, подчинив чужую волю своей, использовал её во благо себе, кто крал у других свободу ради собственного утверждения, теперь были крайне растеряны и беспомощны. Как рыбы в воде, люди плавали в чернильной невесомости - кто в лежачем положении, кто перевернувшись вверх ногами - и, сталкиваясь друг с другом, стенали от боли. Они изо всех сил кричали о помощи, и от натуги их голосовые связки готовы были лопнуть. Но голос не выходил - они сами не слышали собственного крика. От этого им становилось ещё страшнее...

Вдруг где-то вдали вспыхнула точка. Она приближалась, постепенно обретая человеческие контуры. Это был Мальчик. От его ореола рассеялась тьма. Вместо копья теперь он держал в руке небольшую книгу, от которой также исходила лучистая энергия. Мальчик раскрыл книгу - люди вдруг встали на ноги, хотя под ними не было никакой видимой опоры. Все стояли, понурив головы, и никто не осмеливался поднять глаза и взглянуть на Мальчика в упор.

Мальчик заговорил. Громадная толпа опущенных голов с

боязливой жадностью вслушивалась в каждое его слово. Он словно читал книгу:

- Первозданное Слово, которое было до времени, жило в нём и живо после него, остановило время, чтобы сделалось явным всё, что творилось тайно. Многие из вас отравляли время гнусными выражениями лжи и обмана, не подозревая о том, что слово не исчезает, не теряется в потоке времени, не выпадает из него, сохраняясь в том виде, в котором оно было употреблено, и имеет свойство материализовываться. Вы проигнорировали святое изречение: «От словес своих оправдаетесь, от словес своих осудитесь». Время долго терпело, впитывая в себя лживые речи ваши. Но теперь оно изрыгает их, возвращает обратно вам. Зверь, закрепостивший Слово во времени, пал, и, освободившись от пут своих, Слово вновь стало Судией. И горе тому, кто не относился к Слову как к святыне, кто пачкал его, мутя чистый источник. Восславится же тот, кто остался верен Слову, не поддавшись никаким искушениям...

- Видение исчезло вместе с раздавшимся протяжным воем сирены - патрульные машины хозяйничали на ночных улицах полувоенного города.

ГЛАВА 7

Злоключения не убавили в Арсене желания и решимости заниматься «делом жизни» - неблагодарной профессией журналиста, которую он искренне считал своим призванием. Звёздное видение лишь подкрепило его в этом: он относился к слову бережно, стараясь не произносить его всуе и не утаивать, не глушить его в себе. За это Арсена продолжали «вызывать на ковёр». На этот раз «воспитанием» журналиста решил заняться чиновник пониже рангом. В отличие от «шефа», это был маленький, подвижный человек, хотя, сидя в своем кресле, он казался достаточно внушительным - кресло на винтовом стержне было закреплено в максимально высоком положении. Когда Арсен вошёл, чиновник неожиданно

спрыгнул со своего пьедестала и сделал несколько нервных шагов навстречу.

- Господин Чилингарян, я не знаком с вами лично, но очень внимательно слежу за вашими публикациями. И пригласил, чтобы предупредить: в следующий раз я отдам вас под суд.

Наткнувшись на прямой вопросительный взгляд журналиста, он пояснил:

- Вы отдавали себе отчёт, когда писали это: «Народ голодует по образу Акопа Мадатяна»?! Это редакция заказывает вам подобные статейки?

Арсен не знал, как отреагировать. Это походило на грубый розыгрыш, фарс. Подобной нелепицы он, конечно же, не мог писать. Между тем чиновник повторил фразу, иронично заключив: «Подумать только!..»

Особенно раздражало Арсена не к месту и неверно употребляемое слово «голодует», на котором его визави почему-то делал особый акцент. Акоп Мадатян был видным общественно-политическим деятелем, погибшим несколько лет назад при невыясненных обстоятельствах. Его трагическая, довольно странная смерть оставалась тайной, из которой рождались самые различные версии. Народ любил Мадатяна, некоторые же из властей предержащих ревновали даже к его памяти.

- Это же элементарная безграмотность: такое не может быть опубликовано в газете, - Арсен старался быть спокойным.

- Тем не менее вы написали это, и газета не замедлила поместить подобную чушь прямо на первой полосе, - маленький чиновник скривил в победной улыбке губы и наконец пригласил Арсена сесть.

Сам же, продолжая прохаживаться по кабинету, принялся было снова произносить со смаком, очевидно, им же придуманную фразу:

- Народ голоду...

- Покажите газету, - с неожиданной резкостью Арсен прервал его.

Чиновник как-то замялся, однако через миг продолжил в неком трансе:

- Её, к сожалению, у меня сейчас нет. Однако мне достоверно известно, рупором чьих идей является ваша газета... Вот сейчас возьму и позвоню вашему редактору, скажу ей пару ласковых слов. Не посмотрю, что женщина... Раз уж демократия воспринимается как вседозволенность, то для профилактики не мешало бы заставить иного редактора съесть весь тираж номера.

Арсену становилось всё неуютнее. Он понимал, что молчать в данной ситуации неприлично, что если не попробует поставить зарвавшегося чиновника на место, не простит себе этого никогда.

- Вы преднамеренно извращаете смысл моей статьи и всё, что в ней написано. О голоде в публикации и речи не было. В ней говорится лишь о том, что жители района, в отличие от других, муку по талонам не получают и, к чести своей, решают проблему хлеба собственными силами. Вы сами, наверняка, имеете представление о реальной ситуации в районе.

Чиновник наморщил лоб у переносицы, отчего с его лица вмиг слетела уверенность.

- Нет уж, молодой человек, на кривой меня не объедете! Вы пишете эзоповым языком, и слова ваши можно трактовать как заблагорассудится, - хозяин высокого кресла никак не хотел садиться. - Статья же должна быть без... (он ввернул нецензурное слово, правда, не забыв извиниться перед этим), чтобы была понятна как мне, простите, интеллектуалу, так и простому чабану, пасущему в горах свою отару. Вроде бы вы пишете об обыденных и безобидных вещах, а между строк явный намек: мол, при Акопе Мадатяне всё было гораздо лучше, и народ истосковался по тем временам...

Маленький чиновник отдышался, поправил галстук и, гордо вытянувшись, вдруг воскликнул:

- Да будь сейчас голод, не сидели бы мы здесь и разбирали вашу статью. Голодный люд штурмовал бы сейчас мой кабинет!

Пафос последней фразы никак не подействовал на журналиста:

- Для непредвзятого читателя политического подтекста в данном материале нет. Я всего лишь назвал вещи своими именами, опираясь на факты, предоставленные руководителем районной администрации. Можете подавать в суд на него, если считаете, что вас оклеветали.

- Его мы трогать не будем, даже если он такую глупость сморозил. Он - наш человек. А вот вас, юноша, поверьте, не поддержит никто, даже редакция, которая так бессовестно пользуется вашей неопытностью.

Арсен встал, давая понять чиновнику, что не желает больше слушать напраслину в свой адрес:

- Я не намерен потакать кому-либо... Что же касается суда, так это - ваше право. Думаю, найдутся аргументы и в мою пользу.

Чиновник почти истерично бросил вслед уходящему журналисту:

- Берегитесь, и вышестоящее начальство разгневано на вас...

У Арсена было чувство, похожее на испытанное года три назад, когда война полыхала вовсю и казалось, что кровопролитным боям не будет конца. Тогда мать Андраника, пропавшего без вести во время того самого боя, в котором Арсен получил тяжёлое ранение, желая узнать в подробностях, как всё происходило, начала эмоционально упрекать Арсена в том, что он не помнит всего в деталях. Она не хотела понять, что Арсен, получивший сразу три пулевых ранения и ожидавший нового удара, теперь уже наверняка смертельного, в тот момент был, пожалуй, в худшем из всех оставшихся в живых состоянии.

Безутешной матери, не видящей ничего, кроме собственного горя, казалось, что от неё скрывают правду. Правду, которую знала лишь война. Ей казалось, что все кругом виноваты в случившемся. Она недоумевала и возмущалась:

- Почему это должно было произойти именно с моим сыном. Чего ему не хватало - роста, силы или ловкости? Он

был выше всех вас и при необходимости бежал бы быстрее всех...

Ослеплённая горем мать не могла и не хотела понять, что дело тут не в личностях и физических данных, что во всём виновата война, которая уже изначально составляет свои чёрные списки, где чётко зафиксировано, кому быть раненым, кому - убитым, а кому - пропасть, раствориться в ней. Мать пропавшего не могла понять и того, что война по-своему была права и имела на то право - распоряжаться людьми и их судьбами, раз уж те согласились играть по её правилам. Арсен рассказал ей всё, что знал и помнил, не притворяясь. Но правда была слишком страшна, и потому охваченная болью женщина не верила парню. Она боялась взглянуть правде в глаза - её надломленная психика не выдержала бы этого.

Арсен тогда сделал удивительное для себя открытие: говорить правду - недостаточно, нужно ещё и оправдываться за неё. Оправдываться, так и не доказав ничего, потому что правда очень часто не выгодна окружающим: они предпочитают закрывать на неё глаза, заменяя её неким суррогатом собственной правды.

Так было и в случае с чиновником. Но если боязнь правды женщины, потерявшей сына, обуславливалась материнским чувством, то второму случаю трудно было найти какое-либо человеческое объяснение - тут всё было грубо, примитивно и лицемерно.

Арсен невольно вспомнил другого госслужащего, покладистого и благообразного человека средних лет, также внимательно следившего за его публикациями. Он всегда тепло приветствовал журналиста и как-то признался:

- По специальности я филолог, люблю и уважаю журналистов, но имею одну слабость - обожаю замечать огрехи, которые, увы, нередко допускают ваши собратья по перу. А вот у вас всё нормально, не придерёшься. Продолжайте в том же духе. Всегда рад услужить вам...

Однако, выходит, что охотники придраться были. Сами угрозы чиновника-самодура, скорее, позабавили Арсена. Задел неприкрытый цинизм, с которым тот доказывал свою

правоту. Арсен знал, что каждый год в день гибели Акопа Мадатяна не кто иной, как тот же чиновник, произносит публичную речь на его могиле, аккуратно перечисляя все заслуги деятеля в национально-освободительной борьбе. Теперь же, сбросив маску, он предстал совершенно другим, понимая, что в эту минуту у оппонента нет достаточных возможностей отстаивать свою правду.

Лицемерие чиновника журналист воспринимал как личную обиду. «Патриотизм - прибежище негодяев», - навязчиво вертелась у него в голове цитата...

Вместе с тем Арсен отметил про себя, что на руководящих постах было и немало настоящих патриотов, которые в своё время с оружием в руках встали на защиту родины, с честью прошли всю войну и сейчас пытались поднять страну из руин...

ГЛАВА 8

Узнав о погроме редакции газеты в Ереване, Арсен, несмотря на предупреждение не покидать город, решил ехать. Он не принадлежал к той категории людей, которых, во всяком случае, в юности, как огонь мотыльков, неудержимо влечёт опасность. Однако, когда дело касалось чести, Арсен шёл на риск, не задумываясь.

Когда летом 1992-ого его, замурованного в гипс, с лиловой от ожогов спиной и, казалось, одними живыми огромными глазами на исхудалом, заросшем густой бородой лице доставили на специальном вертолёте для тяжелораненых в большую столицу, коллеги-журналисты, словно сговорившись, стали выдумывать про него разные мыслимые и немыслимые истории, и вскоре Арсен был окружён ореолом «исключительного парня».

- Так это вы и есть легендарный Арсен Чилингарян?! - воскликнула молоденькая нештатница, случайно познакомившись с ним в редакции. - Ребята так много о вас рассказывают... А правда, что...

Девушка начала оживлённо пересказывать то, что слышала от других.

Арсен с любопытством узнал о себе много «нового». Большая часть была совершенным вымыслом. Согласно этим легендам он, зная, что идёт на верную гибель, записался в отряд «смертников», а получив тяжёлое ранение, несколько суток пробирался к своим. Ему приписывали и другие подвиги, внешне более эффектные, но по сути уступающие реально имевшему место с его исключительной внутренней напряжённостью и сконцентрированностью опасности.

Людям нравилось приукрашивать всё, создавать небылицы и верить им. Не спрашивая, Арсена поставили на пьедестал, с которого, казалось, он теперь не имел права спускаться. В изнеженной и прагматичной большой столице на него смотрели как на нечто диковинное, и любое проявление обычной человеческой слабости или просто похожести на других могло разочаровать окружающих. И поэтому Арсен, старавшийся относиться ко всему этому философски и не позволять самому уверовать в то, что приписывали ему люди, знающие о войне лишь понаслышке, чувствовал себя в большом городе не совсем уютно.

Здесь он рисковал стать «белой вороной». Словно в огромной, не имеющей конца лихорадочной гонке, столичная молодёжь скользила по жизни на бешеной скорости. Судорожно боясь падений, она удосуживалась только смотреть себе под ноги, чтобы не споткнуться вдруг, не отстать от других, от самой жизни и её темпов. Однако, не осознавая того, всё больше увязала в тине сиюминутной пошлости, в болоте обывательщины, где проявление чего-либо искреннего часто воспринималось с недоверчивым удивлением и даже завистью.

Арсен же не относился к другим с предвзятой недоверчивостью, как это было принято в большом городе, заранее не настраивал себя на то, что окружающие стремятся обмануть и навредить, не страховался на этот случай. Именно этим он в итоге и выигрывал. «У тебя есть звезда, - говорил один из университетских сокурсников. - Ты излучаешь нечто такое, что безотчётно располагает к тебе».

В первое время учёбы в столичном университете Арсен,

будучи максималистом в дружбе, поражался неприкрыто-вызывающей фальшивости и переменчивости отношений между студентами. Один из сокурсников, едва познакомившись с ним, стал проявлять знаки дружеского внимания. Заметив, что Арсен держит свои наручные часы в кармане без ремешка (такая привычка была у него со школы), приятель принёс на следующий день железную цепочку и на лекции, как бы между прочим, предложил: «Нравится?.. Бери, они в самый раз к твоим...»

Скорее из желания не обидеть парня Арсен принял подарок, отметив про себя его внимание и заботливость и уже думая о том, как отблагодарить. Но к концу лекции, не отрываясь от конспектирования, товарищ неожиданно намекнул, что отдаёт ремешок незадаром, заметив, что он стоит семь рублей. Арсен не поверил своим ушам. Возвращать же «подарок» было как-то неловко. После занятий приятель попросил у него три рубля на такси. Через день он снова обратился с подобной просьбой и не успокоился, пока не набрал желанной суммы.

Познакомившись с Арсеном ближе, сокурсник всячески старался загладить свою вину. Арсен не порвал отношений с ним, но в душе остался крайне неприятный осадок.

В то же время он любил большую столицу: в ней у него были и искренние, настоящие друзья. Однако в целом юноша не доверял ей - она была непостоянная, похожа на его университетского товарища.

Когда почти прямо с передовой Арсена с горящими ранами перевезли на военном вертолёте в большую столицу, врачи взамен того, чтобы успокоить, чуть ли не пригрозили отрезать руку. В тот миг вместо мёртвых неоновых огней города за окном больницы перед глазами парня встала озарённая зенитками полночь, полевой госпиталь - всего в километре от передовой, две дрожащие, сочащиеся кровью свечи и пара ампутированных ног в сапогах у входа: врачи, увлекшись работой, не успели убрать их. Там, на фронте, где всё было отдано на откуп смерти, где всё приходилось делать на скорую руку, это можно было понять и даже оправдать, тем более что

огромный миномётный осколок практически уже сделал дело хирурга. Здесь же, в мирной и светлой больнице, разделённой от передовой огромным расстоянием, это казалось кощунственным и нереальным...

Правда, на следующий день, когда Арсена стали навещать коллеги-журналисты, редакторы, доценты из университета и даже профессор, врач, кажется, пожалел о своём намерении:

- Не переживайте, всё будет нормально, - успокаивал он.

Однако, «всё нормально» не оказалось. Из-за безалаберности людей в белых халатах кость на предплечье срослась криво. Как-то рассеянно-отвлеченно посмотрев рентгеновский снимок, врач невозмутимо предложил раненому сломать кость и сращивать её заново, как положено...

Терпение Арсена лопнуло: он не стал дожидаться окончания назначенного полуторамесячного курса лечения и, стиснув зубы, сорвал с руки гипс вместе с глубоко вросшими в него волосами. Вызволенную наконец из плена немощную, закрученную подобно жгуту, почти неподвижную и бесчувственную руку Арсен стал восстанавливать сам. В качестве гантели вначале он использовал первый попавшийся на глаза удобный предмет - футляр пишущей машинки. С трудом зажимая рукоятку футляра в безвольных, негнущихся, словно набитых ватой пальцах, превозмогая режущую боль в плече и под лопаткой, Арсен тщетно пытался приподнять руку, которой ещё месяц назад спокойно жал двухпудовую гирю...

Позже двоюродный брат-иглотерапевт, пытаясь восстановить Арсену повреждённый лучевой нерв, ежедневно сверлил ему толстыми, нарезанными иглами кулак между костяшками, приговаривая:

- Ничего-ничего, терпи... Представь, что ты оказался в фашистском плену и тебя пытают.

Грубая шутка родственника понравилась Арсену. Она была лучше ласково-равнодушной лжи врачей больницы. Арсен безмолвно переносил тупую тошнотворную боль, через которую рука постепенно обретала чувствительность.

В этой перебитой, но медленно возвращающейся к жизни части человеческой плоти было много философии. Переломы

говорили о том, как хрупок человеческий организм и какую страшную разрушительную силу несёт в себе кусочек металла, придуманный человеком для уничтожения себе подобного. Криво сросшаяся кость свидетельствовала о безответственности и бездушии некоторых врачей, облачившихся в белые халаты вместе с клятвой - не навредить, более того - о равнодушии общества к тем, кто ценой своего здоровья и жизни защищает его. Но, восстанавливаясь практически самостоятельно и постепенно уподобляясь другой, здоровой, раненая рука, наряду с недюжинной волей и тягой к жизни, свободе и самостоятельности, выказывала своё презрение к этому равнодушию.

Арсен знал о случаях на войне, когда для того, чтобы спастись, человек сам отрезал себе руку или другую часть тела, попавшую в ловушку смерти. Но оказалось, что восстанавливать почти уже потерянную руку не менее сложно и больно, чем сознательно жертвовать ею.

ГЛАВА 9

Большая столица переживала не лучшие свои дни. Со времени последнего приезда она показалась Арсену ещё более неприятно изменившейся: общественные места, наводнённые праздной, делающей примитивный уличный бизнес толпой; плачущие в подземках метро гитары и аккордеоны, молодые хозяева которых в одночасье оказались на обочине жизни; нищие, жестами и вслух просящие подаяния; пожилая женщина, предлагающая бездушному торговцу на рынке обменять на гроздь винограда свой полублокадный очерствевший ломтик хлеба - десятую часть буханки, полученную по талону после многочасового простаивания в очереди... Общая растерянность и бессилие перед неопределённостью не только будущего, но и настоящего.

Полублокадная столица 1995-го жила в тяжёлую годину перемен - основательной ломки всего ранее существовавшего: не только политического и социально-экономического

уклада, но и общественного сознания и морали.

На руинах развалившегося с неожиданной лёгкостью монументально-монолитного социализма пустил дикие ростки капитализм. Подобно сорняку, он нагло заполнял собою любое свободное пространство. Буквально на каждом шагу появлялись небольшие торговые пункты с небогатым, порой совершенно одинаковым ассортиментом предлагаемого товара, часто весьма сомнительного свойства. Новоявленные бизнесмены, которых раньше назвали бы презрительно «спекулянтами» и наверняка запрятали бы за решётку, сейчас явно гордились своим ремеслом. Арсену не нравилось, что эти лавочки носили человеческие имена, по всей видимости, хозяев или их детей: «Армен», «Карен», «Артур»... Такими именами в его родном городе называли улицы, скверы и школы в память о погибших на войне героях.

Проходя мимо одной из лавочек, Арсен стал невольным свидетелем следующей сцены. Девчонка лет пяти слёзно просила мать купить ей жевательную резинку. Та, пытаясь унять ребёнка, потащила его прочь, приговаривая с какой-то безысходностью: «Лучше бы твой отец погиб на фронте, тогда, может, и нам пособие досталось бы».

- Вот так, братец, кончилась война, а с ней и героические времена прошли, - обмерив Арсена с ног до головы оценивающим взглядом, стал объяснять усатый здоровяк средних лет за прилавком. - Теперь каждый сам по себе, чужое горе никого не волнует...

В большой квартире редактора, Эллы Робертовны, в самом центре столицы было темно и холодно. Уже который год город не отапливался. Электричество же, согласно графику веерных отключений, подавалось два раза в сутки: час утром и час вечером. Под тусклым светом керосиновой лампы редактор подогрела ужин на газовой плите (газовый баллон являлся дорогим удовольствием и был по карману далеко не каждой столичной семье).

- Налей коньячку. Мне, пожалуйста, совсем немного, - редактор положила перед Арсеном тарелку, половину которой занимала жареная картошка, половину - гречка, своеобразный

деликатес в послевоенных условиях. - Радик умудрился растянуть тутовку, которую ты прислал под Новый год, на целый месяц. Словно лекарство принимал: по два-три глотка в день. Меня и близко не подпускал... Ой, я заговорила тебя... Ты кушай, детка, кушай.

Элла Робертовна проявляла к Арсену родительскую нежность. Своим отношением она словно старалась заменить ему мать, которая скончалась в те дни, когда Арсен, едва окончив университет, поступил на работу в газету. Редактор уговаривала его остаться в столице, далёкой от фронта. Арсен не согласился, но столица не отпустила его: спустя месяц после похорон матери он был доставлен сюда с тяжёлым ранением. Элла Робертовна теперь уже настаивала, чтобы Арсен остался. Делать этого Арсен не мог: сейчас в родном городе были уже могилы не только погибших друзей, но и матери. Там шла война, и он считал предательством остаться в стороне от роковых для родины событий.

- А если опять подстрелят? - почти взмолилась редактор.

Арсен не заметил, как в ответ на чувство какой-то трепетной ответственности этой женщины к нему в душе у него выросло схожее чувство, пожалуй, более сложное, чем любовь. И теперь, когда реальная опасность нависла над самой газетой, он вернулся, чтобы быть рядом с редактором.

Выпили за встречу. Элла Робертовна стала откровенней:

- Я питаю к тебе нежные чувства. Извини, если в повседневной суете в редакции не успеваю оказывать знаки внимания... Ты не представляешь, как тяжело быть женщиной-редактором.

Между тем Арсен не знал, как подступиться к вопросу, терзавшему его. Он понимал, что произнести его будет не в силах. Одна мысль о том, что на эту женщину, к которой относился с не до конца осознанным, болезненно-сильным чувством, могли поднять руку, ужасала его. Чутьём, свойственным, наверное, только женщине, она угадала, что творилось в душе у юноши.

- Да, меня избили, - ответила она на невысказанный вопрос.

Арсен положил вилку. С полминуты длилась тяжёлая пауза. Оба старались не глядеть друг другу в глаза.

Редактор, казалось, была смущена собственным признанием:

- Только, пожалуйста, не говори об этом при Радике. Муж до сих пор не знает... Да ты ешь, остывает...

Арсен механически взял вилку обратно, но ему уже было не до еды. Удержаться от вопросов теперь он не мог, хотя понимал, что, задавая их, будет мучить и женщину, и самого себя.

- Неужели никто из ребят не подоспел на помощь?

По растерянной полуулыбке Арсен понял, что она не хочет говорить всей правды.

- Это было уже после работы. Задержалась посмотреть материалы очередного номера. Тут они и ворвались. Четверо... Я кричала... но никого из наших уже не было...

Арсен молчал. Внутри у него всё горело от обиды и бессилия. Воспалённое воображение дорисовывало то, о чём недоговаривала редактор. Конечно же, в тот момент в редакции кроме неё были ещё сотрудники и её не могли не услышать - просто смалодушничали.

- Обиднее всего то, что все они мне в сыновья годятся, мальчишки... Впрочем, я догадываюсь, кто их мог прислать. В последнее время мы успели нажить себе «авторитетных» врагов...

- Жаль, что меня не было рядом, - эти слова вышли у Арсена как-то сами собой. - Вы мне как мать...

Последнюю фразу он произнёс едва слышно.

- Ой... - редактор смущённо опустила голову. Какая-то жалкая складка появилась у неё на переносице. Потом, собравшись, она посмотрела на него с выражением нежной благодарности.

- Ты, пожалуйста, кушай... Попробуй вот это, - она положила в почти нетронутую тарелку капустный салат. - Ты береги себя... Мне будет очень тяжело, если с тобой что-нибудь случится...

Наконец пришёл муж редактора, и вместе с его

непринуждёнными разговорами ситуация разрядилась.

- А-а-а, без меня пьёте?! - бросил он прямо с порога, картинно подбоченившись в дверном проёме.

Подсев к столу, он почти фамильярно начал:

- А я представлял вас совершенно другим, взрослым, а вы, оказывается, мальчик. Эля много рассказывала про вас... Впрочем, по тому, что пишет человек, можно определить, какая у него душа. Меня порой слеза прошибает, когда читаю ваши очерки о героях. Они у вас такие незащищённые, обречённые...

Повеселевшая от коньяка, Элла вдруг вставила, круто сменив тему и настроив разговор на игривый лад:

- Жени парня. Ты не против, если мы станем родственниками?

Радик испытующе посмотрел на Арсена:

- Хм... сколько тебе лет?.. Двадцать семь?.. Так... А по гороскопу кто?.. Лев?.. Ну, извини, брат, на Льва ты не похож - слишком скромный и стеснительный.

- Да, он - исключение во всём, - произнесла жена.

- Хорошо, придумаем что-нибудь, - шутил Радик с серьёзным выражением разрумянившегося лица. - Есть на примете одна: Стрелец, тоже знак огненный. Надеюсь, она поразит стрелой Амура твоё сердце...

От редактора Арсен ушёл поздно. После весёлых разговоров, подогретых хорошим коньяком, ему полегчало. Парень старался не дать своему разгоряченному воображению построить из сбивчивых слов женщины нечто цельное об инциденте в редакции. Он многое бы отдал, чтобы неким волшебным образом стереть этот эпизод из прошлого или же предотвратить его. Сейчас Арсен не мог и представить себе, что через неполный год эта женщина, всё время трепетавшая за него, почти хладнокровно предложит ему уйти из редакции.

- Ты нажил себе много врагов, и я всерьёз боюсь за тебя...- скажет она. - У нас не тот уровень, чтобы защитить тебя. И если ты уйдёшь, я не сочту это за предательство...

Он в ответ усмехнётся и скажет, что в защите не нуждается. Однако через месяц редактор позвонит и сообщит, что из-за

серьёзных финансовых проблем в газете ожидаются сокращения, под которые наверняка подпадёт и штатная должность собственного корреспондента, и Арсен, не обинуясь, станет настаивать, чтобы его уволили немедля...

А пока, убедившись, что в редакции всё спокойно, Арсен вернулся в родной город.

ГЛАВА 10

В отличие от большой, малая столица жила устоявшейся, уже ставшей для неё привычной и обыденной полувоенной жизнью. Для горожан до тридцати пяти лет она была своеобразной большой казармой. Резервистов ожидали очередные сборы, которые проводились каждый год в самый разгар весны. Некоторые из военнообязанных уволились из армии всего месяц и даже неделю назад. И теперь, в самый полнокровный период жизни природы и человека, им, уже в статусе резервиста, вновь предстояло на целые месяцы отказаться от всего личного: забыть на это время все свои планы и заботы, чтобы с оружием в руках, казалось, прилипшим навечно к человеку, став его органической частью, отправиться в суровые горы на севере края, на самый опасный участок, который, спасаясь от жестокого человека, давно уже покинули его исконные хозяева: серны, дикие козы и медведи.

В самом городе чувствовалось общее недовольство войной, которая лишь притворялась, что кончилась. Люди устали от затянувшейся военной судьбы, от жизни с её неопределённостью. Порой, когда война сильнее сжимала человека в своих жёстких тисках, живому казалось, что мёртвым лучше. Однако, освобождая от жизненных пут, смерть порой вгоняла мёртвых в ещё большую тесноту, обиду и недоумение.

Однажды Арсену пришлось делать репортаж с линии передовой, где производился обмен трупами. Они были уложены штабелем в кузове грузовика. За неделю, пока лежали неубранными в поле под дождём, трупы противника успели изрядно испортиться. Почти все были восемнадцатилетними юнцами, которых, словно в агонии, терпящий тяжёлые

поражения противник отправлял на фронт, не теряя времени даже на элементарную подготовку. Души этих одетых в одинаковые серые шинели юнцов, наверное, не успели даже толком обидеться и лишь подивились тому, что им суждено было родиться, чтобы так скоро и нелепо умереть. Тогда Арсен трупы не сфотографировал, а репортаж составили всего несколько слов и цифр - статистических данных, за которыми стояли человеческие жизни и живые души...

Над живыми же словно висел некий большой УПРЁК, вобравший в себя сотни упрёков на конкретных людей - политиков, дипломатов, военных, которым, казалось, нравились притворство войны и неопределённость ситуации, на военкоматовского работничка - «тыловую крысу», как называли его бойцы, то и дело появляющегося с длинными списками перед опалёнными войной, узнавшими на себе почём фунт лиха ребятами, чтобы зачитать их фамилии, распределённые по подразделениям. В этих списках войны Арсен Чилингарян числился во второй роте рядовым пехотинцем-стрелком...

Второй день Арсену нездоровилось. Он никак не мог добить статью, за которую взялся ещё в начале недели. Едва выводил несколько строк, голова тяжелела, а авторучка валилась из рук.

Время клонилось к полуночи. Арсен уже собирался лечь, как зазвонил телефон.

- С кем я говорю? - не поздоровавшись, спросил кто-то на другом конце провода приглушенно-бесцеремонным басом.

- А кого вы хотели?

- Братишка, позови-ка Риту, - грубый с растяжками голос продолжал фамильярничать. В один момент он показался Арсену знакомым.

- Меружан?.. Ты?

Трубка не ответила.

- Перестань кривляться. Опять ты за старое? - с напускной злостью произнёс Арсен, почти уверенный в том, что его разыгрывает один из старых знакомых.

- Это не Меружан, - в трубке наконец заговорили, - но если узнаю, кто ты, тебе...

В ответ на произнесённое в конце невидимым собеседником неприличное слово Арсен неожиданно для самого себя выразился похлеще.

- Ну ты залетел, парень! Сейчас я вычислю твой адрес, тогда узнаешь, с кем имеешь дело, - на том конце провода послышались нервные гудки.

Арсен был настолько слаб и не в духе, что даже не стал осмысливать эту странную ночную перебранку. Сейчас он думал лишь о том, чтобы скорее завалиться в постель и отключиться до утра. Однако через минуту телефон зазвонил снова - с какой-то особой требовательностью.

- Братишка, давай встретимся... Прошу тебя, - ночной голос невероятно смягчился: хозяин явно сменил тактику. - У меня тут блокнот. Видно, потеряли. В нём записан и номер твоего телефона, а напротив - имя Рита. Я ищу владельца.

- Никакой Риты здесь нет. И блокнота я не терял. Извини, ничем помочь не могу.

- Слушай, мне нужно кое-что уточнить. Давай встретимся.

- Утром встретимся.

- Очень прошу, давай сейчас, - трубка почти взмолилась.

Арсену было крайне неприятно слушать этот неестественно фальшивый голос. И скорее, чтобы избавиться от него, ответил:

- Ладно, минут через десять на кольцевой...

Арсен заставил себя накинуть на плечи куртку. Выходя, он бросил взгляд на настенные часы - три минуты до наступления полуночи...

На пустынных улицах полувоенного города горели редкие уцелевшие фонари. Арсен встал под одним из них, на самом видном месте кольцевой, разводящей улицы во все четыре стороны. Было достаточно свежо. Он прождал с четверть часа. Кто-то словно испытывал его терпение. Пробирал холод. Другой на его месте непременно закурил бы. Но Арсен не имел такой привычки, он никогда не курил, занимаясь с малых лет спортом...

Наконец ночную тишину стал резать издалека мотор. Вскоре появились и огни фар, предварившие красную «Ниву».

Однако машина проехала мимо и, обогнув кольцевую, притормозила на противоположной стороне улицы. Арсен понял, что сидевший рядом с водителем, лица которого невозможно было разобрать, наблюдал за ним. Через пару минут машина резко тронулась, двинувшись обратно вверх по улице.

Тот, кто столь настойчиво добивался немедленной встречи, явно не спешил появляться.

Арсен уже собирался уходить, как, блеснув фарами, почти бесшумно подкатила «шестёрка». Из распахнувшихся одновременно дверей машины вышли двое. Арсен знал их - это были люди «шефа». Они молча протянули руки для приветствия. Один из них, напоминавший каменную глыбу, с некоторой демонстративностью держал блокнот. Убедившись, что Арсен один, он незаметно подмигнул товарищу, и тот отошёл. Затем раскрыл блокнот, повернув его на тусклый луч уличного фонаря. В ряду телефонных номеров на первой странице записной книжки, действительно, был и номер Арсена. Напротив стояло имя - Рита. Человек, похожий на глыбу, стал уверять, что позвонил посреди ночи, чтобы в самом деле выяснить, кто является владельцем блокнота. Арсен заметил, что все номера были записаны одними и теми же чернилами и с очевидной небрежностью, на скорую руку.

Вдруг, захлопнув блокнот, человек-глыба злобно бросил:

- Что это ты по телефону материшься?!

И, не дождавшись ответа, въехал Арсену со всей силы в левую скулу. Таким ударом в кинофильмах, по идее, герой валит быка. Арсен же, к явному изумлению визави, даже не оступился. Далее всё происходило ещё более неожиданно. Правая, здоровая рука Арсена, которая словно вобрала на время в себя всю силу и ловкость раненой левой руки, как-то самостоятельно-механически стала забивать опешившего противника натренированными во время каждодневных спортивных занятий ударами. Едва прикрываясь от них, тот начал в растерянности пятиться - до тех пор, пока не упёрся спиной о перила по краю тротуара. Обернувшись назад, он с беспомощностью ребёнка стал звать, не голосом, а глазами, своего товарища, уже было севшего в автомобиль. Тот,

ошарашенный подобным оборотом дела, крикнул в адрес Арсена надтреснутым голосом:

- Эй, парень, остынь!

Арсен допустил ошибку, близко подпустив второго. Воспользовавшись оплошностью, тот крепко обхватил журналиста за плечи. Тем временем первый уже пришёл в себя и, очевидно, получив знак от товарища, снова перешёл в наступление.

- Ты кого бьёшь?.. Тебе что жить надоело?!

В Арсене вскипели все прежние обиды, связанные с хамами-чиновниками и их приспешниками. Один из них, явно выполнявший начальственное поручение, сейчас стоял перед ним.

- Смотри, пёс, надорвёшься на службе у хозяина, - последовал ответ.

Матерясь, здоровила подскочил к своему противнику. Его товарищ ещё крепче зажал плечи Арсена. Вдвоем им удалось справиться с журналистом: били остервенело, куда попало - по лицу, животу, почкам... Арсен успел нанести пару ответных ударов. Напоследок он нашёл в себе силы выдохнуть мат в адрес своих обидчиков.

«Крысы и перестраховщики, не способные поговорить по-мужски, один на один. Вы ещё получите своё!..»

Арсен не заметил, что пока в горячке он обещал отомстить, Звёздный Мальчик, давно уже почти неприметно обитавший у него в душе, покинул его.

Уходя же, Звёздный Мальчик укорял про себя Арсена за слабость: «Нельзя низводить Будущее до настоящего...»

ГЛАВА 11

Густой туман окутывал гору, и когда ребята, ещё пару часов назад изнывавшие от июньской жары, наконец достигли самой вершины горы Мров, неожиданно повалил крупный снег.

Здесь была совершенно другая жизнь - обособленная,

неприступная и гордая. Внизу плыли облака и летали птицы, и ребята (среди них и Арсен), сами немного гордые от сознания покорения трудной высоты и некоторой причастности к судьбе исторического высокогорья, написали на клочке бумаги свои имена, засунули листок в бутылку, закопав её в глубоком снегу, который не таял здесь даже жарким летом...

Трёхмесячные военные сборы начались в апреле - в тот самый период, когда, окончательно оправившись от зимнего оцепенения, природа, как кокетливая женщина, требует особого внимания к себе. Однако война вносила дисгармонию во всё окружающее, заставляя трепетать перед собой всё живое. Словно вооружаясь против самой войны и чувствуя себя увереннее с оружием в руках, человек не спешил менять мечи на орала, откликнуться на зов цветущих садов и исходящих паром полей, соскучившихся по заботе и уходу. Оружие и человек, казалось, срослись в одно органическое целое.

На суровом высокогорье Мровского хребта время словно остановилось. Однако спокойствие было обманчивым: в горах затаилась смерть. По обе стороны усеянного минами лесистого ущелья где на километр, где меньше отстояли посты застрявших здесь из-за ненасытной войны вооружённых людей. Порой раздавалась автоматная очередь. Она была ненаправленной, практически безопасной и часто безответной: противники лишь проверяли бдительность, как чужую, так и свою. Мир перемирия, а иначе - война нервов, продолжался.

Солдатам в горах приходилось жить подобно зверям в норах. На военном языке эти нехитрые на первый взгляд сооружения называются блиндажом: здесь бойцы укрываются от дождя и холода, готовят еду, питаются и отдыхают. И несмотря на внешнюю свою примитивность, это сырое, тесное и низкое солдатское общежитие, где возможно передвигаться лишь пригнувшись, - вещь сложная и капризная. Нужно неустанно заботиться о том, чтобы печка не дымила, не кололись нары, сооружённые из грубого дерева, не развелись насекомые-паразиты. Но самое главное, чтобы крыша не протекала. Решить эту задачу, имея под рукой лишь дерево, землю да траву, нелегко. В горах же, где дождь порой

непрерывно льёт целую неделю, и суперкрыша из утоптанного многослойного дёрна бессильна. Накопившаяся за такой мини-сезон в земляном потолке влага трансформируется в продолжительный внутренний «дождь», в то время как снаружи всё кругом снова изнывает от жары.

Нештатных ситуаций на передовой - хоть отбавляй. Впрочем, человек привыкает к ним довольно быстро: он может спать, упорно не замечая капающего прямо в лицо дождя; преодолевать крутые горные подъёмы, на которых гибнет лошадь, не осилив их; добывать себе пропитание, когда кажется, что кругом нет ничего, кроме чертополоха; переносить тесноту и обиду в сырых блиндажах, грязных полевых столовых с вечно остывшим чаем, довольствуясь скудным сухпаем. И это, разумеется, не самые страшные испытания...

Три полных месяца, а не три дня, как обещал «шеф», предстояло провести в горах на посту и Арсену, презрев вполне реальную, почти такую же, как на войне, но расконцентрированную и растянутую во времени опасность. Где-то на пути из большой столицы «затерялось» письмо его редакции с ходатайством, обнаружившееся лишь спустя полтора месяца, когда от сборов уже никого не освобождали. К тому времени постепенно отпустили всех тех, кому на гражданке посчастливилось устроиться на работу и за которых заступилось начальство, направив военному руководству письменное ходатайство о досрочном освобождении от сборов. Товарищи всё удивлялись, почему журналиста, единственного среди них, оставляют «мотать на всю катушку». Арсен отшучивался: «Действительно, что-то затянулась моя профессиональная командировка».

Между тем он незаметно подружился с горами, которые высились над белоснежными облаками, пронзив их своими седыми макушками. Ему нравилось, с каким философским спокойствием эти незыблемые создания природы наблюдали за полётом птиц под собой и всем, что творилось внизу. Горы учили быть всегда выше того, над чем удалось подняться и возвыситься, оставаясь при этом понятным и простым.

К концу сборов Арсен вместе с несколькими товарищами

покорил вершину горы Мров, одолев почти четырёхкилометровую высоту. Потом он часто вспоминал это рискованное восхождение. И не только потому, что испытал необычные чувства, попав, вопреки законам природы, в течение нескольких часов из лета в зиму (ближе к вершине повалил крупный снег, в то время как внизу стоял июньский полуденный зной), но и потому, что на высоте, казалось, находящейся над временем и пространством, он услышал зов предков и, глядя на свой маленький, покорёженный войной, но гордый край, понял, что это его судьба, судьба его деда, его отца... его будущего сына... «Боже, если мне суждено появиться на свет ещё раз, позволь мне родиться здесь, в Карабахе», - это признание стало откровением для самого Арсена. От этого ему, стоявшему по колено в нетающем снегу, стало тепло...

Арсен вернулся со сборов грязный и усталый, но на сердце было легко и чисто. Ничего другого, кроме сна, не хотелось. Постель казалась ему роскошью, поэтому он лёг прямо в военной одежде перед книжным шкафом на небольшом жёстком коврике, свернулся калачиком и почти тут же заснул. Успел лишь вспомнить, что год назад ему пришлось вот так же провести ночь: дом был полон нагрянувших коллег-журналистов из Еревана. Они приехали освещать годовщину победы в войне, но единственная тогда гостиница в городе была забита...

Отец же, как и в тот раз, не спал всю ночь: он укрыл Арсена своим одеялом и до утра следил, чтобы оно не сползло и сын не раскрылся...

ГЛАВА 12

С тех пор, как позвонила редактор газеты, предупредив, что собирается сократить штатного собкора, Арсен не написал ни строчки. Уже привыкший в свои двадцать восемь лет к самым различным ударам судьбы, он никак не ожидал его с этой стороны. Кто-то из коллег, желая то ли успокоить его, то ли, наоборот, сделать ещё больнее, сказал, что газету

купил один из влиятельных госчиновников, который теперь «заказывает музыку» и лично следит за подбором кадров.

Дело жизни, которому Арсен ещё в отрочестве решил посвятить себя, теперь казалось далёкой и несбыточной мечтой. Арсен уже не представлял, как можно взять ручку и, непринуждённо зажав её между пальцами, выводить буквы, слова, предложения. Плести паутину слов в пространстве и времени, опутывая ею людей, человеческие судьбы, явления и события, часто, быть может, не имея на то права. Опутывать других и самого себя...

Писать, писать и писать... Сейчас это казалось ему невозможным, и Арсен искренне удивлялся, как в течение пяти лет занимался этим каждый день со страстной охотой. Он молчал, находя в этом не только покой, но и своеобразную свободу. Не стал писать и позже, когда слово, казалось, стало выпутываться из тенёт, и журналистика оживилась, пополнившись новыми изданиями и лицами.

Он словно оказался между прошлым и будущим, настоящее же пребывало в вакууме и казалось нереальным.

- Ты не имеешь права не писать. Любая газета отхватит тебя с ногами и руками, - говорил тот или иной из бывших коллег, не понимая, как теперь Арсен далёк от них.

Он продолжал молчать, с безразличием отклоняя предложения различных изданий. Теперь Арсен ясно понимал, что невозможно подчинить слово времени, как и обратное - заключать время в плен слова. Он знал, что нельзя обманывать словом время, раболепствовать посредством слова перед временем. Звёздное видение подсказало ему, что слово, брошенное в вечность, сохраняется в ней в первичном своём виде и смысле и, возвращаясь, требует отчёта...

Разглядывая порой ночное небо, Арсен безуспешно искал там Звёздного Мальчика. В такие минуты появлялось чувство, похожее на жалость и тоску по прошлому. Он думал, что вот соберётся с силами, воспрянет духом и вновь, как прежде, начнёт жить настоящим и мечтать о будущем. Но, не находя рядом с Медведицей Мальчика, он снова уходил в себя...

Однажды в городе он случайно встретил Яну, и она

попросила немного проводить её. Девушка по-прежнему была очень красива, но Арсен теперь не заметил звёзд в её глазах. Она жаловалась на своего нового друга, винила его в мягкотелости.

- Представляешь, этот слюнтяй заявил, что не пойдёт на брак без согласия матери?! Если так будет продолжаться, я дам ему отвод...

Арсен поймал себя на мысли, что почти не слушает бывшую пассию и не реагирует на её слова. Потом, когда уже разошлись на перекрёстке, он подумал, что хотя бы ради приличия стоило высказать ей нечто вроде сочувствия и поддержки... Арсен невольно обернулся, но Яна уже успела превратиться в маленькую точку, которая не могла услышать его.

Он сначала пожалел, что его девушка, пусть и бывшая, превратилась в пятнышко. Но затем пришёл к мысли, что это даже хорошо, потому что слова, которые он собирался выдавить из себя, наверняка получились бы неестественными, неискренними и лишь разбередили бы давно оконченный разговор.

Ещё он подумал, что Яна, наверное, тоже обернулась или вот-вот обернётся и найдёт его маленькой, ничего не значащей для себя точкой. А через минуту, когда они отойдут ещё на некоторое расстояние, вообще не различат в пространстве друг друга. От этой мысли стало неприятно, и дальше он шёл, чувствуя себя крохотным, никому не нужным пятнышком.

«Мал и ничтожен человек в бесконечности времени и громаде пространства, - думал он. - Лишь любовь, словно мощная лупа, увеличивает человека, возвеличивает его. Она находит и сводит во времени и пространстве двух существ, чтобы наполнить их жизнь смыслом и значением, слепить их судьбу... Без любви же человек - ничто».

Потом Арсен склонился к мысли, что разумно и логично, когда человек периодически осознаёт своё ничтожество и ограниченность. Благодаря этому он, пожалуй, больше прикрепляется к жизни, понимая, что не стоит сопротивляться ей.

«Зачем пытаться вернуть прошлое - надо жить настоящим,-

Арсен почувствовал, что начинает обретать душевное равновесие. - Нельзя сопротивляться будущему - ведь оно может наступить и без нас».

Теперь Арсен не жалел о том, что через минуту от девушки не останется даже маленького пятнышка, видимого глазу.

«Растворюсь и я, окунувшись в бесконечность времени, доверюсь его течению - разумная волна прибьёт к новому берегу. Главное - не устать смотреть вперёд», - думал Арсен.

«Вперёд, вперёд к будущему! К будущему, где живёт Звёздный Мальчик!..»

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Годы спустя шестилетний сынишка почему-то спросит Арсена, заплакал ли он, когда умер его папа? Арсен скажет уклончиво: «Я не умею плакать...»

Сынишка хитро улыбнётся в ответ: «А мне показалось, что когда я назвал имя дедушки, ты чуточку заплакал, одним глазом».

Арсен отвернулся, чтобы малыш не увидел его слёз...

Примечание:

*** ГСВГ** - Группа советских войск в Германии

2007-2009 гг.

Посвящаю памяти деда, пропавшего без вести в годы Великой Отечественной войны

ПРЫЖОК

Повесть

ГЛАВА 1

ЖГУТ ИЗ НЕРВОВ

Иллюстрация Альберта Саркисяна

Едва переступив порог дома, он, стиснув зубы, оторвал от руки гипс, в который за месяц успели врасти тысячи волос. Боль была чрезмерная и незнакомая - казалось, сдирал с себя кожу. Стерпел, даже не выругался, как обычно делал это при сильной боли. Лишь пронеслось в голове: «Наверное, деревьям бывает так же больно, когда буря вырывает их с корнями».

Арсену стало жалко вызволенную из месячного плена руку - жгут из сухожилий и нервов. Она безвольно свисала, не

подчинялась ему, казалась чужой, чужеродной - будто приклеили к плечу что-то искусственное, бутафорское.

Впрочем, поначалу врачи «грозились» вовсе отрезать её. Но сама рука, раздробленная автоматной очередью, словно пожалела хозяина и стала потихоньку заживать: ведь целых двадцать четыре года она была его живой плотью, органичной частью. И всё же кость на предплечье срослась криво - скорее из-за безалаберности людей в белых халатах. Посмотрев рентгеновский снимок, врач преспокойно предложил раненому сломать кость и сращивать её заново, «как положено». Что-то горячее - то ли возмущение, то ли обида - прилило к сердцу Арсена, терпение лопнуло. Он потребовал выписать из больницы, не дожидаясь окончания назначенного полуторамесячного курса лечения...

Итак, Арсен оторвал от руки гипсовую повязку вместе с вросшими в него волосами и с негодованием отогнал чувство жалости к себе, появившееся при виде того, что скрывалось под гипсом. Невероятно истончавшая рука, а вернее, кость, обтянутая кожей, казалась наполовину короче здоровой. Пальцы на уменьшившейся до детских размеров кисти не шевелились. Бесчувственную синюю кожу вокруг ран можно было спокойно, не морщась от боли, колоть шилом или резать ножом. Единственное, что свидетельствовало о наличии в руке жизни, был зуд...

Правда, Арсен вскоре с удивлением обнаружил, что больная рука обрела уникальную чувствительность совершенно иного рода, как бы стала «вторым» органом слуха. Вернее, это было «первое ухо»: прежде чем услышать какой-либо резкий звук, Арсен воспринимал его рукой - этот звук отзывался болью на месте ран...

Юноша раньше никогда не ломал себе руки или ноги, и теперь, помимо непривычности и всяческих неудобств, такое положение казалось ему унизительным, и он хотел поскорее избавиться от навалившихся незнакомых хлопот, войти в обычную колею, вернуться к прежнему ритму жизни. Арсен намеревался не только полностью восстановить раненую руку, но и сделать её сильнее здоровой правой руки. Конечно, это

шло вразрез с законами науки и самой природы, но свойственная ранней молодости неутихающая внутренняя буря не позволяла Арсену дать истинную оценку собственным возможностям, определить меру своих сил. В создавшейся ситуации это было даже хорошо, потому что стремление прыгнуть выше собственной головы помогало юноше бороться со своей немощью и продвигаться вперёд наперекор безнадёжности.

В качестве гантели вначале он использовал футляр пишущей машинки - первый попавшийся на глаза удобный предмет. С большим трудом зажимая при поддержке правой руки рукоятку футляра в безвольных, негнущихся, словно набитых ватой, пальцах левой руки и превозмогая режущую боль в плече, Арсен тщетно пытался хотя бы чуточку приподнять руку, которой ещё месяц назад спокойно жал тяжёлые гири...

ГЛАВА 2

ЧАСЫ И СЕРДЦЕ

Тик-так, тик-так... Бой часов напоминает биение сердца. Кажется, в один момент они сливаются - стук механических часов и живого человеческого сердца. Оба они отсчитывают время: часы - вселенское время, сердце - время, отпущенное человеку в скоротечной земной жизни. У Арсена вдруг защемило в груди: ему показалось, что часы вот-вот остановятся, а вместе с ними и сердце... Он очнулся от неглубокого сна весь в поту и ощутил привычную тупую наэлектризованную боль вдоль левой части тела - от шеи до стопы. Особенно давило в области сердца - одна из пуль прошла в нескольких сантиметрах от него и, пробив плечо, отскочила рикошетом от задней стенки бронежилета и вошла в лопатку. Её извлекли, рана почти зажила, но жжение осталось. Мучили спазмы, особенно по ночам. Порой так зажимало сердце в тиски (словно смыкалось кольцо вражеского окружения), что казалось, ещё немного, и...

«Ты только будь, пожалуйста, со мною, товарищ Сердце», -

до Арсена стал доходить смысл внешне нехитрых строк из песни, выплывшей из его коммунистического детства (тогда эти строки казались ему странными, более того - нелепыми). В конце концов, рвётся там, где тонко. А что такое сердце, хрупкое человеческое сердце, как не мышца, кусок мяса? Ведь и оно однажды может не выдержать, разорваться, перестать биться...

От таких мыслей грудь наливалась тревогой, беспокойством - чувствами, которые сопутствуют физическому ощущению боли. Тоска сосала под ложечкой, казалось, вот-вот высосет из сердца все остатки сил и саму жизнь, удивительным образом поместившуюся в этот небольшой мускульный мешок. Душа съёживалась в комочек, вызывая ощущение потерянности и безысходности. Всё казалось бессмысленным и бесполезным. В такие минуты у Арсена неожиданно появлялось и чувство вины из-за того, что выжил в нечеловеческих испытаниях, стоивших товарищам жизни... Ощущение сдавленности в груди усиливалось, затруднялось дыхание, выступал холодный пот. Ещё немного, и... Но человеческий организм - сложный механизм саморегуляции, который даже в почти тупиковой ситуации подсказывает, как надо поступать и куда стремиться. И вот сквозь густые тучи, окутавшие душу, начинает пробиваться лучик, наверное, надежды. Душа постепенно разжимается, встряхивая с себя тревоги и сомнения, и над открывшейся перед духовным взором поляной выглядывает солнце...

Тик-так, тик-так... Часы невозмутимо отсчитывали время, и Арсену вдруг подумалось, что если обычного, здорового человека каждая новая минута приближает к смерти, то идущего на поправку тяжелораненого, наоборот, отдаляет от неё и возвращает к жизни. Эта парадоксальная мысль стала настоящим открытием для юноши...

Стрелки показывали половину пятого. Темнота за окном была густой и холодной. Тишину нарушал лишь доносящийся издалека собачий лай, переходящий в скулёж. «Подъём» через два часа...

Приходилось всё время лежать на правом боку - таким

образом Арсен боролся со спазмами в области сердца. Это давалось нелегко: до ранения у него была привычка ёрзать в постели, переворачиваться во время сна с боку на бок. Спал он вполглаза и точно знал, что полседьмого проснётся. Внутри словно сидел часовой механизм, и даже если порой Арсен настраивал будильник, то за секунду до звонка непременно просыпался и отключал его, чтобы не будить домашних...

Ровно в половине седьмого он открыл глаза. За окном уже было светлее, ощущалось свежее дыхание утра.

«Пора!» - с этой команды Арсен начинал день, который почти целиком был посвящён борьбе со своей немощью и преодолению самого себя. Разбитое тело отчаянно сопротивлялось пробуждению, отяжелевшие веки никак не хотели размыкаться, но сила воли брала своё.

ГЛАВА 3

ЛИНИЯ ЖИЗНИ

«...Последствия сквозных пулевых ранений средней зоны левого плеча и нижней зоны левого предплечья с повреждением сосудисто-нервного пучка, плечевой кости и лучевой кости с обширным дефектом мышечных тканей... Огнестрельный консолидированный перелом средней зоны плечевой кости, неправильно консолидированный перелом нижней зоны левой лучевой кости с постоянным болевым синдромом... Полная непроводимость...»

От медицинской бумажки, написанной крайне корявым почерком, разило безысходностью.

«Интересно, почему врачи пишут столь неразборчиво и небрежно? - Арсен отложил эпикриз. - Что это? Пренебрежительное отношение к болезни или больному? А может, неуверенность в себе и диагнозе? Не поступают ли они так, как дети в школе, когда, сомневаясь в правописании, пишут неразборчиво, чтобы можно было принять букву «а» за «о» и наоборот?..»

Арсен не был суеверным, но однажды, ещё в студенческие

годы, ему случайно попалась на руки книжка по хиромантии. Просмотрев её, он из любопытства стал изучать узоры на своих ладонях. Они предрекали долгую жизнь, но... Но при условии, если удастся преодолеть серьёзное испытание, ожидающее примерно на трети жизненного пути... Удивительное дело: после гипса тоненькая, ранее не существовавшая линия соединила две глубокие линии, обещавшие достаточно продолжительную и благополучную жизнь! Юноша сейчас воспринял это как знак судьбы. Он больше верил тому, что написано на руке, чем на исцарапанных пером медицинских бумажках.

Подспорьем на нелёгком пути преодоления немощи служила книжка о шаолинской традиции боевых искусств - «Управление дыханием ци-гун», за которую в своё время Арсен выложил половину студенческой стипендии.

«Не обращайте внимания на зимний пронизывающий холод, на летнюю испепеляющую жару, не оправдывайте себя плохим самочувствием и тяжёлой болезнью, трудностями обстановки, нужно постоянно и усердно заниматься упражнениями, не поддаваясь лени... И если есть у тебя воля, то в результате усилий твоих железная балка сточится до размеров швейной иголки...» - учила книжка.

Когда-то, воодушевлённый фантастическими достижениями шаолинских монахов, Арсен ежедневно занимался по несколько часов внутренними дыхательными техниками и восточными видами единоборств. Но теперь внутренняя сила, которая тогда увеличивалась вместе с крепнущими мышцами, упиралась в навалившуюся в один миг физическую немощь... Нужно было начинать всё заново.

И начав с самого малого, Арсен стал планомерно увеличивать нагрузки. Футляры, стулья, табуреты вскоре заменили спортивные снаряды. День ото дня он прибавлял диски к съёмной гантели. Резиновый эспандер терял упругость, отдавая последнюю мышцам своего «мучителя». От нагрузок и напряжения рука наливалась страшной тяжестью, казалось, что вот-вот лопнут раздувшиеся жилы. К вечеру юноша нередко валился как подкошенный. Отгоняя прочь порой

мелькавший призрак безнадёжности, он часто доводил себя до изнеможения. Мускулы ныли, но кровь кипела и звала на подвиги во имя самозащиты и самосохранения.

Каждый день Арсен неизменно просыпался в назначенный час и с новой решимостью принимался за тяжёлую работу. Постепенно рука обретала прежний вид, возвращалась чувствительность. Поначалу это было неприятное ощущение покалывания и жжения, но оно радовало и вселяло надежду на исцеление.

Разумеется, Арсен не забывал и про здоровую руку, которая сама жаждала привычных ей физических нагрузок и, кажется, на время вобрала в себя всю силу левой, чтобы затем по щепотке возвращать её восстанавливающейся руке. Однажды бабушка застала его отжимающимся на одной руке и поспешила на помощь: ей показалось, что внук упал и никак не может подняться...

ГЛАВА 4

НЕОБЫЧНЫЙ ПРЫЖОК

Арсен давно внутренне готовился к этому, тем не менее сейчас сильно волновался. Он стоял неподвижно перед турником во дворе и, прикрыв глаза, пытался сконцентрироваться. Было ещё темно и достаточно свежо. Казалось, вместе с сердцем вокруг замерли и звуки, не было никакого движения. Редкие звёзды холодно глядели сверху.

Арсен готовился к прыжку. Служа в армии, он подтягивался на турнике до двадцати пяти раз, хотя для отличной оценки требовалась всего половина этой цифры. Мог подтянуться и на одной руке, для равновесия держась за предплечье кистью другой. Но сейчас была совершенно иная ситуация. Левая рука с трудом поднималась лишь наполовину, к тому же была короче правой сантиметров на десять. Арсен должен был прыгнуть, схватиться правой рукой за перекладину, потом попытаться каким-то образом дотянуться до неё и левой рукой. При этом он понимал, что боль будет

страшной, ибо даже простое поднятие руки выше плеча причиняло страдание. Но что оставалось делать? Лишь таким образом можно было растянуть сжавшиеся, укоротившиеся от долгой неподвижности мышцы. Только так - более сильной болью - можно было одолеть боль и немощь.

В самом деле, предстоял необычный прыжок. Юноша понимал, что, подобно вожаку в волчьей стае, он не имеет права на промах. Образно говоря, это был прыжок в будущее: он должен оттолкнуться от настоящего, которое не было ему на руку, и прыгнуть в будущее. Если же вдруг не достигнет цели, то так и останется висеть между прошлым и будущим - хилый, слабый, не нужный никому...

- Овца кормится травой, а волк кушает овцу. Надо быть сильным, чтобы не слопали тебя, - Арсен вспомнил слова одного из боевых товарищей. - Слабых лишь презирают, их даже не жалеют. Когда орёл, выхватив из стада ягнёнка, лихо взмывает под небеса, не жалостью к жертве проникаешься, а невольно восхищаешься хищником...

«Надо быть сильным!..» - эти слова стали сигналом к действию. Сработала некая внутренняя пружина, подбросившая его вверх. Арсен схватился здоровой рукой за перекладину и стал тянуться к ней левой рукой, подтягиваясь правой. Достал, с трудом сжал непослушные пальцы, расслабил здоровую руку и... чуть не потерял сознание.

Предрассветную тишину разорвал крик. Арсен не узнал собственного голоса. Казалось, что кричал кто-то другой - впервые он реагировал на боль подобным образом...

ГЛАВА 5

А БЫЛ ЛИ СТРАХ?

«Изгони прочь из сердца страх, а боль сама потихоньку пройдёт», - первое, что сказала Арсену бабушка, навестив его в госпитале.

Эта маленькая, потерявшая в двадцать лет на войне мужа и исстрадавшаяся за свою жизнь старушка, всячески оберегала

внука с малых лет от боли. В свои шестьдесят с лишним бабушка залезала на дерево за грушами или яблоками, лишь бы огородить от этой опасной затеи Арсена. Она советовала ему, непоседливому ребёнку, не драться с дворовыми мальчишками, беречь себя, «быть осторожным». Арсен поступал наоборот: сам часто провоцировал драки, был первым забиякой во дворе, нередко лез в неравный бой с двумя-тремя мальчишками, ходил постоянно в ушибах и синяках. И, даже будучи побитым, мнил себя бесстрашным героем из любимых сказок и мультфильмов.

Чтобы усмирить его, мальчишки постарше однажды решили устроить показательное судилище. Они окружили Арсена, зачитали «обвинительный приговор»: «Повесить на суке тутового дерева за тяжкие преступления в отношении детей, собак и кошек двора». Но нелегко было взять Арсена на испуг - он не выказал и тени страха, когда подростки, подтащив к дереву, надели ему на шею верёвочную петлю, напоминавшую ошейник. Арсен успел даже пнуть главу «инквизиторов», который давал команды неестественным писклявым голосом. Правда, из глаз неожиданно брызнули слёзы. Но это были слёзы обиды...

Лишь однажды мальчик дал промах, и этот случай он впоследствии вспоминал чаще всего с определённым стыдом и одновременно с нежным чувством, потому что эпизод был связан с матерью, рано ушедшей в мир иной.

Как-то раз на пути из школы, уже в нескольких метрах от своего двора, на него, второклассника, неожиданно напали двое незнакомых мальчишек-близнецов. До этого он заметил мать, которая, стоя у ворот двора, улыбалась ему. Он осклабился в ответ и уже собирался побежать навстречу, как почувствовал боль в области затылка. От того ли, что мать была свидетелем, или от неожиданности, Арсен растерялся, и мальчишки успели нанести несколько безответных ударов. А спустя миг он увидел мать рядом - она схватила мальчишек за шкирку, и те приняли жалкий вид. Он впервые видел в гневе всегда тихую, кроткую маму, которая не только не поднимала на детей руку, но и голос...

Этот эпизод сыграл свою роль: вскоре Арсен перестал драться, и из мальчишки с петушиным задором превратился в прилежного ученика, уразумев, что агрессивность - далеко не всегда признак силы и бесстрашия, скорее наоборот - слабости и страха...

А был ли страх, о котором говорила бабушка? Оставил ли он свой след в юношеском сознании, наложил ли он отпечаток на психику после того, как война коснулась парня своим чёрным крылом, а смерть посмотрела на него почти в упор?

Конечно, в памяти Арсена навсегда остались боль и кровавый след на, казалось, не имеющем конца многокилометровом пути с места боёв до полевого госпиталя, куда, к удивлению товарищей, Арсен добрался практически сам, молча, не прося кого-либо о помощи. Тогда ему было не до страха, нужно было выбраться, выжить. Сработал инстинкт самосохранения, задействовала заложенная природой программа защиты от саморазрушения. Арсена беспокоило лишь то, что, несмотря на все старания, может просто изойти кровью, что её, как бензина автомобилю, не хватит. Но кровь, к удивлению, не кончалась, и он шёл, оставляя в горячем от летнего зноя лесу непрекращающийся и не менее горячий красный след...

Однако это не был след страха, а путь преодоления страха - путь переосмысления и самоочищения...

ГЛАВА 6

ЧЕЛОВЕК И ЖИВОТНОЕ

В щель дверцы пышущей жаром печки (в те военные годы, когда в городе не было газа, а электричество подавалось по строгому графику, в каждой квартире топили дровяную печку) выглядывала головешка. Вначале она удивительным образом напоминала оскалившегося волка с горящими глазами. Потом под воздействием огня головешка неожиданно превратилась в рыбу, скорее - сома. Затем - в бычка. Потом огонь сожрал бычка, оставив на его месте кучку пепла...

Наблюдая за забавными метаморфозами, Арсен подумал, что человеку в жизни порой приходится незаметно для себя трансформироваться в животное, вернее, в зависимости от обстоятельств вести себя как тот или иной зверь. На войне, где человек настолько уязвим, что напоминает воздушный шарик (когда пуля достает человека, жизнь с шумом выходит из него, как воздух из лопнувшего шара), царят волчьи законы, и люди, чтобы выжить, невольно превращаются в хищников. Происходящие в человеке перемены помогают ему самозащититься в ситуациях, выходящих за пределы обычного жизненного опыта и угрожающих физической целостности.

С окончанием войны некоторые снова обращаются в миролюбивых животных, другие же не спешат или уже не в состоянии выйти из шкуры хищника. Различные превращения продолжаются до тех пор, пока жизнь не угасает в человеке, пока время, подобно огню, не пожирает все его силы, влечения, страсти, мечты детства и надежды юности, страхи и боли, связанные с земным существованием...

Печка стала остывать. Арсен открыл дверцу, заглянул в горячий зев нехитрого металлического сооружения, поворошил кочергой головешки, сгрёб их в передней части и наложил на них пару дров. Вскоре они стали шипеть, затем, когда разгорелись, послышался характерный треск, который придает домашнему уюту (особенно по тихим зимним вечерам) дополнительный оттенок, колорит. Наблюдая за игрой огня, Арсен унёсся мыслями в детство, в котором большую роль играла бабушка.

Несмотря на четыре класса образования, она знала много стихов, притч, сказок, легенд и умела так увлекательно и красочно рассказывать их, что персонажи: герои и злодеи, красавицы и чародеи - оживали. Нередко бабушка импровизировала, добавляла что-то своё. Арсен с интересом слушал её байки, но из рассказов старушки больше всего мальчика тронула реальная история отправки на фронт коня Тапала - так прозвали его за большую белую отметину на лбу. После того, как на вторую мировую, Великую Отечественную войну, мобилизовался дед, подоспел черёд и коня.

- Красивый был конь: с огромными агатовыми глазами, роскошной гривой, кроткий и умный, - бабушка всегда приходила в умиление, вспоминая Тапала. - Словно мысли наши читал, чувствовал настроение. Дед твой, будучи агрономом сразу на три села, не обходился без него. Ранним утром они выходили со двора, а возвращались в сумерках. Дедушка жалел Тапала, большую часть пути он шёл пешком рядом со своим неразлучным другом и всё разговаривал с ним как с человеком...

Но постепенно умиление проходило, и исхудалое, сплошь испещрённое морщинами лицо старушки становилось грустным. Арсена пронизывала жалость, когда бабушка рассказывала о сцене прощания с конём. Он представлял себе, что чувствовала тогда маленькая, худенькая женщина, оставшаяся с тремя малышами на руках, глядя на бедное животное, которое было её единственной опорой и поддержкой. В отличие от своих сородичей, Тапал не ржал и не брыкался - не выражал недовольство понукающим. Конь лишь поглядел на хозяйку краешком больших умных, полных человеческой грусти глаз и послушно впрыгнул в товарняк...

Бабушка, конечно же, понимала, что видит Тапала в последний раз и незаметно вытирала слёзы. Внезапно сердце пронзила другая боль - до неё вдруг дошло, что и мужа больше не увидит... Так, человек и преданное ему животное ушли, растворились в вечности.

Боль осталась...

ГЛАВА 7

ПРЕОДОЛЕНИЕ БОЛИ

Из всех разновидностей страха человеком, которому вообще свойственно периодически чего-то бояться, наверное, чаще всего овладевает страх боли.

Боль и угроза боли сопровождают человека всю жизнь. Боль старается всячески унизить его, подчеркнуть зависимость от себя. Она пробует превратить человека в труса

и подхалима. Но однажды существо, обладающее даром мышления и речи, должно собраться с силами, преодолеть боль и, став выше неё, с гордостью осознать себя Человеком, доказать, что не страх является регулятором поступков и действий, а Дух, который зреет и крепнет вместе со становлением человеческой личности.

С момента, когда человек осознаёт, что боль - категория не только физическая, начинается его взросление. Вдруг он обнаруживает, что больно не только боксёру, пропустившему прямой удар, или же женщине, рожающей малыша на свет Божий. Оказывается, что и мыслителю порой бывает больно мыслить, а художнику - писать картину, что у поэта стихи часто рождаются из боли...

В отличие от боли физической, боль душевная не ограничена. Такая боль нередко кажется беспричинной, странной и незаслуженной. Вернее, её причину человек инстинктивно ищет вне себя, подобно ребёнку, у которого прорезывается зубик, а ему кажется, что в боли и страданиях виновата ласкающая и успокаивающая его мать. И не каждый готов выносить свою боль, нести её по жизни с достоинством.

Люди умирают на войне и в других экстремальных ситуациях по-разному: не только от смертельных ран, от боли и болевого шока, но и от ожидания смерти, быть может, ложного, от элементарного страха, чаще всего страха боли, неимоверной боли. Умирая же, они по-разному относятся к причинённой им боли, нередко диаметрально противоположно реагируют на примерно равную по величине боль.

В одном из боёв на глазах у Арсена погибли трое товарищей. Первому было лет двадцать пять. Пуля попала ему прямо в лоб. Умирая, в агонии парень не кричал и даже не стонал, а лишь звал маму и, кажется, просил у неё прощения...

Второй, пулемётчик, раненный в живот, погибал с улыбкой на губах. Ему не было и девятнадцати, но он успел повоевать - в добровольцы записался в семнадцать лет...

Третий, зрелый крупный мужчина, был ранен осколками разорвавшейся неподалеку гранаты. Весь в крови, он кричал и просил ребят, чтобы не оставили его...

Арсен знал и случаи на войне, когда, спасаясь от смерти, боец, подобно волку, отгрызающему лапу, чтобы выбраться из капкана, отрезал себе руку, попавшую в ловушку смерти. Было и наоборот: чтобы погибнуть достойно и не попасть в плен, солдат, презрев боль и смерть, взрывал себя гранатой, унося неприятеля с собой в мир иной. Имели место и совершенно невероятные, неестественные случаи, когда, к примеру, боец со вспоротым миномётным осколком, словно скальпелем, животом совершенно спокойно разговаривал с товарищами, которые в полуобморочном состоянии, борясь со рвотой, вправляли ему внутренности...

В любом случае, война и смерть, причиняя человеку огромную боль, брали что-то своё - если не саму жизнь, то частичку тела или души. Но далеко не всегда, покалечив человека физически, война была в состоянии сломать его дух. Арсен поражался, как колясочники с парализованными, хилыми, иссохшими ногами, с пластмассой вместо черепа, люди без кисти и ступни умудрялись всегда быть бодрыми, во всяком случае, на людях: веселились, танцевали, сочетались браком.

С той поры, когда страшное увечье зажало их в тиски, задачей и проблемой номер один для них стало уместить себя во времени и пространстве таким образом, чтобы как можно меньше доставлять хлопот и неудобств родным и близким - тем, за которых они собственно и пожертвовали своим здоровьем на коварной войне. Борясь каждую минуту, каждый миг со временем и пространством, пространством, где время словно застыло, и каждая минута - длиною в целую вечность, они умудрялись стать выше боли и заражать окружающих своей жизнерадостностью. И порой казалось, что перед тобой не искалеченная войной молодость, а сказочный богатырь, которому судьбой велено сиднем сидеть определённое время, чтобы затем вдруг встать, расправить плечи и пойти совершать подвиги...

Арсен часто вспоминал и другого мужчину, с дородной фигурой и лицом интеллигента. Из-за нехватки мест в больнице его, страдавшего почечными коликами и не имевшего никакого отношения к войне, положили на пару

дней в одну палату с ранеными. Этот здоровила патологически боялся боли, за что его невзлюбили даже врачи и медсёстры. Не стесняясь раненых, он, словно ребёнок, вечно стонал, ныл и брюзжал, упрекая врачей в том, что они якобы оказывают ему мало внимания. Вместе с тем, страх пронизывал все фибры его существа, когда появлялась медсестра со шприцем, чтобы впрыснуть ему болеутоляющее лекарство. Детина становился бледным, как полотно, глаза выпучивались от ужаса, его всего трясло... Всё это выглядело весьма карикатурно, походило на фарс и изрядно веселило раненых. «Надо же, снаружи - лев, а сердце - заячье», - не выдержал один из них.

Чтобы попытаться понять малодушного гиганта, Арсен разговорился с ним. Тот утверждал, наверное, стараясь оправдать себя, что героев как таковых в природе не существует, а есть люди «трусливые» и «более трусливые», которые кажутся на фоне первых героями, ибо вдобавок ко всему боятся и своей трусости, стесняются её и всячески стараются скрыть свой страх...

Переосмысливая увиденное и услышанное, Арсен пришёл к выводу, что человек, скованный страхом, обречён, имеет гораздо меньше шансов выжить в экстремальной ситуации, победить свой недуг, реинтегрироваться в общество. Заползая в душу и постепенно овладевая ею, страх разъедает человека изнутри, убивает его морально, опуская на уровень животного.

Потому Арсен внушал себе, что его рана - пустяк. Пули всё-таки пощадили его: нерв не был повреждён настолько, чтобы умереть, и сердце не было поражено настолько, чтобы не выдержать. Худо-бедно, но раздробленные кости срослись. Главное-было над чем работать, что и делал он с большим усердием.

Постепенно рука стала заживать. Тошнотворная, наэлектризованная боль, пусть и медленно, но отступала. Рука обретала свой прежний вид. Вслед за большим пальцем зашевелились и остальные, в них возвращалась жизнь, а с ней - и сила. Сила жизни, подкреплённая верой, которая способна двигать горами...

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Как-то, уже после войны, Арсену повстречался в городе знакомый - иссохший и сгорбленный, словно спешащий превратиться в старика юноша. В годы войны он устроился в тыловую службу, а теперь занимал какую-то должность в городской мэрии. За те полсотни метров, которые они прошли рядом, попутчик успел объяснить Арсену свою жизненную концепцию.

- Главное в этой жизни - суметь прыгнуть как можно выше и поцеловать кое-кого в одно место. Не всякому это удаётся, тут особая прыть нужна, - говорил он с видом мудреца.

Разжёвывая свою мысль, непринуждённо добавил:

- Надо подличать, дорогой. Согласись, у каждого из нас есть такая способность. Так почему бы не использовать её себе во благо?

Когда Арсен, к изумлению своему, понял, что его попутчик не шутит и не иронизирует, а говорит на полном серьёзе, он искренне пожалел «счастливчика», покорившего «высоту».

Да, иной раз падающему в бездну кажется, что он взмывает к вершинам своей заветной мечты...

2010 г.

ОЖИДАНИЕ

Иллюстрация Альберта Саркисяна

С тех пор, как родная деревня была захвачена противником, Владимир жил одной мечтой - вернуться на старое пепелище, возродить домашний очаг.

Он оставил единственного сына в райцентре у родственников, а сам вернулся в отряд самообороны, который, отступив в лес, готовился к освобождению деревни.

Владимир периодически навещал сына, приезжая вместе с товарищами на старом грузовичке за провизией. Худой как щепка светловолосый мальчишка лет десяти с трудом расставался с отцом, заменявшим ему и мать, которую мальчик не видел и знал лишь неосознанно, изнутри, находясь у неё в утробе, - она умерла, произведя его на свет. Однако он провожал папу на передовую с неизменной улыбкой на губах, хотя грусть в глазах выдавала внутреннее состояние. Словно чувствуя, когда грузовичок вернётся, мальчик непременно встречал отца с боевыми товарищами у въезда в город с той же приветливой улыбкой. Бойцы,

обросшие и грязные, выпрыгивали из кузова машины и спешили погладить грубыми, заскорузлыми ладонями золотые кудри мальчика. Отец клал видавший виды автомат с выцветшим исцарапанным прикладом на землю и, несмотря на чудовищную усталость, поднимал сына на руки, сжимал его в крепких объятиях и держал с минуту так, словно давал послушать биенье родительского сердца...

Владимиру уже перевалило за 45 лет. Возраст непризывной, и не случайно боевые товарищи назвали его Дедом. Образ «деда» дополняла густая с проседью борода, которую он обещал не брить до тех пор, пока не будет освобождена родная деревня.

Тем временем с переменным успехом продолжались тяжёлые бои; всё реже и только с наступлением сумерек приезжала полуторка. Но мальчик непременно находился на своем «посту» у мшистого валуна. Он неизменно встречал с ангельской улыбкой отца и его товарищей, теперь всё более усталых и грязных.

Накануне долгожданного освобождения деревни Владимиру приснился странный сон: вместе с сыном оказывается в глухом незнакомом лесу и, пробираясь сквозь густые заросли, пытается найти дорогу домой. Колючие кустарники, словно злые псы, цепляются за одежду, сгущающиеся сумерки вот-вот проглотят лес и всё сущее в нём. Владимир идёт впереди, с трудом пробивая дорогу, а сынишка, выбившись из сил, плетётся сзади, пыхтит. Но вдруг Владимир перестаёт чувствовать дыхание за спиной, оборачивается и не находит мальчика. Он зовёт сынишку, кричит что есть мочи. Но в ответ лишь ветер завывает в кронах деревьев. И вдруг из зарослей неуверенно, пошатываясь, выходит ягнёнок и произносит человеческим голосом: «Папа, это я. Не оставляй меня здесь одного...» Владимир берёт его на руки, прижимает к груди и... даёт волю слезам...

Боец проснулся в холодном поту и попытался отогнать нелепый сон: нельзя было расслабляться - через пару часов предстоял долгожданный штурм родной деревни...

Вскоре весть об освобождении села разлетелась по всей

округе. Мальчик вышел на свой «пост» у валуна и в ожидании отца с товарищами нарвал полевых цветов, сложив их в пучок. Получился пёстрый праздничный букетик. Он был уверен, что отец непременно приедет сегодня, чтобы обнять его, прижать к сердцу, в котором пульсировало счастье. На этот раз его глаза светились радостью. Он представлял сияющее родительское лицо, обрамлённое густой бородой, и невольно улыбался. Но шли часы, а машины всё не было.

«Наверное, папа приводит в порядок усадьбу, чтобы забрать меня домой», - успокаивал себя мальчик.

И он представил, как отец, доставив из сарая охапку дров, топит печку, чтобы комната согрелась к его приходу. А вечером они закопают в горячую золу картофелины и луковицы, как часто делали это в былое время, и вскоре те будут лопаться от жара с треском, напоминающим выстрелы, распространяя вокруг аппетитный аромат. От этого мальчик, успевший уже проголодаться, вкусно причмокнул...

Наконец издалека послышался родной шум мотора грузовичка, и вскоре сумерки прорезали фары. Мальчик, прихватив пучок полевых цветов, побежал навстречу тормозящей машины с распростёртыми, словно крылья, руками... Но что за заминка? Никто не спешил прыгать из кузова. Никто не торопился приветствовать мальчика, как это бывало раньше. Стояла какая-то странная тишина.

Наконец кто-то, словно нехотя, выпрыгнул из машины, затем второй, третий... Отца среди них не было. А ведь мальчик каждый раз первым замечал его, даже если было темно, даже если отец находился где-то посерёдке, между товарищами, всё равно сынишка видел, вернее, чувствовал его ещё издалека... - Сейчас мальчик не верил своим глазам - кузов был уже пуст. Словно на замедленных кадрах фильма последний прыгавший из машины боец повис в воздухе. Слёзы заволакивали огромные глаза мальчика. Всё поплыло перед затуманившимся взором, букетик выпал из рук...

Взрослые, грубые, заросшие мужчины стояли, потупив взгляды. Они не могли ответить на приветствие мальчика. Никто не спешил погладить его по головке.

Но вскоре один из бойцов подошёл, положил видавший виды автомат на землю, и, как это делал отец, поднял мальчика на руки, сжал его в крепких объятьях. И мальчик почувствовал, как неровно, тревожно бьётся солдатское сердце. По шершавым щекам бойца катились слёзы, и он не скоро выдавил из себя слова, которые никто не решался говорить мальчику. Но тот, конечно же, сам догадался, что, осуществляя заветную мечту - освобождая родную землю, отец пал смертью героя...

Владимира похоронили на старом погосте, рядом с родителями и женой, и это было единственным утешением...

Однажды, когда бойцы приехали за провизией, увидели... мальчика. Он стоял у обросшего мхом валуна и пытался улыбнуться так, как раньше улыбался отцу...

Мальчик встречал и провожал бойцов до тех пор, пока не кончилась проклятая война.

2010 г.

ОБЫКНОВЕННЫЕ ГЕРОИ

Повесть

ГЛАВА 1

Иллюстрация Айка Саадяна

–...Три, четыре, пять, шесть... - с усиливающимися по мере произнесения каждой последующей цифры тревогой и удивлением в голосе повторял во сне Камо, затем переходил на какое-то невнятное, судорожное бормотание. И трудно было определить, вспоминал ли он эпизод из своей военной жизни, когда, сидя в засаде в густых, мокрых от дождя зарослях, считал диверсантов, проникнувших в тыл с противоположного берега реки, или же подсчитывал, во сколько тысяч драмов обойдётся ему школьная экипировка детей - в нынешнем сентябре пойдёт в школу и четвёртый ребёнок...

Как и в других деревнях, утро в Вардашене начиналось рано. Едва забрезжил холодный рассвет, Заринэ бесшумно

поднялась, стараясь не разбудить детей, спавших в той же большой комнате, что и она с Камо, за перегородкой в виде массивного старомодного шифоньера с полинявшей тёмно-коричневой краской. Она осторожно укрыла младшую, Каринэ, которая всё время боролась во сне с толстым одеялом из овечьей шерсти, скидывая, наконец, его, и, слегка поёживаясь от утренней свежести, спустилась по скрипучей деревянной лестнице во двор. Заринэ черпнула большой алюминиевой кружкой воды из железного бака, плеснула себе в лицо, чтобы отогнать остатки сна, взяла из сарая эмалированное ведро, небольшой термос, полотенце и самодельный табурет, направилась к хлеву.

Услышав её шаги, Севук (Чернушка) протяжно замычала. Заринэ открыла грубо сколоченную дощатую дверь, и из тёмного хлева в нос ударил знакомый терпкий, тёплый запах навоза. Корова приветственно покачала головой, косясь на хозяйку большим блестящим глазом. Заринэ погладила её лоб с небольшой белой отметиной посередине, заговорила ласково: «Умница ты наша, кормилица...» Она подоткнула подол своего платья, села на табурет, поставила ведро корове под набухшее вымя, предварительно обмыв его водой из термоса и обтерев полотенцем. Налившиеся молоком соски животного словно только и ждали, когда к ним прикоснутся натруженные руки хозяйки - тёплые, исходящие паром струйки застучали о ведро...

Не прошло и четверти часа, как лестница снова жалобно заскрипела - это спускался Камо в выцветшем камуфляже, который носил ещё с военных лет. Он также помылся холодной водой из бака во дворе и пошёл выводить из стойла коня. Камо потрепал кроваво-гнедого Орлика по шее, почесал чёрную гриву. Конь дружески фыркнул и тряхнул головой.

Орлик не только служил лесному объездчику в качестве транспорта, но и был товарищем, своеобразным собеседником: необщительный с людьми Камо часто разговаривал с ним в лесу, делился мыслями и находил одобрение в умных глазах коня. Однако взаимное доверие приходило постепенно. Чтобы заслужить уважение строптивого животного, Камо

пришлось показать себя умелым наездником и заботливым хозяином. И если в первое время он относился к необъезженному и гордому жеребцу больше властно и покровительственно, чтобы подчинить его своей воле, то сейчас необходимости в этом не было - животное понимало его без слов.

Вообще Камо считал, что человек должен относиться с уважением как к человеку, так и к другим живым существам, ибо у всех у них одно дыхание, данное Богом. Он никогда не забывал эпизод из своего отрочества, когда привёл домой безродного щенка. Хотя собачка была неказистая, но у неё были большие выразительные, как у человека, глаза с грустинкой в уголках. Однако вскоре выяснилось, что животное страдает лишаем, и отец, опасаясь, как бы дети не подхватили от него заразу, приказал Камо прогнать собачку. Мальчик сунул щенка в рюкзак и отправился далеко в поле...

Вернувшись домой, Камо, к своему удивлению, нашёл отца крайне угрюмым. Судя по всему, он переживал за щенка, и когда тот на следующее утро неожиданно появился во дворе, вернулось и настроение отца. Он накормил его аппетитным куском мяса, затем, поместив в тазик, стал мыть уткнувшееся мокрым носом в его левую ладонь животное дистиллированным керосином - лохматую голову, шею, грудь, живот, спину, космы на ногах, пушистый хвост... Вскоре отец признался, что всю ночь его преследовали глаза собачки, её человеческий взгляд...

По меркам деревни Камо женился очень поздно - в тридцать четыре года. Помешали война, послевоенная неразбериха, неопределённость будущего. Да и подходящая девушка не встречалась. К тому времени в соседней деревне подросла Заринэ, дочь погибшего на фронте боевого товарища. Камо часто видел её во дворе и огороде, когда проезжал на коне мимо их дома в лес, справлялся о житье-бытье, предлагал помощь. Несколько раз он привозил им из леса дрова на зиму, дикие груши, яблоки, мушмулу. Заринэ, уже не подросток, но ещё не девушка, с покорной благодарностью принимала эти нехитрые подарки, исподлобья стеснительно глядя на Камо. Она отвечала на его вопросы односложно и тихо, почти

шёпотом, краснея при этом, отчего самому Камо становилось неловко...

Камо не заметил, как девчонка вошла в его сердце. Невозможно было определить тайну её обаяния - вроде бы ничего особенного: невысокий лоб с веснушками, густоватые брови над карими, слегка раскосыми глазами, обычный нос, немного приплюснутый, тонкие, стеснительно сжатые губы... Но в целом от неё, по-деревенски угловатой девушки с почти мальчишеской грудью и грубыми, натруженными руками, исходила какая-то женская мудрость, надёжность.

Камо, уже наполовину седой, также нравился Заринэ - внешне и некоторыми манерами он напоминал её отца, к которому она была очень привязана с малых лет. Девушка была младше Камо на шестнадцать лет. Мать Заринэ, почти ровесница Камо, от неожиданности лишилась дара речи, когда последний появился на пороге их дома не как обычно с охапкой дров или рюкзаком лесных груш, а с намерением просить руку её единственной дочери. Были против и немногочисленные родственники девушки. Но однажды в сумерках Заринэ ушла с Камо, на его Орлике...

ГЛАВА 2

Лесной объездчик Камо с юных лет любил бродить по горам и лесам, знал каждое дерево, каждый куст в окрестностях, был хорошим следопытом, а в годы войны - незаменимым разведчиком. Он распознавал следы в поле, в лесу, на участке, где земля испещрена разнообразными отпечатками копыт и лап. Камо не только разбирался в особенностях следов животных, но и делал выводы из запаха помятой травы, раздавленных насекомых. Ребята буквально ходили по его следам: там, где прошёл Камо, безопасность была гарантирована.

Ещё в 1990-м году, когда война подступала тихой сапой, он, студент четвёртого курса, оставил учёбу в России, вернулся в родное село и вместе с ребятами ушёл в лесистые

горы, в партизанские отряды. Бывало, опытный следопыт выводил группу разведчиков из кольца вражеского окружения. Пару раз солдаты противника, ни о чём не подозревая, проходили прямо под деревом, на котором он находился. А однажды Камо под прикрытием темноты зашёл во вражеский окоп, забрав в качестве трофея у спящих постовиков прибор ночного видения и средства связи.

За четыре года войны ребята вдоволь понюхали пороха, действовали храбро и дерзко. Но самым тяжёлым испытанием стал неравный бой с хорошо вооружённой диверсионной группой противника численностью более семидесяти человек. Именно Камо заметил их, подкрадывающихся под покровом тьмы. Диверсанты рассчитывали взять важный пост, затем продвинуться, занять несколько стратегических высот и установить контроль над местностью.

Бой начался на рассвете, окутанном туманом. Диверсанты были уверены, что сразу же после первого натиска противник побежит. Однако молниеносной атаки не получилось: шквал автоматного и гранатомётного огня, сопровождавшийся неестественными, дикими криками наступавших, ожидаемого эффекта не принёс. Ребята, подготовившиеся к отпору и пославшие солдата за подкреплением, не дрогнули, не побежали и держались до тех пор, пока не подоспела помощь. Даже тяжелораненые не выпускали из рук оружия... Заметив летящую прямо в него гранату, Камо успел перекатиться в сторону. Повезло, отделался лёгкой контузией и ранением в бедро...

Быть может, Камо вспоминал во сне именно этот бой, точнее, безлунную ночь, когда, засев в мокрых зарослях в засаду, считал диверсантов, проникнувших в тыл с противоположного берега реки. А может, он прикидывал, во сколько тысяч драмов обойдётся ему школьная экипировка детей - в сентябре пойдёт в школу и четвёртый ребёнок...

ГЛАВА 3

Женившись поздно, Камо решил наверстать упущенное: за пять лет у него родилось четверо детей - сын и три дочки. Ему сейчас было сорок пять, и с некоторых пор он стал замечать, что время стало лететь стремительно, новый год, казалось, наступал слишком быстро: не успеешь оглянуться, как юный Январь уже заменяет белобородого Декабря. «Вот так и жизнь незаметно пройдёт...» - порой предательски свербило в мозгу. Камо боялся не успеть поставить детей на ноги.

В военные годы, когда часто приходилось бодрствовать и днём, и ночью, он мечтательно думал: «Вот кончится война, целый месяц отсыпаться буду...»

Сейчас он спал всего четыре-пять часов в сутки, да и нередко сну мешали видения, по большей части кошмарные. Одно из них чаще других преследовало его, как во сне, так и наяву: большой осколок от разорвавшегося средь бела дня снаряда «Града» разрезал корову на две половины. Чудом уцелевший детёныш сосал её вымя, стараясь выжать последние соки матери. Жизнь питалась подаянием смерти, и это была не сюрреалистическая картина, не воображение, а на самом деле имело место - в центре села, рядом со зданием сельсовета...

Животное хозяйство у Камо с Заринэ было небольшое: лошадь, корова, два петуха, три десятка кур, десяток кроликов, две собаки. Камо был особенно дружен с собакой охотничьей породы Дратхаар, универсалом, которого используют как в охоте на птицу, так и на более крупного зверя. Гонча (так звали собаку) считали одним из умных «людей» села. Именно «людей» - он всё понимал, только не говорил, читал по губам хозяина. Камо был уверен, что Гонч соперничал бы с лучшими английскими и немецкими собаками.

Другая собака, огромная кавказская овчарка, днём вела себя очень скромно, незаметно, даже позволяла детям дергать свой короткий хвост. Но попробуй ночью незваному гостю подкрасться к дому...

Недостаток в живности компенсировал большой огород, где выращивались помидоры, огурцы, картошка, чеснок, лук,

фасоль, тыква, перец, брюква, репа, клубника. В саду росли яблоки, груши, слива. Хозяйка впрок заготавливала на зиму сухофрукты, которыми в долгие морозные вечера лакомились дети.

Хозяйство занимало много времени, однако Заринэ успевала заниматься детьми, помогала им готовить уроки. Камо, конечно, подсоблял ей - приносил животным воду, сено, колол дрова, чистил хлев. Однако он часто отсутствовал дома. Дети с пяти-шести лет приобщались к труду и помогали взрослым. Но порой их помощь выходила боком, оборачивалась новыми хлопотами. Месяца два назад сынишка, бегая за курицей, сунувшейся в огород, упал и сломал себе ногу. Перелом был сложный, как сказал сельский фельдшер - оскольчатый, и Камо пришлось занять денег и отвезти Паруйра в город для операции. В кость вставили металлический стержень. Камо пришлось заложить семейное золото и покрыть долг. Теперь ему предстояло найти деньги, чтобы взять обратно золото, которое досталось от почивших родителей и было гораздо больше, чем просто материальная ценность. А через пару месяцев требовалось провести новую операцию, чтобы извлечь металлический стержень...

У самого Камо в паху выскочила грыжа. Поначалу он вправлял пальцами внутрь небольшой бугорок, появившийся на коже. Но через некоторое время грыжа вновь появлялась в сопровождении приступа дикой боли. Требовалось вмешательство врача.

Неужели придётся продать коня? Камо старался не думать о такой перспективе...

ГЛАВА 4

Со времени прекращения активных боевых действий прошло уже немало лет, однако для Алика, проживавшего через два дома от Камо, война ещё продолжалась. Он всё ещё боролся с последствиями своих ранений, ведя неравную борьбу с Пространством и Временем...

Алику самой судьбой было предначертано стать воином, защитником родного очага. Когда началось Карабахское

движение, ему не было шестнадцати лет. Беспокойный юноша сразу же попал в водоворот бурных событий.

Неподалеку от родной деревни располагалось село Лесное, которое в скором времени азербайджанцы превратили в огневую точку, откуда обстреливали близлежащие армянские сёла, совершали ночные вылазки, угоняли скот. Движимый юношеским любопытством, Алик, тайком забрав охотничье ружьё отца, ходил в Лесное, вернее, в его окрестности, в своеобразную разведку, прятался в кустах и, затаив дыхание, следил за происходящим. Это было что-то наподобие игры, но однажды в отместку юноша пригнал из Лесного корову. А когда уже явно наметилось вооружённое противостояние, несовершеннолетний, но вполне зрелый на вид юноша попросился в ряды защитников своего села...

Первый бой был совершенно неожиданным и каким-то нелепым - с военнослужащими советской армии, которых на первых порах использовали для подавления народного движения... Заметив под деревом военный «Урал», ребята сразу смекнули - засада! На ходу распределили патроны, рассеялись по лесу. Вскоре послышались и первые выстрелы, затем автоматы заклокотали. Алик стал стрелять в ответ: АКМ без приклада, по неопытности дрожали руки.

Разгорался настоящий бой. Отстреливаясь, Алик побежал в сторону густых зарослей. Пули разрывали воздух рядом. Алик прыгнул в овражек, заросший лабазником и крапивой, лёг на дно. Маскхалат позволил слиться с окружающей зеленью. Противник был в двух шагах. Алик затаил дыхание: заметят - конец! В то же время он понимал, что полагаться лишь на случай и везение нельзя. Алик осторожно достал гранату - никогда прежде не пользовался ею. Выдёрнул чеку, как учили опытные товарищи, и, не вставая, с лежачего положения, бросил - попал в дерево напротив. Глухо ударившись о толстый ствол, снаряд упал в сросшиеся заросли и разорвался, почти рядом. Но юноша цел! Пользуясь суматохой, Алик встал и ломанулся что есть мочи через высокую поросль. Солдаты - за ним.

Впереди - глубокое ущелье, в запасе всего один магазин

патронов. Ситуация роковая. Алик вынул из магазина патрон, засунул в карман. Это был особенный боеприпас - на случай, когда другого выхода не будет...

Вдруг застрекотали пулемёты боевых машин, состригая кроны низкорослых деревьев вокруг. Не зная, куда деть себя, юноша, выпуская из автомата очередь за очередью, побежал обратно, в сторону противника, споткнулся и, пронёсшись по инерции еще несколько метров, упал ничком в густой куст ежевики и остался недвижим... Алик долго ещё удивлялся, как не угодил в плен, как вообще остался жив...

Нелепое крещение столь необычным боем не испугало Алика, хотя в душе он стыдился за эпизод с гранатой и особенно за больное падение в колючий куст ежевики, которое собственно и спасло его. С юношеским максимализмом Алик обещает себе отныне не терять самообладания в самых критических ситуациях, обрести сверхсилу и сверхнавыки, овладевая различными видами оружия и осваивая разнообразную военную технику...

На войне год - за два. За несколько месяцев, по мере разрастания войны, юный, пышущий энергией боец сильно возмужал. Большие глаза на только что покрывшемся пухом лице горели задором и отвагой. Алик пользовался авторитетом у товарищей, реально выполнял функции командира взвода. Он всегда шёл впереди с рацией в руке, был универсальным воином: в совершенстве владел фаготом, гранатомётом, миномётом. Алик бросался в самое пекло боёв, не щадя себя. Но сама война щадила его. До поры до времени...

Подходил к концу третий год кровавой войны. За время короткого новогоднего перемирия Алик, наконец, помолвился с соседской девушкой, красавицей Кристиной. Они давно были влюблены друг в друга, встречались урывками, думали об обручении, но только вот война мешала. Теперь всё село радовалось - как в доброй сказке, герой обрёл красавицу... Но что такое? На душе у Алика было неспокойно, в сердце закралось недоброе предчувствие, навязчивое ожидание беды...

Всю ночь перед отправкой на передовую Алик не сомкнул глаз - нехорошее предчувствие усиливалось, подступая к гор-

лу. Появилось навязчивое желание выпить из Кизилового родника у школы, как любил делать это учеником-подростком во время длинной перемены. Сердцем хотелось впитать чистую студёную влагу - словно это исцелит, вернёт беззаботные дни ранней юности...

К рассвету Алик уже был на позициях. Противник находился совсем рядом, чувствовалось его дыхание. В зловещей тишине, казалось, слышался стук напряжённых человеческих сердец...

Вдруг затрещал неприятельский пулемёт. Невыносимая боль пронзила всё тело. Серое, тяжёлое небо, казалось, обрушилось с грохотом на землю, задавив всё вокруг...

Алик почувствовал прикосновение чьих-то пальцев. Открыл глаза. Пожилая женщина с широким добрым лицом вытирала влажным бинтом запёкшуюся кровь на его лице. Она улыбнулась ему, и Алик почувствовал в этой улыбке что-то родное, материнское - то, чего он был лишён с семи лет, когда мама, всегда бодрая и жизнерадостная, души не чаявшая в нём, неожиданно умерла от внезапной болезни.

Вскоре Алик узнал, что сестру-хозяйку госпиталя все: раненые, сослуживцы и даже начальник госпиталя - называли просто - «мама». Мама Аня была своеобразным ангелом-хранителем для раненых. Она не спала целыми сутками, стремясь помочь каждому, мыла тяжелораненых, не брезгуя грязью и гноем, кормила их с ложечки и даже сдавала свою кровь для операции. И раненые воспринимали это как должное, само собой разумеющееся: ведь она - их мама.

Рассказывали, что как-то над городом появился вражеский самолёт и сбросил полутонную бомбу. В это время Мама Аня с двумя прачками стирала во дворе госпиталя окровавленное солдатское бельё. Ударная волна сбила женщин с ног. Придя в сознание, мама Аня тут же вернулась к корыту с бельём...

Самозабвенно помогая раненым, Мама Аня, наверное, пыталась заглушить собственную боль: она потеряла на войне единственного сына. Вернее, тот пропал без вести, и мать второй год не запирала дверь своего дома, постоянно держала на столе кусок хлеба и бутылку водки - а вдруг сын вернётся

и будет нечего кушать...

Алика, которого с простреленным автоматной очередью брюхом с трудом вынесли с поля боя товарищи, оперировали несколько раз, удалили лёгкое, часть печени. Молодой и сильный, он выжил, несмотря ни на что, но вот Кристина, поначалу ухаживавшая за ним в госпитале, вскоре оставила искалеченного войной жениха...

ГЛАВА 5

Года через три в пустоту его души ворвалась Лусинэ. Она, будучи медсестрой, взялась ухаживать за раненым, который требовал постоянного внимания. Лусинэ восхищалась, как мужественно Алик переносил свою боль. Вскоре восхищение переросло в любовь. Лусинэ полюбила сильно, всеми струнами души. Алику, его израненному сердцу, Лусинэ была нужна как заживляющий пластырь, но и он был ей необходим - зализывая ему раны, она одновременно исцеляла свои.

- Я, конечно, понимаю, что ты равнодушен ко мне, но одной моей любви, поверь, хватит на нас двоих. Я словно растворяюсь в своём чувстве, забываю в нём саму себя. Я люблю тебя! В этих трёх словах для меня заключён весь мир...- Лусинэ вела нескончаемый монолог вслух, лишь изредка прерываемый Аликом. Её лицо сияло упоением. - Говорят, счастье - это нечто эфемерное. Неправда! Для меня оно материализовалось - это ты. Наконец я снова почувствовала себя женщиной.

В душе Алику нравилось, что он стал причиной счастья для кого-то, пусть и будучи сам не вполне счастливым.

- Вчера я поставила свечку и поклялась до конца жизни любить только тебя. Помолилась Богу, чтобы он не отнимал тебя у меня, решив, что я отлюбила своё, - говоря много, Лусинэ умела не говорить лишнего. - Пусть ты не первый мой мужчина, но теперь уже единственный и незаменимый на всю оставшуюся жизнь. Сейчас у меня такое чувство, будто я

всегда любила лишь твои меняющие вместе с настроением цвет глаза, твой нос, твои губы, твой подбородок... Но это, поверь мне, не страсть, это не сиюминутно. Это - любовь. Больше всего я люблю твою душу...

Алик не запоминал всех её слов, но после них оставались тепло и нежность, правда, приправленные грустью. Лусинэ, казалось, не просто любила, а чувствовала его, вернее, вчувствовывалась в него, проникая в самое естество его мыслей и переживаний и чутко откликаясь на них. В свои тридцать семь Лусинэ успела увясть лицом, но когда она говорила о любви, морщинки в уголках её глаз разглаживались, и она становилась удивительно красивой и непохожей на себя...

ГЛАВА 6

Заринэ положила на большой дубовый стол варёную картошку с нарезанным поверх луком, салат из помидоров и огурцов, сыр, мацун. В центр стола она поставила большую кастрюлю с горячим блюдом - супом из фасоли. Затем она откинула со свежеиспеченного хлеба посудное полотенце, ловко разделила руками ещё тёплый лаваш и разложила рядом с каждой тарелкой. Заринэ выпекала хлеб в тоныре на неделю вперёд и умудрялась сохранять его в свежем виде.

Хозяйка разлила суп в большую миску и поставила перед мужем, после чего подала исходящую ароматным паром жидкость и детям. Хозяин не притронулся к свежему хлебу, вытащил из выдвижного ящика в столе бумажный кулёк, достал оттуда чёрствые кусочки лаваша, видно, недоеденные детьми, покрошил их в миску с супом, нарезал сверху зелёный лук. Трепетно-бережливое отношение к хлебу у него осталось со времён войны, когда нередко приходилось по нескольку дней перебиваться сухарями.

Камо был угрюм. Чувствуя его настроение, никто не произносил и слова, дети старались не чмокать. Заринэ краешком глаза следила за мужем - вдруг ему понадобится что-нибудь. Она привыкла общаться с ним без слов. Вообще супруги мало разговаривали между собой. За десять лет совместной жизни

Камо лишь несколько раз выражал жене свои чувства, считая, что мужчине не подобает быть сентиментальным.

Тишину вдруг нарушила младшая дочь - Каринэ:

- Папа, а почему на войне плохие солдаты не попали в тебя?

- Они всё мимо стреляли, доченька... - ответил после паузы Камо и неожиданно для самого себя добавил, хмуро, исподлобья оглянувшись вокруг: - Но лучше бы попали.

У Заринэ вырвался удивлённо-негодующий стон.

Что это было - нечеловеческая усталость, нервное перенапряжение, неотступающая память о фронтовых испытаниях?.. Камо сам не знал точного ответа на это. Наверное, всё вместе...

- Папа, а почему у тебя только одна медаль? - не унималась дочка. - Вон у папы Арнольдика как их много на пиджаке!

- Каринэ, кушай молча. Не задавай глупых вопросов. Разве не видишь, папа устал? - отчитала дочку Заринэ.

Камо молчал. Как объяснить ребёнку, что жизнь сложна и противоречива: великодушие и благородство соседствуют с низостью и подлостью, беззаветная храбрость и самоотречённость одних сочетается с малодушием и шкурничеством других, верность и предательство сосуществуют друг с другом... Во все времена существует категория людей, которые самым наглым образом примазываются ко всему хорошему, высокому, доброму, компрометируя, поганя всё своими грязными прикосновениями? Нередко получают награды те, кто об этом и мечтать не смел в своё время, кто никак не заслуживает этого. Трус удостаивается боевых медалей. О свободе говорит человек, добровольно продавший себя в рабство. Непробиваемая тупость вдруг становится пробивной...

Вопрос дочки разворошил у Камо ворох мыслей и чувств, глубоко затаённых обид и переживаний. Он молча пытался разобраться в них, механически поднося ко рту ложку с супом:

«Война проверяет людей не только на стойкость, мужество и крепость духа, но и на человечность. Она создаёт героев. Однако герои, защитники родины не высечены из гранита.

Это такие же живые люди из плоти и крови, и в каждом из них борются два противоположных начала - отвага и малодушие. И лишь ценой огромного усилия воли, поборов в себе страх и другие человеческие слабости, они выдерживают испытания, чтобы выйти из ситуации достойным образом. Выйти не только и не столько для себя, но и ради своих детей, родных, ради будущего... Понятно, что не все рождены летать, не всем суждено стать героями. На войне и после войны бывает и много антигероев, маленьких людей с непомерно большим аппетитом. У этих людей огромное брюхо, в котором помещается всё - и своё, и чужое. Они стараются одновременно присвоить и Богово, и кесарево, и чужие подвиги, и чужую славу. И часто преуспевает тот, кто циничнее, наглее и хитрее других...»

Но разве объяснишь всё это ребёнку?.. На фоне всего этого нелепыми выглядят даже отговорки, типа «мы воевали не ради орденов и славы». Лучше отшутиться: «В попу раненый джигит далеко не убежит». Но и этого ребёнок не поймёт. И Камо лишь произнёс:

- Кушай, детка, кушай. Подрастёшь, поймёшь...

Он невольно обвёл взглядом обстановку дома и словно только сейчас заметил прокопчённые многолетним печным дымом стены и потолок, с которого на скрученном проводе одиноко свисала электрическая лампочка с пляшущей вокруг мошкарой, прогнившие местами окна веранды, затянутые целлофаном вместо стёкол...

«Главное богатство - это дети, - обнадёжил себя Камо. - Надо поставить их на ноги, а они сделают то, что не успею я...»

ГЛАВА 7

Строгий, проницательный взгляд молодого человека со старой фотографии на серванте заставлял чувствовать себя виноватым. Наверное, потому, что свою юную жизнь ему пришлось отдать родине, пожертвовать ради общего, ради будущих поколений.

Камо часто вспоминал деда по отцовской линии -

Габриэла, хотя знал о нём только по рассказам бабушки и видел его лишь на пожелтевших от времени фотографиях. Он часто с болью размышлял о судьбе молодого человека, погибшего в Великую Отечественную.

«Деду было двадцать четыре, когда он погиб на фронте, - Камо периодически терзала эта мысль. - Сейчас я почти вдвое старше него, а он считается моим дедом. Просто немыслимо...»

Другого деда, Арустама, постигла не менее трагическая судьба. В отличие от первого, он выжил, пройдя три войны - Советско-финскую, Великую Отечественную и Карабахскую. Осколки, доставшиеся от этих войн, сидели у него в голове, в боку, в спине. На руках не хватало пальцев - двух на правой, трёх на левой. О себе и своей сплошь военной судьбе дед рассказывал редко, просто, почти без эмоций и эпитетов. Но за нехитрыми оборотами речи чувствовалось недюжинное напряжение человеческих сил, воли духа и характера, тяжёлое преодоление самого себя. Сколько было за этими незамысловатыми словами подъёмов по тревоге среди ночи, когда слипаются веки и сопротивляется каждый нерв, сколько бросков в неизвестность и смертельную опасность, из которой выходили далеко не все?! Девять ранений были тому подтверждением...

Надо сказать, что любовь к лесу передалась Камо именно от деда. Арустам, заядлый охотник, к старости видел плохо, веки отяжелели, глаза сузились (чем старше человек, тем меньше глаза - наверное, это защитная реакция: он устает, а может, в какой-то мере и боится смотреть на мир). Но стрелял дед наверняка, по слуху, на звук треска под копытами зверей и взмаха крыльев птиц и непременно приходил с охоты с дичью. Однажды деду заказали очки, он стал лучше видеть, но промахнулся на охоте. Больше не стал надевать их.

В молодости Арустам обладал огромной силой, мог, потянув за узду, свалить коня на колени. Держа топор в одной руке, вернее, культе, с первого удара раскалывал дрова. Зажав двумя пальцами рук косу, Арустам мог с утра до вечера косить без устали в поле, в то время как маленький Камо,

приносивший ему обед, любовался игрой квадратиков на животе у атлетически сложенного деда.

Арустама, грозного на вид, но в душе доброго и доверчивого человека, боялись и уважали во всём околотке, скотокрады не рисковали подходить к его коровам и овцам. Приходя к нему в дом, азербайджанцы поклонялись ему на христианский манер. Но времена менялись...

В годы Карабахской войны Арустам, разменявший уже восьмой десяток лет, нёс вместе с односельчанами дежурство на боевых постах. В 1994-ом, за два месяца до окончания войны, дед попал в плен. Его привязали к дереву, выкололи глаза, вырезали на груди крест...

Поколение отца Камо не видело войн, вернее, отцу и большинству его сверстников не пришлось смотреть смерти прямо в глаза, испытывать на своей коже ужасы войны в самом её пекле, на поле боя, как это делали их отцы, а спустя несколько десятков лет - их сыновья. Однако на долю этого поколения пришлась не менее тяжёлая и ответственная миссия - восстанавливать разрушенное, совершать мирные, трудовые подвиги, вернуть обществу веру, уверенность в завтрашнем дне. Увы, это был всего лишь переходный период от одной войны к другой. Не успели деды перевести дух, как их внуки взяли в руки оружие, чтобы вновь отстаивать своё право на существование и место под солнцем. Но скольких новых жертв и разрушений стоило это!

Камо часто вспоминал свой ответ на увещевание матери беречь себя:

- Мама, будь готова к моей смерти. Столько хороших ребят рядом погибает...

Мать закрыла лицо руками и зашлась в беззвучном плаче.

Тогда ему было двадцать четыре, он был молод и горяч. Теперь Камо, сам уже родитель, сполна осознавал, насколько бессердечным был его ответ. Он понимал также, что не успел вернуть этой маленькой, седовласой, постаревшей раньше своих лет женщине и толики тепла и любви, которые та дала ему при жизни. И груз вины безысходной тяжестью ложился на его душу.

Камо с трудом проглотил слюну, что-то давило в горле. На память невольно пришли слова одного из институтских товарищей: «Смерть, конечно, лишает возможности глотать собственную слюну, ты вдруг перестаёшь быть хозяином своих ощущений, чувств и переживаний, хозяином самого себя, своего естества. Но одновременно она даёт абсолютную свободу: ты уже не причастен ни к чему, не несёшь никакой ответственности ни за самого себя, ни за других, ни за происходящее вокруг. Ты больше не одержим ненужными страстями, не страдаешь по поводу неосуществлённых желаний...»

Камо, не раз становившийся в годы войны свидетелем «обретения» подобной страшной свободы, сейчас осознавал иллюзорность подобного рассуждения.

Двадцатипятилетний Зорик умирал на его руках. Пуля вражеского снайпера пробила ему лоб, однако, к удивлению Камо, он не сразу скончался. В агонии, пока одна за другой с болью разрывались невидимые нити, связывающие с жизнью, Зорик звал маму и просил простить его - он был единственной опорой своей пожилой матери и жены с двумя маленькими детьми. И казалось, что, погибая, он сожалел не о своей молодой жизни, а о том, что лишается возможности нести бремя ответственности за свою семью, за малолетних детей...

А девятнадцатилетний пулемётчик Степан, схватившись за живот, умирал стоя, молча, без слов и стонов. Губы его кривились в странной улыбке, и это была последняя реакция на уходящую жизнь. Степан словно радовался чему-то непостижимому для живого человека. Но и это скорее была иллюзия. Умирая, боец, по всей видимости, старался сохранить собственное лицо, что, пожалуй, также было выражением ответственности за своё поведение, за свой последний шаг в этой жизни. А может, он, не успевший в своей нелепо короткой жизни подержать девушку за руку, объясниться кому-то в любви, ещё не верил, что прощается с этим миром навсегда?

В любом случае, оба они прощались в первую очередь с самими собой, и в этом была непостижимая тайна.

«Но кем же становится человек через секунду, когда лишается жизни? - мучал себя Камо. - Неужели, просто трупом? Это было бы слишком примитивно и жестоко...»

ГЛАВА 8

Как и Алик, Лусинэ тоже успела обжечься жизнью. В восемнадцать лет, проходя в большом городе курсы медсестёр, она впервые по-настоящему влюбилась. Полный соблазнов и фальши город обманул девушку из провинции. Впрочем, сама Лусинэ не особо сопротивлялась этому обману, потому что любила своего обольстителя и жаждала свободы, которая, как ей казалось, наконец, пришла вместе с настоящим чувством после долгого томления в деревне под гнётом деспота-отца и братьев.

Лусинэ не хотела жить так, как жила её мать. Эту забитую и беззаветно преданную своей семье женщину муж держал в ежовых рукавицах, как было принято в патриархальных деревнях, где глава семьи безгранично властвовал. Вместе с тем он мучил её своей подозрительностью, бывало, бил по пьянке. Она же, безответная страдалица, всё это безропотно сносила.

Ещё девчонкой-подростком Лусинэ бросала вызов нравам деревни. Тайком от отца она ходила на фильмы в сельском клубе, не чуралась мальчишеских компаний, а однажды, желая показать, что не намерена уступать в своих правах братьям, демонстративно отрезала подол длинной юбки, подаренной ей на день рождения (за что была отстёгана отцом). И, встретив в неполные восемнадцать в большом и красивом городе свою, как ей казалось, любовь, Лусинэ поверила, что навсегда остались в прошлом обиды и унижения... Но любовь красиво пришла и вскоре ушла - легко, не попрощавшись. Девушка не сразу поняла, что покинута навсегда...

Лусинэ вернулась в отчий дом разбитая горем, преследуемая первой, неудавшейся любовью. Так и не оправившаяся от шока, измученная воспоминаниями о всё ещё любимом парне и упреками домашних, она недолго противилась настояниям

отца выйти за мужика из соседней деревни, который был гораздо старше неё и имел двоих сыновей от прежнего брака. Впрочем, иных шансов у Лусинэ и не было - устоявшиеся нравы провинции практически не допускали возможности вступления в нормальный брак девушки, утратившей невинность.

Жизнь с нелюбимым мужем была тягостной, пресной и блеклой. Аваг, невысокий худощавый брюнет с жидкими, обвислыми, как у сома, усами, был достаточно зажиточным фермером, с головой погружался в дела по хозяйству, прекрасно обеспечивал семью, «супружеский долг» в постели выполнял аккуратно, но в светлое время суток словно не замечал юную жену, заговаривал с ней лишь по необходимости, наверное, считая её в душе одним из предметов своей собственности. Его тусклые, как у рыбы, глаза оживлялись лишь тогда, когда он говорил о деньгах, о вырученной за сезон прибыли. Лусинэ утешала лишь малышка, родившаяся к концу первого года замужества. Однако жизнь с постылым мужем усиливала боль от мучительных воспоминаний о первой любви, о самых ярких и сильных эмоциях, пережитых когда-то с человеком, которого никак не могла «переболеть». Она тихо лила слёзы. А муж упорно не замечал ни её, ни её настроения...

Как-то в солнечный полдень, когда Аваг, ни о чём не подозревая, отправился в поле проследить, как нанятые им работники убирают урожай, Лусинэ молча взяла на руки двухгодовалого ребёнка и вышла за ворота усадьбы...

Дома её встретили враждебно. Уговорить Лусинэ вернуться к мужу не смогли ни отец, ни старший брат.

Поднимать руку на женщину в этих краях было не в диковинку, но то, что произошло, было необычно по своей жестокости. Словно сговорившись, все мужчины дома набросились на Лусинэ и стали колошматить без разбору, избили её до полусмерти. Старший брат с остервенелым выражением заросшего красного лица бил особенно больно. Он был в кирзовых сапогах, которые ещё долго преследовали Лусинэ в кошмарных снах...

Пока Лусинэ лежала в горячке с переломанными ребрами,

девочку отвезли к отцу в соседнюю деревню. Придя на следующий вечер в себя и спохватившись, что дочки нет, Лусинэ не стала дожидаться рассвета и, превозмогая страшную боль, вышла на дорогу.

Чтобы сократить путь, она пошла по полю. Почва уходила из-под неуверенных полубосых ног, низкорослые колючие кустарники рвали одежду. Неподалёку по-детски заплакал шакал. В этом пронзительном плаче были какие-то весёлые, издевательские нотки. Женщине стало жутко. Она побежала, схватившись за больное место. Бежала и падала, падала и с трудом поднималась, чтобы бежать дальше. Ей казалось, что кто-то неотступно преследует...

Лусинэ нашла в себе силы преодолеть те четыре километра, которые отделяли её от любимого чада. Муж, теперь уже бывший, увидел перед собой не женщину, а раненого зверя, и уступил ребёнка без слов.

Возвращаться в отчий дом Лусинэ не стала, уехав вместе с ребёнком к одинокой, пожилой и больной родственнице в чужое село - жить, быть может, не менее тяжёлой, но своей собственной судьбой.

Именно здесь годы спустя она нашла свою настоящую, но не менее болезненную и драматическую любовь...

ГЛАВА 9

Алик уважал всё, что Лусинэ пережила и перестрадала, стремясь оставаться самой собой. У него стало зарождаться чувство какой-то нежной жалости к ней. Оно постепенно засасывало боль от его первой любви.

В глубине души Алику льстило, но ещё больше удивляло то, что эта непокорная и любящая свободу женщина просит у него, искалеченного войной, душевно надломленного человека рабства, умоляя никогда, ни при каких обстоятельствах не прогонять её. Однако он не без тревоги отмечал про себя и то, что чувство съедает эту необычайно страстную женщину. Лусинэ, казалось, чувствовала какую-то угрозу, словно всё

время хотела укрыться от некой невидимой опасности. Она с трепетом вслушивалась в каждое слово Алика, интонации его голоса, и если находила в них что-то подозрительное, сильно переживала и мучилась.

- Ну притворись, скажи, что хоть чуточку любишь меня... Не оставляй меня наедине со своими мечтами - когда я начинаю грезить, что только не лезет в голову!..

И Лусинэ рассказала Алику свой сон.

Вот она заблудилась в лесу, долго петляет в растерянности среди огромных стволов угрюмых вековых деревьев. Тьма начинает заволакивать их макушки, гася слабые лучи, едва пробивающиеся сквозь мощные кроны. Моросит холодный дождь, женщина насквозь промокла и озябла, уже начинает отчаиваться, ноги не держат. Но вдруг взору открывается небольшая поляна, а на ней - домик со слабым светом в окошке.

Замирая от страха, она подходит и заглядывает сквозь щель приоткрытой двери внутрь. Господи, там он, Алик! Он увлечён своим любимым занятием - вырезает, слегка склонив голову набок, деревянный крест. Лусинэ вскрикивает и опускается в бессилии у порога. Алик выбегает на шум и хватает её, бесчувственную, в охапку, вносит в дом, согревая своим дыханием... И вот уже Лусинэ приходит в себя, улыбается от счастья и хочет потянуться к возлюбленному для объятий, но тут взгляд девушки невольно опускается к его ногам. О Боже, на ногах у Алика кирзовые сапоги! Те самые, которыми её пинали в отцовском доме...

Вместе с последними словами Лусинэ, словно ища защиты, прижалась к Алику, вцепившись ему в плечо:

- Не надевай никогда кирзовых сапог!.. Никогда не бей меня, прошу, не бей!..

Лусинэ давно уже не была простодушной девчонкой и знала, что у всякой любви два лица, одно из которых крайне неприглядно, непригляднее самой ненависти. Однако порой она словно зависала в беспомощности между памятью и реальностью. Прошлое начинало давить с жестокостью палача. Обжёгшись своей первой любовью, она боялась за эту,

любила Алика какой-то необычной, ненормальной, любовью, всё мучаясь неким болезненным ожиданием разлуки:

- Когда ты рядом, мне ничего не страшно. Я не представляю теперь, как можно жить без тебя...

Похожие признания Алик слышал и от Кристины, бывшей своей невесты. Но Кристина, казалось, готовая идти с ним хоть на край света, отреклась от него, когда война превратила его в инвалида. Алик не мог забыть её растерянное бледное лицо и жалкие попытки оправдаться. Влюблённому Алику было крайне тяжело и больно осознавать, что его избранница всё-таки оказалась обычной представительницей слабого пола, похожей на тысячи других... Лусинэ же обещала идти с ним под пули, если, не дай Бог, снова начнётся война. И парень был уверен, что это не пустые слова...

Между тем сам Алик страдал от внутренней раздвоенности, приступов тоски и апатии. С тех пор, как они с Кристиной расстались, нечто тёмное тихо заползло в его опустевшую душу. Это нечто теперь насмехалось: «Ты любил, но не сумел отстоять свою любовь, она отвернулась от тебя. Ты любим, но не можешь любить сам и, позволяя любить себя, делаешь несчастной любящую тебя...» От двусмысленности своего положения Алику порой становилось невыносимо. Он прекрасно понимал, как часто бывает эгоистичен человек любимый, но не любящий сам, и старался стать выше этого. Но бывали минуты, когда мрачные, опасные для лучшей части человеческого естества чувства растекались вопреки воле, словно яд, по всей душе, вытесняя остальное. В такие моменты так и подмывало бить и крушить всё вокруг себя, чтобы успокоиться...

Однажды к вечеру, углубившись в свои думы, Алик задремал в кресле каким-то тяжёлым полусном. Лусинэ тихо подошла и, сев у его ног, потянулась поцеловать ему руку. Неожиданно для самого себя Алик грубо оттолкнул её:

- Все вы, женщины, заодно! Вы - обманщицы, вы разворовали мне душу... Уйдите, оставьте меня в покое! Все, все уйдите!

Лусинэ, распластавшись на коврике, зашлась в истеричном

плаче. Алик видел это как бы со стороны, словно это не имело отношения к нему. Тем не менее он хотел протянуть руку, успокоить её, приласкать, но не нашёл в себе сил. Когда он, наконец, очнулся, Лусинэ сидела у его ног с закрытым ладонями лицом и продолжала тихо плакать.

- Успокойся, - Алик потянулся к ней.

Лусинэ отпрянула:

- Ты понимаешь, что моя любовь к тебе - цвета крови?! Бог послал тебя в наказанье мне - за мою прежнюю безалаберную любовь и легкомысленное отношение к жизни. Неужели я больше не имею права любить?.. - она отвернулась к окну, закрыв ладонями лицо. - Как ты не понимаешь, что я люблю тебя! У тебя нет души! Бог видит мои страдания и слёзы. Он не простит тебе, если оттолкнёшь меня!..

Она схватила обеими руками его за локоть, заглянув полным отчаянья взглядом ему в глаза:

- Скажи, что хоть чуточку любишь меня. Солги, как это делают другие... Зачем ты подпустил меня к себе? Зачем не прогнал сразу?

Лусинэ рухнула на пол и разразилась громким судорожным плачем. Захлёбываясь от рыданий, она умоляла:

- Обещай, что не бросишь меня. Не отворачивай лица, посмотри мне в глаза. Ты понимаешь, что разлука для меня - смерть?.. Обещай!

Алик не обещал. Он верил этой простой женщине с её обнаженными чувствами и был почти уверен, что она никогда не обманет и не предаст его. Но он не обещал ей, понимая, что рискует обмануть самого себя...

Алик хотел успокоить её, сказать ей что-то тёплое и ласковое, но неожиданно выдавил из себя нелепое и бесчувственное подобие нравоучения:

- Не надо плакать, слёзами не разжалобишь боль...

Алик хотел ещё что-то добавить, но ничего уже не выходило. Он понял, что разучился плакать не только слёзами, но и душой. Вслед за доктором, удалившим ему лёгкое и часть печени, Кристина, кажется, вырезала ему сердце. И, пытаясь жить без сердца, он подавил в себе много такого, без чего

человек не в состоянии давать другим тепло и радость.

Лусинэ же, упокоившись, вновь стала убаюкивать его своими признаниями. Каждую минуту она придумывала для него что-то новое, нежное, немыслимое:

- Мне кажется, что даже если я умру, любовь к тебе не исчезнет, не кончится вместе с жизнью, а будет существовать и после моей смерти...

И Алик соорудил в своей огрубевшей душе пьедестал для этой женщины. На него он собирался поставить памятник подвигу беззаветной человеческой преданности. Памятник женщине, способной любить по-настоящему, самозабвенно, с напряжением, равным самосгоранию...

Любить человека, быть может, недостойного, и не рассчитывая на ответное чувство...

ГЛАВА 10

Укутавший землю золотистый ковёр умиротворяюще шуршал под копытами Орлика. Нарядившийся в багрец лес стал сказочно привлекательным. Воздух был свеж и прозрачен. Солнце ласкало.

Однако на душе у Камо было мрачно и неспокойно. Он вдруг подумал, что через месяц-полтора от всей этой красоты ничего не останется, лес мертвецки оголится, бездыханные деревья сбросят последние увядшие листья, и холодная зима накроет всё своим белым саваном. И вновь его одолела тревожная мысль о том, что время стремительно летит, проносятся куда-то мимо дни, недели, месяцы, а он так и не «научился жить», не сумел приспособиться и «жить как все».

Но страдал он не от этого, а от чувства собственного бессилия изменить что-либо вокруг. Ему казалось, что каждый день, каждый час, каждую минуту он упускает что-то важное, какой-то существенный, быть может, судьбоносный миг, в то время как тихо и незаметно подкрадывается старость, несущая с собой болезни и немощь...

Орлик словно почувствовал настроение хозяина и негодующе фыркнул. Это помогло Камо отвлечься от тяжёлых

давящих мыслей о смерти, направить их в философское русло - размышлений о человеке во времени и пространстве: «Понимая, что перед временем всё и все бессильны, индивид, тем не менее, не может смириться с мыслью, что он когда-нибудь кончится, что его больше не будет, что он перестанет иметь какое-либо отношение к окружающему, лишится возможности воздействовать на мир. На самом деле человек - это то, что есть сейчас, в этот миг. Был ли это он секундой назад? Будет ли он секунду спустя? Реален только миг и человек, живущий в этом миге...»

Тут Камо вдруг вспомнил наивный, а может, по-детски мудрый вопрос сынишки: «Папа, когда я вырасту с тебя, тогда ты станешь маленьким, как я?» Ребёнок ещё не знал о существовании смерти, не мог осознавать этого. Впрочем, и взрослому трудно, практически невозможно понять феномен небытия.

«Миг всесилен, и если бы не идея вечности души, человек бы лишился разума от страха перед смертью и перспективой превращения в один миг в совершенное ничто. Поэтому нужно уметь использовать любой миг», - пришёл к выводу Камо.

Он остановил Орлика на опушке леса, спешился, взяв коня за узду. Багровые блики от игравших на опавших листьях лучей ещё достаточно яркого солнца создавали иллюзию пожара. И в центре этого пожара, внося визуальную дисгармонию в осенний дизайн, сидели за бутылкой самодельной водки и нехитрой закуской двое: нескладный, напоминающий уродливую глыбу егерь Амо подтрунивал над худым и кривым лесником Рубо, слушая его рассказ о том, как позапрошлой весной неожиданно появившийся медведь откусил ему ухо и ягодицу, вспорол живот, выпустив кишки.

- Если бы Гриша промедлил пару секунд и не убил зверя из ружья, то мне был бы полный звездец! - рассказывал Рубо, однако, заметив, что собеседник смеётся, с удивлением пожаловался приблизившемуся Камо:

- Я рассказываю, как медведь чуть не съел меня, а он смеётся. Разве это человечно?.. Почему ты смеёшься?

- А что - плакать? Я не умею плакать, - то ли пошутил, то

ли всерьёз ответил Амо, захохотав вовсю, во весь свой грубый голос. Его смех напоминал рык медведя.

«Война изменила человека до неузнаваемости, что-то звериное поселилось в людях,- подумал Камо, наблюдая за коллегами. - Да и трудно душе не зачерстветь там, где смерти дан в руки карт-бланш, где жизнь обесценилась до одного выстрела, до цены одного патрона. И часто грубость и цинизм, подобно толстой коже слона, становятся защитной бронёй для человека...»

- Да брось ты! Ты просто тупо издеваешься надо мной, - произнёс Рубо с искаженным от обиды лицом. - У тебя души нет!

- Ребята, а душа на самом деле существует? - неожиданно спросил Камо, то ли пытаясь разрядить обстановку, то ли, действительно, желая узнать мнение собеседников относительно давно мучавшего его вопроса. - Вы верите в душу?

- Какая там душа? - недоверчиво фыркнул Амо.

- Конечно, душа есть! - парировал обозлённый на него Рубо. - Разве ты не чувствуешь, что внутри у тебя что-то живёт, время от времени возмущается, напирает и хочет вырваться из груди?

- Тогда почему она не вылетела сквозь твоё вспоротое брюхо? - вновь пустил в ход свой «чёрный» юмор Амо, опять же захохотав по-звериному.

- Говорят, душа вселяется в человека, когда новорожденный ребёнок, появившись на свет, делает первый вздох - первый крик. Именно в этот миг в младенца входит душа, он одухотворяется, становится человеком разумным, - Камо перевёл разговор в спокойное русло. - Однако такое странное и неестественное для человека явление, как война, калечит не только тело, но и душу человека. Душа приходит в этот мир, доверчиво протягивая детские ручки. Она, маленький ребёнок, нуждается в ласке, добре и тепле. Но взрослые начинают притеснять её, бить, убивать. От ужасов войны душа сжимается в комочек, прячется где-то внутри человека. Она и вовсе может там умереть, задохнуться, превратив человека в живого трупа...

Рубо задумчиво почесал лохматую голову. Амо тупо молчал.

- Ребята, а вы заметили, что дети плачут одинаково? - на этот раз Камо вовсе ошарашил собеседников.

Не дожидаясь ответа, он продолжил:

- Потому что они плачут искренне, как и смеются искренне. Не то, что мы, взрослые... У детей хрупкая, чистая, ангельская душа, всегда готовая заплакать. Но эти беззащитные существа по обе стороны окопов уже который год являются жертвами человеческой жестокости, алчности, несправедливости, бессердечия. И пока не будет мира, солнце будет казаться им холодным и тёмным...

Охотники слушали Камо молча, удивлённо, ибо впервые слышали от него, обычно немногословного, замкнутого, подобное «философствование». Вытянувшееся от изумления лицо Амо выражало крайнюю степень серьёзности, что бывало очень редко.

Но понял ли он, что это были не творческие изыскания деревенского философа, а крик души, истосковавшейся по правде и чистоте человеческих взаимоотношений?..

- Что такое мир? - спросил Камо и, не дожидаясь ответа, сам же ответил: - Это беззаботная улыбка ребёнка, просыпающегося с утренней зарёй - улыбкой неба. Вот это и есть смысл жизни. Вот этого сегодня всем нам не хватает. А война - жестокая, страшная, всепожирающая вещь. Люди для неё - всего лишь материал, который нещадно расходуется.

Камо тяжело вздохнул и произнёс с печалью в голосе:

- Угроза войны всё ещё витает в воздухе, и мудрость человеческая заключается в том, чтобы не дать войне и дальше убивать нас, а, наоборот, объединившись, убить саму войну...

ГЛАВА 11

Над деревней опустились сумерки. Окутанные мраком дома потеряли свои контуры, слившись воедино. За околицей раздавался вой шакалов, похожий на истеричный плач младенцев. По мере сгущения тьмы это душераздирающие завывание приближалось, давя на психику. В такие

минуты человек чувствует себя крайне незащищённым и уязвимым перед дикой стихией, выражением которой в данном случае является этот зловещий фальшивый плач. Будущее тогда представляется мрачным, а в настоящем словно затаилось предательство...

Лусинэ вновь осталась одна со своей дочкой. Её жизнь рядом с Аликом продолжалась недолго, неполных три года. У Алика обострились старые раны, не выдержало сердце...

Прощаться с Аликом пришло всё село, ветераны войны из соседних деревень. Алик лежал в до странности маленьком деревянном гробу, неподвижный и бессловесный - так непохожий на себя. Глядя на него, Камо на миг потерял чувство реальности, окружавшие его люди, живые существа, показались ему неестественными. Невероятной казалась и их способность дышать, ходить по земле, двигаться, говорить, плакать...

Боевой товарищ Алика, великан с мокрой от слёз бородой, рассказывал о храбром бойце, внимательном командире, настоящем человеке и друге. Камо слушал его и думал о сотнях таких же молодых, безвременно ушедших парней, любивших жизнь не меньше их - живых. «Почему именно они?.. Почему не я? Неужели лишь потому, что мне повезло...» - пронеслось в голове.

Внутри у Камо нарастало некое возмущение. Он попросил слова.

- Жизнь - постоянная борьба и преодолевание боли, которая рождается вместе с человеком, живёт с ним всю жизнь и даже остаётся после него... - тихо начал Камо.

Застывшие в скорби люди внимательно вслушивались в каждое его слово ещё и потому, что ни разу не видели Камо выступающим на публике. Он несколько торжественно повысил тон голоса:

- Алик был необыкновенным парнем. Он был настоящим героем. Но герои - люди незащищённые. Их уязвимое место - спина. Они постоянно идут вперёд, к достижению цели, не останавливаясь, не особенно задумываясь о надёжности тыла, о том, идёт ли кто-нибудь сзади, чтобы поддержать в тяжёлую

минуту. И потому герой обречён на гибель...

Камо невольно оглянулся на Лусинэ. Осунувшаяся до неузнаваемости, без кровинки в лице, она переживала смерть Алика молча, стиснув тонкие безжизненные губы. Слёзы на её глазах высохли, уступив место безмерному отчаянию...

Камо тяжело перевёл дыхание и продолжил:

- Но, уходя в другое, быть может, лучшее измерение, они оставляют на нашей несовершенной земле скорбных матерей и неутешных вдов, перед которыми мы в вечном и неоплатном долгу, ибо это они воспитали героев, ибо это они растят будущих героев. Их много среди нас, рядом. Нельзя нам забывать об этом. Нельзя!..

Когда гроб опускали в яму, Лусинэ лишилась чувств, рухнув оземь...

ГЛАВА 12

Камо принадлежал к поколению, которое принято называть «потерянным». По-другому представителей этого поколения называют «неучтёнными жертвами войны». Война тяжёлыми гусеницами прошла по людям, кого уничтожила физически, кого задавила морально, сделала калекой на всю жизнь. Выжившие отдали войне часть своей молодости, пожертвовали ей многие свои надежды и мечты. Однако этого показалось мало войне, она осталась с ветеранами на всю жизнь, чтобы мучить их дальше, попытаться высосать из них оставшиеся силы.

Вернувшись домой физически или морально искалеченными, многие из них уже не могли адаптироваться и снова зажить обычной жизнью. Потери боевых товарищей, постоянная картина смерти тяжело отразились на душевном состоянии молодых людей. После пережитых ужасов войны ветераны, в условиях послевоенной разрухи и нервозной атмосферы, остро ощущали и переживали жестокость и несправедливость жизни.

Сам Камо считал ниже своего достоинства жаловаться на невзгоды, сетовать на судьбу, ныть по поводу своих проблем.

Он старался подходить к тяготам и лишениям теперь уже послевоенной жизни одновременно и практично, и философски, спокойно пытался преодолевать их. В годы войны, реальной опасности, нависшей над родиной и конкретно над его селом, он, как и большинство его сверстников, по-настоящему был готов пожертвовать собой. Тогда окружающая атмосфера, и земля, и воздух, несмотря на смерть и всяческие ужасы, были полны героикой и духовностью, любовью к родине и ближнему...

Но почему вдруг всё изменилось? Почему лишь зарубцевавшиеся, но всё ещё ноющие физические и душевные раны напоминают о тех страшных и драматических, но сокровенных днях? Почему они вчера были героями, а сегодня стали изгоями?.. Для Камо, при всей пытливости его ума, это было непостижимо.

В первые дни и недели после возвращения с войны все были во власти какого-то чуда, эйфории от того, что остались живы. После неимоверных испытаний на полях сражений они не замечали трудностей, были счастливы уже от того, что имели возможность смотреть на солнце и голубое небо, любоваться цветущими деревьями, слушать беззаботную трель птиц.

Однако времена как-то незаметно изменились, удивительно податливым стал человеческий материал: как пластилиновых, обстоятельства и условия жизни стали лепить на свой лад большинство людей. Сломались прежние человеческие отношения, вчерашние друзья и товарищи по воле обстоятельств стали заклятыми врагами. Люди, готовые ещё пару лет назад отдать жизнь друг за друга, быстро привыкли к чужой боли, сердца их стали чёрствыми и каменными, а сами они - жестокими и эгоистичными. Олицетворением цинизма стала вошедшая в обиход чёрная шутка: «Когда ты воевал, я тебе мешал?..»

Мучительные размышления привели Камо к убеждению, что именно ему и людям его поколения, умеющим отделять добро от зла, знающим истинную цену вещам и сохранившим огонь в душе, следует проявлять активность, не созерцать и

тем более не «учиться» жить по-новому, по чуждым понятиям и правилам, а попытаться изменить что-нибудь вокруг, доказать, что они не «потеряны» и что есть ещё порох в пороховницах.

«Конечно, можно пробить лично для себя удобную нишу в обществе, втиснуться в неё и просуществовать относительно легко, живя плотской жизнью. Для этого немного надо: не высовываться, не плыть против течения, перестать быть самим собой... Но нужно спасать, пока не поздно, людей с живыми душами, волею судьбы очутившихся в бездушном, перевёрнутом и извращённом обществе. Надо преодолеть себя, отбросить все страхи, стать выше обиды, избавиться от инертности и действовать, пока есть шанс», - думал он.

Вскоре неожиданно для многих Камо выдвинулся в Совет старейшин сельской общины, был избран и стал одним из пяти его членов. На первом же заседании с участием представителя центральной власти он попросил слова.

- Не хочу показаться демагогом, но, как говорится, душе молчать невмоготу. Так уж получилось, что труженики войны, её герои, никогда не прятавшиеся за чьи-либо спины, часто оказываются незащищёнными с тылу, сталкиваясь с барьерами бюрократизма и бездушия. Многие бывшие воины-патриоты, мягко говоря, не преуспевают в жизни, не все инвалиды сегодня получают необходимое лечение. Когда-то они были героями, на них люди молились, а сегодня стали жертвами равнодушия общества. И отдавая дань памяти погибших героев, мы ни на минуту не должны забывать о том, что рядом есть и живые герои, простые, обыкновенные герои, не раз рисковавшие собственной жизнью и пожертвовавшие своим здоровьем, чтобы подарить людям будущее и мир. Им многого не надо. Они не требуют орденов и медалей. Им нужно только внимание окружающих...

Камо активно участвовал в заседаниях, поднимал злободневные вопросы. Уже весь седой в свои сорок семь, он, казалось, родился заново, был полон сил, энергии и энтузиазма. Заринэ в душе удивлялась такому преображению мужа, радовалась и немного волновалась за него. Не всем

нравились настырность и принципиальность Камо, но благодаря его последовательности многие проблемы нуждающихся семей получали решение.

Камо стал инициатором открытия Музея боевой славы, ходил по домам и собирал фотографии, документы, личные вещи героев войны, в том числе Алика. По предложению Камо заведовать музеем поручили Лусинэ, которая долго ещё оправлялась от глубокой душевной раны.

«Мы собрали под одной крышей всё, что касается героев, защитников родины. Это крайне важно - нынешнее и будущие поколения должны знать об их ратных делах, о подвигах своих отцов и дедов...» - объясняла она посетителям.

Про себя же Лусинэ молила Бога, чтобы поколение её дочери не встало перед необходимостью повторить их подвиг...

2012-2013 гг.

МАЛЕНЬКИЙ ПРОВИДЕЦ

(рассказ основан на реальных событиях в Нагорном Карабахе)

Солнце пекло столь нещадно, что казалось, ещё немного - и всё вокруг загорится большим всепожирающим пламенем. В кипящем под августовскими лучами воздухе замерло всё живое. Расплавленную тишину не нарушали даже голоса птиц и шорох листьев. И лишь золотоволосый мальчик, которому пару дней назад исполнилось шесть лет, осторожно ступал босыми ногами по раскалённому асфальту, становясь то на носки, то на пятки, то на ребро ступней. Подошва ног горела, и от боли тонкое, подвижное лицо мальчика искажалось, дёргалось, бледнело, но огромные карие с зелёным оттенком глаза при этом наполнялись новым блеском.

Эрик любил лето, ясное, без облачка на небе, искрящийся солнечный свет. И солнце, судя по всему, тоже любило мальчика, словно запечатлев в знак симпатии свои золотистые брызги-веснушки на его лице. Кто-то из соседей даже шутил, что мальчишку поцеловало солнце. И, казалось, из-за мальчика, питающегося лучистой энергией, огненное светило, от которого зависела жизнь на земле, задерживалось в этих краях надолго, почти на полгода - лето здесь начиналось в мае и кончалось в октябре.

Эрик держал в руке солдатскую фляжку, которую дед принёс с войны, и мнил себя неким спасителем, искренне веря, что волшебное содержимое (на самом деле это была обычная вода) местами помятой овальной металлической бутыли погасит готовый вспыхнуть пожар. Борясь с усиливающейся жгучей болью в подошвах ног и не издавая ни звука, мальчик чувствовал себя героем, каким был его дед, прошедший с боями всю Великую Отечественную и вошедший с победой в Берлин. Эрик часто любовался его старым праздничным пиджаком, на котором было не счесть

орденов и медалей, других блестящих предметов, казавшихся мальчику красивыми безделушками. Он просто боготворил деда, сохранившего в свои семьдесят пять лет гордую осанку, и старался во всём подражать ему.

Правда, мальчик не совсем понимал старика, когда тот то и дело говорил, что война - страшная вещь, и не приведи Господь повториться ей. Ему казалось, что дед-победитель не должен бояться войны, а наоборот, это война должна трепетать перед ним...

Вообще-то мальчик был необыкновенным. У него был сильный дар предчувствия. Когда должно было произойти чему-то хорошему, его нутро наполнялось неким светом, нарастающим радостным, кипящим ожиданием, которое, наконец, вырываясь наружу, превращалось в соответствующие предметы и явления. Казалось, что он - маленький волшебник, создающий события. Однако мальчик не делал жестов волшебника, не произносил заклинаний, не настраивал особым образом свою психику. Он просто сильно желал чего-то, и это желание исполнялось.

Ваник, соседский мальчуган постарше Эрика на пару-тройку лет, был не на шутку ошарашен тем, что произошло у него на глазах.

- Вот бы сейчас мороженого... - мечтательно произнёс Ваник на дворовой игровой площадке после того, как вдоволь наигрались в мяч. - Эх, где найти тридцать копеек?

- Пойдём находить, - спокойно произнёс Эрик.

Он сосредоточенно направился в сторону сквера, расположенного неподалеку от дома. Ваник невольно последовал за ним.

Под первой же скамейкой у фонтана популярного в городе Пятачка лежал рубль, на который можно было купить не одно мороженое. Ваник не верил своим глазам. Ему казалось, что Эрик разыгрывает его, что он заранее положил рубль под скамейку. Ваник настойчиво просил своего маленького товарища признаться в этом.

- Ну как я мог знать, что именно сейчас тебе захочется мороженого? - как бы оправдывался тот, сам не в силах

толком объяснить произошедшее.

Был и другой случай.

Как-то во дворе подростки играли в кости. Эрик подошёл и попросился играть с ними. Ребята недоверчиво посмотрели на мелкого.

- Мальчик, а где твой альчик? - насмешливо спросил один из них.

Эрик призадумался на минуту, затем произнёс: «Сейчас будет» и пошёл уверенным шагом вперёд. И вновь его нутро стали наполнять какая-то необычная светлая сила и трепетное ожидание невероятного, но неминуемого. Вскоре чудо, действительно, свершилось: Эрик не сделал и десяти шагов - в небольшой лужице стоял в интересном положении, на своих рожках, альчик. Мальчик помыл костяшку в лужице и спокойно вернулся к играющим. Те, конечно, подумали, что альчик у него был где-то припрятан.

И в самом деле, материалистически это было необъяснимо, а потому никто не верил мальчику. Происходившие на глазах у всех необыкновенные вещи люди были склонны списывать на удачное стечение обстоятельств, ибо многие были уверены, что в мире всё происходит по слепому случаю. Окружающие не верили в чудо, старались не замечать его, забыть поскорее. Казалось, оно пугало их. В то же время мальчик, несмотря на свои малые годы, понимал, что он не должен желать чего-то плохого, иначе его дар не сработает и даже может вовсе исчезнуть. Впрочем, Эрик и не мог желать кому-либо зла, ибо был очень добрым по своей натуре, отчего многим казался наивным чудаком...

Между тем удивительные, не поддающиеся объяснению вещи происходили с мальчиком всё чаще и уже не удивляли осторожную во всём мать и даже скептика-отца, склонного давать всему конкретное, реалистическое объяснение. Эрик как бы между прочим мог сообщить родителям: «Иду находить деньги» и возвращался через некоторое время с рублёвой, трёх- или пятирублёвой купюрой. Возвращался очень скоро, словно кто-то специально подбрасывал ему на улице деньги. А однажды он нашёл красную, десятирублёвую купюру, ко-

торую украшало изображение вождя мирового пролетариата - Ленина, что свидетельствовало о ценности банкноты.

Впрочем, мальчик не особо разбирался в деньгах и их достоинствах. Он отдавал их маме, просил покупать на них конфеты и раздавал солдатам расположенного неподалеку от их дома мотострелкового полка советской армии. Взамен солдаты с улыбкой на лице снимали с груди значки и протягивали мальчику. Это напоминало некий обряд, которому следовали почти все военнослужащие. У мальчика уже был целый короб таких значков.

Прошло несколько лет. Мальчик подрос, учился в пятом классе обычной общеобразовательной школы. Дар его не пропал и даже усиливался со временем. Эрик, кажется, мог приоткрывать завесу будущего, получать информацию о завтрашнем дне. Нередко ему снились вещие сны...

Между тем над огромной страной, а вместе с ней и маленьким краем, где жил необыкновенный мальчик, сгущались грозовые тучи. Советский Союз, казавшийся вечным грандиозным монолитом, неожиданно дал трещину. Приближающийся крах империи, идеология которой уже шла в явное противоречие с меняющейся действительностью, особенно больно восприняли пожилые адепты коммунизма - как крушение всех своих жизненных идеалов. Для них это был своеобразный конец света. Старый профессор, преподававший диалектический и исторический материализм и слепо веривший в наступление эры коммунизма, не выдержал фиаско казавшейся бессмертной идеи и бросился с балкона своего дома, разбившись насмерть. Под обломками громадного здания рушащейся империи оказались многие из тех, кто являлся её «цементом».

Тем временем из недр сознания людей выплыло понятие свободы личности. Почуяв возможность изменения ситуации, народ заполонил городские площади, требуя прав, которые игнорировались на протяжении долгих десятилетий. В ответ на это бывшая советская метрополия, на глазах утрачивающая свою искусственную власть, но всё ещё пытающаяся сохранить изжившую себя государственность, напустила грозу. Всё шло к войне. Окружавшие город мусульманские

сёла превращались в военные базы, откуда спустя пару месяцев должен был вестись обстрел по мирным людям из пушек и других артиллерийских орудий.

Да, город, где проживал необыкновенный мальчик, переживал нелёгкие дни. Неопределённость будущего и нависшая реальная опасность давили, но лица людей были сосредоточенными и решительными. Они готовились дать бой...

Исчезла и мирная улыбка с лиц солдат на контрольно-пропускном пункте дислоцировавшегося в городе советского полка. Уже несколько дней дневальные по КПП стояли с автоматами. Солдаты с суровым и неприветливым видом, кажется, вовсе не замечали солнечного мальчика, который каждый день проходил мимо воинской части по дороге в школу и обратно.

На дворе стоял сухой февраль, однако на сером небосводе тут и там кучились холодные тучи, обещающие снег. Мрачно было и внутри у мальчика. Вот уже вторую неделю что-то происходило с ним, необъяснимая тревожная дымка заволакивала его душу...

В ту ночь Эрик увидел во сне дедушку, скончавшегося два года назад. Он тихо, как бы про себя, произнёс странную фразу: «Вот и кончилось лето...», задумчиво провёл по седой бороде и исчез. Потом приснилось, что в небе над воинской частью парит огромный орёл. В его лапах был мешок, из которого вдруг посыпались конфеты. Солдаты внизу с радостными лицами воздели вверх руки с раскрытыми ладонями, чтобы поймать сладости. Но что это?! Приближаясь, конфетины стали превращаться... в бомбы! Радость на лицах солдат сменилась ужасом...

От страха Эрик проснулся и всю ночь уже не смыкал глаз. Он понимал, что это не простой сон. Ему не терпелось сообщить солдатам о надвигающейся беде. И это в праздник 23 февраля, День Советской армии и Военно-морского флота. Мальчик не отходил от окна, всматриваясь в чернильную, давящую на стекло холодную темноту. Нарастающая тревога сжимала горло, сердце колотилось о рёбра, словно перепуганная, пытающаяся вылететь из клетки на волю птичка...

Едва забрезжил рассвет, мальчик накинул на плечи ватник и, стараясь не разбудить родителей, бесшумно открыл дверь и вышел наружу. Раннее, ещё окончательно не избавившееся от мрака утро обдало его своей свежестью. Эрик съёжился и, сунув кисти рук под мышки, направился к воинской части. Вокруг притаились полусонные тени, порой мерещились чьи-то шаги позади. Триста метров, отделявших мальчика от воинской части, казались бесконечными. Наконец в рассеивающемся полумраке обозначились выведенное красными буквами «КПП» и долговязый дневальный у ворот с коротким, казавшимся игрушечным автоматом.

- Чего тебе надо, пацан? - строго спросил не на шутку удивлённый и, казалось, немного напуганный солдат неожиданно появившегося перед ним мальчика.

Эрик, насколько позволял ему лексикон, пытался объяснить солдату на русском языке о надвигающейся опасности. Свои неуклюжие слова он подкреплял выразительными жестами. Но тщетно. Кто будет серьёзно воспринимать мальчишку?

Тут из помещения КПП вышел на голоса дежурный - смуглый сержант с тоненькими усами.

- А, это паренёк, что значки собирает, - весело произнёс он.

- У меня нет значков, мальчик. Иди домой спать, твои сверстники десятый сон досматривают, - грубо отреагировал длинный, как жердь, дневальный.

В это время сержант, видно, сжалившись над пацаном, отцепил со своего кителя нагрудный значок воина-спортсмена и протянул мальчику. Эрик механически взял значок, попытался ещё что-то объяснить, но его опять не поняли.

- Иди домой, детка. Наверное, мама с папой тебя уже ищут, - спокойно, по-отечески произнёс сержант и даже погладил по светлой голове мальчика.

Эрик повернулся и понуро поплёлся в сторону своего дома. По пути он то и дело оборачивался и с печалью в огромных глазах смотрел на КПП - до тех пор, пока высоченный

дневальный не превратился в маленькую точку...

Беда не заставила себя долго ждать. Примерно через четыре часа из высокогорного города, превращённого азербайджанцами в опорную военную базу, в сторону полка полетели с леденящим душу шипением снаряды смертельной реактивной установки «Град». В воинскую часть попало одиннадцать из них, погибли два военнослужащих, одному оторвало ногу, и ещё десять человек получили тяжёлые ранения. Повезло, что командир полка провёл утренний развод на плацу быстрее обычного, в противном случае жертв было бы гораздо больше.

От ударной волны лопнули стёкла окон дома, где жил необыкновенный мальчик. Отец, насупив брови, старался сохранить честь мундира, не выдавая своего волнения. Мать молча, но явно напуганная и растерянная, подбирала веником осколки разбитого стекла и других предметов. Её смятение выдавала то и дело дёргающаяся в судороге спина. И только бабушка не скрывала эмоций: кряхтя, она чертыхалась в стиле ретро в адрес «варваров, потерявших всякую совесть»...

Мальчик целый день плакал невидимыми слезами. Он впервые столкнулся со столь неприкрытой жестокостью окружающего его материального мира. Особенно больно и обидно было за то, что его опять не поняли, не захотели поверить ему, и что он... не смог спасти от пожара этот мир. Сейчас он стал понимать деда, беспрестанно порицавшего войну.

Вскоре полк уехал. Начиналась длительная кровопролитная война...

2013 г.

БЕЖЕНКА

Самолёт терпел крушение. По всей видимости, в двигатель попала птица. От сильной вибрации с полок в салоне стали падать ручная кладь и личные вещи нервно заёрзавших в своих креслах пассажиров. Ещё минуту назад старшая бортпроводница Карина, тонкие черты лица которой периодически освещала симпатичная, несколько наигранная улыбка, беспечно приветствовала пассажиров и желала им приятного и безопасного полёта. Теперь она, пытаясь не выдать собственного волнения, делала всё, чтобы успокоить людей, не дать им поддаться панике.

- Уважаемые пассажиры, прошу оставаться на своих местах, - Карина старалась придать своему голосу убедительный тон. - Сохраняйте хладнокровие. Самолёту ничто не угрожает...

Стюардесса наклонилась к отчаянно заголосившей девочке лет пяти, погладила её пухлую, мокрую от слёз щёчку, а перед её глазами вдруг встали крупные чёрные глаза собственного двухгодовалого сынишки. Просверлила мысль: «Отца нет, теперь вот и мать погибает...»

Говорить о Боге и молиться в те времена воспрещалось, но Карина, впитавшая веру от набожной бабушки, горячо помолилась про себя... «Пронесёт ли и на этот раз?..» Тогда, год назад, воздушному судну с трудом удалось выбраться из грозовых облаков. «Сохрани, Господи, защити!» - Карина подавила отчаянной мольбой предательскую мысль...

Чудо свершилось - пилот выровнил самолёт, набрал скорость. А через неделю Карина ушла из авиации и стала нянчить сына...

С тех пор прошло немало времени, много воды утекло. Жизнь круто и совершенно неожиданно изменилась: теперь бывшая бакинка и стюардесса Карина относилась к одной из самых ущемлённых и проблемных категорий населения послевоенного региона, с лихвой испытавшей на себе все ужасы, тяготы и лишения войны. Она была беженкой и никак

не могла привыкнуть к своему статусу, к унизительному ярлыку, намертво приклеившемуся к ней, её детям и родным. Прежняя жизнь казалась ей далёким сном...

Уже на третий год замужества, почти сразу же после рождения ребёнка, ей пришлось развестись с мужем. Карине не хотелось бросать престижную, элитарно-романтическую в те времена работу даже ради любимого ребёнка. Она собиралась нанять няньку для ухода за сынишкой. Муж был категорически против, упрекал её в эгоизме. Арнольд и раньше был против ненормированного, рваного ритма работы летающей жены, неспокойно относился к её перманентному отсутствию и надеялся, что появление детей «приземлит» её. Не тут-то было. Ведь Карина прошла строжайший конкурс, и комиссия отобрала всего трёх из тридцати девушек, мечтавших стать стюардессой. Разве она могла забыть то трепетное, неземное чувство, с которым впервые примерила лётную форму, плотно облегавшую её ладную, воздушную фигуру? С каким нетерпением молоденькая стюардесса ждала первого полёта, а затем - нового рейса!..

После очередного семейного суда оскорблённый отец ушёл из дому и не появлялся почти месяц. Пошли слухи, что он сошёлся с другой женщиной и живёт у неё. Как-то вечером Арнольд пришёл подвыпивший и, всячески стараясь скрыть этот очевидный факт, молча подошёл к кроватке сынишки, потрепал его по щеке, сунул под подушку червонец с изображением вождя мирового пролетариата и так же, не произнося ни слова, ушёл с кривой улыбкой на небритом лице, даже не взглянув в сторону жены.

Во второй раз Арнольд выглядел каким-то пришибленным и сиротливым, словно хотел что-то сказать, но не решался. Посидел немного у кроватки, поигрался с малышом, затем тяжело поднялся и неожиданно закатил истерику, стал кричать и ругаться, обвинять Карину в том, что она сломала ему жизнь. Арнольд до того наэлектризовался, что не замечал громкого плача ребёнка и даже замахнулся, чтобы ударить жену, но рука застыла в воздухе в каком-то неестественном положении... Муж, с этого момента теперь уже бывший для

Карины, хлопнул дверью собственного дома и ушёл...

В этот миг Карина поняла, что не сможет жить в одном городе с раненным в душу супругом, и вскоре уехала с двухгодовалым сыном в Душанбе к родственникам. Там ей помогли устроиться на работу в текстильное предприятие, предоставили комнату в общежитии. В Душанбе Карина прожила 11 лет, родила ещё одного сына, однако не стала связывать себя узами Гименея с гражданским мужем - земляком, работавшим на том же предприятии. К тому времени в Баку скончался отец, и Карина решила вернуться к овдовевшей матери.

Шёл 1989-ый год. Город внешне мало изменился, но в воздухе чувствовалось недоброе. По дороге из аэропорта Карина заметила кучкующихся здесь и там людей. Усатый шофёр в кепке-аэродроме был угрюмо молчалив, ничего не стал объяснять и даже ни разу не оглянулся на явно взволнованную женщину с детьми.

Вместо радостного приёма мать как-то обречённо выдохнула: «Зачем ты приехала?» - и беспомощно упала в объятия дочери.

После погромов в Сумгаите бакинские армяне были явно встревожены. Ощущалась надвигающаяся гроза.

Уже на следующий день после приезда Карина стала свидетельницей того, как из институтского общежития напротив их дома студенты-азербайджанцы выкрикивали в адрес армян непристойности и угрозы. И это почти в самом центре «интернационального» города, рядом с кинотеатром «Дружба». Карине, выросшей в духе культивируемой в школе «дружбы народов», это казалось неестественным и диким...

Вскоре угрозы перебрались с улиц на страницы газет и телевидение. Провокационные заявления о том, что Баку заполнен бездомными беженцами из Армении, а армяне живут в комфорте, фактически был призывом к действию. Напряжение во взбудораженном обществе росло с каждым днём. Мрачные группы людей подозрительно озирали микрорайоны, где проживали армяне. Новая волна массового насилия становилась неизбежной...

Как-то жалко сгорбившись, успевшая состариться за годы разлуки мать собирала с блестящими от слёз глазами посуду, вилки, ложки и клала их в коробочки, что-то приговаривая себе под нос. Она с тоской посмотрела на импортный гарнитур, приобретённый с большим трудом. Чтобы купить его, мужу пришлось продать малоезженый «Москвич». В душе мать надеялась, что когда-нибудь вернётся обратно...

Однако судьба распорядится иначе: им больше не будет дано видеть свой дом и город, который считали родным. Но вещи, большая часть оставленного в Баку имущества, удивительным образом сами найдут хозяев - поселившая в армянской квартире азербайджанка с помощью русских соседей отправит их контейнером в Москву, а оттуда они будут доставлены в Армению. Карине и её родным повезёт несравненно больше тех соотечественников, которые спустя пару месяцев будут насильно изгнаны из своих домов. Не всем им удастся вырваться из бакинской мясорубки, а многие погибнут по дороге или спустя некоторое время у приютивших их на армянской земле родственников, не оправившись от пережитого...

А пока, взяв с собой всё самое необходимое, Карина вместе с матерью и двумя сыновьями доехали на машине дальнего родственника до границы Армении, где их встретил муж сестры и перевёз на своём грузовике в маленькую горную деревушку. Поселили в доме, где раньше жили азербайджанцы, выехавшие отсюда месяцем раньше...

Дерево с подрубленными корнями - не жилец. Человек живёт.

Поначалу было крайне непривычно и страшно жить в незнакомом месте, начинать всё с нуля. Трудно было осознать и принять новое положение. Ныла незаживающая рана памяти. Периодически охватывало чувство нереальности: в каком-то полусне Карине казалось, что она забыла нечто важное, какую-то заветную вещь, что кто-то зовёт её сзади, чтобы передать забытый предмет. Оставалось только обернуться и принять его, но какая-то сила не позволяла делать это...

В деревне поселили ещё несколько таких же обездоленных

семей. У этих людей разом отняли всё: добро, нажитое честным трудом, крышу над головой, веру в человеческую справедливость. И сейчас они пытались обосноваться на новой, одновременно родной и чужой земле, пустить в ней новые корни. Среди них были молодая женщина с грудным ребёнком, многодетная мать, одинокие старики... Сами коренные жители села относились к переселенцам хорошо, с сочувствием, дали посуду, кое-какую одежду, делились едой. И лишь одинокий, слегка тронутый умом старик Андо, перебивавшийся на подачки сельчан, принял их враждебно. «Тюркское отребье», - зло бурчал он, когда прибывала новая машина с несчастными людьми. Он считал их лишними ртами и видел в них конкурентов для себя...

Деревня располагалась на отшибе. Казалось, что находишься на краю земли. Время было лихое, предвоенное. Каждую ночь выставляли дозор, защищая деревню от непрошеных гостей. У кого-то были охотничьи ружья, кто-то вооружился вилами, граблями и лопатой.

Старший сын Карины - Карен, у которого под носом уже пушок пробивался, дежурил каждую ночь бессменно. Днём, после занятий в школе, он любил бродить по горам, собирал лесные фрукты, орехи и ягоды, тащил на спине связку хвороста, чтобы натопить печку для захворавшей и вечно мёрзнущей бабушки. Он был не по годам взрослым и чувствовал ответственность не только за домочадцев, но и соседей, которым охотно помогал, чем мог.

Сельские власти дали переселенцам корову, птицу на развод. Карина никогда в жизни не доила, поначалу она даже побаивалась подойти к корове. Больная мать с хроническим отёком ног была не в помощь, но тут неожиданно пришёл ей на подмогу младший сын Гамлет, которому едва стукнуло 8 лет. Как в мультфильме, он то удерживал корову за хвост, то ласково уговаривал её, поглаживая по животу, то пел ему весёлую песенку. Потихоньку нашли общий язык с животным, и у них появились не только молоко, но и мацун, сметана. Делились, если кто-то из соседей нуждался. Старик Андо перестал ругать «пришельцев», потому что теперь и они угощали его. Карина

часто готовила для него паёк и отправляла с Гамлетом.

Удивительно, но тяжёлая жизнь сделала Карину сентиментальной. Как-то во дворе она случайно разворошила муравейник и, видя, как встревоженные муравьи спешат спасать белые, крупнее них самих яйца, таща их в безопасное место, неожиданно разрыдалась.

«Разве они могли предвидеть беду? Откладывали яйца, чтобы вывести потомство... Вот так же разорили, разворошили дома людей...» - плакала она.

Но именно сострадательность помогала людям выжить в это непростое время. Чужой беды не было - все жили одной семьёй.

Однажды в сумерках раздались вопли: «Умирает ребёнок, помогите!» Карина выбежала наружу. Беженка-соседка с застывшим ужасом на бледном лице жестом пригласила в дом. На кровати лежал посиневший полугодовалый ребёнок с глазами навыкате. «Постоянно плачет и грудь не берёт», - пожаловалась растерявшаяся мать.

Родительский опыт и навыки медсестры, обязательные для прежней работы бортпроводницы, позволили Карине быстро сориентироваться. Она распеленала ребёнка, тихонечко пощупала его вздувшийся животик.

- Приготовь клизмочку, нагрей немного воды, - распорядилась Карина и уже через несколько минут, набрав в резиновый баллончик тёплой воды, смазала наконечник растительным маслом.

Очистительная клизма дала должный эффект-освободившись от давившего его изнутри груза, ребёнок жадно присосался к материнской груди и долго ещё не отрывался от неё...

А когда не хватало продуктов, соседи собирались вечерами, накрывали длинный общий стол, выкладывая последнее, и начинался ужин под тусклым светом керосиновой лампы - скудный, но делающий всех ещё ближе. Делились последним куском хлеба и радовались, что и на этот раз было что положить в рот. Это был некий коллективный ритуал, дававший силы и веру в завтрашний день...

Помимо бытовых проблем, переселенцам приходилось

преодолевать и языковой барьер. Все они выросли и жили в русскоязычной среде. Карина почти не знала армянский язык, была бессильна помочь детям в учёбе. Но зато она прекрасно владела русским языком и взялась учить деревенских детей стихотворениям, песням, ставить спектакли по русским сказкам и небольшие сценки по собственным нехитрым сценариям. Зимой, когда в сельском клубе становилось очень холодно, а дров не хватало, Карина собирала детей у себя в доме, топила печку и начинала захватывающие, забавные занятия.

Зиму пережили, но вот долгожданная весна обострила болячки людей. Тяжелее всех приходилось пожилым людям. В ночь на восьмое марта мать Карины внезапно скончалась - не выдержало сердце. Хоронили всей деревней. Горевали все, но особенно скорбили беженцы: у них здесь появилась первая могила...

Тем временем в Карабахе начиналась настоящая война. Всё взрослое мужское население края встало под ружьё. Карина знала, что в Степанакерт переехал и Арнольд. Любовь к нему не погасла окончательно, теплилась тлеющими угольками и со временем преобразовалась в какое-то надломленное чувство, скорее - жалость. Несмотря на личную обиду, она переживала за бывшего супруга, хотя у того была уже новая семья, двое сыновей, почти погодков Гамлета.

Но гораздо сильнее пришлось поволноваться за Карена: не предупредив, он, выглядевший старше своих семнадцати лет, ушёл вместе с группой добровольцев в Карабах. Возможно, позвали родная кровь и скрытая сыновья тоска (сама Карина воспитывала сына в духе уважения к отцу и говорила о нём только хорошее).

Что оставалось делать бедной матери, как не отправиться вместе с младшим сыном за старшим...

Всегда опрятный, зелёный и красивый Степанакерт был беспощадно растерзан молодым хищником-войной. Всюду бросались в глаза следы артиллерийских обстрелов и авиабомбёжек: разрушенные дома, пустые глазницы окон, завалы и ямы. На дне одной из ямин в центре города виднелась

вертикально воткнутая в землю железная кровать, вернее, то, что осталось от неё. Бомба попала прямо в небольшой жилой дом - чудовищная сила в один миг вмяла глубоко в землю то, что старательно строилось человеком годами.

Жизнь города давно сбилась с привычного ритма: не работали предприятия и школы, не функционировал общественный транспорт. Вместо автомобилей на улицах города можно увидеть всадника на коне или осле. Это были беженцы из сёл. Их называли «внутренне перемещёнными лицами». Если беженцы были вынуждены оставить родные очаги и податься в поисках пристанища к «дальним берегам», втайне лелея надежду хотя бы на время стать «своим» среди чужих, найти поддержку и сочувствие, то эти люди подались из захваченных противником сёл в глубь территории республики, в более или менее защищённую её часть, надеясь на милость соотечественников, находившихся не в лучшем положении.

Людей с клеймом беды и несчастья на лицах было очень много, и ютились они где попало. Нередко местом для ночлега им служил городской газон, на котором днём пасся пригнанный из деревень скот. Разгромленному, полуголодному Степанакерту эти люди были в тягость...

Карина с сыном приютились в сыром и тёмном без окон подвальном помещении городской газовой конторы. Стены в трещинах, влажность, тараканы... Но иного выбора не было. Однако страшнее всего были обстрелы, которым город подвергался каждый день. Окружавшие Степанакерт сёла и высокогорный город Шуши были превращены противником в военные базы, откуда столица едва провозглашённой республики планомерно уничтожалась, сначала из относительно безобидной «Алазани», затем из реактивной системы залпового огня «Град». На людей сыпались смертельные градины. И задачей жизненной важности для стихийно, но вполне закономерно образовавшихся сил самообороны стало подавление этих смертоносных очагов.

За три месяца Карина всего дважды видела старшего сына. Он, казалось, резко вырос, возмужал. Потёртая афганка плотно облегала его крепкую фигуру. Загорелое лицо, покрытое

первой бородой, выражало уверенность и даже некоторую браваду. Чувствовалось, что его переполняет радость от первого выдержанного серьёзного испытания - накануне их отряд участвовал в освобождении пригорода Степанакерта. Переживая за сына, мать одновременно гордилась им и немного удивлялась его столь большой любви к родине, на которой он не родился и не жил, равно как и огромному чувству ответственности, которое было воспитано не в семье и не в школе...

Вскоре Карина с Гамлетом перебрались из сырого помещения газовой конторы в однокомнатную квартиру в одном из домов в нижней части города. Пожилого хозяина родственники взяли в деревню для безопасности, а квартиру сдавали в аренду по символической цене.

Тем временем обстановка в столице юной республики продолжала оставаться крайне тяжёлой, и если к блокаде и полуголодному существованию ещё можно было как-то привыкнуть, то к обстрелам и бомбёжкам, несущим новые смерти и разрушения, - нет. Артиллерийские обстрелы из Шуши, откуда столица была как на ладони, каждый день уносили чьи-то жизни, не спрашивая ни возраста, ни фамилии, ни должности...

Когда начинался обстрел, Карина с Гамлетом спешили в подвал. Бывало, Гамлет выбегал обратно во двор собирать оставшихся без призора детей, которые не успевали укрыться или же, не осознавая серьёзности положения, застыв на месте, глядели в небо, загипнотизированные звуком летящего снаряда и собственным любопытством. Материнский инстинкт, невзирая на смертельную опасность, заставлял Карину выбегать за сыном, спасать детей, родители которых в это время то ли сами не успели спуститься в подвал, то ли уже успели укрыться...

Шуши освобождён! Радостная весть о взятии, казалось, неприступного города-крепости долетела стремительнее смертельных снарядов. Мощные стены не выстояли перед справедливо возмущённой волей человека.

В этот день по всему Степанакерту раздавались победные залпы из автоматов, люди ликовали. Карен вернулся с

усталым, но сияющим лицом, чтобы на следующий день снова уйти - предстояла не менее судьбоносная битва за Лачин, взятие которого позволило бы прорвать блокаду, душившую людей на протяжении долгих лет...

Карина вместе с другими матерями с замиранием сердца ждала вестей с фронта, где разворачивались ожесточённые бои. И вновь победа! И вновь ликование! Однако... Вместо сына пришли командир и старшина. Пока после естественной в такие минуты паузы ей сообщили, что Карен ранен и перевезён в госпиталь, Карина лишилась чувств. Для неё мир вдруг рухнул - ей показалось, что сына нет.

В палате военного госпиталя было много раненых. В воздухе стоял тяжёлый кисловатый запах крови. Карина, с трудом совладая с накатившими эмоциями, суетливо бегала глазами по койкам. Она узнала Карена по широко раскрытым, зовущим чёрным глазам - остальное было забинтовано. Многочисленные раны были по всему телу - боец попал под миномётный огонь, чудом выжил. Мать собралась с силами: она должна была помочь сыну выкарабкаться...

Подавив в себе стыд, Карина попросила бывшего мужа на время приютить у себя Гамлета, а сама не покидала госпиталь, проводила там дни и ночи, зачастую бессонные. Помогала она и другим тяжелораненым, подавала воду, кормила, мыла им ноги. Она пыталась заменить им отсутствующих родителей. Помогая другим, Карина искренне верила, что Бог поможет выздороветь и её сыну.

От юной красотки-стюардессы в ней не осталось ничего: поседели волосы, в уголках глаз появилась заметная сетка морщин. Однако Карина относилась к категории людей, которые всегда кажутся красивее, чем есть на самом деле. Их недостатки не замечаешь, так как они сияют внутренне, и этот свет растворяет в себе все изъяны. Более того, внешне Карина стала благородней. Какая-то благость отражалась на её лице, во взгляде, в движениях, жестах...

Как-то ночью в госпиталь доставили нового раненого. Это был худой паренёк, весь синий от потери крови. Ему срочно требовалась донорская помощь. У Карины сердце защемило,

когда она взглянула на сомкнутые безжизненные веки бойца, густые тени под глазами. Смерть стояла за порогом и ждала его... Несмотря на склонность к анемии, Карина, не раздумывая, предложила свою кровь. Группа и резус совпадали, но врач, опасаясь за её здоровье, воспротивился. Карина стала настаивать:

- Где вы сейчас найдёте нужную кровь, доктор? Умрёт ведь... - эмоционально, сбивчиво убеждала она. - Поверьте, его спасёт именно моя кровь... Я чувствую это... Он ведь сирота...

Позже выяснилось, что у Александра, беженца из Баку, действительно, не было близкой родни. Отец умер в автомобильной катастрофе достаточно молодым, а мать, не выдержав пережитого во время погромов в Баку, скончалась по дороге в Степанакерт, не доехав до города всего два-три десятка километров. В Степанакерте Александр поселился у дальних родственников, а когда началась война, вступил в одну из рот пехотинцем. Затем в подразделение поступила техника и, с учётом знаний и навыков, его назначили механиком-водителем БМП. В одном из боёв боевую машину подбили, Александр чудом остался жив. Карина была счастлива, что помогла этому чуду окончательно свершиться...

Потом, когда её сын Карен встал на ноги и, ещё не полностью оправившись, вернулся к боевым товарищам, какая-то сила продолжала тянуть Карину в госпиталь. Как только по радио передавали, что раненым необходима кровь, она спешила туда, хотя ей самой не хватало здоровья. Её кровь помогла спасти ещё две молодые жизни, но у неё самой стала прогрессировать анемия. Карина слегла в больницу, однако за всё время лечения она ни минуту не жалела о том, что поделилась своим здоровьем с другими. Чувство нужности людям, помимо прочего, помогало бороться с комплексом «беженца»...

Тем временем в Карабахе наступила первая мирная весна. Вернее, это была весна перемирия - суррогата мира. После четырёх лет войны она казалась неестественной без разрывов снарядов, без ежесекундного ожидания смерти, без плача и

боли. Оживились лица людей, соскучившихся в подвалах по естественному свету и теплу, по настоящей весне.

С весной жизнь в городе обрела новые контуры, новое содержание. В школах возобновились занятия, уцелевшие цеха предприятий стали налаживать производство. Распахнул двери перед покупателями знаменитый до войны городской универмаг, пока с полупустыми полками. Зато оживилась частная торговля - большей частью кустарщина, «экспонаты» прежних времён и ветошь в стиле «ретро», вынесенная из домов. Саркастическую улыбку прохожих вызывали «натуральные» куриные яйца из деревень - по 30 драмов за штуку - серьёзные в те времена деньги. Кому-то не терпелось разбогатеть...

Дав новый импульс жизни, новые надежды и перспективы, весна одновременно оголила и многие язвы, многие проблемы. Послевоенному обществу предстояло не менее трудное испытание миром, и если секретом успеха на войне были коллективизм и сплочённость, то теперь, в условиях рыночных отношений, на первый план выдвинулись индивидуализм и деловитость...

Карен остался на военной службе. Пройдя офицерские курсы, он получил погоны лейтенанта и взвод под командование. Большую часть времени молодой офицер проводил на постах - хрупкий мир перемирия таил в себе немало опасностей и требовал от военнослужащих, несущих боевое дежурство на передовой линии, не меньших усилий, чем на войне.

Тем временем Карине предстояло поставить на ноги Гамлета. Из-за языковой проблемы ей трудно было устроиться на работу. В то же время она понимала, что понятие «беженец» не должно стать образом жизни, что общество не примет её, не поймёт и не пожалеет, если будет сидеть сложа руки и ждать помощи. Она прекрасно осознавала, что комплекс беженца не должен передаваться по наследству детям, в противном случае они будут чувствовать себя чужими среди своих сверстников...

Поразмыслив, Карина рискнула заняться предпринимательством и, заняв под проценты 100 тысяч драмов, взяла в аренду небольшое помещение под продуктовую лавку.

В месяц два-три раза она ездила с соседом-водителем грузовичка в Армению, покупала на крупных рынках фрукты и овощи, рыбу, привозила в Степанакерт и продавала с надбавкой в цене, которая позволяла покрыть расходы на приобретение и перевозку товара и получить, пусть и скромную, но прибыль. Невзирая на нужду и оживление материалистических инстинктов, характерных для любого послевоенного региона, Карина работала честно, не обманывала покупателя, а в определённом смысле даже помогала ему. Она тщательно выбирала на рынке товар, строго и внимательно оглядывая его со всех сторон, старалась привезти его в целости и сохранности. Вскоре у неё появились постоянные покупатели. Несмотря на нехватку денег у горожан, товар шёл нарасхват. Дело пошло, Карина вернула долг и заняла более солидную сумму. Она уже строила конкретные планы на будущее: женить Карена, дать университетское образование Гамлету и, наконец, обзавестись собственным жильём.

Тем временем в гости к Гамлету всё чаще стали приходить сыновья бывшего мужа, который никак не мог адаптироваться к новым реалиям и бедствовал. Они смотрели голодными глазами, и Карина, не делая различий между ними и собственным детьми, доставала из кухонного шкафа всё, что было, накрывала на стол. Нередко она посылала им через Гамлета пакет с овощами и фруктами. Карина вновь чувствовала свою нужность людям, и это давало ей силы и веру в будущее...

Но однажды случилась беда: из дома пропали все деньги. Куда-то делись и дети Арнольда, они вдруг перестали ходить в гости...

Как и семь лет назад, когда к ней прилепилось это непривычное и унизительное слово «беженка», Карина вновь осталась без средств к существованию, более того - теперь уже с долгами на шее. Вновь рухнули мечты. Хуже того - её ожидало новое, неженское испытание: Карина оказалась в следственном изоляторе. На этом настоял кредитор, достаточно влиятельный человек. Он рассчитывал на то, что, взяв женщину в заложники, заставит её родственников скорее выплатить ему долг. Опять в неком гипнотическом полусне

кто-то звал её сзади, чтобы передать забытую вещь, и оставалось лишь обернуться и принять её, но какая-то сила не позволяла делать это...

Лишь через две недели, когда старший сын при помощи друзей покрыл большую часть долга, Карина была выпущена на свободу. За время неволи она заработала микроинфаркт, а на душе у детей прибавилась незаживающая рана...

Прошло ещё семь лет. Седовласая полноватая женщина с выразительными глазами и печатью нелёгкой жизни на лице бережно вытирала пыль на серванте. Квартира - всего одна комната и кухня, - но своя. Государство выделило - руки дошли и до беженцев. Теперь у Карины была собственная крыша над головой, свой маленький уголок в большом, капризном и часто безрассудно жестоком мире. Теперь она не беженка...

На серванте стояли две большие, обрамлённые красивыми рамками фотографии сыновей. Карен был в военной форме. Сейчас он учился в военной академии в России на старшего офицера. Младший сын - Гамлет - оканчивал один из экономических вузов в Армении, куда поступил по государственному заказу. Специалисты как воздух были нужны восстанавливающемуся от ран войны Карабаху.

Карина поцеловала по очереди обе фотографии, ласково провела по ним рукой и бережно поставила на место.

Мать ждёт не дождётся возвращения сыновей. Теперь они будут надёжной опорой ей. Теперь они будут защищать и возрождать СВОЮ родину, обретённую с таким трудом...

2014 г.

ДИВЕРСАНТЫ

Рассказ написан на основе реальных событий лета 2014-го года. Большинство имён и фамилий персонажей, а также некоторые географические названия изменены.

«4 июля 2014-го года, около 21.00 часа, Смбат Мехакович Цаканян, 1997-го года рождения, вышел из дома, расположенного в местечке Чумен Шаумянского района, и больше не вернулся...»

Из материала уголовного дела.

1

Весть об исчезновении шестнадцатилетнего Мисака вмиг облетела чёрной птицей деревню. Не сговорившись, селяне потянулись к дому Гранта Агабабяна, оставив все насущные дела по хозяйству. Стоял месяц июль, залитый солнцем и светом, но люди были мрачны, на их лицах отражалась тревога, приправленная удивлением. Подобное происходило здесь впервые.

- Всё-таки это турки[1], - проговорил кто-то шёпотом, но казалось, что едва уловимые слова прозвучали громогласно, и их услышали все.

И это было не удивительно, ибо у людей был напряжён каждый нерв и как-то по-особому навострён слух, все словно сами превратились в слух, стараясь не пропустить ничего, ведь с позавчерашнего вечера сначала робко, потом всё настойчивее пошли толки о том, что на территорию района проникла диверсионная группа. И на то были основания: в овражке у леса нашли расстрелянного бычка с отрезанным окороком, а из окраинного домика военнослужащего Гарегина Аванесяна пропали одежда и документы.

«Свои так не поступили бы», - это заключение пожилого односельчанина прибавило тревоги, засев в подсознании, и то и дело озвучивалось всполошёнными людьми.

Из родных Мисака дома находилась лишь женская половина - мать Алина и сёстры Зарине и Марине. Мужчины - отец Грант и брат Васак - вместе с родственниками поднялись в горы искать мальчика. Вскоре, коротко посовещавшись перед воротами дома Агабабянов, к поискам присоединились и односельчане. Смотрели под каждым деревом, искали в густых лещинах, не пропускали ни один кустарник и куст. На вторые сутки в полукилометре от просёлочной дороги, под черешневым деревом нашли две однотысячные драмовые[2] купюры. Это вернуло надежду уже отчаявшимся было людям...

Семья Агабабянов вместе с другими жителями Геташена была изгнана из родных мест летом 1991-го года в результате нашумевшей на весь уже трещавший по швам Советский Союз карательной операции «Кольцо», совместно осуществленной азербайджанскими омоновцами и советскими военнослужащими. Вначале Грант и Алина с малолетними тогда дочками Нелли и Карине перебрались к родственникам в Армению, найдя временное пристанище в одном из сёл Варденисского района, а спустя несколько лет переехали в Нагорный Карабах, поселившись в приграничной деревне Нор (Новый) Эркедж, у реки Тартар. Вернее, деревню основали они сами вместе с горсткой таких же обездоленных людей. Пришлось начинать всё с нуля, разводить, как говорят в таких случаях, костёр на зелёной траве. На первых порах было построено всего десять домов, сейчас уже было вчетверо больше.

Вопреки всем трудностям и невзгодам Грант и Алина создали в Нор Эркедже большую дружную семью - к первым дочерям прибавились ещё две, а потом и два сына. Теперь Нелли, Карине, Зарине и Марине уже были замужем, жили отдельно, две старшие - в городе. Сыновья, восемнадцатилетний Васак и шестнадцатилетний Мисак, помогали родителям содержать огород, разводить скот, ухаживать за пчёлами. Летом Грант и Алина поднимались в горы пасти на альпийских лугах коров и овец. Неделями они жили в специально сооружённой лёгкой постройке, а сыновья, практичные, как и все деревенские ребята, не по годам, присматривали за домом и ухаживали за огородом.

Мисак рос скромным, несколько стеснительным, но одновременно общительным и доверчивым мальчиком. Он преуспевал в школе, его любили не только одноклассники и учителя, но и односельчане, так как мальчик был приветлив со всеми, подсоблял, чем мог: приносил пожилым соседям воду из родника, колол дрова, пригонял во двор скотину. По окончании 9-го класса Мисак решил продолжить учёбу в военной гимназии и уже готовился пойти 1-го сентября на занятия.

Подросток проводил много времени в лесах, стараясь собрать за лето как можно больше орехов на продажу. Он хотел самостоятельно обеспечить себя новой одеждой, обувью, сотовым телефоном. Отец предлагал продать кое-что из скотины и купить всё необходимое, однако сын категорически возражал, говорил, что он уже взрослый и хочет заработать всё своими руками. Мисак часами пропадал в окрестных лесах, однако связь по телефону с родными поддерживал постоянно.

Но вот уже третьи сутки Мисак не отвечал. Обзвонили всех: родственников в соседних деревнях, друзей, знакомых, но подростка нигде не было...

2

Позапрошлым летом лесник Амбо, спускаясь на коне с гор, чуть не наехал на двух мужчин, поднимавшихся по извилистой горной тропе. Они были незнакомы ему, хотя лесник вроде бы знал всех в округе. Амбо спросил впереди идущего коренастого человека, откуда они и куда держат путь, однако тот тяжело взглянул на него исподлобья и не ответил. Лесник спросил у второго, рослого мужчины, может, скотина потерялась, но тот приложил указательный палец к губам - мол, молчи...

Странным незнакомцам было лет 45-50. Они были в чёрных накидках, на головах - чёрные кепи, за спиной - вещмешки. Словно почуяв неладное, обе собаки лесника дружно зарычали, но Амбо окрикнул их, и они смолкли. Пропустив их, лесник оглянулся и заметил профессиональным взглядом,

что в области правого плеча у незнакомцев что-то выпирает из-под накидки. Понял - вооружены.

Теряясь в догадках, Амбо спустился в деревню и сообщил старосте о загадочных чужаках. Тот в свою очередь проинформировал руководство района, и вскоре в гору поднялась группа военных, однако никого не обнаружили.

С тех пор прошло два года. О странных пришельцах подзабыли. Деревня жила своей размеренной жизнью, пока...

С первыми лучами солнца домохозяйка Венера пошла искать своего телёнка, который вечером не вернулся с пастбища домой. Отойдя с сотню метров от дома, расположенного над ущельем, она услышала невнятные человеческие голоса. Приблизившись, Венера заметила в зарослях незнакомых мужчин. Двое из них сидели напротив друг друга, а третий стоял спиной к ней. Один из сидящих несколько взвинчено объяснял что-то другому. Вдруг он перестал говорить, изменился в лице и, сузив глаза, пристально посмотрел в сторону неожиданно появившейся женщины. Бросив тяжёлый взгляд на Венеру, второй полувстал и подался на согнутых коленях влево, спрятавшись за деревом. Стоявший мужчина резко обернулся и туповато уставился на женщину...

Смутная тревога охватила Венеру, но любопытство было сильнее - она напрягла зрение, пытаясь узнать незнакомцев. На боку у одного из мужчин Венера заметила кобуру с пистолетом и нож в ножнах. Стараясь не выдать своего страха, женщина прибегла к хитрости, чтобы ввести незнакомцев в замешательство и воспользоваться этим.

- Простите, не видели моего телёнка? - спросила она с улыбкой, многого стоившей ей.

После секундного замешательства мужчина в камуфляже попытался ответить на ломаном армянском языке, однако Венера не стала слушать его, резко повернулась на сто восемьдесят градусов и побежала что есть мочи. Отбежав метров двадцать, она крикнула: «Завен, помоги, турки уводят твою мать!..»

3

По профессии Бахтияр со своим неполным средним образованием и соответствующими интеллектуальными способностями был водителем, управлял грузовиком и, чтобы обеспечить потребности семьи, растущие по мере взросления детей, периодически подрабатывал на грузоперевозках из Азербайджана в Россию. Не совсем чистый на руку, он был осуждён за кражу и провёл в местах лишения свободы три с половиной года. Был замечен и в других незаконных делах и авантюрах, барыжничал.

Весной 2005-го года в городе Пермь Бахтияр случайно встретил своего земляка Гусейна, которого знал ещё со времён карабахской войны начала 1990-ых годов. Гусейн был родом из села Шаплар Кельбаджарского района, который перешёл под контроль карабахской армии в ходе развязанной Азербайджаном против небольшого армянского края войны. Азербайджанские вооружённые формирования, воодушевлённые первыми успехами, рассчитывали быстро сломать сопротивление почти безоружных армян, однако не только натолкнулись на упорное противодействие, но вскоре стали терпеть одно поражение за другим. Карабахские силы перешли в контрнаступление и в конце марта 1993-го года нанесли удар по азербайджанским аскерам в Кельбаджарском районе, находившемся между Нагорным Карабахом и Арменией. В ночь на 3 апреля Армия обороны Нагорно-Карабахской Республики взяла райцентр Кельбаджар под свой контроль (в дальнейшем Кельбаджару было возвращено историческое армянское название Карвачар - «крепость-рынок» или «место продажи камня», и город, расположенный в верхнем течении реки Тартар, стал центром Шаумянского района провозглашённой после развала Советского Союза Нагорно-Карабахской Республики). Мирному населению района дали возможность уйти через перевал Мравского хребта. Впрочем, часть гражданского населения была вывезена заблаговременно, ибо руководство Азербайджана, готовясь нанести оттуда удар по противнику, сконцентрировало в районе большие военные силы.

В марте 1992-го года, на фоне разгорающейся войны, Бахтияр был мобилизован и после прохождения короткого курса обращения с оружием отправлен на фронт. Здесь он и познакомился с Гусейном. И если Бахтияр как воин «отличился» лишь тем, что принял участие в резне мирного населения карабахского села Марага в апреле 1992-го и дезертировал через пару месяцев, подавшись в Россию, то Гусейн, пройдя соответствующую подготовку в учебном центре, вскоре стал командиром разведывательно-диверсионной группы «Карательный отряд Гянджи». Особые задания, которые выполняла группа, как правило, отличались и особой жестокостью. Гусейн же был жесток не только в отношении противника, но и своих подчинённых, зато находился на хорошем счету у старшего командования и завершил войну, окончившуюся, впрочем, полным крахом для его армии, в должности командира батальона.

После заключения перемирия в 1994-ом году Гусейн периодически ездил подрабатывать в Россию. В 2008-ом году знакомый предприниматель Тельман предложил ему работу на лесоповале в Пермской области. Гусейн согласился.

Тельман поселил его в вагончике, дал ему трелёвочный трактор. Автомеханик по профессии, Гусейн быстро освоил новую технику. Как-то раз его навестил земляк из Кельбаджара Ильхам, который работал на ближайшей делянке. Он пригласил Гусейна к себе поужинать. По дороге Ильхам рассказал, что у него в гостях знакомый бакинец, который занимался развозом, однако его «кинули» и вместо денег за работу отбутузили.

Войдя в небольшой домик на окраине леса, Гусейн увидел крупного заросшего человека с фингалами под обоими глазами и забинтованным ухом. Гусейн поздоровался, представился. Собеседник изучающее прищурился и в следующий миг загадочно улыбнулся, от чего его лицо стало ещё уродливее.

- Не узнаёшь? - спросил он после минутной паузы.

Гусейн вгляделся в разбитое лицо собеседника, пытаясь вспомнить. Тот не стал его мучить.

- Бахтияр... Мы вместе служили...

- Ах это ты, негодяй-подлец, - наконец вспомнил Гусейн, не по-дружески хлопнув земляка по плечу. - Что же ты, предатель, бросил нас тогда?..

- Прости... - Бахтияр пришибленно улыбнулся, прикрыв ладонью побитую скулу, - смерти испугался...

Его жалкий вид, кажется, разжалобил сурового сотоварища по войне.

- Ладно, ладно, не убивайся, - Гусейн уже миролюбивее положил руку на плечо визави, слегка придавив его пальцами. - Я-то чего достиг, пройдя всю войну?.. Видишь, где встретились? Правда, меня пока ещё не избили...

Произнося последние слова, Гусейн улыбнулся и незаметно подмигнул Ильхаму, слушавшего с удивлённым молчанием диалог двух земляков, которые неожиданно для него близко знали друг друга.

В Перми земляки встречались ещё не раз. Гусейн поведал Бахтияру, что тайком посещает Карабах, и предложил составить ему компанию. При этом он пообещал, что по возвращении даст ему 1000 манатов[3] за услугу - помочь снять на видеокамеру местность, разрушенные сёла, природу, чтобы потом демонстрировать у себя в кафе видеоклипы за деньги. Гусейн уверял, что на противоположной стороне близко к границе никто не живёт, и никакой опасности нет.

- Сделаем съёмки, откроем в Баку кафе, поставим большой телевизор, пригласим кельбаджарцев смотреть. Диск никому отдавать не будем, заработаем пару гяпиков[4].

Бахтияр нуждался в деньгах и долго уговаривать себя не заставил. Хотя он, вопреки заверениям товарища, конечно же, понимал, вернее, чувствовал на инстинктивном уровне, с какими рисками связана авантюра.

4

Из Перми выехали к началу лета на машине марки «Нива», за рулём которой сидел Гусейн. Благополучно доехали до Дербента, однако здесь им запретили пересекать границу на

автомобиле, так как Гусейн не являлся собственником машины и водил её по доверенности - она была зарегистрирована на имя российского гражданина. «Ниву» оставили на таможне, не особо жалея об этом - она уже дряхлела. Домой добрались попутками и, не медля, начали готовиться к делу.

Гусейн раздобыл недорогую любительскую видеокамеру, прикупил патронов для своего охотничьего ружья, которое тщательно почистил и смазал. Запаслись на дорогу провизией: хлебными лепёшками, бурдючным сыром мотал пендир, копчёной колбасой, конфетами, чаем. Ближе к полудню выехали в сторону Дашкесана, а вечером уже были у знакомых Гусейну пастухов, переночевали в разбитых на подножии горы палатках. Спозаранку пустились в путь по горным тропам.

Местность была изрезанной и лесистой, а потому - трудноконтролируемой, и соумышленникам удалось благополучно дойти до «собачьей тропинки» и незамеченными миновать боевые позиции с обеих сторон. «Как бы гора ни была высока, дорога через неё проходит», - подмигнув с хитринкой Бахтияру, довольно изрёк пословицу Гусейн и включил видеокамеру.

«...Сегодня я счастливый человек, потому что с моим близким другом, бывшим аскером Бахтияром, пришёл повидать своё село Шаплар, - снимая окрестности, комментировал он. - Видите, это чудесное место? Любой участок здесь прекрасен, а воздух чистый и свежий. Самый настоящий Джаннат![5] Разве можно было уступить его гяурам?..[6]»

Гусейн снимал всё, что попадалось на пути: горы, леса, ущелья, реки, разрушенные войной строения... На третий день благополучно вернулись на противоположную сторону теми же тайными тропами.

5

А всё началось с того, что спустя несколько лет после войны двоюродный брат Гусейна Рагим предложил посетить могилы родственников по ту сторону фактической границы между сторонами конфликта, так и не получившего

окончательного решения. В своё время Рагим работал в Кельбаджаре пастухом на местной скотоводческой ферме, знал каждую тропинку в окрестностях. Стёжка, по которой он предлагал проникнуть на противоположную сторону, называлась «собачья тропинка», так как по ней было крайне трудно пробираться, но зато можно было незамеченным миновать как свои, так и чужие военные посты.

В сентябре 1998-го года Рагим с Гусейном направились в Ходжбулаг, а оттуда - к подножию горы Кошкар, где были разбиты палатки пастухов. Один из пастухов близко знал отца Рагима, а потому их приняли тепло, угостили варёной бараниной и вином, устроили на ночлег в палатке, а провожая утром, дали в дорогу мяса, сыра и хлеба.

После Кошкара следовали горы Семь братьев, Конгур, Инал. Чтобы добраться до Инала предстояло преодолеть почти десять километров. Затем нужно было проникнуть по «собачьей тропинке» между азербайджанскими и карабахскими боевыми позициями.

Они были вооружены охотничьими ружьями. Гусейн прихватил с собой ещё и фотоаппарат «Зенит», на который он запечатлел не только могилы родственников в Шапларе, но и разрушенные войной дома, окрестности деревни, природу. Ночевали на кладбище. По тому же пути без приключений вернулись домой.

С тех пор в голове у Гусейна рождался своеобразный бизнес-проект. Ранее он собирался арендовать в городе кафе, ну а теперь у него возникла идея периодически совершать тайные походы по ту сторону границы для съёмок, готовить небольшие видеофильмы и слайд-шоу из фотографий, тем самым подогревая интерес к заведению со стороны посетителей, главным образом - беженцев из тех мест.

В следующий раз Гусейн пошёл в Кельбаджар один, одолжив у знакомого фотоаппарат с видеокамерой. По уже испытанным тропам ему вновь удалось пробраться незамеченным на противоположную сторону, сделать съёмки. Возвращался ночью, утомился, сел отдохнуть, прислонившись спиной к столбу линии электропередачи и опёршись двумя

руками о ствол охотничьего ружья. Неожиданно заснул. Вдруг кто-то хлопнул его по плечу, он проснулся и увидел над собой толстого парня. Тот что-то спрашивал. Гусейн притворился пьяным и, нарочито шатаясь, спустился вниз по дороге к речке с мостиком. И на этот раз удалось благополучно вернуться домой, однако впредь он решил не пускаться в столь опасный путь в одиночку.

Вскоре по возвращении Гусейн узнал, что им интересуются, и уехал на время, от греха подальше, в Россию.

6

В третий раз Гусейн пробрался через посты уже с новым попутчиком и старым знакомым - Бахтияром. Вернувшись обратно, Гусейн передал фотоснимки и видеозаписи знакомому в одной из бакинских студий переписать на большую кассету. При этом он попросил, чтобы тот никому не показывал.

- Что там? - не удержался знакомый.

- Ничего, одни горы, - делано безразличным тоном ответил Гусейн.

Через пару часов Гусейн пришёл за кассетой, расплатился за работу и вернулся домой весьма довольный. Однако первый блин вышел комом.

Гусейн уже строил конкретные планы относительно снимков, когда с удивлением обнаружил их в Интернете. Показывать видеоматериал в кафе уже не имело смысла - их можно было смотреть, сидя дома. Стал разбираться, кто выложил их в Ютуб.

- Кому нужен твой мультфильм? - парировал с ироничной ухмылкой родственник, которому в порядке исключения Гусейн давал посмотреть кассету. - В Интернете всё есть. Даже армяне снимают, как купаются в Кельбаджаре, и размещают в Интернете.

Он уже собирался ехать допытываться о казусе у знакомого, которому доверил переписать видеоматериал на диск, как позвонил Бахтияр и сказал, что с ним хотят поговорить.

- Нормальный, богатый человек, родом из Кельбаджара, - пояснил тот.

7

Бахтияр повёл Гусейна в условленное место - небольшое кафе, приютившееся под каким-то громадным строением. Вошли. Перед ними встал низенький мужчина с большой лысой головой и тоненькими, словно нарисованными карандашом, усиками. Он с вежливым выражением лица поздоровался за руку сначала с Бахтияром, затем с Гусейном и пригласил их в маленькую комнату. Подав им чаю в грушевидных стаканах армуды, сам вышел и вернулся через четверть часа с другим мужчиной средних лет, одетым в солидный чёрный костюм. Тот поздоровался достаточно холодно и сразу, не представившись, спросил:

- Вы Гусейн?

- Да.

- Очень хорошо, - произнёс он без эмоций и сразу перешёл к делу. - В общем, я в курсе, чем вы занимаетесь. Предлагаю отправиться в Карабах.

- Какой Карабах? - постарался изобразить удивление Гусейн.

- Ладно, ладно, не надо, - на тщательно выбритом круглом лице загадочного гостя шевельнулось нечто наподобие ухмылки. Он перешёл на «ты»: - Я спрашиваю, знаешь, что такое Карабах?

- Ну, знаю...

- Можешь пойти туда?

- В Кельбаджар?

- Нет, не в Кельбаджар, - ответил незнакомец, но и не стал уточнять, куда именно.

Гусейн терялся в догадках, кем является его собеседник, склоняясь больше к мысли, что сотрудник органов госбезопасности. В любом случае было очевидно, что он занимает высокую должность. Незнакомец даже не стал пить с ними чай, видимо, считая это ниже собственного достоинства.

После паузы Гусейн сказал, что ему надо подумать. Однако его визави отрезал:

- Нет, сначала скажи - можешь или нет?

- Куда конкретно?

- Например, в Ходжалу, снять аэропорт, - незнакомец испытующе посмотрел на Гусейна. - Пойдёшь в Ходжалу?

- Эти места я не знаю. Не бывал там никогда, - честно признался Гусейн.

Но важный собеседник, кажется, не верил ему.

- Ладно, подумай и напиши всё, что нужно тебе, - недоверчиво прищурившись, произнёс он. - Не стесняйся...

Гусейн бросил вопросительный взгляд на Бахтияра, а незнакомец, так и не представившись, слегка кивнул на прощанье. Мужчина с тоненькими усиками с заметным подобострастием открыл перед ним дверь, провёл его и, вернувшись, протянул Гусейну чистый лист бумаги.

Гусейн неохотно взял ручку, подумал с полминуты и стал выводить на листке: видеокамера, куртка и штаны с электроподогревом, горные ботинки... Получился довольно длинный список. В конце он добавил плату за работу себе и Бахтияру - 20 тысяч долларов на двоих.

На следующий день Бахтияр позвонил Гусейну и сообщил, что, как передали ему, заказчик разорвал бумагу в сильном возмущении со словами: «Какие 20 тысяч?! С ума посходили!..»

Гусейн ожидал этого. Он специально написал такую сумму, чтобы сделка не состоялась, так как не доверял заказчику.

Около трёх часов пополудни к нему домой явились сотрудники полиции и отвезли в отделение. Следователь стал допытываться, зачем и каким образом он пересёк передовую линию. Гусейн сказал, что ходил навестить могилы родственников, по труднопроходимым горным тропам. В отделении его допрашивали часа два, затем за ним приехали военные и отвезли в армейский штаб к генералу Аббасову, который тут же стал кричать на него и угрожать, но, успокоившись, потребовал рассказать всё, как было. Генерал выслушал Гусейна с мрачным видом, коротко выругался и

повелел, чтобы он никому не говорил правды о том, каким путём пробрался на противоположную территорию и какие именно боевые позиции миновал.

- Скажи, что был сильный туман и что сам не понял, как оказался на той стороне, - сурово произнёс он.

Задумавшись, генерал добавил:

- Мне не нужны лишние проблемы.

Примерно по той же схеме допрашивали Бахтияра, которого задержали днём позже. Правда, его не сразу повели к следователю, заключив на ночь в сырое и холодное полуподвальное помещение. А наутро во время допроса Бахтияр признался, что согласиться на авантюрное предложение сотоварища заставила его нужда.

Затем пришёл какой-то армейский офицер и тоже стал задавать вопросы. Спросил, не заметили ли их азербайджанские военнослужащие при пересечении линии соприкосновения войск.

- Нет, не видели, мы шли ночью, - наивный ответ Бахтияра, по всей видимости, удовлетворил офицера.

- Смотри, не рассказывай никому! - лишь пригрозил он.

В полиции у соумышленников взяли письменные обязательства, что подобное больше не повторится. Однако, как выяснилось позже, всё это была игра, лишь первая часть разыгрываемого спектакля: спецслужбы и не думали так просто отпускать искателей приключений.

8

Вахид Алекперов, молодой человек спортивной наружности с «чёрным поясом» по карате, был внештатным сотрудником органов госбезопасности. Уже после войны, в годы перемирия, он участвовал в организации нескольких разведывательно-диверсионных операций на линии соприкосновения войск сторон конфликта. Именно ему сейчас поручили заняться «засветившимися» Гусейном и Бахтияром. При этом ему разрешалось, чтобы не вызвать у последних подозрения, порой переступать закон, разыгрывая из себя «крутого парня».

Вахид заранее изучил своих «подопечных», нащупал слабые места и решил, что самый верный вариант расположить их к себе - заинтересовать материально, тем более что Гусейну предстояло погасить значительный кредит. Наркотики - вот та приманка, на которую Вахид намеревался заманить своих потенциальных жертв. Однако он не собирался сажать их на этот крючок, что загубило бы дело. Вахид планировал завлечь их перспективой получения барыша от продажи запретного товара.

Сначала заарканили Бахтияра. Через общего знакомого ему заказали привезти на своём грузовике из Баку в пригородный посёлок партию хозяйственных товаров. Согласно разработанному сценарию, после разгрузки заказчик, местный оптовый торговец, должен был за чашкой чая в кафе напротив его склада расплатиться за работу. Однако неожиданно между заказчиком и исполнителем возникает спор относительно размера платы за работу, и тут «хорошие» ребята во главе с Вахидом, «случайно» оказавшиеся в кафе, вмешиваются и «по понятиям» решают вопрос в пользу «земляка» Бахтияра.

План сработал. Благодарный Бахтияр обменялся телефоном с Вахидом. Стали созваниваться, периодически встречались, беседовали по душам за чаем или ужином. У них установились приятельские отношения, которые Вахид постепенно подводил к «деловым». Он просил Бахтияра найти «испытанного» и «надёжного» товарища. Вскоре уже встретились втроём, вместе с Гусейном.

В небольшое бакинское кафе Вахид явился в спортивном костюме. Познакомился с Гусейном, пообедали, поговорили о деле. Расплатился Вахид, который затем подбросил на своём «четырёхглазом» «Мерседесе» Гусейна до его дома в пригороде Баку. После этого периодически созванивались. Вахид называл Гусейна «ата» - «отец», интересовался, нет ли у него проблем, не нуждается ли в чём. Несколько раз встречались, в том числе наедине, без Бахтияра.

Через определённое время общения у них сложились достаточно близкие отношения, подкреплённые небольшими практическими, часто идущими вразрез с законом делами.

Последние привязывали «друзей» друг к другу невидимыми, но крепкими нитями...

9

В новом и опасном деле Гусейн рассчитывал на помощь более опытного в этом плане Бахтияра. Между собой договорились называть товар «чачурой» - в простонародье так прозвали горную ароматную траву, добавляемую к чаю. Конечно, подельники понимали, чем реально дело «пахнет», но и соблазн сорвать сиюминутный барыш был велик.

Бахтияр нашёл клиента. Явились на условленное место встречи. Вскоре подъехала машина марки «ГАЗ-24», из которой вышел высокий видный человек средних лет. Получив пакет, мужчина расплатился. Гусейн отблагодарил Бахтияра, отдав ему 50 манатов. Однако на следующий день Бахтияр позвонил и сказал, что покупатель хочет вернуть товар, так как последний оказался некачественным. Гусейн стал ругаться, но деньги пришлось вернуть.

Затем дела вроде бы пошли. Нашлось несколько постоянных клиентов. Вместе со спросом росло и количество товара, а вместе с безнаказанностью развязывались руки и рос аппетит подельников. Бывало, Гусейн ехал на афёру прямо на общественном транспорте, везя травку в бумажном пакетике. На всякий случай он брызгал пакет одеколоном. За счёт вырученных денег, которые, в отличие от товара, не пахли, Гусейну удалось погасить часть кредита.

Вскоре Гусейн получил полкило товара и, спрятав в огороде, готовился к очередной сделке, когда за ним пришли - всё-таки «разнюхала» полиция. С полицейскими был один из его «покупателей». Гусейну грозил реальный срок, однако после того, как он провёл в изоляторе временного содержания пару суток, его повели в отделение полиции.

В кабинете замначальника полиции сидел толстый и несколько напыщенный мужчина, которого представили в качестве общественного адвоката. Он сообщил Гусейну, что некто Аслан, богатый и влиятельный человек, желает помочь

ему, и при условии соблюдения некоторых формальностей его освободят. Гусейну не оставалось ничего другого, как согласиться. Перед ним положили два листа не совсем разборчиво исписанной бумаги, предложив подписать. Гусейн, не особо вникая в смысл текста, расписался, после чего его отпустили, но сказали, чтобы никуда не выезжал и ждал звонка.

На третий день Гусейну позвонили - Аслан приглашал его на встречу.

«Спаситель» обставил встречу с помпой, явившись сразу на трёх джипах, из которых вышло всего четыре человека. Гусейн, сидевший уже четверть часа в ожидании на скамейке под ивовым деревом у кафе, где условились встретиться, не сразу выдал себя, решив немного понаблюдать за прибывшими. Впереди пошёл «общественный адвокат», торжественно неся своё огромное колыхающееся пузо. Контрастом ему смотрелся высокий, сухопарый человек с грубым, хмурым лицом. Очевидно, это и был тот самый Аслан. Сзади, в шаге от него, шли два коренастых молодых человека в тёмных очках.

Как только они скрылись за дверью кафе, Гусейн встал со своего места и тоже направился туда. Аслан с сухой вежливостью подал ему руку и пригласил за отдельный столик в углу. Адвокат грузно устроился в большом кресле чуть поодаль перед низким стеклянным столиком на массивной ножке, а молодые люди отошли в другой конец пустого, видно, специально подготовленного к встрече зала. Промелькнувший тенью официант принёс на подносе чай в традиционных стаканах армуды вместе с нарезанным лимоном и колотым коричневым сахаром.

Аслан тут же приступил к сути дела, сообщив, что он родом из Кельбаджара, его отец был директором оздоровительного комплекса «Истису», и там у них спрятано четыре килограмма золота. Он обещал, что если Гусейн принесёт золото, то он поможет ему с окончательным освобождением, щедро вознаградит его и устроит на хорошую работу. Гусейн задумался. Впрочем, иного выбора у него не было, да и деньги нужны были позарез.

Когда Гусейн дал своё согласие, безжизненное лицо Аслана, наконец, оживилось, подав лёгкий признак удовлетворения. Правда, Гусейн тут же добавил, что он пойдёт не один, имея в виду Бахтияра. В знак одобрения Аслан слегка кивнул.

Призадумавшись, Гусейн произнёс:

- У меня есть «винчестер», вот только барахлит немного... Может, отдать на ремонт?

- Не надо, - успокоил Аслан. - Обеспечим всем, что нужно.

Затем, после некоторой паузы, произнёс:

- Возможно, с вами пойдёт и наш человек.

Договорились. Аслан сказал, что его помощники свяжутся с ним относительно дальнейших действий.

10

Гусейн убедил Бахтияра составить ему компанию в заманчивой авантюре. Поздно вечером позвонил Вахид. Он поздравил Гусейна с выходом на свободу и пообещал навестить его.

Несмотря на обещание Аслана обеспечить оружием, Гусейн на всякий случай отнёс свой «винчестер» на ремонт к знакомому мастеру. Пока тот чинил ружьё, Гусейну позвонил «адвокат» и предложил встретиться с его помощником для решения вопроса видеокамеры. Вместе с подъехавшим на иномарке молчаливым молодым человеком Гусейн обошёл несколько магазинов электроники, пока не нашли подходящую видеокамеру по цене 1 тысяча 200 манатов. Едва настроили аппарат, как Гусейну позвонил Вахид и сказал, что едет к нему.

Вахид крепко обнял товарища, потрепал его по спине и, изобразив радость на лице, вновь, теперь уже вживую, поздравил Гусейна с освобождением.

За чаем Вахид предложил ему денег взаймы для погашения кредита.

- Ата, я знаю, тебе сейчас нелегко, а эти банки, сам знаешь, какие нетерпеливые... Вернёшь, когда сможешь.

Гусейн вновь принял помощь от товарища. Триста из полученных пятисот манатов он решил внести в банк в счёт

кредита, а двести оставить дома жене и детям на повседневные расходы в своё предстоящее отсутствие.

Гусейн терзался сомнениями, сообщить ли о деле приятелю. Он даже предположить не мог, что именно Вахид является тем самым «нашим человеком», о котором говорил Аслан, и что тот проинформирован о деле гораздо больше, чем он сам.

Вахид должен был пойти вместе с Гусейном и Бахтияром якобы в качестве доверенного человека Аслана для того, чтобы указать местонахождение золота, а заодно и проконтролировать, чтобы оно было доставлено в целости и сохранности. На самом деле золото, которого реально не существовало, было лишь стимулом, а точнее - приманкой. 34-летнему негласному сотруднику органов госбезопасности Вахиду Алекперову поручили сблизиться с Гусейном Агаевым и Бахтияром Гурбановым и, используя их опыт тайного пересечения фактической границы с Нагорным Карабахом, проникнуть в административную территорию Шаумянского района для выполнения спецзадания. Оно заключалось в следующем: «снятие на видеокамеру военных объектов оперативного и особого, а также общегосударственного значения, выведение из строя или уничтожение которых затруднит обеспечение противником общей защиты и стабильности».

Нужно было постараться добыть сведения о боевых позициях и местах дислокации воинских частей, о территориях, оказавшихся вне контроля со стороны военных и административных властей, а также данные общего военного значения и иные сведения, касающиеся военных городков, инфраструктур, коммуникационной связи, состояния и пропускной способности дорог и мостов, административных объектов, демографической ситуации и т.д. Эти сведения должны были использоваться во вред суверенитету, территориальной неприкосновенности и внешней безопасности непризнанной на международном уровне, но де-факто существующей Нагорно-Карабахской Республики.

11

Итак, в начале лета 2014-го года была сформирована группа с 54-летним формальным лидером Гусейном Агаевым, хорошо сведущим в способах и маршруте проникновения на сопредельную территорию. Реальным же руководителем группы был Вахид Алекперов, который должен был ненавязчиво контролировать, чтобы всё шло по плану спецслужб. Сам Агаев, как и третий член группы - Бахтияр Гурбанов - официально об этом не знали. Правда, Гусейн, поначалу искренне удивлявшийся осведомлённостью и умением Вахида появляться в самый неожиданный момент, с некоторых пор стал смутно сомневаться в товарище. Тот казался вездесущим, дышал и в затылок, и в лицо, был в курсе всего, что происходило с ним, близко знал людей, с которыми Гусейн знакомился. Вахид словно замыкал его в некий круг, подобно удаву, постепенно, почти незаметно и даже нежно окольцовывающего свою жертву. Это ощущение у Гусейна усиливалось с каждым днём, но он понимал, что уже невозможно вырваться из сомкнувшихся тисков. Тогда Гусейн решил притвориться, что не замечает ничего, и попытаться извлечь из ситуации максимум выгоды для себя.

Бахтияр же, недавно перешагнувший 45-летний рубеж, был человек толстокожий, больше действовал по инерции и инстинктивно, не обременяя свой мозг тем, над чем реально стоило бы подумать...

12

Июнь 2014-го года вступал в свои права. Лето постепенно разогревалось, воздух наполнялся благовонием цветущих трав. Именно в это светлое и тёплое время года, благодатное для работы в поле, вечерних прогулок и ночных посиделок, группа людей замышляла авантюру.

Гусейн, верный своей привычке, прибыл на условленное место встречи чуть раньше оговорённого времени. В ожидании товарищей закурил, справляясь с лёгким волнением,

навеянным смутным недобрым предчувствием. Вскоре подъехали две машины - чёрный джип и белый четырёхместный пикап, на боках которого было изображено нечто наподобие огня. Из окна задней двери пикапа высунулся Бахтияр и жестом пригласил Гусейна в машину. Рядом с водителем сидел незнакомый молодой человек, представившийся просто - Аликом. Поехали в сторону Дашкесана. Темнело.

Ближе к полуночи проехали Хошбулаг и остановились в лощине. Из джипа вышел Вахид, серьёзный и сосредоточенный. Он молча поздоровался за руку с Гусейном и попросил своих спутников помочь разгрузить вещи, находившиеся на заднем сиденье джипа.

Оружие было завёрнуто в мешковину. Автоматы типа «АКМС» были новыми, с зелёным, красным и синим ремнями, видимо, специально покрашенными для каждого из членов группы. Раздали также по пистолету, глушители и гранаты. Алик протянул Вахиду листок, чтобы тот расписался за получение оружия. Однако, подумав, Вахид не стал подписывать за всех, предложив, чтобы каждый расписался за себя.

В списке числились также два бинокля: большой и маленький.

- Этот бинокль стоит 25 тысяч манатов, - не без гордости стал просвещать своих попутчиков Вахид, вертя в руках большой бинокль. - Даже муху за километр показывает. Он с камерой, можно снимать откуда угодно и что угодно, делать фото и видео.

Гусейн подозрительно покосился на бинокль, а Бахтияр молча протянул руку к прибору. Вахид дал ему посмотреть, но через минуту взял обратно и обратился к Гусейну:

- Доверяю тебе как старшему, ата.

Гусейн без энтузиазма принял бинокль и, бросив на него задумчивый взгляд, положил в рюкзак.

В вещмешках у каждого была различная еда: колбаса, консервы, сухарики, конфеты, а также предметы гигиены, лекарственные препараты, средства, необходимые для оказания первой помощи, верёвка, зажигалка и другие нужные в пути предметы. У всех при себе были ножи: у Бахтияра -

кухонный, у Гусейна - складной бытовой, у Вахида - боевой зубчатый.

В их распоряжении были и две видеокамеры - помимо приобретённой для Гусейна, камера оказалась и у Вахида.

Распределив оружие и снаряжение, они попрощались с Аликом и направились на пикапе к подножию горы Кошкар. Остановились неподалёку от палатки пастухов. На огонь фар подошли двое молодых мужчин с подчёркнуто крестьянской внешностью.

У пастухов они поели варёной баранины, выпили вина и легли прямо на траве отдохнуть пару часов. Гусейну не спалось, он задумался: «Бинокль стоит 25 тысяч манатов, и если с ним что-то случится, то рассчитывать на проценты от золота не придётся. Они даже не компенсируют бинокль...»

Он решил подстраховаться и тайком оставил ценный прибор у пастухов...

13

Ещё в предутренних потёмках Бахтияр вместе с молодым чабаном поднял на лошади в гору большую часть вещей. Вскоре подошли и Гусейн с Вахидом. Вахид отблагодарил пастуха за помощь, сунув ему в карман протёртых, местами грубо заштопанных ватных штанов 20 манатов. В ответ тот улыбнулся, кивнул на прощанье головой и молча потянул лошадь за узду, поворачивая её обратно к становищу.

Разобрав оружие и вещмешки, группа двинулась дальше. До «собачьей тропинки» нужно было идти с десяток километров по горам. Когда уже совсем рассвело, Гусейн и Вахид достали видеокамеры и стали снимать окрестности, богатые красивой природой, отдалённые деревни, разорённые войной.

Гусейн комментировал: «Вот на той горе в 1992-ом году размещались военнослужащие азербайджанской армии. Обратите внимание, какое расстояние от вершины до подножия. Представьте себе, армяне поднялись средь бела дня на эту гору, напали на наших, подняли их в воздух... Но разве это была армия? Армяне изгнали не армию, а шайку

бандитов, занимавшихся грабежом разбойников, собравшихся на горе...»

Ближе к полудню сделали привал, подкрепившись рыбными консервами и тушёнкой из баранины. Подремали часок. Лишь с наступлением сумерек группа ступила на «собачью тропинку», заговорщически ведущую через боевые позиции на контролируемую армянами территорию. В два часа ночи уже были на окраине деревни Шаплар, где до войны проживал Гусейн.

Вахид впервые был в этих местах. Он попросил Гусейна передать ему ночной бинокль-видеокамеру, однако тот сказал, что забыл прибор у пастухов.

- Ты что, издеваешься?! - Вахид злобно посмотрел на него.

Гусейн ничего не ответил.

- Ты это нарочно? - не унимался Вахид. - Потеряется - ответишь головой!

Гусейн молчал, а Вахид никак не успокаивался. От прежнего «сыновнего» отношения не осталось и намёка.

- Смотри, проблем не оберёшься! - процедил он сквозь зубы.

- Ладно, не угрожай, - наконец огрызнулся Гусейн.

- Я тебя предупредил...

Заночевали под остатками стен развалившейся фермы. Вахид и Гусейн легли подальше друг от друга. Поворачиваясь на бок, Вахид зло пробормотал, что от Гусейна несёт дурным запахом.

Бахтияр не спешил ложиться, он ещё с четверть часа вглядывался в насупившееся, близко нависшее холодное небо (погода в горах быстро меняется - словно и не было ясного солнечного дня). Невольно вспомнилась старая бабушкина пословица: «Была бы луна со мной, а на звёзды - плевать». Какая-то смутная тревога шевелилась у него в душе. Ссора попутчиков в первый же день пути не обещала ничего хорошего...

Тем временем не спалось и Гусейну. У него, лежащего с сомкнутыми веками, открывались глаза на попутчика. Последние сомнения относительной тайной миссии Вахида

улетучились. Вдруг вспомнил, как однажды в Баку, сидя у Вахида в машине, он заметил, как последний, беседуя в сквере с незнакомцем в тёмном костюме, дважды оборачивался и указывал взглядом на него. Когда Вахид вернулся, Гусейн поинтересовался, кто этот солидный мужчина, а тот ответил: «Нормальный человек. Из руководства. Я попросил его решить один вопрос». Тогда Гусейн не придал этому особого значения, но сейчас догадывался, кем мог быть этот «нормальный»...

Разбирая в голове детали последних дней, Гусейн старался собрать «компромат» на Вахида. Накануне ночью, когда распределяли оружие и боеприпасы, он заметил у Вахида несколько необычный, напоминающий рацию, мобильный телефон с антенной. Тот пару раз говорил по этому телефону. С кем и о чём - Гусейн не мог знать, потому что Вахид удалялся от них на порядочное расстояние.

«Не потому ли он ложится подальше от нас?.. Да ещё воняет почём зря...» - раздражённо подумал Гусейн.

Наутро после непростой ночи позавтракали конфетами «Сникерс». Захотелось пить. Бахтияр заметил, что неподалёку из-под земли пробивается вода, подошёл, порыл ножом. Струя усилилась, и он, припав губами к ней, с жадностью напился, после чего набрал воду в большую пластиковую бутылку.

- Двигаемся, - мрачно, ещё не до конца избавившись от мимики вчерашнего вечера, произнёс Вахид.

Спустились по лесу к речке, окаймлённой густыми зарослями камыша. Вахид, самый энергичный в группе, шёл впереди, пробивая с помощью автомата дорогу. Замыкал группу Бахтияр, тащивший на своей спине огромный рюкзак, в котором помимо его личных вещей были и предметы общего пользования.

Преодолев речку вброд, стали медленно взбираться вверх по прибрежной круче. Вышли на пологий отрог, сели на привал. Отдышавшись, Гусейн осмотрелся. Приложив ладонь козырьком ко лбу, он стал внимательно разглядывать гору напротив.

- Вон там, в окрестностях села Лев, мы попали в окружение, то ли по причине беспомощности командиров, то ли из-за предателей, - заговорил он. - Тогда шёл крупный снег. Многие погибли, а те, кто остались живы и скрылись в горах, потом умерли от холода...

Гусейн достал из вещмешка камеру, включил её, сопровождая съёмки комментариями: «Я скрылся между этих гор и снимаю на видеокамеру воинскую часть армян. Смотрите - вон там, на вершине горы Лев. Это их флаг. Видите, это военный флаг, который вьётся на строении. Там военная база. Чуть выше слышны звуки их техники. Я стараюсь зафиксировать их...»

14

Вдалеке на лугу паслось небольшое стадо коров. Осторожно приблизились, присмотрелись. Рядом никого не было. Гусейн направил автоматный ствол с глушителем на единственного в стаде бычка, нажал на курок. Приглушённо простучала очередь. Коровы испуганно разбежались. Бычок, раненный в голову, протяжно замычал-застонал, пробежал, накренившись вправо, несколько метров, упал, попытался встать, снова упал. Гусейн пустил ещё одну короткую очередь в бок животному.

- Ты совсем осторожность потерял, - упрекнул его Вахид.

- В народе по этому поводу говорят: «Когда пастухов много, барана волк съест»... Так вот, никто не станет подозревать, что это сделал азербайджанец. Всё свалят на местных военных.

Когда бычок, побрыкавшись в агонии, затих, Гусейн достал нож, отрезал правый окорок, ещё исходящий живым, тёплым паром, передал Бахтияру. Отошли от места расправы метров на пятьсот, углубились в чащу леса, соорудили из камней место для приготовления шашлыка. Пока Бахтияр разделывал мясо на куски, Гусейн срезал с дерева несколько тонких веток, ошкурил их острым лезвием своего ножа. Бахтияр нанизал мясо на самодельные шампуры. Вахид собрал сухих

веток, развёл костёр. Зажарили на пылающих угольях шашлык. Ели с жадностью проголодавшихся хищников.

- Снимай, я скажу пару слов, - словно вспомнив что-то важное, Гусейн, не выпуская изо рта кусок мяса, обратился к Бахтияру.

Последний, с трудом сдерживая недовольство, положил свой шматок бычатины и, облизав пальцы, достал из рюкзака видеокамеру и навёл её на товарища.

- Некоторые наши военные боятся переходить на эту территорию. Они говорят: «Перейдём туда, умрём с голоду», - демонстрируя шампур с шашлыком, произнёс Гусейн. - Как видите, это не так. Здесь можно неплохо кайфовать...

После незапланированной трапезы, полежав с полчаса в тени деревьев, группа тронулась в путь. Вскоре вышли на асфальт. До туннеля было рукой подать. Гусейн пошёл по кювету впереди своих попутчиков - он знал эти места.

У железного моста перед туннелем остановились, Гусейн спустился и посмотрел под мостом. Убедившись в безопасности, вернулся и спросил у Вахида, где конкретно находится золото в туннеле.

- Откуда я знаю? - как-то безразлично ответил тот.

- Но ты же сам говорил, что в туннеле спрятано семнадцать банок золота.

- Не я говорил, а мне говорили, - невозмутимо произнёс Вахид. - Я точно знаю о четырёх килограммах золота в Кельбаджаре. Главное - попасть туда, а на месте разберёмся.

Гусейн всё сильнее разочаровывался в товарище - Вахид явно раздражал его своей скрытностью и непостоянством.

- А если и в туннеле есть? - стараясь не сорваться, произнёс Гусейн. - Зайдём, посмотрим.

Вахид неохотно согласился.

Вошли в туннель.

- Темно, как у негра в з...це, - грубо пошутил Бахтияр.

Гусейн включил фонарик.

Заметив у Вахида на руке часы со светящимся фосфорным циферблатом, Бахтияр не удержался спросить, откуда они.

- Знакомый подарил, - уклончиво ответил Вахид, но потом

добавил с нотками гордости в голосе: - Американские...

Прошли в сырой темноте с два десятка метров. Гусейн освещал фонариком каждый сантиметр, щупал сыроватые стены, периодически нагибался и шарил по полу и углам.

- Нас фраернули! - наконец произнёс он. - Никакого золота здесь нет.

Вахид улыбнулся в темноте.

- Золото в Кельбаджаре, - сказал он. - А тут мы ищем чёрную кошку, которой нет...

«Ограш!»[7] - безмолвно выругался Гусейн.

Выйдя из туннеля, они повернули направо, поднялись метров двести, наломали веток, соорудили шалаш и там переночевали.

15

Наутро Гусейн почувствовал слабость, ломило всё тело, ноги опухли. Доставая из рюкзака чёрную пластмассовую аптечку, Бахтияр, явно намекая на себя, пошутил пословицей: «Вьюки носит верблюд, а худеет пёс».

Гусейн с Вахидом молча улыбнулись кривой улыбкой - внешне похожей, но с разным подтекстом.

Бахтияр перебрал лекарства - «Финалгон», «Энап»... Остановился на «Пенталгине».

Гусейн с кислым выражением лица принял протянутые ему две таблетки и проглотил их, запив глотком воды прямо из пластиковой бутылки. Затем Бахтияр нарвал листья лопуха и «забинтовал» ими ноги товарища, подложив под них рюкзак.

- Полежи спокойно часок, поможет, - посоветовал Бахтияр.

- Так мы до места никогда не доберёмся, - Вахид не стал скрывать своего раздражения.

Затем он шепнул Бахтияру:

- Ну что ты возишься с ним?

Чтобы попусту не тратить время, Вахид предложил проверить состояние оружия.

Разобрали автоматы, почистили, собрали. Вахид достал небольшую карту, пытаясь определиться с дальнейшим

маршрутом. Водя указательным пальцем по карте, он предложил спуститься прямо на автомобильную дорогу. Гусейн стал возражать:

- Там открытое место, спрятаться негде.

Вахид осмотрел в бинокль местность и настоял на своём:

- Поднимемся в сторону Кельбаджара, а там определимся. На той стороне есть пещерка, где должно быть спрятано золото.

Гусейн, несколько картинно пожаловавшись, что ещё не совсем оправился, и покряхтев для убедительности, попросил Бахтияра, который с самоиронией называл себя «битюгом», понести его рюкзак, а сам достал видеокамеру, собираясь снимать всё мало-мальски значимое, что попадётся на пути.

«Это техника азербайджанской армии, которую наши оставили и убежали, - стал пояснять Гусейн, наведя камеру на искореженный БМП в ущелье. - Больно! Это были не солдаты, а таланчи...[8] Был среди них один артиллерист, который потом признавался: «Иногда мы поворачивали артиллерию в сторону Кельбаджара, чтобы население принесло нам баранину». Но как только услышали, что армяне идут, они тут же смылись... С испугу даже не повернули машину назад, оставили лицом к противнику, а сами удрали. Наверное, офицеры, которые убежали, сдав врагу бронетехнику, сегодня служат в азербайджанской армии. Каждый солдат и офицер, служивший тогда на этой территории, сейчас должен быть арестован...»

Переведя дыхание, Гусейн направил видеокамеру в сторону какой-то полуразрушенной деревни:

«Мы находимся неподалёку от Шахбина. Противоположная сторона деревни покрыта сплошным лесом...»

Далее он говорил уже с привычным упрёком:

«Прошло уже более двадцати лет, как потеряли наши земли, но мы никогда не пытались использовать эти горы, леса и ущелья. Если мы захотим, то можем тайно провести по этим местам несколько батальонов азербайджанской армии... И это надо делать сегодня, завтра будет поздно. Армянину, который родился здесь, уже больше двадцати лет. Растут

новые поколения, и изгнать их с этой территории будет никак невозможно... Если бы у меня была возможность, я бы прямо сейчас поднял в воздух их войсковую часть...»

Выключив камеру, он обратился к Вахиду:

- Ай киши[9], почему бездействуем? Смотри, сколько тут удобных мест для партизанства, диверсий. Мы должны воспользоваться этим. Надо тайно проникнуть на эту территорию, занять здесь позиции, внезапно напасть и без шума захватить в плен всех живущих в районе. Сначала военных, а потом гражданское население. Всё это возможно. Но если мы не сделаем это сегодня, то завтра будет поздно. Каждый родившийся здесь сосунок завтра станет военным. Потом будет невозможно изгнать их отсюда. Кельбаджарцы, которые знают здесь каждую тропу, уйдут в мир иной, а новое поколение не осмелится сунуться на эти территории. Поэтому мы обязаны решить вопрос сегодня. Повторяю, завтра будет поздно...

Вахид не ответил, а Бахтияр под грузом большого вещмешка и рюкзака своего товарища, лишь неопределённо промычал, то ли реагируя на слова товарища, то ли просто от усталости.

У горной речки сделали привал.

Запасы пищи истощались. Осталось по паре банок консервов и тушёнки. Решили оставить их на чёрный день, заморив червячка сухарями и ещё недозрелыми ягодами ежевики, растущей по прибрежным склонам.

На противоположном берегу вдалеке виднелась белая продолговатая постройка. Перепрыгивая с камня на камень, перешли речку, осторожно приблизились к приземистому, побелённому известью зданию. Это была скотоводческая ферма. Стали наблюдать из овражка. Дверь сторожки фермы была слегка приоткрыта. Прислушались: никакого движения вокруг не было, и даже звон мух, казалось, застыл в жарком мареве. Вахид подкрался, посмотрел одним глазом в дверную щель. Внутри никого не оказалось. Тихо, стараясь не скрипеть дверью, бочком пробрался внутрь. На грубо сколоченном столе лежали недоеденные кем-то макароны в сковороде,

несколько помидоров и огурцов, половинка большой луковицы, ломоть сыра и кусок тондырного хлеба. Вахид забрал всё, кроме макарон, тем же макаром вернулся обратно в овражек. Враз проглотив небогатый «трофей», группа двинулась дальше, обогнув ферму лесом.

До райцентра, где, согласно оперативной легенде, было спрятано золото, оставалось совсем немного. Вахид, в некотором смысле выполнявший роль Сусанина, предложил дождаться наступления темноты.

- Там много людей, заметят, - попытался обосновать он.

Однако Гусейн, чувствуя подвох, стал перечить:

- «Не туда иди, откуда свет виден, а туда, откуда лай собаки слышен», - говорил мне мой отец. - Вот посмотришь, я спокойно зайду средь бела дня в магазин и куплю там сигареты. В темноте же нам трудно будет искать золото. Если оно, конечно, там есть...

- А мой дед говорил: «С трезвой головой горы перейдёшь, а с нетрезвой - в долине заблудишься», - парировал Вахид.

Гусейн, видно, решив отквитаться за прежние обиды, пробухтел:

- Нынешний воробей прошлогоднего чирикать учит...

- Что молодой петух, что старый - все одно, - не остался в долгу Вахид. - Я тебя предупредил...

С этими словами Вахид поднялся на пригорок, залёг под кустом и стал осматривать в бинокль окружающую местность.

16

- Кто он такой, чтобы указывал?! - возмущённо пожаловался Бахтияру Гусейн. - Надо брать движение в свои руки.

Бахтияр лишь уклончиво кивнул, тем самым вконец выведя товарища из себя. Словно забыв о хвори, Гусейн выхватил у «битюга» свой рюкзак и демонстративно пошёл вперёд.

Бахтияр окликнул Вахида. Тот подошёл с недовольным видом и, не застав Гусейна, коротко выругался. Тем не менее ему пришлось догонять сотоварища.

Шли вдоль окраины леса параллельно просёлочной дороге.

Ещё издалека заметили на дереве человека. Подумали, что это Гусейн. Приблизились. Гусейн в самом деле был там, но не на дереве, а под ним. Какой-то мальчик отламывал от дикого черешневого деревца ветки с плодами и бросал вниз. Гусейн держал в руке ветку и, словно шашлык с шампура, прямо с неё срывал губами спелую, налитую соком черешню.

- Кто это? - с удивлением спросил Вахид.

- Он покажет нам дорогу, - уклончиво, с ироничным намёком ответил Гусейн.

- Он узнал, что ты азербайджанец? - в вопросе явно чувствовалась тревога.

- Я представился грузином и заговорил с ним по-русски. Неплохо понимает.

- Если мы отпустим его, то пойдёт расскажет, и за нами придут.

- Не волнуйся. Садись, передохни, - произнёс Гусейн, а потом, подмигнув, добавил с двусмысленной ухмылкой:

- С ним нам даже надёжнее будет... Да, перед тем как залезть на дерево, он снял куртку и оставил её здесь, а в кармане - телефон. Я на всякий случай вытащил симку.

Подросток бросил ещё несколько веток, спрыгнул с дерева и поздоровался:

- Здрасти!

Вахид, криво улыбнувшись, произнёс:

- Привет!

Бахтияр молча изучал его глазами. Подросток был в спортивных брюках и камуфляжной футболке, обут в ботинки с длинными голенищами. Он поднял с земли и накинул на плечи куртку чёрного цвета с тройными белыми кантами по всей длине рукавов.

- Пацан пойдёт с нами. Я заберу его с собой в Баку, - тихо произнёс Гусейн на азербайджанском языке.

Затем он обратился на русском к подростку:

- Проведёшь нас до Кельбаджара, потом пойдёшь к себе домой.

Покушав черешни, поднялись. Гусейн достал видеокамеру, включил.

«Мы находимся вблизи села Джомард, - комментировал он. - По дороге мы поймали «поросёнка». Вот он идёт рядом с Бахтияром. Отпускать его никак нельзя, он может сдать нас. Мы пока водим его с нами, а там посмотрим... Ему 15-16 лет. По-азербайджански он ничего не знает... Мы взяли его в заложники. Вот как мы должны поступать с армянами...»

После этого Гусейн не смотрел в сторону подростка, словно его и не было. Вахид тоже не общался с ним. Лишь Бахтияр, по мере необходимости, периодически перебрасывался с ним парой слов. Он отдал Мисаку нести один из рюкзаков, угостив его куском «Сникерса».

Солнце уже скрылось за горизонтом. Тёплые сумерки медленно заволакивали холмистые окрестности. На душе у Мисака стало тревожно - кажется, только сейчас он осознал своё реальное положение, словно оказался в другом мире, в ином измерении. Откуда-то, сквозь некую дымчатую завесу беззвучно звали его отец с матерью с искажёнными, почти неузнаваемыми лицами... Мисак оцепенел, застыл на месте. Из этого состояния его вывел душераздирающий вой шакала, раздавшийся в неприятном полумраке неожиданно близко. Подросток инстинктивно потянулся в карман куртки за телефоном и только тут заметил, что он не работает.

После агонизирующих сумерек ночь в горах наступила конкретная, погрузив всё в непроглядную тьму. Словно опомнившись, острым серебряным кончиком высунулся из-за далёкой вершины полумесяц. Горы стали отбрасывать на тропу зыбкие, колеблющиеся тени. Бредущие в полумраке молчаливые силуэты казались призраками...

Заночевали в овражке. Всю ночь Мисак пролежал с открытыми глазами, мучимый разными переживаниями и тревогами, и лишь к утру, обессилев, забылся коротким сном. Вдруг приснилась старуха со злым лицом. Сжимая в кончиках пальцев большую «цыганскую» иголку, она, сверля взглядом, приближалась к нему быстрым шагом. Почувствовав укол в бок, подросток распахнул веки. Старуха пролетела над ним, словно дельтаплан, широко распростёрши руки, а вместо неё над ним навис Бахтияр:

- Вставай!

В качестве завтрака Бахтияр протянул Мисаку горсточку орехов, перемешанных с изюмом.

Вахид и Гусейн о чём-то тихо переговаривались, сидя на камнях чуть поодаль от них. Последний бросил на подростка недобрый взгляд с прищуром.

Едва пустились в дорогу, Гусейн достал видеокамеру и приступил к своей обычной работе, снабжая кадры собственными замечаниями. Вахид также периодически снимал что-то на свою камеру.

До окраины города, где, как утверждал Вахид, было спрятано золото, оставалось совсем немного. Неподалеку в ущелье журчал родник. Гусейн предложил сделать привал и, достав из рюкзака пластиковую бутылку, отправил Мисака за водой. Вахид пошёл осматривать местность. Оставшись наедине с Бахтияром, Гусейн произнёс:

- Мальчик с нами больше не пойдёт

- Но ведь сам говорил, что если отпустим его - он выдаст нас, - напомнил Бахтияр.

- А мы его не отпустим, - зло усмехнулся Гусейн.

- И что будем с ним делать?

- А ты не догадываешься?..

- Но... - начал было Бахтияр.

- Кишка тонка? - резко прервал его Гусейн. - Если не хочешь быть свидетелем, можешь идти собирать цветы на поляне.

- Вахид в курсе?

Гусейн не ответил.

Тут подросток вернулся с бутылкой, полной родниковой воды. Взгляды Гусейна и Мисака пересеклись. Однако это были не взгляды хищника и жертвы. Мальчик, кажется, не чувствовал подступившейся вплотную опасности. Он спокойно сел напротив Гусейна, метрах в трёх, поближе к Бахтияру. Последний встал и пошёл в сторону леса, как бы по малой нужде.

Отойдя с десяток метров, Бахтияр услышал приглушённую автоматную очередь: «прт-прт...» и обернулся. Мальчик уже не

сидел, а лежал на правом боку, его правая нога была вытянута, а левая - в полусогнутом положении. В полуметре от мальчика лежала непочатая бутылка с водой, окрасившаяся в цвет крови.

Смерть наступила мгновенно. Подросток не успел даже вскрикнуть.

Гусейн с автоматом на коленях искоса смотрел на бездыханное тело. Бахтияр невольно подошёл к мальчику, взялся за его левую руку, поднял за плечо, будто не веря в произошедшее, однако тот не подавал каких-либо признаков жизни.

- Ты что, жалеешь его, баджоглы?[10] - сзади донёсся недобрый голос Гусейна.

Бахтияр не ответил.

- Испугался?

Бахтияр продолжал молчать.

Это рассердило Гусейна, и он стал оскорблять его, назвав «мягкотелым фраером».

- Ладно, ты иди, догоняй Вахида, - сказал он, успокоившись. - Спускайтесь вниз, по правой стороне холма. Я подойду.

Гусейн остался сидеть в прежней позе, кажется, что-то обдумывая. Бахтияр поравнялся с Вахидом, который, казалось, не был в курсе произошедшего. Метров пятьдесят прошли молча.

- Нам это надо было? - не удержался Бахтияр.

- Мальчик сдал бы нас, - ответил Вахид.

Бахтияр понял, что Вахид был в курсе намерения Гусейна и что они договорились без него, зная его «мягкотелость».

У ручейка остановились, положили вещмешки, ополоснули холодной водой лица и шеи.

На горизонте показался Гусейн. Он шёл по левой стороне холма.

- Вот шустрый - он нам показал тропинку с колючками, а сам по хорошей, короткой дороге топает, - возмутился Бахтияр.

Гусейн шёл с включённой камерой, комментируя: «Сегодня, если не ошибаюсь, 8 июля. Мы уже забыли счёт

дням и ночам... У нас был «гость», но по дороге заболел, у него схватил живот, и он остался...»

Затем он резко сменил тему: «Мы проголодались. Надо найти где-нибудь бесхозного барашка, приготовить шашлык... Повторяю, наши военные боятся приходить сюда, говорят: «Там мы с голоду помрём». Не бойтесь, идите. Я чувствую, что в азербайджанской армии выросли нужные люди. Вероятно, мы придём сюда не только с охотничьим ружьём, но так, как полагается. Мы не будем убегать и не будем прятаться в лесах, а вот так открыто гулять на этих территориях. Я хотел бы в следующий раз снимать эти территории вместе с нашими солдатами...»

17

В полукилометре виднелась деревня.

Вахид посмотрел в бинокль. На отшибе деревни стоял домик.

Приблизились, засели в зарослях метрах в тридцати, присмотрелись. Это была одноэтажная кирпичная постройка с белой деревянной дверью, запертой навесным замком с помощью сведённых колец. Вокруг не было живой души. Вахид осторожно подошёл. Бахтияр остался на стрёме, возле железной бочки, в нескольких метрах от дома, а Гусейн - ещё дальше, под деревом на возвышенности.

Вахид нашёл кусок арматуры и, выдернув с его помощью одно из колец, открыл дверь и вошёл внутрь. Единственная в домике комната была скромно, но уютно обставлена: постеленная деревянная кровать, небольшой стол с четырьмя стульями, прямоугольная жестяная печь. Направо от входной двери были приделаны к стене полки, на которых лежала различная утварь. Стену украшал недорогой, порядком полинявший ковёр с изображением оленей на водопое. В углу у входа висели на алюминиевых крючках зимнее пальто, армейский бушлат, военная камуфляжная форма, две рубашки.

Вахид снял со стены пальто - чёрного цвета с толстым мехом, накинул его на плечи. Бушлат, военную форму и рубашки перекинул через локоть левой руки. Тут он заметил

на коврике над кроватью небольшой полиэтиленовый пакет, сорвал его с гвоздя. Внутри оказались какие-то книжки типа паспорта. Вахид сунул пакет во внутренний карман пальто.

Минут через десять он вышел в пальто, неся в одной руке одежду, а в другой -целлофан с картофелем, пластиковые бутылку и стакан. Положив добычу на землю, он скинул с плеч пальто, переоделся в военную форму. Камуфляжная форма, особенно штаны, оказались весьма кстати, так как пистолет с глушителем порвал брюки, образовав внушительную дыру.

Вахид передал пальто Гусейну - тот ещё не совсем оправился от простуды. Бушлат надел Бахтияр, а рубашки положили в рюкзак.

Картофель оказался прогнившим, пришлось выкинуть. Зато литровая бутылка из-под «Джермука» наполовину была полна самодельной водки.

Спустились вниз, к реке. Во время привала съели последние консервы, запив их самогоном.

В сумерках стали подниматься в сторону Карвачара. Переночевали в зарослях на краю ущелья...

А утром их невзначай обнаружила Венера, искавшая пропавшего телёнка...

18

На крики матери прибежал Завен. Вслед за ним подоспел и муж Венеры - Карапет.

Они никогда не видели обычно хладнокровную Венеру в таком взвинченном состоянии:

- Там вооружённые турки!

Она указала в сторону рощи.

Завен, сотрудник полиции, инстинктивно пощупал кобуру. Но она была пуста -полчаса назад он сдал суточное дежурство по отделению. Однако это не остановило Завена - он поспешил к роще. Отец побежал за сыном, а Венера - за ними. Но в роще никого уже не было.

- Мам, может, тебе показалось?

- Да нет. Их было трое. Здоровенный нож висел у одного

на боку, а у другого на плече был автомат...

Тем временем, подгоняемая собственным страхом, группа спешно спускалась по склону холма к речке.

- Вон они! - вскрикнула Венера не своим голосом, указывая рукой в их сторону.

- Ребята, постойте! - громко крикнул им Завен.

Те лишь ускорили шаг.

Завен на ходу набрал номер оперативного дежурного по горотделу полиции, доложил о ситуации. К тому времени «золотоискатели» уже перешли речку вброд. Один из них остановился на минуту и жестом объяснил с противоположного берега Завену, чтобы он не приближался и повернул назад. Венера, боясь за сына, также посоветовала ему вернуться. Однако Завен ослушался. Более того, за сыном пошёл и Карапет.

Венера заметила, что один из незнакомцев ударил по плечу товарища, жестом приказывая ему идти налево, а другому - в правую сторону. Таким образом, группа рассыпалась в разные стороны. Завен поспешил за крупным человеком в куртке и сапогах с длинными голенищами. Карапет старался не отставать от сына. Венера, стремясь не упустить из виду одного из беглецов, как-то механически пошла за ним и не заметила, как оказалась на опушке леса.

Гусейн вдруг остановился, повернулся лицом к женщине и, наведя автомат в её сторону, поманил левой рукой, произнеся с грубым акцентом на армянском языке:

- Иди ко мне, я тебе ничего не сделаю.

Их разделяло метров семьдесят. Вдруг затренькал телефон. Венера сделала неуклюжее движение, будто поскользнулась, упала у большого камня и, прикрываясь им, тихо, не поднося телефона к уху, выдохнула несколько слов:

- Я на окраине леса вместе с турком. Спешите!

Она медленно поднялась, корчась от мнимой боли, потёрла колено и стала оттряхивать одежду, тем самым пытаясь выиграть время.

- Иди, я ничего не сделаю тебе, - всё манил Гусейн.

Он продвигался к лесу вполоборота к женщине, периоди-

чески зовя её рукой или взглядом. Венера еле передвигала ноги, притворно прихрамывая, но расстояние между ними неумолимо сокращалось. Дойдя до опушки леса, незнакомец остановился. Между ними оставалось метров сорок.

- Иди, - почти ласково произнёс Гусейн...

19

Судя по всему, Гусейн собирался взять женщину в заложники, чтобы прикрыться ею в случае необходимости.

«Ещё немного, и он схватит меня и потащит в глубь леса...» - забило у Венеры в мозгу.

Она лихорадочно думала, как выиграть ещё одну, возможно, спасительную минуту.

- Эй, разве ты не мужчина?! Опусти оружие, - с неожиданной для самой себя дерзостью вдруг произнесла Венера.

Но в следующий миг она рухнула на колени, взметнув руки вверх и взмолившись:

- Боже, возьми мою душу и отдай Завену!

Гусейн улыбнулся. Он взял одной рукой автомат за цевьё и показал, что готов положить оружие на землю. Тут Венера заметила краем глаза подкрадывающихся сзади сотрудников полиции. Она прошептала, не оборачиваясь:

- Ребята, видите турка? Вон - прячется за деревом... Он заметил вас. Осторожно, у него автомат!

Старший опергруппы обменялся с подчинёнными понятными только им жестами. Офицер решил не идти на губительный встречный огонь, а оставить преследуемому «выход» из клещей, усыпив «бездействием» его бдительность и создав иллюзию, что он остался без контроля...

20

Бахтияр, в бушлате и тёплых штанах, заправленных в сапоги с длинными голенищами, двигался в сторону леса, когда ему навстречу неожиданно вышла группа мальчишек с собачкой. Дети не испугались здоровенного заросшего

незнакомца с автоматом - им было не привыкать к вооружённым людям. Тот, кто был постарше, подошёл к Бахтияру и спросил, куда он направляется. Бахтияр, прикинувшись простачком, объяснил на армянском вперемешку с русскими словами, что он гость и заблудился. Мальчик предложил ему идти в сторону животноводческой фермы, где находились взрослые. Подумав, Бахтияр повелел детям идти с ним.

Словно щебечущая стайка птичек, не подозревающих о близости коршуна, мальчишки пошли впереди него, весело перебрасываясь между собой словечками. Метров через тридцать им повстречался пастух Гаво. Он попытался заговорить с Бахтияром, однако тот, направив на него ствол автомата, приказал идти с ними.

Тут подоспел Завен и поздоровался на армянском:

- Барев.

Бахтияр ответил тоже на армянском:

- Барев.

Завен спросил, кто он такой, зачем пришёл, однако не дождался ответа.

- Откуда ты? Чего тебе надо от детей? - Завен перешёл на русский язык.

В ответ Бахтияр потребовал у Завена поднять рубашку и повернуться кругом, чтобы удостовериться, что у него нет оружия.

При этом Бахтияр держал оружие в направлении детей.

- Почему ты удерживаешь ребят? - повторил Завен.

- Они мои пленники, - невозмутимо ответил Бахтияр.

Завен попросил отпустить детей, предложив вместо них себя.

- Скажи, что тебе нужно? - добавил он.

- Ты старший на этой территории? - спросил Бахтияр

- Да, - не моргнув глазом, ответил Завен.

- Тогда скажи, чтобы привели мне лошадь с седлом и мешок.

Бахтияр держал палец на спусковом крючке автомата.

- Я отправлю за конём. Только защелкни предохранитель и отпусти ребят.

Бахтияр поставил своё условие: дети могут идти впереди, но чтобы не пропадали из поля зрения.

Завен и Гаво пошли по левую сторону от Бахтияра.

21

Капитан полиции Айрапетян, поставив в ружьё своих подчинённых, позвонил Завену. Тот заговорил с ним на русском языке. Поначалу он не узнал голоса своего сослуживца, так как раньше они никогда не общались на русском. Но опытный полицейский тут же догадался, что Завен говорит на понятном для своего спутника языке, чтобы не вызвать у последнего лишних подозрений.

- У него есть «рогатка»? - тихо спросил капитан.

- Да, - ответил Завен.

- Подходим, - сказал Айрапетян.

Спецгруппа поспешила в местечко «Ферма Айасера», где согласно поступившей оперативной информации в тот момент находились диверсанты...

Тем временем Завен пытался завязать с Бахтияром «доверительный» разговор. Кажется, получалось. Вскоре Бахтияр предложил отправиться вместе искать золото и поделить находку. Завен «согласился», предложив подождать, пока приведут лошадь.

- У меня нога болит, не могу долго ходить, - пояснил он для убедительности.

Сели под лещиной в ожидании лошади. Завен заметил, что помимо автомата у Бахтияра имеется и пистолет. Он стал думать, как заполучить его.

- Гардаш,[11] что это у тебя? - спросил он.

- Пистолет, - ответил Бахтияр.

- Подари мне, - с напускной наивностью попросил Завен, - у тебя ведь ещё и автомат.

- Как только найдём золото, подарю вместе с твоей долей.

- А можно посмотреть? - не отставал Завен.

Бахтияр отстегнул магазин с патронами и протянул ему пистолет с глушителем.

- Как интересно! Такого я ещё не видел, - с этими словами Завен хотел было разобрать оружие, но Бахтияр не позволил.

Завен делано-обиженно вернул пистолет:

- Возьми, мне он не нужен.

Между тем Бахтияр всё озирался, ему казалось, что кто-то подкрадывается. Завен успокаивал его. Тут неожиданно появился Карапет с добытой где-то двустволкой наперевес.

- Это мой отец, - поспешил предупредить Завен. - Он лесник.

- Бросай ружьё! - скомандовал Бахтияр. - Смотрите, мне нечего терять. Если что - прикончу и вас обоих и себя.

Карапет молча положил двустволку на землю. Он знал, что незваный гость находится под прицелом расположившегося на холме снайпера.

- Ты кто? Зачем пришёл? - спокойно спросил Карапет.

Вместо Бахтияра ответил Завен, незаметно подмигнув отцу:

- Он мой приятель. Пришёл за золотом своих родичей. Вот ждём, когда приведут лошадь и мешок, чтобы отправиться за кладом. Поделим по-братски.

Тут Бахтияр вознегодовал, почему опаздывают с лошадью.

- Пойдёмте на ферму. Там возьмём хорошего коня, - предложил Карапет.

- Идите впереди меня, - недоверчиво буркнул Бахтияр.

Направились в сторону фермы. Отец с сыном незаметно вели Бахтияра в открытое место с тем, чтобы спецназовцы, сидевшие в засаде, могли лучше контролировать ситуацию и в удобный момент подключиться к делу.

Внезапное появление с разных сторон сотрудников полиции с наведённым на него оружием настолько ошеломило Бахтияра, что он невольно попятился, хотя сжимал одной рукой автомат на взводе, а другую руку держал наготове на боку, чтобы выхватить то ли пистолет, то ли гранату.

- Положите оружие, - неуверенно, скорее машинально потребовал Бахтияр.

- Лучше не дёргайся. Одно резкое движение - и всё! - ответил поджарый лейтенант с суровым лицом. - Единственный вариант - сдаться.

Бахтияр явно не знал, как быть.

- Мы не сделаем тебе зла, - пытаясь разрядить ситуацию, произнёс Завен. - Будешь правильно вести себя, передадим вашим через Красный Крест.

Бахтияр словно пребывал в ступоре, с гримасой страдания на лице.

- Обещайте, что со мной ничего не будет, - наконец выдавил он из себя, всё ещё механически держа автомат в боевом положении.

Воспользовавшись заминкой, один из полицейских, резко перехватив левой рукой автомат Бахтияра за цевьё, со всей силы заехал локтем ему в область шеи. Едва удержавшись на ногах, Бахтияр, лишившись автомата, попытался выхватить пистолет, но Завен опередил его, схватив и резко заломив ему кисть назад. От боли Бахтияр опустился на колени, ему завязали руки и повезли в районный отдел полиции.

В рюкзаке у него обнаружили коробку с патронами, две гранаты, запалы которых были завёрнуты в отдельный пакет, два автоматных и два пистолетных магазина, лекарства, несколько конфет, нижнее бельё и... государственный флаг, который, как потом объяснил Бахтияр, взяли с собой по настоянию Гусейна для того, чтобы сниматься на его фоне ради пущего эффекта.

Тем временем поднятые по тревоге подразделения полиции и военнослужащие искали подельников Бахтияра, который в помощь оперативникам показал в Google фотографию Гусейна. Каких-либо сведений о Вахиде в Интернете не нашли...

22

Гусейн углубился в лес и, спрятавшись в чащобе, стал дожидаться сумерек. Лес успокаивал, усыплял. Но сидящие в засаде не зевали...

С наступлением ранней темноты Гусейн осторожно выбрался из своего укрытия и направился в, как казалось ему, спасительную сторону. Он надеялся выйти незамеченным к участку границы вблизи рудников, где соединяются Карва-

чарский и Варденисский районы Нагорного Карабаха и Армении, а оттуда проникнуть в Дашкесанский район Азербайджана.

Несмотря на темноту, глаза, казалось, стали видеть лучше, а слух обострился - инстинкт самосохранения делал своё дело.

Заметив вдалеке проблесковый маячок, Гусейн притаился за камнем. Полицейская машина проехала по магистрали справа метрах в тридцати. Гусейн перевёл дыхание, огляделся.

Неподалёку в поле находился большой трактор. Убедившись, что никого поблизости нет, проголодавшийся Гусейн подкрался к машине, в надежде, что дверь кабины будет не заперта, и он найдёт там что-нибудь поесть. Ноги вязли в рыхлой и клейкой почве, помогала обувь с длинными голенищами. К разочарованию Гусейна, дверца трактора была заперта, да и было очевидно, что поживиться там нечем...

Нервное переутомление, голод и усталость стали постепенно одолевать. Гусейн чувствовал приближение опасности. Привиделся застреленный им мальчик. Он доверительно улыбался, как тогда, когда протягивал ему веточку с черешней, но глаза мальчика смотрели холодно и строго, пронизывали насквозь. Гусейн вздрогнул всем телом. Вдруг послышался встревоженный голос жены: «Не делай этого, не ходи туда больше, опасно...» Гусейн еле держался на ногах.

Тут в самом деле кто-то окликнул его с возвышенности.

- Бросай оружие! Ты окружён! - громом раздался в вечерней тишине твёрдый голос.

У Гусейна подкосились ноги, и он рухнул, как тяжёлый мешок...

При обыске в карманах у Гусейна нашли похищенные паспорт и военный билет военнослужащего Гарегина Аванесяна, SIM-карту и деньги Мисака, которые подросток собирал для того, чтобы купить новую одежду для учёбы в гимназии...

23

Загнанный зверь выпустил когти: движимый инстинктом самосохранения, Вахид превратился из жертвы в охотника. Он

сидел в засаде в овражке у грунтовой дороги в ожидании подходящего объекта агрессии...

Накануне соседка майора Армана Аракеляна Нина Асланян попросила взять её с собой воинскую часть проведать сына, проходящего там срочную службу. Выехали спозаранку.

Спящий город остался позади. Пробуждающаяся природа, звуки утреннего леса, бодрая перекличка птиц несли радость обновления. Восходящее солнце играло золотом на кронах деревьев. Предвкушая встречу с единственным сыном, которого не видела третий месяц, Нина невольно любовалась живописными видами за окном автомобиля. Она жалела, что не взяла с собой и дочку. В воздухе было какое-то умиротворение, ничто не предвещало беду...

Но вдруг что-то изменилось. Природа стала суровее. С одной стороны дороги бурным потоком неслись воды реки Тартар, с другой - нависали вековые горы, покрытые диким дремучим лесом. Какая-то смутная угроза разлилась вокруг, и неуловимая тревога тихо проникла в душу Нины...

Вахид вышел навстречу из лесного оврага с автоматом наготове. Майор Аракелян не успел выхватить пистолет - Вахид пустил очередь в лобовое стекло. Убийца выволок истекающих кровью мужчину и женщину из машины, сам сел за руль и погнал военный «УАЗ» в сторону границы вблизи рудников. На что он рассчитывал? Прорваться на скорости через боевые позиции? В обычной ситуации Вахид сразу бы понял невозможность этого, однако гипертрофировавшийся инстинкт самосохранения затуманил его разум...

Едва он отъехал от места преступления пару-тройку сотен метров, как на пути ему встали военные. Вахид вскинул одной рукой автомат со сложенным прикладом, однако не успел нажать на курок - очередь сразила его наповал...

24

Бездыханного Мисака нашли лишь на четвёртые сутки. Изуродованное выстрелами хладнокровного убийцы и ненасытными червями тело некогда весёлого и жизнерадостного

мальчика похоронили в закрытом гробу, и даже убитые горем родители были лишены возможности в последний раз взглянуть на любимое чадо.

Прощаться с ним пришла вся деревня и жители соседних сёл.

Стояла какая-то пронизывающая тишина - люди уже выплакали все слёзы.

«За что?..» - висел в воздухе тяжёлый немой вопрос...

Примечания:

[1]**Турки** - тут имеются в виду азербайджанцы, так в Карабахе называют в народе азербайджанцев.

[2]**Драм** - национальная валюта Армении и Нагорного Карабаха.

[3]**Манат** - национальная валюта Азербайджана.

[4]**Гяпик** - разменная монета Азербайджана, равная 1/100 маната.

[5]**Джаннат** - в исламской эсхатологии - прекрасный сад, в котором после Судного дня будут вечно пребывать мусульмане-праведники.

[6]**Гяур** - у мусульман: человек иной веры, иноверец.

[7]**Ограш** - по-азербайджански «ублюдок».

[8]**Таланчи** - по-азербайджански «грабитель», «мародёр».

[9]**Ай киши** - по-азербайджански «эй, парень».

[10]**Баджоглы** (правильнее: баджиоглы) - по-азербайджански «племянник», «сын сестры».

[11]**Гардаш** - по-азербайджански «брат».

2016-2017 гг.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Мать и жена пристально наблюдали за ним влажными от подступающих слёз глазами. Но он, казалось, даже не замечал их присутствия...

Грант торопливо расхлебал тарелку куриного бульона, левой рукой огораживая её, словно боясь, что отнимут, затем отломил от ломтика хлеба кусочек, осторожно обмакнул его в соль и положил в рот. Посмаковав с полминуты, проглотил. Съев таким макаром в четыре приёма ломтик, Грант более не притрагивался к хлебу в хлебнице, несмотря на настоятельное угощение и даже просьбы родных. Взамен он вдруг бережно сгрёб со стола крошки в пригоршню и старательно, чтобы не уронить ни одну, положил в рот. Мать и жена разом, словно по команде, разрыдались. Но Грант даже не понял, в чём причина. Он лишь растерянно озирался. Это был первый его обед в кругу семьи после возвращения из многомесячного плена...

Уже полдня как Грант вернулся домой, но внутренне он ещё находился там, где ломтик обычного хлеба был чуть ли не пределом желаний и каждодневной, ежечасной мечтой. Его сознание пока отказывалось принимать, что он среди своих и что хлеб на столе - это его хлеб. Так много хлеба сразу он не видел почти целый год...

Вспышка памяти осветила боевые позиции в нахмуренный, словно обиженный на кого-то день. Он не предвещал ничего доброго. Почти сразу же вместе с навалившимся тяжёлым предчувствием осколок разорвавшегося рядом вражеского танкового снаряда, казалось, вырвал у него половину бока. Но, удивительно, боль он почувствовал не сразу, вернее, не успел и вовсе почувствовать, сразу лишившись чувств, не в силах принять одновременно столь большую порцию боли. Очнулся вместе с появившейся резью, которая не только

вернула его из другого измерения, где физической боли не существует, но и передала информацию свыше - будет жить! И Грант невольно вспомнил спасённого им месяц назад азербайджанского мальчика. Теперь этот мальчик спасал его. Во всяком случае, так услышал Грант Бога...

В полевом госпитале противника ему обработали рану, сделали перевязку и отправили в ближайшую районную больницу. Он нужен был неприятелю живым для обмена в дальнейшем на своих военных, оказавшихся в плену.

Чувство голода пересиливало ощущение боли. Кормили раз в день картофельной или капустной похлёбкой и ломтиком чёрного, кислого на вкус хлеба. Похлёбку он ел быстро, а вот хлеб - маленькими кусочками, смакуя каждую крошку. Пару крошек он оставлял на дне кармана на вечер или утро следующего дня...

Медперсонал обходился с ним сносно, своевременно делали перевязки и уколы. Только усатый фельдшер с вечно красными, сердитыми глазами ругал его, приговаривая: «Наши ребята на фронте гибнут, а мы тут с ним цацкаемся». Бывало, распалялся настолько, что тыкал пинцетом ему в грудь или плечо...

Тем временем рана заживала, боль потихоньку рассасывалась. Но однажды, как раз во время перевязки, в больницу с шумом ворвалась группа молодчиков, отняла его у фельдшера, который даже робко попытался отстоять своего пациента, и стала молотить его. Из крикливого, беспорядочного мата обидчиков Грант понял, что армия противника терпит болезненные поражения... Тяжелее всего было вынести первые несколько ударов. Потом боль как-то притупилась, кажется, вовсе исчезла, предвещая потерю сознания. Кто-то схватил табурет... В последний миг, перед тем, как провалиться в спасительное бесчувствие, Грант успел запечатлеть в своём ускользающем сознании обнадёживающе улыбающееся лицо

мальчика, вырванного им из хаоса войны... Очнувшись, Грант почуял запах горелой кожи и странное жжение на груди. Осторожно, превозмогая боль в отекшей шее, покосился на новый очаг страдания - над левым соском чернел неровный крест, выжженный сигаретами...

Вскоре его забрал из больницы какой-то местный полукриминальный авторитет по прозвищу Али. Это был крайне жестокий и циничный человек, сделавший себе состояние на талане*, похищая и грабя имущество людей, оказавшихся в бедственном положении или и вовсе погибших. Он держал Гранта на своём дачном участке, в глубокой выгребной яме для строящегося туалета. Приходил каждый день и выливал на него часть приготовленной для своей собаки похлёбки, которой пленник вынужден был питаться. О том, чтобы попытаться выбраться из ямы, Грант и не помышлял - наверху свободно гуляла огромная кавказская овчарка, которая иногда заглядывала в яму грустными, почти человеческими глазами.

Однажды хозяин, присвистнув, бросил в прикорнувшего пленника большую обглоданную кость. Именно с тех пор у Гранта появился навязчивый, вечно преследующий сон, будто сверху прямо в яму на него падает с нарастающим свистом бомба... Вместе с разрывающейся бомбой он сам взрывался криком и распахивал глаза...

Недели через три Али продал своего пленника семье, у которой на войне пропал без вести старший сын. Родные пропавшего тешили себя надеждой, что он находится в армянском плену и его удастся обменять. Это была большая трудовая крестьянская семья. К Гранту относились хорошо, не били и не оскорбляли, в душе надеясь, что такого же отношения удостоится их сын на противоположной стороне. Утром и вечером давали чай с кусочком сахара и ломтиком хлеба, а на обед - тарелку овощного супа, в котором иногда плавал кусочек мяса. Однако пережитые ранее кошмары

преследовали пленного постоянно...

В первые дни после возвращения домой Грант почти не разговаривал, лишь лепетал что-то, словно только учился говорить. Он не узнавал многих из родни. Память приходила и уходила, как морской прибой. Через пару минут общения он мог забыть, кто перед ним и о чём тот только что говорил...

Грант словно вернулся из небытия, которое, пожалуй, страшнее самой смерти, потому что в этом небытии человек как таковой нереален, но реальны боль, позор и мучения, как физические, так и моральные... Верно замечено, человек в плену - не погибший и не живой... В этом небытии, словно в далёком тумане, растворялись лица родных и близких людей, они казались эфемерными, существами из какого-то параллельного мира... Вместе с тем Грант в деталях помнил своё небытие, хотя многое бы отдал, чтобы забыть его...

Часто снился мальчик двух лет. Грант нашёл его на пыльном просёлке полуживым. Его оставили родители, спасая свою собственную жизнь. Наверное, потеряли в суматохе... Грязный, с длинными соплями, малыш страшно вонял, видно, не раз делал под себя. Грант взял его к себе домой, нагрел во дворе воду, вымыл, одел, накормил, выходил... Вскоре через Красный Крест передал мальчика родителям... И вот теперь мальчик спас его. Грант чувствовал это шестым чувством...

В семье Гранта готовились к Пасхе. Мать Вергуша и жена Алина с особой торжественностью, не скрывая своей радости, пекли куличи, собираясь достойно встретить в полном составе главный христианский праздник, знаменующий победу жизни над смертью.

Наутро в церкви яблоку негде было упасть. Шла пасхальная заутреня.

В самом углу храма стоял невысокий, рано поседевший человек со сложенными крестом руками. Он словно

прикрывал от присутствующих крест, выжженный у него на груди. Крест из ладоней также доставлял боль, но иного рода - животворящую боль обновления...

Дома накрыли пасхальный стол: отварная рыба, блюда из зелени, рисовый плов с изюмом и сухофруктами, крашеные яйца... Взгляды членов семьи и собравшихся на праздник родственников, словно магнитом, тянулись со всех сторон к Гранту. Никто не прикасался к праздничным яствам, словно ожидая благословения хозяина дома. Грант встал, взял красное яйцо и, бережно сжав в ладони, поднёс его к дрожащим губам.

Этот поцелуй означал возвращение к жизни...

Примечание:

* **Талан** - тюркское слово, означающее «добыча», здесь - мародёрство на войне.

2017 г.

СПАСЁННАЯ МЕЛОДИЯ

В основе рассказа реальные события начала апреля 2016-го года, вошедшие в историю многолетнего азербайджано-карабахского вооружённого конфликта как «четырёхдневная война». Имена и фамилии персонажей, а также некоторые географические названия изменены.

1

Годикам к шести Зара неожиданно проявила способности к музыке, загорелась страстной детской мечтой играть на фортепиано. Удивлённые родители, в роду у которых никогда не было музыкантов, записали её в кружок. Папа купил у знакомого за приемлемую цену старое, но вполне сохранившееся ещё с советских времён пианино «Беларусь». Зара была на седьмом небе от счастья. Однако добротный инструмент нуждался в настройке. Папа договорился с настройщиком на субботу, выкроив свободное от военной службы время.

К полудню субботы настройщик явился, но хозяина дома не оказалось - ночью в оперативном порядке он выехал на передовые позиции, где резко обострилась ситуация и была объявлена боевая тревога N1. Зара об этом не знала - мама не хотела омрачать ей праздник...

Первым делом настройщик, голубоглазый пожилой мужчина с широким открытым лбом и аккуратно подстриженной бородкой на мягком подбородке, откинул клавиатурную крышку и сыграл несколько гамм.

«Расстроилось наше пианино. Ноты выскакивают», - с видом врача, ставящего диагноз, произнёс настройщик, повернувшись с напряжённым лбом вполоборота к Заре и продолжая испытующе, стараясь не пропустить ни звука, слушать правым ухом выходящий из-под собственных гибких пальцев звук.

Затем он встал, с таинственным видом раскрыл свой

чемоданчик и стал выбирать инструменты: ключи, отвёртки, плоскогубцы, камертон. Когда настройщик открыл верхнюю крышку фортепиано, заинтригованная девочка поднялась на стул, чтобы заглянуть внутрь. Не отрывая глаз, она следила за каждым движением мастера, словно за манипуляциями волшебника из сказки. Всё это было ей в диковинку и безумно интересно.

Звуки настраиваемого в гостиной пианино проникали через дверные щели, разливаясь по всей квартире. Зара смотрела именинником, радовалась так, как умеют только дети, по-настоящему, с наивностью и угловатой естественностью.

Едва за мастером закрылась дверь, ликующая девочка села на банкетку у настроенного пианино и осторожно, с нежностью дотронулась до клавиш. Звуки, скорее искренние, чем чистые, наполнили пространство небольшой комнаты. Тоненькие пальцы Зары шустро перебирались по клавиатуре пианино, словно обретшего второе дыхание. Девочка была счастлива, как герои исполняемых ею весёлых детских песен...

Тем временем шум войны, словно змея, вползающая в птичье гнездо, потихоньку проникал в эту беспечную, жизнерадостную музыку...

2

Пока дочь беззаботно играла в своей комнате на пианино, Астхик с тревогой слушала на кухне сообщения с передовой.

В экстренном выпуске местного телеканала диктор сообщал с нотками тревожности в голосе: «В ночь с 1-го на 2-ое апреля азербайджанская сторона, грубо нарушив соглашение о прекращении огня, предприняла широкомасштабные наступательные действия по всему периметру линии соприкосновения карабахских и азербайджанских войск с использованием танков, артиллерии и авиации, пытаясь прорвать оборонительные ряды нашей армии и занять стратегические позиции. Противник открыл также огонь по мирным населённым пунктам. В результате обстрела из реактивной системы залпового огня «Град» в Мартунинском

районе погиб школьник, ещё двое детей получили ранения...»

На экране появились также фотографии растерзанной пожилой четы из приграничного с Азербайджаном карабахского села и беспомощной 92-летней старушки, безжалостно умерщвлённой вместе с ними.

«Звери! - вырвалось вместе со всхлипом у Астхик. - Ничего святого у них не осталось...»

Астхик инстинктивно направилась в сторону детской комнаты. Тихонько приоткрыв дверь, она заглянула внутрь. Не подозревая ни о чём, Зара продолжала увлечённо извлекать мелодии из любимого инструмента, весело напевая: «...А пока мы только дети, нам расти ещё, расти. Только небо, только ветер, только радость впереди...»

Астхик бесшумно прикрыла дверь и, борясь с подступающей новой волной слёз, вернулась к телевизору. Вскоре диктор, теперь уже с оттенком торжественности, зачитал другую информацию: «Отразив агрессию противника, Армия обороны НКР перехватила инициативу и нанесла мощный контрудар врагу в ряде направлений фронта. Агрессор отступил, неся многочисленные потери. Карабахская сторона на данный момент уничтожила два азербайджанских боевых вертолёта, три танка, три БМП и два беспилотных летательных аппарата. Армия обороны предпринимает все необходимые меры для того, чтобы принудить Азербайджан прекратить военные действия...»

Вдруг музыка в соседней комнате умолкла. В сторону кухни потопали детские ножки.

- Мама, иди послушай новую песенку, - восторженно произнесла Зара. - Вчера в кружке выучили. Называется «Мамино и папино счастье». Папе тоже обязательно сыграю. Ему точно понравится...

Астхик последовала за ребёнком.

«У дочки папины глаза, у дочки мамина улыбка...» - заливисто пела Зара.

Астхик слушала дочку, незаметно вытирая влажные глаза...

3

Уже к полуночи ротный командир капитан Сергей Карамян был на месте службы - в отдельном стрелковом батальоне, дислоцированном неподалёку от приграничного села Анкаван. Приведённое в состояние боевой готовности подразделение заняло свои позиции на одном из самых ответственных участков обороны в северном направлении линии соприкосновения войск.

Ближе к рассвету противник начал наступление. Озаряя предутреннюю мглу огненными всполохами, артиллерийские снаряды летели с отчаянным свистом и визгом, разрешаясь неподалёку разрушительным грохотом. Сквозь хаотический шум всё явственнее слышался лязг гусениц. За бронетехникой высвечивались размытые силуэты вражеских пехотинцев.

Когда первый танк противника приблизился, Сергей дал команду гранатомётчику. Меткий удар остановил бронетехнику, однако из зыбкой темноты с шумом хлынула многочисленная вражеская пехота. Автоматные и пулемётные очереди скосили первые ряды противника. Вторая попытка штурма также была провалена.

Сергей подбодрял словом и личным примером подчинённых, 19-летних юнцов - солдат-срочников, для большинства из которых это было первое настоящее боевое крещение. Он умудрялся в самый напряжённый момент отпускать шутки, понимая, как важно в такие минуты поддерживать боевой дух бойцов. Трещали автоматные очереди, стучали пулемёты. Снова ухнул гранатомёт - удар пришёлся по гусенице второго вражеского танка. Из траншеи раздались возгласы ликования.

- Никогосян, ты так невежливо встречаешь гостей! - пошутил командир.

- Разве по ночам ходят в гости? Мы не приглашали их... - в тон ему ответил гранатомётчик Никогосян.

- Сколько там у них этих коробок*? - спросил командир у бойца с прибором ночного видения.

- Три.

- А что так мало?

- Третий, кажется, поворачивает назад.

- Задница-то не железная!..

4

«Противнику пришлось задействовать вертолёты, один из которых - Ми-24G - был сбит карабахскими военными точным выстрелом из РПГ-7. Командование ВВС Азербайджана сразу после этой потери приостановило полёты военной авиации в зоне боёв. Вместе с тем азербайджанская сторона продолжает активно использовать беспилотные летательные аппараты, в том числе ударные дроны-камикадзе...»

Астхик с напряжённым вниманием слушала сводки, стараясь не пропустить ни слова.

«В ответ на применение азербайджанской стороной реактивной установки «Град», гаубицы Д-30, дивизионной самоходной гаубицы «Акация», артиллерия Армии обороны НКР активно включилась в огневое противостояние. Азербайджанская сторона, в панике от больших потерь в живой силе и технике, впервые применила на северном направлении тяжёлую огнемётную систему...»

У Астхик вдруг ёкнуло сердце. Она поспешила к дочке, обняла её. Зара заметила на её глазах слёзы.

- Мамочка, почему ты плачешь?

Астхик вытерла платочком глаза и почти виновато улыбнулась:

- Это от радости, детка... Ты так чудесно играешь на пианино...

- Разве от радости плачут, мама?

- Да, когда её очень много...

Но тут она не сдержалась и, прикрыв лицо платком, вышла из комнаты, чтобы дать волю настоящим, мучающим её чувствам. В ушах у неё отчётливо звучали слова мужа: «Береги Зарочку...» Прощался Сергей спокойно, без тени тревоги на мужественном, с косым шрамом через всю щеку лице и даже напоследок широко улыбнулся, стараясь приободрить её и внушить, что повода для беспокойства нет. Однако непостижимое женское чутьё подсказывало иное...

5

Изначально противник планировал взламывать оборону Нагорного Карабаха штурмовыми группами пехоты при поддержке массированного артиллерийского огня и ударов авиации, натиска танков и другой бронетехники. Однако азербайджанские подразделения наткнулись на крепкие карабахские оборонительные позиции, неся ощутимые потери в живой силе и технике.

Не сумев проломить линию обороны на участке роты капитана Карамяна, противник пошёл на обходной манёвр: спецподразделение проникло в окопы с левого фланга. Там завязалась яростная рукопашная схватка. В ход пошли приклады, штык-ножи, кулаки... В пылу борьбы карабахский сержант Арман Гарибян, владевший языком врага, успел заметить в стане противника людей, выражавшихся на непонятном ему языке. Они были постарше остальных, некоторые с бородами. Позже, выжив в этой смертельной бойне, он узнал, что на стороне противника воевали также подразделения турецкого спецназа и наёмники из ближневосточных стран, имевшие опыт боевых действий в составе международных террористических организаций. Впоследствии анализ увиденного на поле боя убедил его в этом: в ряде мест азербайджанские военные, несмотря на отсутствие огня с карабахской стороны, не предпринимали никаких попыток забирать тела погибших, оставляя их лежать на поле боя несколько суток, а на других участках любой ценой, рискуя жизнью, старались немедленно вытащить под огнём трупы, иногда применяя верёвки, тросы с крючьями и другое снаряжение. Очевидно, был жёсткий приказ - не оставлять на поле боя тела погибших иностранцев - у армянской стороны не должно было быть фактов, подтверждающих их участие...

Тем временем, узнав о нападении с фланга, ротный отправил на подмогу своим бойцам наиболее подготовленных ребят, сам продолжая руководить отражением атаки с фронта.

Вдруг, пожирая с нарастающим воющим свистом воздух, огромный огненный снаряд ударился о бруствер...

6

Сергей Карамян очнулся после семи дней комы в госпитале. Взорвавшимся снарядом его завалило землёй, похоронив заживо. Но в этой смертельной неразберихе бойцы сумели раскопать его и ещё двоих солдат.

Сильный, натренированный организм позволил Сергею выжить при многочисленных осколочных ранах, каждая из которых сама по себе была очень опасной. В один миг у него даже остановилось сердце, однако фронтовым врачам удалось реанимировать его и довезти до госпиталя. Сергею зашили печень, сделали остеосинтез, соединив отломки костей руки, нейрохирурги прооперировали гематому в голове...

В госпитале Астхик не сразу узнала мужа, обёрнутого в бинты. Тот ещё не говорил, почти не слышал, но улыбку сумел изобразить на бледном, крайне исхудалом лице, вернее в уголках бескровных губ и полуоткрытых глазах с обгоревшими веками. Именно по этой вымученной и одновременно естественной улыбке Астхик узнала его.

- Как Зара? - первое, что выдавил из себя Сергей.

- Она и не поняла ничего, - после паузы ответила Астхик.- Все эти дни только и делала, что играла на пианино...

На изрезанном свежими шрамами лице Сергея появилось чувство, похожее на умиление. Еле слышно он произнёс:

- Ребята постарались...

ПОСЛЕСОВИЕ

Да, ребята постарались на славу! На Сергее Карамяне словно были запечатлены все ужасы этих четырёх лихих дней. Сам же он, кажется, символизировал собой стойкость и непоколебимость маленького края, израненного, измученного, но не сдающегося и продолжающего бороться за своё достойное будущее.

Уже на третий день агрессор, осознавая бесперспективность собственной авантюры, заявил, что якобы прекращает в

одностороннем порядке боевые действия. Но это оказалось всего лишь информационной ловушкой, которая, впрочем, не сработала. Спустя ещё день, встав перед реальной угрозой более серьёзных потерь, официальный Баку попросил у Москвы посредничества в установлении перемирия. 5-го апреля была достигнута договорённость о прекращении огня вдоль всей линии соприкосновения карабахских и азербайджанских войск.

В течение этих обагрённых кровью апрельских дней, вошедших в историю многолетнего вооружённого противостояния как «четырёхдневная война», Азербайджан, цинично нарушив бессрочные трёхсторонние соглашения о прекращении огня 1994-го-1995-го годов, предпринял против Нагорного Карабаха, по сути, такие же агрессивные действия, что и на протяжении четырёх лет полномасштабной войны в начале 1990-х годов, но с применением более современного и разрушительного оружия. Эти боевые действия стали самыми крупными с момента заключения перемирия между сторонами конфликта в 1994-ом году. В этих четырёх днях, казалось, была сконцентрирована вся злость, ненависть и жестокость противника, но одновременно и бессилие, ибо вновь преимущество в вооружении и живой силе оказалось беспомощным перед высоким духом защитников родины и исторической правдой. Против специально подготовленных азербайджанских подразделений, подкреплённых наёмниками-террористами, воевали в основном 18-20-летние парни, солдаты-срочники, многие из которых пали смертью героя, отражая коварное нападение противника. Тем самым они предотвратили дальнейшие массовые злодеяния против народа, против стариков, женщин и детей - пленников и заложников такого мирового зла, как война. Встав грудью на защиту родины, эти безусые юнцы не дали смерти вторгнуться в волшебный мир музыки нашей маленькой героини - Зары, они спасли мелодию детства и мечты девочки. Увы, ближе к передовой линии от вражеского артиллерийского снаряда погиб мальчик, почти ровесник Зары, и ещё двое школьников получили тяжёлые ранения...

Вместе с тем эта внезапная широкомасштабная агрессия противника стала для армян своеобразным моментом истины. Она ещё крепче сплотила соотечественников по всему миру. Помимо сотен добровольцев, устремившихся в едином порыве на защиту Карабаха, исторического армянского Арцаха, граждане Армении и других стран, различные организации и частные лица отправляли бойцам и мирным жителям предметы первой необходимости, еду, одежду, лекарства... Они были готовы поделиться последним с защитниками Родины. По всему миру армяне организовали митинги в поддержку борьбы Арцаха за свободу и независимость и осудили очередную кровавую агрессию против него.

Такого единства и сплочённости враг явно не ожидал. И это стало ещё одной важной причиной провала кровавой авантюры против Арцаха, народ которого лишь укрепился в решимости отстоять своё исконное право жить на родной земле.

Примечание:

***Коробка** - тут: танк, бронетранспортёр на солдатском жаргоне.

2017 г.

ФИЛОСОФСКАЯ И ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОЗА

АГОНИЯ

В палате онкологической больницы свет горел до самого утра, словно для того, чтобы подчеркнуть крайнюю уродливость облупившихся, заплесневелых стен и потолка.

У постели умирающей сидели двое. Он держал прозрачную руку женщины, которая приходилась ей тётей, не давая пальцам, пока ещё на удивление сильным, сжаться, чтобы не мешать работать капельнице, безуспешно пытающейся через едва обозначающиеся вены влить жизнь в угасающий организм. Она же, истощённая за неделю круглосуточного ухода за матерью физически и душевно, тихо причитала, уже смирившись с неизбежностью смерти.

Умирающей было 65 лет. Борясь со смертью, женщина с шумом хватала ртом воздух и тяжело выдыхала его. Что-то изнутри, видимо, изгрызало её, причиняя ужасную боль - каждые 3-4 минуты умирающая издавала резкий стон. Они пытались заговорить с ней, звали её, но женщина уже не отвечала. Каменная маска смерти постепенно покрывала лицо, сквозь полуоткрытую щель глаз смотрели неподвижные стеклянные зрачки.

Шёл третий час. Свежесть ночи приправлялась холодным дыханием смерти. Но смерть не спешила забирать душу, словно наслаждаясь агонией. Она невидимо стояла у изголовья женщины, терпеливо ожидая своего часа.

Вдруг умирающая слабо чихнула. Потом ещё и ещё раз. Проблеск надежды?! Дочь сказала, что это повторится ровно десять раз. Действительно, умирающая чихнула ровно десять раз. Привычка сильнее человека и не изменяет ему даже в экстремальных ситуациях.

Врача не было. Ему позвонили, предупредив, что пациент умирает. Он обещал придти лишь к утру, наказав дежурной медсестре сделать укол и следить за капельницей.

Медсестра входила каждые полчаса, делала с меланхолич-

ным видом то, что назначил врач, и, прождав ради приличия минут пять, уходила к себе в соседнюю комнату - подремать. Потом снова приходила, смотрела как по прозрачной жиле капельницы, похожей на человеческую, течёт неторопливая жидкость, трогала и поправляла стойку и саму капельницу... Он глядел вслед уходящей сутуловатой медсестре и думал, как трудно работать в этом мрачном переправочном пункте из жизни в смерть и как тяжело умирать в царящем здесь холоде и безнадёжности.

- Хорошо, что ты рядом... - прошептала ему двоюродная сестра. - Иначе я выбросилась бы в окно...

Он не ответил, продолжая сжимать в своей ладони уже сдающуюся руку. На соседних койках лежали ещё трое больных - старушкам было уже за семьдесят. Практически их ждала та же участь - просто, жизнь их, а вернее, смерть, была растянута во времени. Словно понимая это, они продолжали спать, делая вид, что не замечают присутствия в палате смерти и человеческого страдания. И лишь старушка напротив проявила участие в происходящем, подвинувшись и пригласив сходящую с ума дочь умирающей прикорнуть у себя на койке.

Он держал руку, из которой почти уже вышла жизнь, и вместо крови (умирающая страдала лейкемией) текла жидкость, выдавливаемая капельницей из себя. Эта маленькая, невесомая рука неизменно дарила окружающим радость и тепло, не уставая и не оскудевая никогда... Теперь смерть заявляла своё право на эту заботливую и любящую руку, и она медленно уступала ей.

«Отчего с такой болью разрываются невидимые нити, связывающие человека с жизнью, и почему так жестоко обходится напоследок жизнь с людьми, в которых сама жила на протяжении десятилетий? Разве она, эта добрая и безобидная женщина, заслуживает таких странных и ужасных мучений, - он держал безвольную руку умирающей в своей крепкой ладони и пытался понять, в чём секрет силы жизни, где берёт своё начало эта сила и куда уходит. - Почему человек не остаётся вечно молодым и сильным на протяжении всей отпущенной ему жизни?.. Ведь чем взрослее человек, тем

беззащитней он перед жизнью. И не было бы разумнее, если бы дожив до сорока, люди умирали, а вернее, исчезали или растворялись в воздухе в расцвете сил и здоровья, чтобы никто не стал свидетелем их агонии, беззащитности, стыда и унижения перед смертью. Ведь в такие минуты сама жизнь кажется жалкой и бессмысленной...»

Когда забрезжил рассвет, подошли и другие родственники. Он вышел на больничный двор и закурил.

«Странная вещь - смерть... Как можно вдруг перестать быть хозяином своих ощущений, чувств и переживаний?.. Не владеть каждым движением тела и души... Не быть хозяином самого себя, своего естества... Не чувствовать более себя, отречься от себя, того не желая... Превратиться в ничто - навеки раствориться в великом Ничто... Лишиться даже такого вот маленького и странного удовольствия, как потягивать эту дурно пахнущую, дрянную сигаретку... Это непонятно и ужасно...» - думал он, стараясь не слышать стенаний, доносящихся сверху.

Смерть, забрав своё, ушла. На душе оставались пустота, обида и какая-то невысказанность...

2001 г.

ОДИНОЧЕСТВО, ИЛИ РАЗБИТОЕ ЗЕРКАЛО

Иллюстрация Альберта Саркисяна

Почувствовав внезапную слабость в членах, Он опустился на диванчик напротив трюмо. В глубине изрядно запылившегося зеркала отражался крайне худой и заросший субъект. Сейчас, в минуту недомогания, Он ощутил себя как никогда одиноким - покинутым, обманутым, стёртым...

А ведь Он так торопился жить, страстно продвигаясь к цели и предвкушая с замиранием сердца, что вот-вот будет признан наконец и, купаясь в лучах собственной славы, станет великодушно дарить окружающим тепло и радость!.. В действительности всё оказалось не так.

Теперь, в неполные свои тридцать пять, Он пришёл к выводу, что в погоне за недостижимым растратил почти всего себя. Слава, лишь коснувшись своим невесомым крылом, ускользнула, оставив после себя обманчивую розовую дымку. Окружающие же не поняли и не простили ему «вечного его желания отличиться». Когда его покинула и женщина, обещавшая стать спутницей жизни и делить с ним все горести

и радости, что-то вдруг сломалось внутри. Он пристрастился к спиртному, и опасная трясина медленно засосала его. Вино давало лишь временное облегчение, а отрезвление бывало страшно болезненным... Он чувствовал себя живым трупом, не нужным никому и, что ужаснее всего, самому себе...

Оправившись от внезапного недомогания, Он поднял голову и только тут заметил, что субъект в зеркале, который по идее должен был быть его отражением, не полулежит, как он, безвольно развалившись, а стоит, непринуждённо облокотившись на спинку диванчика. «Это не я!» - лихорадочно пронеслось в голове. Он протёр глаза и даже ущипнул себя, как это водится, чтобы убедиться, что не бредит. Но Отражение продолжало стоять в прежней позе, и лишь, как показалось ему, скривило губы в ироничную складку.

- Нет, это не я... - произнёс Он вслух, резко оглянувшись назад - не стоит ли кто там?

- Верно, это не ты... Более того, отныне я твой антипод, - послышалось в ответ из зеркала. - Прости, но я страшно устал и отказываюсь далее служить тебе.

- Ты чего?! Присядь, успокойся, - не сразу Он пришёл в себя. - Ты же всегда был таким тихим и послушным.

Отражение усмехнулось, не скрывая презрения и отвращения:

- Что ты прокис? Встань, встряхнись, предприми что-нибудь... Фу, глядеть на тебя тошно!

- Да пошёл ты - тоже мне советчик! - Он решил показать, что не боится странного субъекта (да и было бы нелепо и глупо пугаться собственного отражения).

Отражение надменно вытянулось:

- Ты ли это? Я поражаюсь твоей апатии и безволию... А помнишь, каким самонадеянным, твёрдым и целеустремленным был? Как отстаивал свою правду и вопреки всему стремился оставаться самим собой?.. Да, за это тебя часто били. Но как я тогда, весь помятый и в синяках, гордился и восхищался тобой!

- И что же? Армия врагов и тайных недоброжелателей день ото дня росла. Чёрная зависть и ненависть горели в их

сердцах, они с упоением ждали минуты, когда я поскользнусь наконец, споткнусь и упаду, чтобы позлорадствовать вдоволь, почитать нравоучений о том, что я не так понимаю жизнь и неправильно живу... С годами становилось всё труднее бороться с ними, и я, пусть и запоздало, сделал для себя одно открытие - не надо суетиться и пытаться обогнать всех. Себя-то не обойдёшь! А будешь очень спешить, наоборот, отстанешь от всех: не лавров победителя удостоишься, а окажешься в полной изоляции - ведь люди не прощают успехов ближнему своему. И тогда придётся бежать обратно к ним, «обойдённым» тобою, и сдаться им на милость...

- Но ведь и теперь ты в полном одиночестве, - Отражение не сдавалось. - От тебя отвернулись все друзья и женщина, которая любила тебя. Это теперь ты даёшь повод потешаться над своей слабостью. Ты напоминаешь страуса, прячущего в минуту опасности голову в песок и оголяющего тылы...

Он тяжело отдышался, поёрзал на своём ложе, пытаясь удобнее устроиться. Затем последовала настоящая тирада:

- Друг мой, для того, чтобы человеческое стадо признало тебя, нужно всячески потакать ему и лицемерить. Унижаться перед сильными, чтобы не затоптали они тебя, и «терпеть» слабых, чтобы не озлобились на тебя и не ставили исподтишка палок в колёса. Только так можно выжить и преуспеть. Но ради чего, спрашивается?.. Ведь сама жизнь - бессмысленная борьба с предсказуемым и одинаковым для всех финалом. Вот потому я и лёг в дрейф... Что касается друзей, то они суетливы и причиняют одни неудобства. Многие искали со мной дружбы большей частью из корысти.

Ведь дружба обычно - подсознательный расчёт, а бескорыстный друг - уникальная редкость в природе... И женщина, которую ты имеешь в виду, любила меня, как это ни горько сознавать, из себялюбия и честолюбия. Она рассчитывала, уцепившись за меня, въехать в светлое и обеспеченное будущее. Но когда поняла, что я не птица высокого полёта, не орёл, а всего лишь «белая ворона», ушла без оглядки. Упорхнула... А я, дурак, любил её по-настоящему, как мог...

- И что теперь, философ, ты доволен своей изолированностью от всех и всего, или и теперь хочешь всего-навсего отличиться?.. Понимаю, у тебя критический период - психологи называют твой возраст переходным: «кризис среднего возраста» и всё такое... Но ведь для большинства - это этап для перехода в новое качество, трамплин для взлёта. Многие выходят из него окрепшими и умудрёнными. Ты же трусливо бежишь от жизни...

- Все мы одиноки в этом мире, и каждый в своё время приходит к пониманию этого. Кого-то такое открытие вышибает из колеи, а кто-то воспринимает его как некое избавление. Согласись, противостоять звериному напору толпы можно только самоизоляцией...

- Не рано ли хоронишь себя? Оглянись вокруг - многие добиваются своего, беря от жизни то, что им нужно. Чем ты хуже других? Ты притворяешься, а внутри тебя снедает чувство обиды и бессилия - мне ли, твоему отражению, не знать этого? А ведь ты мечтал стать великим человеком, знаменитым литератором...

- Всё это ребячество - игра не стоила свеч. - Он тускло улыбнулся. - «Любви, надежды, тихой славы, недолго тешил нас обман...» - сетовал сам Пушкин... Я завяз в собственных мечтах, а сладостные надежды так и остались таковыми. Мечтать - это всё равно, что разглядывать себя в кривом зеркале. Позировать и кокетничать перед кривым зеркалом жизни, которое тихонько посмеивается над твоими жалкими потугами и наивностью. И редко у кого хватает ума и мужества разбить его без сожаленья.

- Но ты был всего в двух шагах от своей мечты... Тебе пророчили блестящее будущее, сам же ты сиял от счастья и работал денно-ношно, чтобы увеличить это счастье. Что же теперь случилось с тобой? Почему ты плюёшь в собственный колодец?

- Самая великая ошибка молодости - стремление установить абсолютную власть над материальным, с которым соприкасаемся. В юности нам, полным энергии и самоуверенности, окружающее кажется незыблемым и вечным. Мы пытаемся

материализовать саму мечту и ради благ мира готовы без раздумий броситься в ненасытную толпу, топтать ближних своих. Однако с годами начинаем постепенно сдавать. Рано или поздно корабль нашей жизни терпит крушение, разбившись о рифы и предательские мели, и мы, слабые и изнурённые, отдаёмся целиком воле течения. Счастливы те, кого добрая волна приводит в редкую тихую гавань того суетного и сумбурного, что называется жизнью. Здесь, вдали от мирского шума, начинаешь переосмысливать и по-настоящему понимать суть происходящего. Оставшись наедине с собой, занимаешься самоустроением, а вернее, самоотстранением. Ты уже не помыкаем страстью, а душа принадлежит только тебе, и никто не лезет в неё. Для самодостаточных людей одиночество не страшно - в одиночестве они лишь обретают свободу. Свободу покоя! Однако не все могут понять величия покоя, когда внутри у тебя больше ничего не болит, когда не хочется больше барахтаться и делать суетные движения, чтобы остаться на волне беспокойного моря жизни...

Отражение прервало очередную его тираду:

- Позволь сделать одно едкое, но справедливое замечание - не в тихую гавань ты заплыл, а сбился с курса. Ты, второй месяц пьющий горькую, считаешь себя свободным? Ты, и часа не обходящийся без вина и пытающийся утолить им тоску по несбывшемуся, называешь себя самодостаточным? Ты всего-навсего резонёр, ушедший в мир иллюзий. И не оттого ли у тебя ничего не болит, что внутри у тебя всё умирает?..

- Как это ни странно, но порой мы достигаем того, о чём мечтали. Однако, поверь, одинаково несчастливы и те, чьим стремлениям не суждено сбыться, и те, кому удалось добиться чего-то. Потому что на пути к своей мечте мы губим в себе много естественных и хороших человеческих качеств. И очень часто свершившаяся мечта - убитая мечта, совсем не то, что мы воображали. А между удачей и неудачей нередко стоит знак равенства... Помнишь первые мои несчастные стишки? Какими чистыми и наивными они были! В этом и была их сила. Но они лишь забавляли закостенелую публику. А когда

я нашёл, как мне показалось, правду и стал в открытую говорить её, она была воспринята в штыки. Общество недвусмысленно давало понять, что правда моя ему не нужна и не вписывается в тот застоявшийся уклад жизни, который оно создало для своего удобства. «Не смей!» - кричали мне на каждом шагу. И чем дальше, тем больше приходилось натыкаться на непробиваемую стену условностей, которой окружили себя все ячейки общества, в том числе так называемая «литературная элита» из выживших из ума старичков - в целях собственной же защиты... Но сейчас я свободен, потому что изжил жажду славы и признания. Я больше не раб тщеславия и успеха!..

- Значит, и правда тебе больше не нужна? - Отражение иронично усмехнулось.

- Что правда? Где она обитает и как её искать? Не в воображении ли она только и существует?.. Зачем растрачивать жизнь в бессмысленных попытках поймать призраков? Ведь, согласись, я хотел объять необъятное. А теперь вконец выдохся: перо валится у меня из рук, а Муза посещает всё реже и реже. И слава Богу! Поэзия - тщетные потуги. Ведь даже если порой удастся искусно облечь в слова тончайшие душевные движения и порывы, то многие ли оценят это по достоинству. Большинству людей поэзия органически чужда - массы не воспринимают и не приемлют прекрасного, если оно абстрактно и не принадлежит им исключительно и целиком... Зачем же тогда метать бисер перед свиньями?

- Но ведь ты опускаешься на глазах, и вино, как ржа железо, изъедет вскоре всю твою душу - такую недоступную и непонятную, как ты пытаешься доказать, для других... В тебе борются два человека - человек возвышенный и раб подлых страстей. Последний, увы, всё чаще берёт верх... И что это за жизнь - пьёшь напропалую целую неделю, чтобы затем надолго свалиться в постель, а придя в чувство, снова приняться за старое - дурманить себя. Погляди на себя - весь общетинился, плечи отвисли, а голову ленишься поднять. Извини, но если так будет продолжаться, на месте свиньи окажешься ты сам...

- Замолкни же, не тебе судить! И знай своё место - ты всего

лишь отражение!.. Моё собственное отражение. Ты должен делать всё так, как хочу я - повторять в точности каждый мой жест и каждое движение, даже если это тебе не нравится. Ты должен копировать меня - и больше ничего!.. Я бы с удовольствием отвесил тебе пощечину, не будь ты всего лишь бесплотным подобием моим, - Он глухо рассмеялся.

- Тогда я покидаю тебя, - с безразличной иронией произнёс субъект. - Я не собираюсь дальше быть твоим собутыльником и потакать твоим прихотям.

Из зеркала действительно кто-то вышел и прошёл мимо - во всяком случае, ему так показалось. По спине пробежал мороз, но Он постарался не выдать себя.

- Иди, иди и не оглядывайся! Зачем мне отражение, если оно не копирует, а вдобавок ещё и перечит?! - не поворачиваясь, бросил Он вслед уходящему субъекту.

Он ещё раз ущипнул себя - не сон ли это? Затем, желая поскорее избавиться от кошмара, потянулся к графину на тумбочке, налил полный бокал вина и опорожнил его одним большим глотком. Потом ещё...

В обволокшем его тумане Он стал воспринимать случившееся как нечто забавное. Когда наполнил бокал в третий раз, то по привычке, появившейся в последнее время, потянулся к зеркалу чокаться, забыв, что его визави уже нет.

- Хм, человек без отражения. Вот пикантно!.. Впрочем, я всегда был непохож на других.

Вылив содержимое бокала в себя, Он сердито буркнул:

- Тоже мне судья! Кто ты такой без меня?! Одна лишь тень!

Он налил ещё...

2002 г.

РОЖДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА, ИЛИ ПРЕОДОЛЕНИЕ БОЛИ

Вот появился на свет Божий ещё один человек, а вернее, живой комочек, несущий в себе идею человека. В бессознательном испуге и одновременно с непринуждённой смелостью ворвался он криком своим в нашу устоявшуюся взрослую жизнь, и все вокруг вдруг засуетились, подгоняемые этим требовательным криком-плачем. Отчего же столь неистово плачет этот несмышлёный человечек, что терзает его? Неужели только боль?

Боль, известно, категория не только физическая - она часто рождается из печали, грусти, боязни перед опасностью и даже перед неизвестностью. И появившийся на свет малыш наверняка интуитивно чувствует, какими опасностями и угрозами наполнена неизвестность, называемая Жизнь. Так что плач - нормальная реакция маленького человека на окружающий его мир. И причину боли он инстинктивно (и, наверное, справедливо) ищет вне себя - она кажется ему странной и незаслуженной, потому и плачет малыш с таким негодованием.

Малыш вроде бы смотрит в упор, а на самом деле - куда-то вдаль, мимо тебя. Его маленькое личико вечно в движении: оно то проясняется в какой-то отвлечённой полуулыбке (говорят, малыш общается с Ангелами - в первые дни это невинное создание принадлежит только Богу), то сморщивается, словно в недоумении. Перед ним, несмышлёным, по воле тех же Ангелов открываются бесконечные голубые дали космоса и нескончаемые тернистые дороги жизни. В один миг - на стыке космического и земного, кажется, приоткрывается даже завеса Судьбы, чтобы обнажить секрет её, но всё вдруг снова окутывается таинственной пеленой. Жизнь - загадочная и противоречивая штука: невозможно понять ни её начала, ни конца, потому что тайна рождения и смерти вне самой человеческой жизни и её ограниченных земных рамок.

Тем временем мать трепещет над каждым движением своего чада, стараясь оградить этот хрупкий сосуд жизни от грубых прикосновений той же жизни извне. «Боже мой, столь невинное создание!» - невольно вырывается у неё, и сердце её окатывает новая волна нежности. Но жизнь, несмотря на старания взрослых, трогает малыша, обещая однажды, когда рядом не будет ни отца, ни матери, поговорить с ним тет-а-тет, начистоту, раскрыв все карты свои. Боль и угроза боли будут сопровождать появившегося на свет человека всю жизнь, уча преодолевать их и одновременно бояться и остерегаться. Боль будет стараться всячески унижать его, подчеркнуть зависимость от себя. Она попробует превратить его в труса и подхалима. Но в один прекрасный миг он преодолеет боль и, став выше неё, с гордостью осознает себя Человеком, так как поймёт, что не боль является регулятором поступков и действий, а Дух, который зреет и крепнет вместе со становлением человеческой личности.

Между тем родители не помнят себя от радости и счастья. Новые мечты и надежды переполняют их. Отец и мать видят в новорожденном себя и своё продолжение. Они искренне верят, что дети достигнут всего того, чего им самим не удалось добиться в жизни. Дедушки и бабушки не менее счастливы - глядя на малыша, они снова и снова вспоминают и переживают свою молодость и любовь. Они желают, чтобы малыш поскорее вырос, даже не задумываясь о том, что вместе с его взрослением уходит, приближаясь к критической черте, их собственная жизнь. Они ждут не дождутся, когда внучек встанет на ноги и прогуляется с ними за ручку по улицам и скверам, словно Весна и Осень. Весна и осень, дети и старики схожи в главном: они - начало и конец - близки к тайне жизни и смерти. Младенец и старец - словно два альпиниста у подножия высокой, крутой горы - одному ещё только предстоит взбираться на неё, другой уже сошёл с неё, усталый, измождённый... Поэтому они сочувствуют без слов друг другу и бессознательно тянутся друг к другу.

Тем временем ребёнок растёт, как того велят незыблемые

законы Времени и Пространства, набирая первый опыт. Жизнь выводит на этом чистом листе (tabula rasa) первые строки, всё больше втягивая человечка в себя и предъявляя ему всё новые и новые требования. Увы, не все принимают вызовы судьбы с достоинством, и нередко прожитая жизнь - не совсем удачная, неизданная, не принятая обществом рукопись...

А настоящий человек - это каждодневный тихий и часто не замечаемый окружающими подвиг. Это - постоянная борьба с самим собой и преодоление боли, которая рождается вместе с человеком, живёт с ним всю жизнь и даже остаётся после него.

2003 г.

ЦИНИК

Повесть

ГЛАВА 1

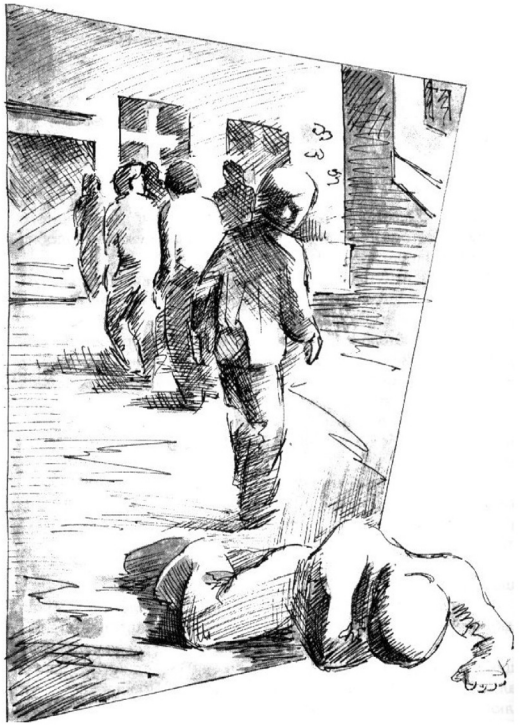

Иллюстрация Альберта Саркисяна

Кольцо сорванцов сомкнулось вокруг тщедушного мальчишки, который в ожидании нападения весь сжался подобно загнанному зверьку.

- Получай, Философ! - зло выкрикнул крупный веснушчатый пацан, по всей видимости, вожак стаи, въехав кулаком пареньку в лицо.- Будешь дальше нос задирать!..

Стая засвистела и заулюлюкала в знак одобрения. Вожак, подстёгиваемый первобытными воплями и криками, толкнул жертву двумя руками в грудь - та упала, и ещё двое сорванцов бросились добивать её.

- Что на это скажешь, Философ? - один из них пнул поверженного в бок. - А на это?.. Ты ведь любишь давать советы!..

- Ты что, язык проглотил? - подхватил другой, тоже лягнув лежачего, который не сопротивлялся и лишь безмолвно

корчился после каждого удара. - Подскажи же, как нам быть: бить тебя дальше или, может, хватит?

Стая загоготала. Появившаяся на лице у Философа кровь лишь подзадорила сорванцов.

- Бить, бить! - крикнул кто-то, и это стало кличем для подключения к избиению других членов мальчишеской стаи.

Тот, кого называли Философ, неожиданно вцепился зубами в щиколотку одного из своих обидчиков. Последний завопил и стал отчаянно вырываться. Философ ещё сильнее сомкнул челюсть, и от последовавшего истошного крика толпа расступилась. Кто-то попытался помочь пацану высвободить ногу, но тут прозвенел звонок на урок, и ватага третьеклашек помчалась в класс, оставив обе жертвы наедине друг с другом. Еле вырвавшись, заковылял на урок и укушенный за ногу мальчик. Философ же остался лежать на школьном задворке.

«За что?.. Что я им сделал?» - Артём беззвучно плакал, царапая асфальт под собой.

ГЛАВА 2

Весна была в разгаре. Впереди уже маячили долгие летние каникулы, и в их радостном предвкушении ученики третьего "Б" очень быстро забыли об инциденте. Только сам Артём не простил никому и помнил все обидные слова одноклассников в свой адрес, удары каждого в отдельности...

Артём рос в неблагополучной семье. Отца он не знал: мать была на четвёртом месяце беременности, когда муж её уехал в Россию, якобы в командировку, но с тех пор не давал о себе каких-либо вестей, исчез куда-то. Вскоре стало ясно, что он убежал от войны, которая тогда нависала чёрной тучей над краем и немного спустя разразилась продолжительной бойней. Соседи судачили, что он перебрался куда-то в Прибалтику (откуда они это взяли - оставалось загадкой), женился на старой деве, рассчитывая заполучить её квартиру. Было ли это действительно так, никто не знал. Однако переволновавшаяся женщина родила раньше срока. Артём

был крошечным и рахитичным, врачи опасались, что недоносок не выживет. Выжил, но рос замкнутым, странным и необщительным.

Годовалым ребёнком он имел привычку кусаться. Кусал мать - вся шея, грудь и даже спина её постоянно были в ссадинах от его едва выбившихся, но острых зубиков. Возьмёт кто-либо из родственников на руки приласкать, а Артёмка уже присматривается, ища куда куснуть. Он никогда не улыбался, смотрел на всех волком. Соседи боялись за своих малышей и держали их подальше от него.

В школе Артём болезненно ощущал свою физическую ущербность и старался компенсировать её тем, что держался с одноклассниками с высокомерной отчуждённостью, говорил не свойственные его возрасту вещи, явно позаимствованные у взрослых.

Одноклассники особенно невзлюбили его за то, что обо всем он судил с видом знатока и нередко пробовал читать им нравоучения подобно учителю. За это они прозвали Артёма обидным, по их мнению, словом «философ». Как анекдот школьники с детским ехидством пересказывали случай, произошедший во время похода за город. Когда переходили небольшую речку, Артём вдруг крикнул:

- Осторожно, мальков задавите!

Ребятишки, не обращая внимания на его слова, да и не сразу поняв, в чём собственно дело, весело перепрыгивали с камня на камень, перебираясь один за другим на противоположный берег.

- Кому сказал?! - Артём преградил собой дорогу. - У рыб сейчас период выхода мальков из икры, а вы давите их!

Артёма подняли на смех. Кто-то выкрикнул: «Ну что ты присосался, как пиявка?!» И все загоготали. Не на шутку обиженный, Артём повернул обратно домой.

«Пиявка» тут же прилипла к нему, и теперь вперемежку с Философом его стали дразнить новым прозвищем. Но когда хотели сделать ему особенно больно, называли просто - «сын дезертира».

В учебе Артём преуспевал, но никогда не помогал

отстающим. Скатать у него контрольную было невозможно - хотя он и не прикрывал рукой работу, но мог громогласно, так, чтобы услышала учительница, отчитать осмелившегося заглянуть к нему в тетрадку соседа по парте.

Одноклассники сторонились Артёма, а Марат и Славик, самые крепкие и задиристые, проявляли по отношению к нему открытую враждебность и агрессивность. Они всячески унижали его, натравливали на него других. В последний раз на Артёма восстала почти вся мальчишеская половина класса...

Поняв, что рискует превратиться из «белой вороны» в изгоя, Артём инстинктивно стал вырабатывать собственную тактику выживания. Будучи наблюдательным от природы, он давно уже заметил, что пацаны с особым уважением, примешанным, конечно же, со страхом, относятся к тем, кто систематически притесняет других физически и морально. Именно таким способом Артём решил завоевать себе авторитет, выбрав для начала в качестве жертвы тщедушного безответного паренька - «последнего атамана» в своеобразной мальчишеской иерархии.

ГЛАВА 3

Раннее майское солнце нежно улыбалось сквозь лёгкую дымку облаков. На улицах шумно проснувшегося города деловито щебетали воробьи, суетливо перепрыгивая в поисках случайной пищи с места на место. Они путались под ногами спешащих в школу и похожих на них своей непоседливостью ребятишек, кажется, вовсе не замечая их. Но как только кто-то из мальчишек нагибался, чтобы попытаться поймать птичку или бросал в неё камушек, та проворно перелетала на новое, более безопасное место...

Артём был хмур. Царящее вокруг оживление вовсе не занимало его. Он шёл быстрой и несвойственной ему решительной походкой, сжимая на правом боку сумку со школьными принадлежностями. Напряжённая складка у переносицы и сомкнутые челюсти выдавали серьёзность его намерений.

Артём минул широкий холл с белокаменными колоннами и

вошёл в пустой пока класс. Он спрятал сумку в парту, вышел и огляделся. Надо было выбрать самое видное, лобное, так сказать, место, чтобы ничто не скрылось от взоров одноклассников и учеников из параллельных классов. Артём лелеял надежду, что Игорёк, будущая его жертва, придёт позже других. Он живо представлял, какой эффект произведёт его выходка, и как изумятся все, в особенности его обидчики. Артём встал в тени массивной колонны и стал наблюдать за входящими.

До начала первого урока оставалось ещё с четверть часа. Холл постепенно оживлялся: ученики младших классов входили, а вернее, влетали в двери шумно и суетливо. На ходу бросая сумки на парты, а то и прямо на пол, они тут же выбегали во двор школы порезвиться до звонка на урок.

Артём терпеливо выжидал свою жертву, напрягая зрение, чтобы не пропустить её в ватаге однообразно одетых школьников. Вот вошли вожаки - Марат и Славик. Оба крупные, большеголовые, правда, один - белобрысый, другой - чёрный. Два этих двоечника всегда держались вместе и наводили страх не только на одноклассников, но и на учеников параллельных классов. Это Марат натравил толпу на Артёма на задворке у школьной мастерской. «Ничего, когда-нибудь расквитаюсь и с вами, - Артём сжал кулаки. - Сегодня каждый из вас сильнее меня, но завтра я раздавлю вас скопом, как вшей».

Наконец за пару минут до звонка на урок в холл вошёл хиленький Игорёк в огромных очках, с трудом неся на спине тяжёлый ранец. У Артёма внутри всё затрепетало от волнения и страха. Но эти предательские чувства пересиливало какое-то восторженное ожидание победы - теперь он не жертва, а охотник!..

Артём отделился от колонны, подкрался сзади к ничего не подозревавшему мальчишке, схватил его за шиворот и повалил на пол. Сев жертве на грудь, он сжал обеими руками ей горло. Раздался чей-то удивлённо-испуганный крик. Все вокруг застыли, словно стараясь осмыслить происходящее. Никто, кажется, не слышал даже требовательного звонка на урок.

Игорёк не сопротивлялся, безвольно распластавшись на

полу. Из его горла вырывался сдавленный хрип вперемежку с каким-то жалким свистом.

- Назови меня папой - отпущу! - зло прорычал Артём, немного разжав руки на горле у одноклассника, чтобы дать ему говорить. - Скажи: батюшка, сжалься надо мной!

Но Игорёк уже был в обмороке.

Выйдя из оцепенения, школьники стали вырывать у Артёма жертву. Но тот, вконец озверев, стал беспорядочно колотить мальчишку в лицо, шею, грудь. Он бессознательно вымещал все накопившиеся обиды на совершенно безвинном по отношению к нему человеке, никогда не принимавшем участия в групповых издевательствах над ним. Единственная вина Игорька была в том, что он был слабее всех...

Отрезвление пришло лишь с пронзительным криком одной из девчонок: «Нина Сергеевна идёт!»

ГЛАВА 4

Артёма едва не выгнали из школы. Когда белая от страха учительница повела его к директору, тот - грузный, лысый и эмоциональный мужчина - рвал и метал, едва удерживая себя от соблазна ударить зарвавшегося школьника.

- Зачем ты душил его, негодник?! Что он тебе сделал?! Объясни мне свой гнусный поступок! - орал директор, схватив Артёма за воротничок.

Мальчик стоял, потупив голову и стиснув зубы. Что было ему сказать? Поймут ли его? Ни директор, ни учителя не знали о постоянных издевательствах одноклассников над ним, а Артём считал постыдным рассказывать об этом кому бы то ни было, даже матери. Да и сам он вряд ли смог бы толком объяснить мотивы своих действий.

- За ним глаз да глаз нужен - этот человечек крайне опасен! - директор никак не успокаивался, тряся Артёма. - На вид - словно Богом обиженный, а на самом деле пальца ему в рот не клади... Не будь сиротой, вышвырнул бы из школы...

После инцидента Артёма взяли на учёт в отделе по делам несовершеннолетних городской милиции. Раз в неделю к

нему домой приходил участковый с толстой папкой под мышкой - проводить профилактические беседы. Это был высокий лейтенант с изъеденным оспой лицом. С полчаса он нудно читал статьи из уголовного кодекса, разъясняя, чем чревато нарушение закона. В паузах между чтением он назидательным тоном вставлял своё, типа: «Ну и поколение нынче пошло! А ведь все беды от непослушания взрослых...» Или же: «Закон - страшная сила, братец. Дружи с ним и никогда не иди против: сломает, как соломинку».

Потом он пил чай с вареньем, который неизменно подавала мать, и, раздобрев, дружески хлопал перед уходом Артёма по плечу.

- Ничего, не всё ещё потеряно. Мы сделаем из тебя настоящего мужчину, - говорил он что-то наподобие этого, заговорщически подмигивая своему подопечному.

Мальчик инстинктивно боялся и недолюбливал участкового - от него исходили грубая сила и непонятная угроза. Артём чувствовал фальшь в его словах и позах. Особенно его раздражало то, как милиционер держал чашку с чаем - подчеркнуто отставляя мизинец (по всей видимости, он считал это хорошей манерой).

После ухода участкового мать беззвучно плакала. «Людям в глаза смотреть стыдно. Был бы у тебя отец толковый - не рос бы таким непутёвым. Лучше бы он погиб на фронте, тогда хоть уважали бы», - тихо причитала она.

Тем временем в классе Артёма уже не трогали. То, что им занялась милиция, окружило мальчика неким таинственным ореолом. Если раньше Артём был всего лишь «белой вороной», то теперь он стоял как-то особняком. Лишь Марат и Славик по-прежнему смотрели на него свысока, но теперь редко когда задевали его.

Сам Артём начал некий тайный эксперимент над собой. Во время летних каникул он упросил мать купить гантели и эспандер, старательно упражнялся с ними по несколько часов в день. Результаты не заставили долго ждать себя - Артём менялся на глазах: подтянулся, нарастил мускулы, которые выставлял напоказ при всяком удобном случае. Появился и

форс. Теперь на уроках физкультуры он мог позволить себе позлорадствовать над теми, кого опережал в беге или перепрыгивал. Полусознательно, полуинстинктивно мальчик выработал для себя следующее жизненное кредо: покорно снеси пощечину от тех, кто явно сильнее, но не прощай, а лишь отступи и выжидай своего часа - случай отплатить той же монетой непременно представится; к тем же, кто слабее, не проявляй снисхождения и подчеркивай каждый раз, каждую минуту и каждый миг своё превосходство.

В классе он вскоре выбился в середняки и уже стучался в дверь к «атаманам»...

Только одно Артём никак не мог преодолеть в себе - болезненной робости перед противоположным полом. Даже потом, в старших классах, сядет бывало на школьных вечеринках где-нибудь в углу, не танцует, не веселится, наблюдая с тайной завистью за раскованными и развязными одноклассниками. «Куда деть свои руки, как двигать туловищем и ногами, чтобы это не выглядело комично, чтобы не стать посмешищем», - эта проблема донимала Артёма.

Если же кто-либо из девчонок ненароком пытался разговорить его, то он помимо воли ещё больше замыкался в себе, чувствуя, как весь наливается какой-то свинцовой тяжестью, сковывающей все движения, делающей его крайне неловким и неуклюжим. Тогда Артём боялся шевельнуться, чтобы вдруг не опрокинуть стакан с соком или кофе. Пару раз его безуспешно приглашали на «белый танец». «Ты слишком положительный, Артём, а это - неинтересно», - не без иронии говорили девчонки.

По возвращении домой Артём запирался в своей комнате и, включив музыку, танцевал. Он чувствовал, что получается не хуже, чем у многих из одноклассников. Но на следующий день всё повторялось: он краснел, когда вынужден был спросить что-то у одноклассниц, презирал себя за это, но был бессилен сделать с собой что-нибудь...

Порой Артём тихо влюблялся, однако держал своё чувство в себе, боясь, как бы кто не узнал об этом. И если кто-то из ребят ненароком отзывался о предмете его любви плохо или,

наоборот, с симпатией и интересом, то он также тихо, но всерьёз обижался на него...

ГЛАВА 5

Мальчишеское ехидство - вещь жестокая и коварная...

Однажды на большой перемене Славик, скривив губы в злой ухмылке, издевательски бросил при всех Артёму в лицо:

- Что, этот мент всё ещё ходит к твоей матери?

- Он ко мне ходит, а не... - взрыв убийственного мальчишеского хохота прервал Артёма на полуслове.

Тут до него дошёл подлинный смысл слов одноклассника. Артём стоял как громом поражённый. Во всём его облике, в позе с растерянно раскрытыми ладонями безвольно повисших рук стоял немой вопрос... Когда ему было годика четыре, он придумал для себя такую игру: прикроет ладонями глаза и внушит себе, что спрятался от всех и никто не видит его, так как сам не видит других. Теперь Артёму хотелось сделать то же самое, чтобы не видеть бессмысленно-весёлые и одновременно жестокие лица одноклашек, чтобы никто не был свидетелем его замешательства.

Во время урока в памяти невольно всплывали подробности последних визитов участкового. Не раз после обычных назиданий и нравоучений его отправляли погулять во двор. Артём тогда был уверен, что, оставшись наедине, взрослые всё ещё говорят о нём и его проступке, ломая головы над тем, как наставить его на правильный путь. Его даже не насторожило то, что, придя однажды со школы раньше обычного, нашёл дверь запертой. Он постучал кулаком, затем потянулся к кнопке звонка. Никто не откликался, и Артём уже спускался во двор, когда дверь отворилась.

- Ой... а мы тут заговорились, сынок, - механически, нервным движением мать поправляла причёску. - Что ж ты так рано?.. Учительница заболела?.. Случилось что?.. - она задавала один вопрос за другим, стараясь скрыть своё волнение, на которое, впрочем, Артём тогда и не обратил внимания.

В комнате сидел участковый с красным рябым лицом.

- Вот... дядя Карен хочет устроить тебя в секцию по

баскетболу... Зашёл узнать наше мнение... - как-то сбивчиво объясняла мать.

Теперь Артём догадался, почему тогда на столе в гостиной отсутствовала толстая кожаная папка, которую милиционер в обычные свои, «официальные» визиты неизменно приносил с собой. И почему в самом участковом что-то было не таким, как раньше, и выглядел он скорее провинившимся мальчишкой, а не блюстителем порядка...

Придя со школы, Артём бросил сумку на диван и крикнул матери на кухню:

- Вырасту - стану милиционером и буду делать всё, что захочу.

Мать отложила посуду и подошла к нему. На Артёме не было лица.

- Что с тобой, сынок? Ты нездоров?.. - мать хотела приложить тыльную сторону ладони ко лбу Артёма, но тот резко отвёл её руку.

- Почему именно мой папа должен был бежать?.. Он был слабее и трусливее других?.. - спросил Артём, не глядя в сторону матери.

Она старалась не выдать своего волнения.

- Не все рождаются героями, сынок.

- А милиционер твой - герой? - наконец Артём взглянул, а точнее, вцепился взглядом в мать.

Та вдруг вся съёжилась и в бессилии опустилась на диван... Она, несомненно, знала о кривотолках, связанных с посещениями участкового. Но к такой реакции со стороны маленького Артёма не была готова.

- Что-то не узнаю тебя, сынок... А ну-ка, присядь, поговорим.

Артём бросил матери ещё что-то гневное и ушёл к себе, хлопнув дверью. Он чувствовал щемящее одиночество. Там, где немного раньше было родное, единственно родное существо, образовалась некая гнетущая пустота. «Теперь у меня нет и матери», - он упал ничком на свою кровать, стиснув подушку.

У женщины всё плыло перед глазами. Да, у неё была связь

с участковым, но она до сих пор удивлялась, как всё это получилось. Что было это? Сдерживаемый долгие годы женский инстинкт, разорвавший вмиг свои узы, или же подсознательное стремление найти хоть какую-то опору для себя и ребёнка?..

Участковому было давно уже за тридцать, однако он всё ещё ходил в холостяках. Однажды, отправив Артёма в соседнюю комнату за дневником, он взял дрожащую ладонь женщины в свою холодную руку и заглянул ей в глаза. Арине, матери Артёма, не понравился этот взгляд - в нечистых, отливающихся желтизной глазах было одновременно что-то требовательное и жалкое, нищенски-просительное. Карен вполголоса жаловался на своё одиночество, холод в душе, и ей казалось, что если откажет, то этот большой мужчина заплачет, как ребёнок. Она испугалась, но ещё больше пожалела его. Однако это противоречивое, примешанное с гадливостью чувство стало началом той непродолжительной связи, о которой сейчас Арина вспоминала с глубоким стыдом.

Участкового вскоре перевели на другую работу, и он навсегда исчез из жизни этой несчастной женщины.

ГЛАВА 6

Уже в шестом классе у Артёма появилось навязчивое желание стать юристом. Своим пытливым умом Артём пришёл к выводу, что, имея статус юриста, можно распоряжаться Правом так, как заблагорассудится, что можно совершать всякие правонарушения и даже самые гнусные преступления, формально не переступая черты закона, что Право всегда оставляет в себе нишу для безнаказанности - просто нужно уметь искусно пользоваться им. Живым тому примером был рябой милиционер, образ которого преследовал Артёма всё его детство и отрочество. Кто мог предъявить формальное обвинение в аморальности этому скользкому типу, который по роду своей деятельности и профессиональному долгу обязан был удерживать людей от неверного шага и наставлять их на правильный путь... И не

удивительно, что где-то на задворках сознания Артём держал в качестве запасного варианта и карьеру человека в погонах, пусть и милиционера. Причем, в погонах с большими звёздочками, потому что, чем больше размер звёздочек (Артём знал по циничным разговорам взрослых), тем больше они защищены Законом и тем безнаказанней они могут нарушать его.

В восьмом классе Артём стал исподволь готовить себя к поступлению на юридический факультет. Школьный курс по правоведению явно не удовлетворял его, и Артём тайком от одноклассников ходил в городскую библиотеку читать энциклопедии и специальную литературу по юриспруденции.

Порой он позировал перед большим зеркалом у себя в комнате, изображая судью. Артём читал воображаемому подсудимому обвинительную речь, вырабатывая внушительный голос и дикцию. «Я поставлю себе на службу карающий меч закона. Вот тогда буду решать вопросы!.. Вот когда кое-кому придётся несладко!» - убеждал он себя.

Наконец подоспели выпускные школьные экзамены. Артём сдал их на «хорошо». Вручая ему аттестат зрелости, директор, успевший изрядно постареть, но не позабывший эксцентричной мальчишеской выходки Артёма, спросил, не скрывая недоброжелательности:

- Кем собираетесь стать, молодой человек?

- Юристом! - без тени сомнения ответил Артём.

- Ба!.. - удивление директора было неподдельным. - Не слишком ли вы высокого мнения о себе?.. Что ж, удачи...

ГЛАВА 7

Удача не отвернулась - Артём поступил! К тому же не в своём городишке, а в большой столице - в госуниверситет!

Правда, не всё шло гладко, и ему пришлось изрядно переволноваться. С самого начала многие вообще отговаривали ехать - «куда, мол, со свиным рылом да в калашный ряд: тамошние «тузы» давно уже все места для своих детей забили».

Артём поехал, несмотря на уговоры, впрочем, мало веря в

свои шансы. Сдав первые два экзамена по специальности на «удовлетворительно», он чуть не провалился на сочинении. Выбрав свободную тему «Моя милиция меня бережёт», Артём слишком утрированно расписал миссию представителя правоохранительных органов в обществе. Вначале он стал рисовать патетичный образ героя-красавца, готового в одиночку ринуться в бой с организованной преступностью. Но в тот момент, когда нужно было перейти к действию и показать своего героя в деле, Артём неожиданно стал разоблачать его - «мента», «взяточника», «труса», «прелюбодея»...

Старый профессор с огромными очками, лезущими на низкий лоб, нудно выражал недовольство, приправляя свою речь едкими нравоучениями:

- Логика, конечно, интересная и изложение пикантное, но в целом ваш опус ни в какие ворота не лезет... К тому же всё это страшно неграмотно. Я имею в виду неграмотность, а если точнее, невежество с профессиональной точки зрения, неверность жизненной позиции, с которой вы смотрите на вещи. Короче говоря, вы - циник, молодой человек. Циник чистейшей воды - хотите и рыбку съесть и на кол не сесть! Вы не понимаете правды жизни, и с такими взглядами вам нет места среди юристов, - под конец профессор почти насмехался над незадачливым абитуриентом. - И всё же мне жаль вас с вашей порочной философией - по крайней мере вы были искренни. Берите вашу вымученную «тройку» и благодарите Бога, что я сегодня добрый... Но знайте, по конкурсу вы наверняка не пройдёте.

Не дожидаясь объявления окончательных результатов, Артём вернулся домой, как казалось ему, на щите и без меча. Он уже перестал мечтать о поступлении, будучи уверенным, что сорвётся по конкурсу...

Третий день юноша не выходил из своей комнаты. На душе было муторно. Перед мысленным взором вереницей проходили все обиды школьной поры, доставляя новую боль и досаду. «Я не такой, как все, - он словно делал для себя открытие каждый раз, когда на него нападала хандра. - Почему у других всё получается легко и естественно? Что

знают они такого, чего не знаю я?.. Когда кончатся все эти назидания и наставления на путь истины, которые лишь вводят в заблуждение и ещё больше запутывают?!»

Сейчас, как и когда-то в школе, Артём не мог понять, почему, говоря правду, во всяком случае, ту, в которой сам лично был убеждён, неизменно становился предметом насмешек и издевательств. «Выходит, обществу, и не только детям, но и взрослым, правда не нужна?» - он вновь ощущал себя «белой вороной», и безысходность, словно яд, медленно парализовывала его мысли и чувства.

Ко всему прочему, Артём был подавлен перспективой военной службы - нескончаемой, в его понимании, череды унижений и притеснений. Он предощущал гнетущую атмосферу унылой в своём однообразии казармы с назойливо-дотошным старшиной, озверевшими под конец службы «дедами»...

Но судьба распорядилась по-иному, подкинув Артёму счастливый билет.

ГЛАВА 8

Не веря в Бога (как малыш не подозревает о существовании, пусть и в прошлом, своего прадеда, так зачастую и взрослый человек не догадывается о существовании Бога), Артём искренне верил в Случай, который иной раз неожиданно улыбался ему. Вот и теперь фортуна вдруг оказалась на его стороне - Артёма приняли в университет: среди почти десятка набравших равное количество баллов предпочтение отдали ему как единственному абитуриенту «из провинции».

Какое-то восторженное и вместе с тем боязливое чувство - чувство ожидания чего-то незнакомого, доселе им не изведанного, охватило Артёма, когда его, едва сошедшего с автобуса с огромным старомодным чемоданом и стопкой не поместившихся в нём книг, окатила мощная волна жизни большого города.

Узковатые панели улиц кишели людьми. Словно муравьи в

большом муравейнике, горожане сходились лицом к лицу, иногда сталкивались друг с другом, но молча, словно не замечая визави, обходили друг друга. Каждый был занят собой, своими заботами и проблемами, обращая внимание на других постольку, поскольку это ему было необходимо.

Безразличие людей и полное отсутствие знакомых не пугало Артёма. Наоборот, это освобождало от пут множества условностей, характерных для маленького города - никто не лез в душу, не приставал с советами и просьбами, настырно не приглашал сходить с ним куда-нибудь. Артём предпочитал оставаться незамеченным, растворившись в толпе, не ждал и не желал помощи от кого-либо, лишь бы не мешали. Он направился к невзрачному частному домику неподалеку от университета, где останавливался во время вступительных экзаменов. Комната, которую Артём снял, поражала своей убогостью. Она была карикатурна: три на два метра прогнившего пола с щелями, куда спокойно можно просунуть палец, голая железная кровать, стул, развалившаяся тумбочка с хламом внутри, оставшимся от прежних съёмщиков, потрескавшаяся от сырости грубая штукатурка стен, местами покрытых плесенью. Фанерный потолок почти касался макушки головы Артёма, а дверь не запиралась - на ней и вовсе не было замка. Тем не менее другого выбора у новоиспечённого студента практически не было: через два дня начинались занятия и нужно было срочно обзавестись хотя бы временной крышей над головой.

Хозяйку, сгорбившуюся под тяжестью лет маленькую старушку с живописно крупным носом, Артём подкупил своей солидностью и «взрослостью суждений». В обед она принесла ему жареный куриный окорок и маленькую банку варенья.

- А ты, я вижу, уже устроился: вещи разложил и даже прибрался, - кряхтя и жалуясь на свою немощь, говорила она, заглядывая совсем не вяжущимися с её дряхлостью живыми глазами в каждый уголок, словно искала там кого-то.

Она похвалила Артёма за аккуратность и вдруг неожиданно произнесла:

- Надеюсь, молодой человек, женщин домой приводить не будешь.

Артём даже покраснел от смущения и не нашёлся, что ответить.

- Я никогда не сдаю комнату девицам - пусть лучше она пустует. Все беды в этом мире исходят от женщин, - старушка тяжело повернула голову, плутовато посмотрев на Артёма снизу вверх.

Артёму показалось, что она даже подмигнула ему.

- Если хочешь добиться чего-либо в жизни, обходи этих тварей стороной. Завлекут тебя всяческими хитростями в свои сети, век не выпутаешься.

Слова старушки-женоненавистки долго не давали Артёму заснуть - он был в том возрасте, когда простое слово могло окрылить или, наоборот, сразить наповал. Не ведая того, это, давно уже изжившее свой пол и потому, наверное, ополчившееся на женщин существо, задело юношу за самое больное место. Артём никогда не пользовался успехом у противоположного пола. Назвать его красивым и даже просто симпатичным было нельзя - он принадлежал к тому типу людей, черты лица которых с первого раза не запоминаются. Он был не красив и не уродлив, однако казалось, что на лице у него чего-то не хватает. Главное - у него не было выразительного взгляда, более того, глаза немного блуждали, как у подвыпившего.

Между тем венцом желаний Артёма (он стеснялся признаться в этом самому себе) было познание женщины, которая незримо присутствовала во всех его юношеских грёзах. В свои восемнадцать он никогда не целовал девушку, никогда не дружил с ней и стыдился этого, а ещё больше боялся, что кто-то узнает об этом.

Артёму казалось, что познание женщины произведёт революцию в его жизни, возведя в новое качество, без которого невозможны полноценное мировосприятие и верная ориентация в различных ситуациях, перипетиях жизни. Он был уверен, что тогда всё будет выдавать его - твёрдый взгляд, особый тембр голоса, новые, более солидные манеры... Вместе с тем Артём был серьёзно озабочен отсутствием близкой перспективы сближения с противоположным полом. Делу,

как мы уже знаем, мешала его природная, почти патологическая стеснительность. Артём опасался, что этот недостаток серьёзно навредит ему в жизни, помешает занять достойное место в обществе, продвигаться по служебной лестнице. И он поклялся себе перебороть во что бы то ни стало болезненный синдром...

ГЛАВА 9

По вечерам, лелея надежду на романтическое знакомство, Артём выходил гулять по городу. Особенно манила его площадь с поющими, переливающимися огнями фонтанами, где с наступлением сумерек собиралось много молодёжи. В основном это были влюблённые парочки или ловеласы-одиночки, жаждущие приключений. Артём не без волнения наблюдал, как тот или иной Дон Жуан непринуждённо подходил к совершенно незнакомой девушке и, отпуская фривольные шуточки, делал ей загадочные предложения. Нередко девушка принимала предложение своего случайного ухажёра, и новоиспеченная парочка садилась на скамейку у фонтана или углублялась в аллею...

В своём родном городке Артём был наслышан о вольных столичных нравах, однако многое в лёгких и откровенно фальшивых взаимоотношениях молодых людей удивляло и поражало его, одновременно вызывая какое-то тоскливо-завистливое чувство. Наблюдая происходящее, Артём негодовал на себя и своё неумение держаться легко и непринуждённо - сидящий в нём комплекс, словно лезвие гильотины, разом отсекал волю, когда он, мучимый неодолимым желанием познакомиться, сблизиться с кем-то, уже готовился сделать шаг.

Пока Артём копался в себе, проклиная себя за слабость и нерешительность, мимо прошла парочка. Впрочем, назвать их парой можно было лишь с натяжкой, так как по всему было видно, что Он и Она только знакомятся. Высокий, худой парень в цветастом летнем пиджачке шептал что-то на ушко стройной, по моде коротко подстриженной девушке. На её

раскрасневшемся лице было изображено лёгкое негодование. Смущённая смелостью своего ухажёра, она периодически одёргивала свою маленькую красивую головку, но обозначающиеся то и дело ямки на щеках говорили о том, что комплименты парня ей нравятся. Перед тем, как свернуть в аллею, парень приобнял девушку за талию... От этого Артёма словно ударило током: «Вот так - легко и красиво... А почему не я, чем я хуже?..»

Анализируя после увиденное, Артём пришёл к злому, но успокаивающему его заключению: «Женщины - кокетливые, слабые и распутные по своей природе существа. Просто нужно подобрать к ним соответствующий ключик, сыграть на нужных струнках души. Тогда перед тобой откроется ларчик со всеми спрятанными там сокровищами...»

ГЛАВА 10

Вскоре Артёму вручили студенческий билет. Началась бесконечная канитель лекций и семинаров. Десяток доцентов и профессоров и даже один известный чуть ли не на весь мир академик разом навалились на новоиспечённых студентов, давя их: кто-своими необъятными познаниями, кто - требовательностью и придирками, а кто - просто своим авторитетом.

На курсе обучалось около 40 человек. В основном это были молодые люди из респектабельных семей госчиновников и преуспевающих предпринимателей. Таких «случайных», как Артём, было раз-два и обчёлся. Однако строгие преподаватели не делали поблажек никому. Артёму приходилось часами просиживать в читальном зале, чтобы не садиться в лужу на семинарах. «В чём же прелесть студенческой жизни, о которой твердят студенты со стажем?» - недоумевал Артём.

Первым из сокурсников, с кем Артём сошёлся близко, был высокий, атлетического сложения юноша с крайне уродливым лицом. Едва завидев его в аудитории и ещё не зная настоящего имени парня, студенты прозвали его Квазимодо. Особым умом он не блистал, но был начитан и имел хорошо

подвешенный язык. Не утруждая себя записыванием лекций, Квазимодо, которого на самом деле звали Геворком, пользуясь не совсем аккуратными конспектами Артёма, очень активно проявлял себя на семинарах.

Геворк весь дышал какой-то грубой, животной энергией, переливающейся через край. Он успевал всюду, принимал активное участие во всех студенческих затеях и мероприятиях.

- Страшно даже подумать, как мало времени отпущено человеку. С того самого момента, когда мы появляемся на свет, жизнь наша, словно песок в песочных часах, неумолимо идёт на убыль - рассчитана каждая минута, каждый миг. И никто не в силах перевернуть эти часы обратно. Поэтому нужно спешить жить...

Всё это Геворк говорил с каким-то страстным, отчаянным негодованием. В такие минуты на него страшно было смотреть: некрасивое, непропорциональное лицо его вытягивалось, нижняя челюсть неестественно выдавалась вперёд, вследствие чего одна губа его кривого рта, в уголках которого всё время пенилось, наезжала на вторую, глаза же, окутанные паутиной красных прожилок, казалось, вот-вот вылезут из орбит...

Словно не замечая собственного уродства, Геворк всё время рассказывал о своих победах над прекрасным полом. Однако эта его навязчивая привычка на первых порах не тяготила Артёма. Наоборот, он слушал своего приятеля-ловеласа с затаённым интересом. Про себя же думал: «Чего же не достает мне - те же руки и ноги, та же голова на плечах, а черты лица гораздо эстетичнее?.. Он что, из другого теста?»

- У тебя нет «движения», а девчонки любят активных и дерзких, - словно отвечая ему, воодушевлённо говорил Геворк, косясь одним выпученным глазом. - С ними не стоит цацкаться - к чёрту всякие церемонии! Для начала выбирай самых некрасивых - те податливей... Сделал небольшой подарок, вроде букета цветов или флакона духов, и вперёд - смело требуй взамен любви!.. Если хочешь взнуздать женщину и отучить её брыкаться, скорей ложись с ней в постель и попытайся найти её самую эрогенную зону: у кого-то это -

грудь, у кого-то - живот или подмышки, а у кого-то - подошва ноги. Бери её языком - в прямом и переносном смысле. Женщины любят ушами, но ещё больше любят, когда их лижут. Главное - не брезговать...

Геворк вдруг отогнул ворот сорочки и показал большое лиловое пятно.

- Посмотри, никак не отойдёт! - сказал он, многозначительно посмотрев на Артёма.

Он уверял, что это след от страстного поцелуя, несколько дней подряд показывал синяк однокурсникам и знакомым студентам из других курсов до тех пор, пока тот наконец не исчез.

«Как можно любить такого, да ещё с таким жаром? - искренне удивлялся Артём. - Задавался ли он вообще когда-нибудь вопросом - что думает о нём партнёр, приятен ли он или вызывает отвращение? Или всё ему до лампочки?»

Сам Геворк, конечно же, в полной мере осознающий своё уродство, тем не менее без тени иронии и на полном серьёзе говорил:

- Эх, вот раскрутился бы, будь у меня товарный вид!.. Но лучше быть колоритным уродом, чем пресным и вялым красавцем. Есть у меня на филфаке знакомый - он почти единственный на курсе самец среди восьмидесяти девиц. Но до сих пор ни одну не «заклеил»... Представляешь?! Будь я на его месте, каждый день по одной домой бы водил...

Принимая по своей неопытности россказни сокурсника за чистую монету, Артём не догадывался, что Геворк очень часто шёл на всевозможные хитрости и унижения, чтобы «уломать» девиц, а когда добивался своего - бахвалился этим, явно приукрашивая свои приключения и отпуская многие обидные для себя подробности. Тем самым он подавлял в себе комплекс, связанный с внешним уродством.

ГЛАВА 11

Хотя в глубине души Артём и завидовал своему ушлому товарищу, надоедливые наставления последнего задевали его самолюбие. Он всё ждал с ужасом, что Геворк вот-вот спросит его - а бывал ли он вообще с женщиной? Но тот не делал этого, видимо, и не подозревая по своей испорченности, что в таком возрасте можно быть девственником.

После общения с Геворком Артём чувствовал себя ещё более беспомощным, всё явственнее ощущая магическую силу женского начала над собой, патологическую зависимость от него и даже страх. При случайном разговоре с женщиной он весь мялся, скукоживался, как это бывало в школьную пору...

Было очевидно, что подобная асимметричная дружба между Артёмом и Геворком долго длиться не могла. И повод для разрыва недолго заставил себя ждать.

- Проснись, не спи как в ухе у верблюда! Возьми движение в свои руки, назначай свидание сразу нескольким девицам - одна из них непременно придёт, - как всегда горячо и вычурно поучал Геворк Артёма, но вдруг осёкся и, призадумавшись, воскликнул:

- Слушай, идея! Могу я иногда пользоваться твоей хатой?

Артём не сразу понял, о чём речь. А когда до него дошло, пробурчал что-то невнятное, что Геворк принял за «да».

- Договорились! В случае чего идём к тебе. И как я раньше не догадался?!

Вечером третьего дня Геворк действительно привёл на «хату» к Артёму девицу. Всё в ней выдавало дешёвую уличную проститутку - низенькая, с короткими, толстоватыми ножками, неопрятная и развязная. Первое, что спросила девица, даже не поздоровавшись с Артёмом, было: «Где находится та грустная комната?»

Геворк с видом знатока «перевёл» опешившему Артёму её иносказательную речь:

- Ей в туалет приспичило.

Затем отпустил сальную шутку, от чего девица разразилась глухим смехом, перемежающимся с кашлем.

Артём вышел, оставив их одних. Сев поодаль на скамейке, он с волнением прислушивался к шорохам и едва внятным звукам, доносящимся с той стороны двери. Минут двадцать спустя Геворк вышел. Из одежды на нём были только штаны, держащиеся на одной тесьме подтяжек, по-пижонски перекинутой через голое плечо. Другая тесьма безвольно свисала. Лениво потянувшись, Геворк процедил сквозь жёлтые, испорченные табачным дымом зубы:

- Хочешь сам?

Артём промямлил что-то.

- Ты что схиму принял? Не будь растяпой, сейчас я договорюсь за тебя...

Артём попробовал остановить его, но тот стряхнул его руку со своего могучего плеча и скрылся за дверью.

Вскоре Геворк появился и почему-то торжественно заявил:

- Ни в какую, зараза! Устала, говорит...

Потом прошептал Артёму на ухо:

- Да и не в обиду тебе будет сказано, всем подряд не отдаётся. За кого, говорит, принимаете меня? Признаюсь, сам еле уломал!

На самом деле Геворк насчёт Артёма с девицей и не говорил. Вся эта комедия была разыграна им с целью подчеркнуть своё превосходство над товарищем и в расчёте на то, что тот расскажет сокурсникам и знакомым об очередной его победе.

Впоследствии Геворк несколько раз возвращался к этому фальшивому эпизоду с отказом девицы, с напускным сочувствием советуя Артёму не отчаиваться...

- Все они такие стервы! Общаясь с ними, нужно держать в одной руке пряник, а в другой - кнут. Причём, один пряник должен чередоваться с двумя ударами кнута... А ты у нас мягкий, потому и не получается.

Узнав, что о «неудаче» товарища Геворк рассказал и сокурсникам, Артём молча отошёл от него.

Но обида и боль от посыпанной на открытую рану соли долго ещё преследовали его.

ГЛАВА 12

Тем временем подоспела первая экзаменационная сессия. Артём успешно сдал зачёты и два экзамена - по истории и теории права. Домой он не поехал, решив в короткие каникулы отойти от экзаменационной лихорадки, хорошенько отоспаться, расслабиться. Позвонил матери, попросив выслать до стипендии немного денег.

По вечерам Артём направлялся в ближайший бар, заказывал большую кружку пива и пару пирожков с мясной или картофельной начинкой. Пил он медленно, смакуя каждый глоток. По мере поглощения пива какое-то удовлетворение и во многом ещё не понятная радость росли в нём, словно на дрожжах, переполняя душу. Всё кругом, казалось, улыбалось ему, и он искренне удивлялся, как ещё минуту назад можно было огорчаться по различным пустякам и не наслаждаться вовсю жизнью. Окружающие были ему симпатичны: и усатый бармен за прилавком, и не в меру накрашенная и грубоватая официантка, которая теперь казалась ему верхом вежливости и предупредительности, и даже оба обросших и шумных, вечно вдрызг пьяных мужика-завсегдатая в углу бара. «Что мне до них, пусть шумят и матерятся, раз им так хочется. Главное - я счастлив, и они не мешают и не могут помешать моему счастью...»

Каникулярная неделя пролетела незаметно. Завтра снова начиналась канитель лекций и семинарских занятий. Последним днём свободы Артём решил воспользоваться сполна. Когда он опорожнил второй бокал, официантка подошла и уставилась на него с выжидательной, хитроватой улыбкой. Она показалась уже достаточно пьяному Артёму не только привлекательной, но и доступной. Он решил немного пококетничать с ней, перебирая в памяти все подхваченные во время вечерних прогулок по городу обрывки фраз влюблённых пар. Но ничего подходящего на ум не приходило, и он заказал ещё одну кружку пива, надеясь, что она, наконец, развяжет ему язык.

«Сегодня непременно что-то должно произойти, - внушал

он себе, с томленьем глядя на пышный, туго обхваченный форменным халатом бюст официантки. - Идея завоевать мир у Гитлера и его сообщников возникла именно в пивной. У меня амбиции поскромнее... Хотя, говорят, завоевать женщину порой сложнее, чем целый мир...» - чтобы не отрезветь, Артём отогнал от себя мысль о том, что в действительности обе эти задачи для него почти в одинаковой степени трудно-решимы.

И именно сегодня он решил наконец близко познакомиться с женщиной.

ГЛАВА 13

Артём рассчитался, выложив почти весь остаток своих скудных сбережений. Выходя, он бросил многозначительный взгляд на официантку, с которой так и не разговорился.

Природа уже дышала весной, обаянию которой мягкая и бесснежная зима легко и охотно поддавалась. Воздух был не по-февральски тёплым и ласковым. Артём перешёл улицу и ступил на аллею, протянувшуюся по правую сторону станции метро «Молодёжная».

Из рассказов Геворка он знал, что по вечерам здесь промышляют девицы лёгкого поведения. Но Артём не собирался тратиться на проститутку, пусть и совсем недорогую. К тому же он был в плену своих амбиций, и лёгкая добыча не прельщала его. Юноша жаждал борьбы и сопротивления, сломив которое навсегда утвердил бы внутреннюю свою власть над Женщиной. Три кружки поглощённого пива подбадривали его. Артём сел на скамью в глубине аллеи и стал высматривать свою будущую жертву.

Скучающая по настоящей весне и любви молодёжь прогуливалась по скверу - парами, небольшими группами и в одиночку. Были и совершающие моцион перед ужином пожилые люди, иные - с собакой, наверняка единственным другом угасающей жизни, другие - наедине с самим собой, своими воспоминаниями-живыми осколками безвозвратной молодости...

Вскоре показалась и первая девица лёгкого поведения. Ей, по-видимому, было лет тридцать. Старательно раскрашенное лицо начинало чахнуть, и никакая пудра не в силах была скрыть изрезавшие его вдоль и поперёк морщины. Джинсовая мини-юбка некрасиво обтягивала раздавшиеся бёдра. Она подошла к скамейке и, не говоря ни слова, села совсем вплотную к Артёму (словно там его и не было). Артём отодвинулся и удивлённо уставился на неё. Та заёрзала, помяла сумочку и не без жеманства, делающего её более неприятной и отталкивающей, спросила, который час. Артём неохотно ответил, после чего с минуту длилась неловкая пауза. Женщина явно не решалась прямо предложить себя. Она снова заёрзала на месте и вдруг стала вытаскивать из сумочки какие-то шмотки: шорты, тенниску, два-три вычурных сувенира.

- Не купите?..

Артём покачал головой, и та молча встала и удалилась, на ходу запихивая свой нехитрый скарб обратно в сумку.

Артём мысленно лепил ту, которую ждал - одинокую вальяжную женщину бальзаковского возраста, выделяющуюся в толпе. Окружённая дымкой таинственности, она медленно и грациозно проплывёт мимо, бросив на него взгляд своих волооких глаз. Артём уловит в этом мимолётном взгляде томление и тоску. Ей, безусловно порядочной женщине, вдруг стало невыносимо одиноко, и она вышла развеять свою тоску, в глубине души лелея (как и он сам) необычное, романтическое знакомство. Артём всё больше вживался в свою мечту и почти уже осязал её. Неистово-восторженное ожидание, поощряемое ещё не ослабевшим действием алкоголя, овладело им. Такое чувство бывает, наверное, у хищника, почуявшего близость добычи.

Вдруг у него бешено забилось сердце: та, которую он так страстно воображал, действительно появилась в начале аллеи.

ГЛАВА 14

Она направлялась в сторону небольшого кафе, притаившегося в тени роскошной плакучей ивы. Первое, что Артём невольно отметил для себя - изящно очерченную линию тонкой талии и гармонично развитых бёдер. Молодая женщина села за свободный столик и заказала что-то выросшему перед ней официанту. Понаблюдав немного и убедившись, что она никого не ждёт, Артём приказал себе: «Вставай же! Действуй!»

Он встал и заставил себя сделать несколько шагов в сторону заветного столика. Откашлявшись, Артём попросил разрешения сесть на один из двух свободных стульев. Незнакомка едва наклонила голову, лишь краешком глаза посмотрев в его сторону.

Артём сел и стал изучать её профиль: невысокий, слегка напряжённый и немного выпуклый лоб, оттянутые кверху уголки больших карих глаз, нос с едва заметной горбинкой, нежные завитушки золотистых волос у миниатюрного ушка, пожалуй, чересчур тонкие, но чётко очерченные губы, чуть заостренный маленький подбородок, родинка на щеке. На всём этом лежала печать какой-то роковой скуки (во всяком случае, так показалось Артёму), что делало незнакомку загадочной и особо привлекательной. Ей можно было дать лет 28.

Официант принёс на серебряном подносе стакан оранжевого сока для женщины и уставился профессиональным взглядом на Артёма. Тот заказал кофе и стал придумывать первую фразу для знакомства.

- Скучаем? - Артём выдавил из себя нелепую по сути фразу, приложив немало усилий, чтобы она показалась естественной и непринуждённой.

Визави обернулась, посмотрев на него каким-то невидящим взглядом, словно куда-то мимо, и ответила лишь после второго вопроса:

- Вы, кажется, чем-то озабочены?

- С чего вы взяли, молодой человек? - голос её был сухим и надменным. - И какое вам вообще до этого дело?

- У вас кислое выражение лица, - Артём почему-то был уверен, что ведя себя развязно, грубо и фамильярно, сумеет если не завоевать симпатии женщины, то хотя бы внушить ей считаться с собой.

Однако та вздернула носик и отвернулась с миной негодования.

- Я, кажется, обидел вас?.. - отступать Артём не намеревался.

Не отвечая, женщина отпила сока и встала. Артём тоже встал и молча пошёл рядом с ней...

ГЛАВА 15

- Послушайте, молодой человек, вы ведёте себя как самый настоящий хам, - женщина остановилась, строго взглянув на него в упор.

- Я хочу познакомиться с вами. Меня зовут Вардан, - соврал Артём. - А вас?

- Да, отстаньте же! Я не знакомлюсь на улице с кем попало! - гневно бросила она и пошла, ускорив шаг.

Однако это ещё больше подзадорило Артёма. Вся его робость и скованность словно улетучились.

- Не стройте из себя недотрогу - знаю я вашу породу! - Артём сам удивлялся собственной развязности.

Женщина презрительно фыркнула и свернула на людный проспект.

Артём не отставал. Он попытался взять её руку, та резко отмахнулась.

- Чего вы от меня хотите? - женщина снова остановилась. Голос её теперь дрожал. - Денег?.. Вот, сколько есть... - она достала из сумочки портмоне.

- Не притворяйтесь! Вы сами прекрасно понимаете, чего я хочу, - Артём заглянул ей в глаза, словно надеясь найти там что-нибудь обнадеживающее для себя. Если бы он был трезв, то прочёл бы в них страх, примешанный с чувством гадливости. И это, может, остудило бы его.

- Отстаньте, или я позову на помощь!

Артём оглянулся. Прохожие не обращали на них особого внимания. Поблизости не было видно и стражей порядка. К тому же уже смеркалось. Он ухватил её за локоть, но тактику решил сменить, подумав, что немного лести помогут делу.

- Да поймите же, наконец, что вы - моя мечта... Живое воплощение идеала той женщины, о которой я постоянно грежу. Я понял это, как только увидел вас. Вы словно возникли из ничего - такая невесомая и воздушная, превратив этот убогий сквер в настоящий Эдем... - Артём поражался своему красноречию: слова, казалось, сами выплывали из его рта, слагаясь в пышные фразы.

- Отпустите руку, мне больно!..

- Я разомкну свою ладонь только в том случае, если получу гарантию, что синичка моя не упорхнёт...

И тут произошло неожиданное - то, на что Артём почти уже не надеялся. Женщина наконец нормально ответила ему, пусть и на сей раз с упрёком, но упрёком уже иного рода - в нём не было враждебности, сейчас говорило уязвлённое женское самолюбие.

- Значит, всё-таки синичка? - на этот раз, показалось Артёму, она взглянула на него не без любопытства.

- Нет, нет, простите, я оговорился. Вы журавль!.. Вы лебедь моей мечты!..

Артём чувствовал, что внутри что-то стремительно растёт, приближаясь к критической черте, и что оно вот-вот лопнет, подобно шаровой молнии, высвободив накопившуюся разрушительную энергию.

- А вот и наш дом... Прощайте, молодой человек, - женщина снова попробовала высвободить руку.

- Я провожу вас до подъезда, - Артём уже не слышал собственного голоса. Он, сам того почти не сознавая, силой тащил её к тёмному подъезду.

- Ну, теперь прощайте, - нервно потянулась она. - Я уже...

Артём не дал ей договорить. Больше он уже не мог сопротивляться нарастающему давлению животной страсти. Затащив женщину в глубину подъезда, он, закрыв одной рукой ей рот, другой стал рвать одежду на ней. Та отчаянно билась.

Они повалились на какой-то щит, и пока Артём судорожно добирался до её нижнего белья, в паху у него вдруг всё онемело, словно под воздействием местного наркоза, а через миг горячая струя и вместе с ней вся злая энергия выпрыснулись прочь из его взвинченного до предела организма...

Опомнившись, Артём увидел, что женщина лежит без чувств... Он вытолкнул себя из подъезда и побежал стремглав, растворившись в темноте ближайшего сквера.

ГЛАВА 16

Наутро Артём проснулся с туманом в голове. Вчерашнее казалось ему кошмарным сном, и он не хотел верить в реальность случившегося. В глубине души он всё-таки надеялся, что всё это ему примерещилось. Однако, собираясь на занятия, Артём с ужасом понял, что потерял студенческий билет, который всегда носил с собой. Он был уверен, что билет упал в подъезде во время схватки. «Его уже отнесли в милицию», - от этой внезапно появившейся мысли Артём в бессилии опустился на кровать. Он уже почти убедил себя, что стражи порядка пришли за ним в университет и, не найдя его там, вот-вот заявятся к нему домой. Артём обратно лёг в ещё не остывшую постель и зарылся в неё с головой, словно одеяло могло защитить от нависшей над ним угрозы.

Воспалённое воображение рисовало чудовищные картины. Вот его со скрученными руками ведут на глазах у изумлённой хозяйки и соседей к патрульной машине. Он тщетно пытается объяснить, что это получилось как-то само собой, помимо его воли, что во всем виновато ОНО, что он был пьян, наконец, но никто и не слушает его.

«Негодяй! Насильник! Мразь!» - слышит он за собой клеймящие, удивлённо-негодующие возгласы.

Артём свернулся калачиком и ещё глубже ушёл в постель. Ему казалось, что все вокруг уже знают о его поступке. Он явственно ощутил опасную, засасывающую пустоту вокруг себя. «А что, если она так и не пришла в чувство?» - мороз пробежал по коже.

Помучив себя и вконец обессилев, Артём заснул тяжёлым сном. Сон оказался, пожалуй, мрачнее и болезненнее, чем явь. Приснилось, что он - дома, открывает альбом, где хранились все его фотографии с детства, чтобы якобы выбрать фотку для нового студенческого билета. Но альбом - пустой, вернее, на снимках - одни чёрные пятна... Чёрные пятна вместо людей, вместо одноклассников, вместо матери, вместо самого себя - словно после большого пожара... Артём проснулся в холодном поту и понял, что серьёзно заболел.

Он не появлялся в университете почти три недели. Когда наконец переступил порог аудитории - бледный, исхудалый, с воспалёнными глазами - его немедленно вызвали в деканат.

- Молодой человек, вы, как я вижу, сожалеете, что поступили и упорно добиваетесь отчисления, - зрачки у замдекана неестественно округлились под толстыми стёклами очков (у Артёма же стали подгибаться колени). - У вас 78 часов пропуска. Если завтра же не принесёте справку, можете собирать чемоданы...

У Артёма словно гора свалилась с плеч. «Значит, о случившемся не знают!» - он почти уже не слышал замдекана, предъявляющего ему и другие ультиматумы.

Артём вышел, неся на спине тяжёлый взгляд второго человека на факультете, которого студенты побаивались больше первого. Однако на душе у него было легко. Справку он не принёс, но деканат всё-таки воздержался от крайних мер, дав Артёму шанс исправиться. Правда, некоторые преподаватели стали относиться к нему с явной недоброжелательностью, недвусмысленно давая понять «прогульщику», что сдавать экзамены будет совсем непросто.

Особенно невзлюбил Артёма прыщеватый доцент по истории Римского права. Перед началом лекции он оглядел аудиторию и остановил недоумённый взгляд на Артёме:

- Вы кто?!

- Студент... - невозмутимо ответил Артём.

- А почему мы не знакомы? Значит, вы - плохой студент...

Артём начал было возражать, что незнакомство само по себе не может служить критерием для подобной оценки, но

преподаватель резко прервал его...

- Не лезьте в бутылку, молодой человек. Вы бы ещё к самому концу семестра явились. Я не представляю, как вывернетесь на экзамене, - козлиная бородка доцента нервно затряслась.

- А почему помещение не проветрено, юноша? - перед тем, как презрительно отвести взгляд, неожиданно бросил доцент.

Надвигающаяся на Артёма невидимая угроза постепенно стала обретать контуры.

ГЛАВА 17

До сессии оставалось меньше месяца. Артём лихорадочно готовился к экзаменам, пытаясь наверстать упущенное. Он часами просиживал в библиотеке за книгами, ворошил гору литературы по римскому праву, теории государства и права, правоохранительным органам...

Артём старался не вспоминать жуткий эпизод в подъезде, но образ женщины, как наваждение, то и дело вставал перед глазами, застилая собою всё. Не оставляла также навязчивая мысль, что за ним вот-вот придут милиционеры с его студенческим билетом. Клеймя себя за слабость, Артём готов был пожертвовать многим, чтобы раз и навсегда вычеркнуть этот эпизод из своей жизни, а главное - из памяти.

«Прав всё-таки Фрейд - всё решают инстинкты. Разум и воля - ничто перед ними... А совесть что? Да, я сейчас раскаиваюсь перед угрозой и под воздействием другого, более сильного инстинкта - инстинкта самосохранения, но где гарантия, что всё это не повторится, если снова окажусь один на один с женщиной?..» - Артём невольно представил себя наедине со своей мучительницей и почувствовал, как сжимается сердце. Нет, она не отталкивала его, несмотря на тяжёлые воспоминания и пережитые страдания. Наоборот - сейчас, когда опасность отдалилась, он по-прежнему подспудно желал её и, пожалуй, с ещё большей силой...

Однажды Артём засиделся в библиотеке допоздна. Текст перед глазами расплывался, а перенапрягшийся мозг отказы-

вался воспринимать ещё что-либо. «Пора уходить», - говорил он себе, но, словно загипнотизированный, никак не мог сделать над собой усилия, чтобы подняться... Вдруг ёкнуло сердце, и предательская дрожь пробежала по всему телу - в двери читальни вошла Она! Сейчас он предпочёл бы превратиться в маленькую мышку и укрыться в ближайшей щели на полу. Она подошла и не то что с упрёком, а, скорее, с досадой, но добродушно и незлобиво спросила:

- Что ж вы, господин студент, заставляете так долго ждать себя. Я думала сами придёте, попросите прощения.

Артём чувствовал себя кроликом, парализованным взглядом удава.

- Вы боитесь меня?.. Вы думаете, что я испорчу вам жизнь? Откровенно говоря, найдя на следующее утро ваш студенческий билет рядом с моей разбитой косметичкой, я решила заявить на вас в милицию. Но пожалела - вы так молоды, и, признайтесь, никогда не общались с женщиной...

Артём залился густой краской. Он не смел поднять голову и взглянуть на свою мучительницу.

- Я не держу на вас зла, но запомните, цинизм, которым вы так опрометчиво вооружились, копьё обоюдоострое и рано или поздно пронзит вас же насквозь. Не зарьтесь на чужое, не хватайте то, что не принадлежит вам, а с женщинами ещё успеете наладить отношения, - она засмеялась коротким смешком...

- Проснитесь же! - почему-то вдруг сказала она совершенно другим голосом и, легко коснувшись его плеча, исчезла, растворилась в воздухе.

Артём очнулся. Над ним стояла библиотекарша:

- Закрываемся, молодой человек. Вы спите уже четверть часа. Не стоит надрываться - гранит науки ещё успеете перегрызть.

Артём посмотрел на часы - стрелки показывали начало десятого. Под впечатлением сна он добрёл до своей комнатушки. Ему нездоровилось, он снова заболел и слёг. Два дня его лихорадило. Всё мерещилась Она. Артём порой не мог понять, во сне это или наяву. Встанет обычно у изголовья и молчит... Артём

знал, что она там, но боялся обернуться и посмотреть на неё.

«Лучше бы прямо в сквере дала мне пощёчину, тогда не было бы всего этого!» - сердился на неё Артём...

А однажды Она взяла его за руку и стала нащупывать пульс. Затем вдруг позвала его знакомым ему с момента появления на свет голосом. Артём открыл глаза и увидел... мать. Впервые во взрослой своей жизни он заплакал. Плакал не от нежности к матери и долгой разлуки с ней. Артём плакал от жалости к самому себе, как ребёнок, тянущийся за защитой к взрослому в минуту опасности.

«Сердцем чуяла, сынок, неладное...» - утирала сыну слёзы мать.

ГЛАВА 18

До экзамена теперь оставались считанные часы. Понимая, что не в состоянии учить ещё что-либо, Артём отложил конспекты в сторону. Голова его, словно мусорная корзина, была набита лоскутами всевозможных древних и современных теорий, из которых практически невозможно было собрать что-то цельное. Снедаемый мрачными предчувствиями, он заснул лишь к утру, а проснулся с пудовой гирей на плечах вместо головы.

Артём не сразу решился войти в экзаменационную, когда подоспела его очередь.

- Заставляете себя ждать, молодой человек? - изрядно потрёпанный профессор по теории государства не скрывал своего раздражения. - К экзаменам, надеюсь, подготовиться успели... Тяните билет.

Артём взял билет и механически, не слыша собственного голоса, назвал его номер, сел за парту и стал искать в ворохе обрывочных знаний - закономерном итоге бессистемно-лихорадочного чтения - нужные слова и фразы.

Первый вопрос по теории Руссо о государстве Артём кое-как осилил. Но при ответе на вопрос о позитивном праве экзаменатор ловко поставил Артёму подножку, потребовав объяснить, «в чём заключается суть соответствия между

позитивным правом и правовым чувством граждан». Артём промямлил что-то, сам до конца не понимая собственных слов, на что профессор сокрушённо покачал головой и задал дополнительный вопрос - что такое «автократия»? Артём перепутал её с «олигархией».

- У вас всё трещит по швам, - торжественно произнёс профессор-экзекутор. - Придёте на переэкзаменовку в конце лета. А пока - «неуд».

Он размашисто расписался у себя в ведомости, протянув с победным видом Артёму так и не раскрытую зачётку.

Через несколько дней Артём получил «неуд» и по Римскому праву от доцента с козлиной бородкой, а на третий экзамен и вовсе не явился...

ГЛАВА 19

«Ну вот, юрист со средним образованием, - иронизировал сам над собой Артём, упаковывая чемоданы. - Чему быть, того не миновать - будем надеяться, что всё к лучшему. И великих людей по странной прихоти Случая отчисляли из университетов, но Время расставляло всё по своим местам. Лишь бы Случай не вывел из игры раньше срока».

Артём ехал не домой. Он не хотел снова предстать побитым мальчишкой перед одноклассниками и знакомыми, помнившими его изгоем и неудачником. Ещё более он не желал возвращаться неким блудным сыном к матери, которой к тому же не простил связь с милиционером.

«Родители вечно врут своим детям, а сами требуют взамен честности и открытости», - мучил он заочно мать во многом утрированным упрёком.

Артём решил долго ещё, во всяком случае, в ближайшие восемь-десять лет, не появляться на родине. Такое решение возникло у него не в одночасье. Он часто задумывался над тем, почему отец уехал навсегда, порвав одним махом всё, что связывало его с родиной, семьёй, прошлым.

«Наверное, ему было известно что-то такое, чего не знают

другие? - гадал Артём. - Родина, патриотизм - высокие, но пустые слова. Где хорошо - там и родина!»

Ход его мыслей постепенно принимал конкретное направление: «Дальше, дальше от тех людей, кого я знал и кто знал меня: они, и даже память о них тянут меня назад, к прошлому... Я сделаю блестящую карьеру вдали от родины, чего бы это мне ни стоило, вернусь когда-нибудь в высоком чине, и заставлю всех уважать меня».

Артём решил податься в Россию, надеясь, что на её необъятных просторах легче будет найти работу и продвигаться по служебной лестнице. Он обнадёживал себя и тем, что справка о годовом юридическом образовании поможет ему устроиться в правоохранительные органы.

«Где-нибудь на севере страны, где оторванность от цивилизованного мира и лютые морозы компенсируются «горячим стажем», за десять лет можно достичь таких чинов, которые другим будут стоить полжизни», - Артём представил себя статным, энергичным полковником, только голову чуть припорошило, но это лишь придаёт солидности.

Он позвонил матери, соврал, что едет на студенческую практику.

«Ничего, поймёт и простит», - успокаивал он себя.

ГЛАВА 20

Итак, придя в себя после первого крупного провала, Артём решил стереть из своей памяти неудачу, перечеркнуть всю свою прошлую жизнь и начать всё сначала. Он чувствовал в себе готовность ради достижения цели использовать все средства, терпеть всяческие лишения, невзгоды и даже унижения. Душа его была разгорячена предстоящей борьбой.

«То, что не убивает нас, делает нас сильнее, - вспомнил он вычитанное у великих. - Мечтать - удел слабых, а сильные ставят себе цель и выбирают пути для её достижения. Я одолею себя и поднимусь над другими, чего бы это ни стоило».

В странствия в поисках новой жизни Артём пустился почти

с пустыми карманами. Все его сбережения при очень экономном расходовании могли бы хватить на пару недель. Он рассчитывал и на золотую цепочку, подаренную матерью на его совершеннолетие.

Вряд ли Артём представлял себе, какая долгая и тяжёлая одиссея ждёт его впереди. Из города в город он переезжал автостопом на первом подвернувшемся транспорте, зайцем в товарняке, а однажды - на попутном мотоцикле. «Голь на выдумку хитра», - иронизировал он сам над собой.

В каждом городе Артём старался познакомиться с преуспевающими земляками, просил их помочь устроиться на работу. Однако без прописки даже мечтать о постоянной работе, к тому же в правоохранительных органах, было бессмысленно.

Впрочем, у земляков хватало собственных забот. Нередко, желая скорее отделаться от него, они давали ему небольшую сумму денег, которых разве что хватало на билет до другого населённого пункта и хлеб на пару дней. В лучшем случае ему предлагали работу грузчика на рынке или посыльного, мальчика на побегушках. Такие предложения всерьёз обижали Артёма. Тем не менее ближе к зиме ему пришлось разгружать вагоны для того, чтобы обзавестись тёплой одеждой.

Не все соотечественники относились к Артёму доброжелательно. Иные грубо прерывали его:

- Слушай, какой я тебе земляк?! Не земляк ты мне, а обуза... Если на родине не сумел прожить, здесь вообще потеряешься.

- Своих хватает! - как правило, холодно отвечали местные, когда, набравшись смелости, Артём обращался в то или иное учреждение.

Артём поворачивался и уходил, не дослушав назиданий, и с каждым отказом запас его надежд хирел.

Жил он почти бомжом, часто ночевал на вокзалах, бывало, голодал целую неделю. «Поразительный феномен - деньги: есть они - ты человек, нет - ты уже ничтожество, пустота, обуза всем и в первую очередь самому себе», - думал Артём, грызя кусочек припасённого на самый чёрный день окаменевшего хлеба. Несколько раз ему на ум приходила мысль о само-

убийстве: «Лучше сразу одна большая боль, которая разом решит все проблемы, чем эти ежедневные мучения». Прежняя жизнь на родине казалась ему нереальной, неким далёким сном.

Пару раз Артёма приводили в отделение милиции, и приходилось пускать в ход весь арсенал хитростей, чтобы уговорить или разжалобить стражей порядка. При этом он неизменно показывал уже изрядно потрёпанную справку о своём годовом юридическом образовании...

Артём успел побывать даже в заложниках. Его взяли в залог большого долга, в который влезла небольшая группа его земляков-торговцев на рынке - у них он ночевал несколько дней. Взяли всех скопом, не разбираясь, и Артём просидел в тёмном сыром подвальчике целую неделю, пока не принесли долг. В качестве компенсации за страдания ребята купили ему билет до ближайшего города и снабдили карманными деньгами.

Артём тут же дистанцировался от людей, к которым обращался за помощью, независимо от того, отказали ли они ему или поддержали, чем смогли. «Не считай себя обязанным никому, не обременяй себя чувством благодарности - оно будет тянуть назад. Попользовался и вперёд! Будь эгоистичным и наглым. Говори одно, а делай совершенно противоположное, если это тебе на руку. Будь скользким, как мокрый обмылок, чтобы никто не смог взять тебя голыми руками. Главное, не настраивай против себя толпу - в толпе даже самый слабый сильнее тебя», - за время скитаний на чужбине Артём выработал себе такую тайную философию, а вернее, новую систему самозащиты.

Но на практике она приносила мало результатов. Теперь уже лишь по инерции, ухватившись за краешек всё слабеющей надежды, Артём пробирался всё дальше и дальше к самым окраинам необъятной страны. «Может, хотя бы на крайнем севере найдётся место для меня», - он уже стал отчаиваться, когда судьба (а может быть, случай, в который Артём единственно и верил) неожиданно улыбнулась ему.

На одной из северных окраин он нашёл влиятельного

соотечественника - заместителя начальника известной на всю страну тюрьмы. Чувствуя, что это последняя для него, утопающего, соломинка, Артём начистоту рассказал ему о всех своих невзгодах и злоключениях. Тот слушал молча и, казалось, с недоверием, внимательно наблюдая за каждым его жестом и мимикой, потом вдруг встал и хлопнул Артёма по плечу: «У нас много схожего - я тоже трудно начинал. Только учти, тюрьма - не курорт: ты должен пахать», - тюремщик заикался, и Артём, казалось, пережил целую жизнь, пока тот тяжело выговаривал роковые для него слова.

Земляк помог Артёму с временной пропиской и взял его к себе в тюрьму.

ГЛАВА 21

Артём жил в тюрьме вместе с заключёнными - в небольшом помещении, отличающемся от обычной одноместной камеры лишь отсутствием жалюзей на окне и наличием старенького, задрипанного дивана.

Помощник коменданта тюрьмы, в помощники к которому в свою очередь Артём на первых порах был нештатно определён, целую неделю инструктировал новичка о тюремных порядках, говорил о непременной строгости с арестантами, недопустимости поблажек. Главной функцией Артёма было отпирание и запирание дверей. Вроде бы примитивная работа «ключника», но она отнимала почти всё время и страшно утомляла: практически в течение всего дня и части ночи приходилось выводить несколько сотен заключённых на прогулку, на хозработы или ещё куда, заводить обратно. Первые полтора месяца Артём работал бессменно, а в короткие часы отдыха вырубался мёртвым сном.

Поначалу он побаивался зеков - в основном это были злые на судьбу и окружающих люди.

«Ты-то зачем сюда сунулся? - однажды вполголоса бросил ему один из заключённых. - Зачем молодость губишь - ты же одним воздухом с нами дышишь? Мы-то, может, и выйдем, а

ты останешься замурованным в этих стенах на всю жизнь».

Артём не ответил ему: заключённый был прав. Тюремщикам не позавидуешь - специфический запах, которым насквозь пропитаны стены, ночные смены, высокое напряжение, инсульт... Они здесь умирают рано, в 45-50 лет...

Артём присматривался к заключённым - людям, оказавшимся по стечению роковых обстоятельств запертыми в четырёх стенах. Он пытался понять, чем преступник отличается от обычного человека. Лишь некоторые производили впечатление закоренелых злодеев. Особо отталкивал его старик-рецидивист с изуродованным лицом. Ему было уже за семьдесят. Полжизни он провёл за решёткой за различные преступления. На этот раз он сидел по обвинению в... изнасиловании малолетки. Старик уверял, что не имеет к этому никакого отношения. «Да какой из меня насильник? Лет десять не имею дела с женщиной», - убеждал он, пожирая собеседника одним уцелевшим злым глазом...

Артём не хотел наживать себе врагов в тюрьме. Он старался найти ту золотую середину, которая позволяла бы ему держаться, как эквилибристу на канате, между блюстителями порядка и его нарушителями, одновременно угождать начальству и не особо обижать содержащихся под стражей, боясь их мести в будущем (несколько таких случаев имело место). Нередко он закрывал глаза на мелкие нарушения заключёнными правил внутреннего распорядка и даже порой тайком угощал их дешёвыми сигаретами, которые бесплатно выдавались персоналу тюрьмы (сам он не курил и даже никогда не сосал сигарету для проформы, как это делали многие его ровесники из ложной идеи самоутверждения, и, наоборот, считал курение привычкой слабых людей). Артём был уверен, что дозированные отклонения от режимных требований содействуют предотвращению ЧП. Во всяком случае, он был на хорошем счету у начальства.

Через полгода в День внутренних войск Артёму объявили благодарность за добросовестную службу, а ещё через три месяца произвели в прапорщики. После смены Артём заперся в своей комнате-камере, достал из развалившегося диванчика

припрятанную (тогда не знал - на чёрный ли день или для радостного случая) бутылку.

Пил прямо с горлышка и натощак, чтобы скорее раздуть иллюзию праздника. Поначалу вместе с самогоном приятное тепло и радужные надежды стали наполнять его. Но очень скоро крепкое содержимое пузатой бутылки неожиданно раскрыло ему глаза, вмиг убрав розовые очки.

Артём вдруг осознал реальное своё положение: кто он теперь - вырванный с корнем росток, не прижившийся на родине; песчинка, заброшенная ветром судьбы за тридевять земель; заблудившаяся в чужой стране овечка, с трепетной надеждой ожидающая милости и благосклонности окружающих?! Кто он здесь? Надзиратель над заблудшими душами, а по сути такой же зек без семьи и отечества, без того, что может дать человеку настоящее чувство свободы... Он даже хуже этих несчастных, мечтающих о глотке свободы, так как сам пошёл на добровольное заточение ради призрачного благополучия в будущем... Здесь даже время словно замёрзло,- добивал он себя, глядя на толстый слой наледи на своём окошечке.

Но это была лишь минутная слабость. Наутро Артём полностью освободился от своих пессимистических настроений, с головой окунувшись в тюремные будни.

ГЛАВА 22

Через год по ходатайству зама Артём получил погоны лейтенанта и вскоре был назначен на должность помощника коменданта, получив солидную надбавку к зарплате. Теперь он остепенился, отрастил для солидности небольшое пузо, приняв начальственный вид, не фамильярничал с заключёнными и держался с ними нарочито строго и сухо.

Впервые за четыре года своих странствий он отправил матери немного денег и письмо, в котором скупо сообщил, что у него всё нормально и просил прислать бутылку армянского коньяка и бастурму. Посылка шла почти целый

месяц. Помимо заказа в ней были тонкий лаваш, пара банок с вареньем, сушёные фрукты, грецкие и лесные орехи (диковина для здешних мест), пара вязаных шерстяных носков и длинное письмо. Мать подробно расспрашивала Артёма о житье-бытье, где и на чём он спит, чем укрывается, не голодает ли, не мёрзнет?.. Между строк она жаловалась на своё одиночество. «Приезжай как-нибудь. Уж больно стосковалась...» - просила мать.

Письмо Артёма не растрогало. Его задело лишь то, что один из его одноклассников, как писала в письме мать, ничем не приметный и, казалось, совсем далёкий от каких-либо амбиций, Арман, вдруг сделался помощником начальника городского управления внутренних дел...

Однако вскоре, когда, отложив письмо, Артём стал вдыхать позабытый аромат домашнего лаваша, он вдруг почувствовал, что внутри, там, где, наверное, сидит Совесть, что-то гложет его. Действительно, за все четыре года чужбины он написал матери всего одно письмо и позвонил несколько раз. Сначала ждал, когда дела поправятся, чтобы было о чём писать. Затем, когда дела вроде бы пошли на лад, как-то не тянуло писать. «Главное, что всё нормально. Мать должна чувствовать это. Она всегда улавливает каким-то особым чутьём, когда мне хорошо или плохо, - успокаивал он себя, пытаясь оправдать лень и безразличие. - Ей скоро 50. Поднакоплю деньжат, возьму отпуск и поеду к ней... Соберу всех родственников и соседей, закачу пирушку с живой музыкой, а шабаш буду давать только в валюте - пусть знают, какой я теперь...»

ГЛАВА 23

Артём отнёс коньяк и палочку бастурмы заместителю начальника тюрьмы.

- «Арарат»! Мой любимый!.. Конечно, мне приятно, но зачем было тратиться? - начальствующий земляк пригласил Артёма сесть и стал раскупоривать бутылку. - Хоть и возбраняется пить во время работы, но разик можно. Тем более, что повод весьма уважительный имеется.

Он достал из шкафа два стакана и разлил коньяк.

- Что ж, с повышением! - бодро сказал зам.

Прежде чем чокаться, Артём произнёс встречный тост:

- За вас, Артур Борисович!.. Вы фактически вынули меня из петли.

Артём поймал себя на мысли, что впервые за последнее время он искренен по отношению к другому человеку.

- Да ладно, давай пить! - отмахнулся Артур Борисович. - Давно не пробовал наш, армянский!

Он пил медленно, смакуя каждый глоток.

- Отличный коньяк! Он самый!.. - произнёс земляк с довольным и одновременно страдальческим выражением лица. - И всё же, не утолить таким способом тоску по родине. Тяга к ней передаётся вместе с молоком матери... Но иногда, дорогой мой, родина предстаёт в образе злой мачехи...

Приложив тыльную часть руки к губам, Артур Борисович с полминуты молчал, как бы вспоминая что-то.

- Однажды и меня больно обидели там... Впрочем, что рассказывать?.. - голос его неожиданно упал.

Артём с удивлением увидел, как у земляка заблестело в уголках глаз, как дрогнули скулы, изрезанные мужественными морщинами.

- Из-за женщины я вынужден был оставить всё: дом, родителей, друзей... - зам старательно выговаривал каждое слово, потому что в минуту волнения его природный недостаток речи усугублялся.

- Да, я был безумно влюблён. Влюблён впервые, со всей силой и искренностью первого настоящего чувства... Я - ущербный, наивный и ослеплённый мальчишка, на полтора года младше её. А она - писаная красавица... Естественно, отказала. Но это ещё полбеды. Оттолкнула, грубо прервав меня на полуслове: «Иди научись для начала говорить по-человечески. А то лаешь, как собака...»

Артур Борисович перевёл дыхание, закурил. В том, как, опрокинув голову, он выпустил краешком рта несколько жидких колечек дыма, Артём почувствовал какую-то обречённость. Оба они молча наблюдали, как невесомые

колечки медленно поднимаются вверх, растягиваясь из стороны в сторону, и постепенно тают в воздухе.

- Тогда я был очень молод, горяч и опрометчив! - Артур Борисович снова заговорил. - Мне казалось, что везде, за каждым углом, затаилась измена, что все тычут в меня пальцем и смеются. Я не знал, куда себя деть... Тут весьма кстати призвали в армию. Это было настоящее спасение! Тогда Страна Советов была одна общая, необъятная родина, и на распределительном пункте я попросился на крайний север, как можно дальше от моей с тобой настоящей родины. Просьбу мою работники военкомата приняли с удивлением и нескрываемой радостью... После службы остался здесь...

Зам притушил сигарету в пепельнице в виде птичьего гнезда, обвитого змеёй. Её, по всей видимости, искусно смастерил кто-то из заключённых, используя сподручный материал, природу которого сразу трудно было определить.

- Короче говоря, я бежал, не оглядываясь. Бежал с глубокой и незаживающей раной в сердце, ища прибежища и успокоения на чужбине. Ведь тогда родной край ассоциировался у меня с моей нелепой любовью...

ГЛАВА 24

Очень часто, слушая того или иного собеседника, Артём невольно цеплялся за его слова, задумываясь о чём-то своём, подспудно его волновавшем. Сейчас он пытался понять, почему почти все встречавшиеся до сих пор ему люди - и стар, и млад, говоря о женщине самое разное, часто полярное (кто-то настойчиво советовал держаться от них подальше, кто-то, наоборот, чаще и ближе общаться с ними), неизменно отзывались о них, как о существах роковых, причём с отрицательным смыслом. А ведь по собственным наблюдениям Артёма всё обстояло наоборот - не женщина, а мужчина часто нёс в себе разрушение: его отец, рябой участковый, студент Квазимодо, да и он сам с его нелепой робостью и в то же время необъяснимой агрессивностью...

- Страсть к женщине подобна огню. Если ты её контро-

лируешь, она согревает, если нет - сжигает, - продолжал тем временем Артур Борисович. - Конечно, несуразная моя любовь помогла мне в определённом смысле: я добился своего, дослужился до подполковника. Но не зря говорят, что чужая невеста всегда кажется краше. В действительности всё оказалось мишурой: должность, положение, привилегии... Думал, уйду далеко, и родина перестанет даже сниться мне. А она всё снится и мерещится. Родина, как нога или рука, органическая составная человека. А чужбина похожа на протез - каким бы качественным он ни был, никогда не станет полноценной заменой живой части организма... Знаешь, что я любил больше всего в отрочестве? Ездить на лето к бабушке, лазить по тутовым деревьям и лакомиться сочными сладкими ягодами. Особенно мне нравилась немного перезрелая тута, она словно вбирала в себя солнце, в ней чувствовался аромат и вкус лета... А ещё я соскучился по вкусу горной родниковой воды... Как это было давно!..

С минуту длилась пауза. Слышался лязг замков и цепей открывающихся и почти тут же захлопывающихся железных дверей. Новый ключник вовсю орудовал своим нехитрым орудием.

- От судьбы, всё равно, не убежишь... - Артур Борисович снова закурил. За стеклом разыгралась вьюга. Она, казалось, смеялась над его южными мечтами. - Когда-нибудь в открытом поле ты встретишь маленького человечка. Он посмотрит в упор на тебя суровым взглядом, и ты, по глупости и самонадеянности своей, примешь это за вызов и схватишься с ним. Ты попытаешься свалить его. Но он глубоко врос своими ногами-корнями в землю, и из его крепких объятий теперь уже ты не можешь вырваться... Это и есть твоя судьба, и никуда от неё не деться: ты в её руках, она - в твоих.

Артур Борисович неожиданно запел, затянув грустную армянскую песню о потерянной любви: «Я полюбил, а яр*** мою увели...» Артёму стало по-настоящему жаль его. Умудрённый опытом земляк, казалось, достигший достаточного успеха в жизни (успеха, о котором Артём ещё только мечтал), теперь уже не представлялся ему, как раньше, неким рыцарем без

страха и упрёка. Теперь глаза его заволакивали слёзы. Он плакал, как ребёнок...

- Умирать всё равно поеду на родину, - как-то обречённо произнёс Артур Борисович.

Наконец он посмотрел на полные стаканы.

- Впрочем, что это мы всё о грустном?.. Жизнь ещё не раз придушит, чтобы напомнить нам о смерти, но отпустит в самый последний момент. Надо быть сильным и готовым ко всему... Вот что я подумал: тебе необходимо продолжить образование, да и диплом пригодится. Готовь бумаги, мы поможем тебе устроиться в университет на заочное отделение. Теребить особо не будут - раз в полгода поедешь сдавать экзамены... Ну давай, за тебя и твои успехи!..

Они чокнулись, выпили, и на миг Артёму показалось, что Родина, давно уже ставшая для него абстрактной категорией, вдруг приблизилась, обретя плоть и кровь.

ГЛАВА 25

Уже через полтора месяца Артём был зачислен на заочное отделение юридического факультета университета ближайшего города, расположенного в сотне километров.

Вновь во всей своей силе ожили прежние мечты, которые чуть было не погибли подобно птице, замерзающей в местные 50-и градусные морозы прямо в воздухе и падающей камнем вниз. Воображение рисовало самые лестные картины: вот, вернувшись на родину с погонами полковника могучей державы, он заставит всех на своей маленькой родине разинуть от изумления рты. Встречные почтительно кланяются ему, молоденькие женщины улыбаются и оборачиваются вслед, любуясь его статной фигурой и необычным мундиром. Его принимает сам президент, который вызывает старика-министра внутренних дел для знакомства с молодым перспективным полковником. Тот в свою очередь предлагает ему должность одного из своих заместителей. Скорее с улыбкой иронии, чем благодарности Артём принимает предложение... А через год-два, глядь, и он - в министерском

кресле. «Вот тогда будем решать вопросы. Вот тогда кое-кем займусь всерьёз...» - страстно подумал он.

Однажды по дороге в университет, как раз в тот момент, когда Артём в очередной раз в своём воображении примеривал генеральский мундир, его остановил патрульный сержант.

- Уважаемый, - милиционер издалека поманил его, деловито щелкнув большим и средним пальцем высоко поднятой руки, по всей видимости, узнав в нём кавказца (Артём был в штатском). - Документики!

Артём, которому такое обращение до поступления на службу было привычным, сначала невольно сжался, готовясь к защите, потом, словно внезапно вспомнив что-то, выпрямился и с вызовом посмотрел на милиционера.

- А ну представься, сержант! - Артём встал на дыбы, тыча милиционеру в нос своё лейтенантское удостоверение. - За кого ты меня принял? Или за черномазого считаешь?! Меня - российского офицера?!

С минуту он менторским тоном отчитывал явно опешившего патрульного, бросив напоследок:

- Тебе повезло, что я сегодня добрый!

Артём удалился, довольный собой и вдохновлённый тем, как приструнил сержантика... С некоторых пор он завёл себе привычку анализировать своё недавнее прошлое: с каждым годом и даже месяцем он относился с иронией и недоверием к «прежнему себе», считая на данный момент себя более зрелым и мудрым. «Вот бы тогда теперешний мой ум!» - говорил он себе, разбирая ту или иную ситуацию, тот или иной свой поступок. О прежнем же Артёмке-изгое он вообще стеснялся вспоминать.

ГЛАВА 26

Несмотря на успехи по службе, вопрос нормального жилья оставался для Артёма нерешённым. Тесная и сырая комната-камера, где он жил, не только морально давила, но отражалась и на здоровье. У Артёма постоянно болели суставы, однажды схватили почки, приковав почти на

неделю к постели. Помимо всего прочего Артём опасался, что отсутствие постоянной прописки и жилья на определённом этапе могут стать серьёзной помехой для карьеры.

Тут совершенно случайно Артём узнал, что неподалеку от университета, где он заочно обучался, живут его земляки - брат с сестрой. Он стал интересоваться... Каково же было его изумление, когда сестра оказалась не кто иная, как Аида из бывшего параллельного класса...

В свободное от смены воскресенье Артём встал спозаранку, побрился, погладил выходную форму, оделся, надушился и отправился на перрон. Через полтора часа он сошёл с электрички, купил в ближайшем цветочном ларьке большой букет и взял такси. Вскоре он оказался возле скромного особняка с зелёной калиткой. В ответ на стук залаяла собака, а затем вышла невысокая круглолицая женщина в пёстром домашнем халате. Артём не сразу узнал её. За пять лет, что они не виделись, Аида пополнела, похорошела лицом. В школе она была обычной, незаметной тихоней, далеко не преуспевающей в учёбе. Но сейчас благодаря брату, который давно жил в России, устроилась в банке и даже была ведущим специалистом в отделе.

Аида стояла в непринуждённой, несколько картинной позе - не осталось и следа от прежней её угловатости. С полминуты она удивлённо глядела на представительного молодого человека в форме с офицерскими погонами, потом нерешительно, как бы сомневаясь, воскликнула: «Артём, какими судьбами?!»

Они обнялись, обменявшись дружескими поцелуями.

Аида провела Артёма в дом. «Вот так и живём», - она, а вместе с ней и Артём, обвели взглядом хорошо обставленную гостиную.

- Брат на рынке, у него там контейнер. В месяц раз ездит за товаром - почти за 1000 километров отсюда. Работает без выходных. Домой возвращается поздно...

За чаем Артём расспрашивал Аиду о житье-бытье, рассказывал о себе, медленно подбираясь к тому, из-за чего собственно и приехал. Он тайно возликовал, узнав, что брат

девушки собирается жениться и переехать на квартиру в центре города. Прощаясь после вкусного домашнего обеда, по которому он успел изрядно стосковаться, Артём в ответ на просьбу Аиды почаще приходить, пожаловался на свою занятость, обещав зайти, как только освободится.

За это время он должен был продумать детали своего тайного плана.

ГЛАВА 27

Через воскресенье Артём снова сидел в гостях у Аиды. «Пора настраивать её на конкретный лад», - убеждал он себя.

Хозяйка была весела, её румяные щёки дышали здоровьем, избытком нерастраченной девичьей энергии. Поговорив немного о всяких пустяках, Артём вкрадчиво начал:

- Аида, мне стоит неимоверных усилий признаться в этом... Но мы, в конце концов, взрослые люди и не должны стыдиться того, что внушает нам чувство... - он стыдливо опустил глаза. - Скажу без обиняков, я часто вспоминал тебя все эти годы...

Девушка взглянула на него с любопытством.

- Да, да, не удивляйся. Как я счастлив, что слу... (он хотел сказать «случай», но вовремя поправился), что судьба наконец предоставила мне возможность признаться тебе в сокровенном.

Аида рассмеялась.

- Только не говори, что приехал за тридевять земель специально из-за меня! Неужели десяти школьных лет тебе было недостаточно? - попробовала отшутиться она.

- Но ведь тогда мы были ещё детьми. Только сейчас я осознал, что лишь с тобой могу быть счастливым...

Аида чуть не поперхнулась чаем. Она вдруг стала серьёзной.

- Но Артём, дорогой, извини... у меня - парень...

- О, тогда прошу прощения... - у Артёма померк взор. Он был крайне разочарован и явно не предвидел такого ответа.

- Что ж, поздравляю! Надеюсь, ты познакомишь меня с ним. Наш он или из местных? - Артём быстро взял себя в руки.

- Местный, - односложно ответила Аида, давая понять, что не собирается особо распространяться о своих сердечных делах. - Чаю добавить?

Разумеется, так просто сдаваться Артём не собирался. Он лишь отступил, чтобы обдумать дальнейшие свои шаги.

Когда он вернулся в тюрьму, дежурный передал ему письмо. Он пробежал неровные строчки. «Опять!» Мать всё беспокоилась за него, жаловалась на своё одиночество и нехорошее предчувствие. «Что такого ответить ей?.. Сколько денег послать, чтобы она поняла, что у меня всё нормально, и успокоилась наконец...» - зло отмахнулся Артём, вовсе не удивившись своей реакции.

В следующий раз он явился к Аиде неожиданно - посередине недели. Ей нездоровилось. Она лежала в постели с обмотанной полотенцем головой. Артём попросил её не беспокоиться, собственноручно заварил чай и поднёс его больной на серебряном подносе. «Стол и постель - необходимые атрибуты брака», - невольно пришли на память слова кого-то из великих (Артём, как всегда, не помнил, чьи конкретно - у него в голове всегда царил хаос на сей счёт). Он сел у изголовья больной и попробовал покормить её с ложечки мёдом. Аида искусно скрывала своё раздражение.

- Твои слова не дают мне покоя - которые уже сутки не могу сомкнуть глаз, - Артём взял её белую пухлую руку, заглянув ей в глаза печальным, потерянным взглядом. - Я чувствую, что без тебя моя жизнь будет блеклой и бессмысленной. Зачем тебе связывать судьбу с человеком не нашей национальности? Непрочен такой союз, да и счастье на чужбине призрачно и недолговечно...

- Ты-то в таком случае зачем сюда подался, миленький?! - Аида вдруг вспыхнула.

- Но я временно... - произнёс Артём и запнулся.

- Не морочь мне голову. Признайся: ты покидал родину, лелея надежду получше устроиться... Хотя бы молчал и не

лицемерил, - по лицу Аиды мелькнула тень неподдельной злобы.

На Артёма жалко было смотреть - Аида, казалось, раскусила его. Он сидел сгорбившись, лобные залысины покрылись зёрнами пота. С полминуты они молчали. Аида плотнее укуталась в шаль, а Артём вытирал своё взмокшее лицо платком.

- Сдаётся мне, вовсе нет у тебя никакого женишка, - неожиданно произнёс Артём, встав и давая всем своим видом понять, что задет за живое, оскорблён до глубины души. - Ты просто меня отвадить хочешь.

- Артём, неужели ты уже настолько безнадёжен, что готов хвататься за всё, что попадётся под руку?! Извини меня за прямоту, но ты пытаешься склеить собственное счастье из случайных лоскутков личной жизни других, ворованной любви и украденных фрагментов чужого счастья. Ни к чему хорошему это не приведёт... А женишок мой не виртуальный, а вполне реальный, к тому же крутой и ревнивый - тебе лучше с ним не связываться.

Вновь воцарилась неловкая пауза. Артём думал: «Вот какой идейной стала. Откуда она набралась всего этого?! Интересно, где у неё эрогенные зоны, и есть ли у неё они вообще?»

- Все беды в этом мире от вас, женщин, - вдруг он заговорил словами старушки-хозяйки из своей студенческой поры. - Ты понимаешь, что разбиваешь мне сердце! Теперь я не знаю, как быть... Впрочем, знаю! Прощай! - он схватил фуражку, но вместо того, чтобы решительно двинуться к двери и, хлопнув ею, уйти, Артём встал как вкопанный.

Аиде стало жалко школьного товарища. Артём стоял посредине комнаты с опущенными плечами и головой. В растерянности он мял форменную фуражку. В этой жалкой позе он стоял несколько мгновений, словно действительно не зная, как быть. Могла ли Аида догадаться, что это был лишь искусный театральный жест, и что в душе его поклонник смеётся?! Она попросила Артёма подойти, взяла его за руку, чтобы успокоить:

- Ну, извини, Артёмка. Я не хотела тебя обидеть...

Тут случилось невероятное. Артём обнял Аиду и стал

лихорадочно обсыпать поцелуями её лицо, шею, грудь. Поначалу она отчаянно вырывалась, но, ослабленная болезнью, сопротивлялась недолго. Аида вдруг упала, словно подстреленная куропатка, и сникла...

К изумлению Артёма, Аида оказалась девственницей... Это шло вразрез с его планами.

ГЛАВА 28

Теперь Артём инстинктивно боялся её, понимая каким-то чутьём, что Аида не только не будет ему опорой, но, наоборот, грозит стать серьёзной помехой на пути к вершине, которую он для себя наметил. Однако любопытство и неутолённая страсть толкали Артёма к ней, словно мотылька к огню. Вскоре сама Аида неожиданно прикипела к нему и теперь с нетерпением ждала его визита. Артём приходил каждую неделю - в субботу или воскресенье.

- Ты мой первый мужчина, но единственный и последний,- самозабвенно говорила Аида, и Артём удивлялся произошедшей с ней столь разительной перемене. - Сейчас мне кажется, что любить можно только твои губы, твой нос, твой подбородок, твой беспокойный лоб... У меня такое чувство, что я всегда любила только их... И как я не замечала тебя в школе?!

Каждый раз она придумывала для него что-то новое, нежное и ласковое... Все это начинало раздражать Артёма.

- А как же женишок твой? - не без злорадства ввернул однажды Артём.

- Я отшила его, - беззаботно сказала она и вдруг... укусила его в руку. Артём почувствовал настоящую боль.

- Что за страсти?! - не скрывая своего недовольства, произнёс он.

В глубине души Артёму нравилось, что наконец его полюбили, что он стал причиной счастья для кого-то. Но от намёков о браке Аида уже перешла к откровенному разговору и предлагала Артёму поговорить с братом, с которым ему пока так и не довелось по-настоящему познакомиться.

- Он в курсе наших отношений и хотел увидеть тебя.

Между тем Артём жил с раздвоенным сознанием. Он теперь отдавал себе отчёт, какую тяжёлую ношу ответственности взваливает на себя, связав жизнь с женщиной, которую не любил и которая, вопреки ожиданиям, оказалась строгих, старомодных, в его понимании, нравов. Ведь он добивался лишь её расположения для фиктивного брака и постоянной прописки, а она, выходит, берегла себя для одного-единственного. По роковому стечению обстоятельств этим единственным оказался он. Артём прекрасно понимал, что разбивает ей жизнь и что сам теперь просто так не отвертится...

- Ну что ты молчишь? Неужели у тебя не осталось слов для меня? Ты же раньше почти стихами говорил, - допытывалась Аида. - Скажи, что хоть чуточку любишь меня.

Артём хотел сказать в ответ что-то ласковое, чтобы она оставила его в покое, но ничего не вышло. Самому себе он вынужден был признаться, что, стремясь быть сильным на пути к достижению своей цели и не поддаваться ни в коем случае чувствам, подавил в себе много такого, без чего не в состоянии давать другим тепло и радость. Он методично вытравливал из своей души остатки и даже намеки на всё доброе и хорошее - лишнее и слабое, в его понимании, мешающее быть твёрдым на пути к цели. Неискренность и чёрствость стали привычкой и нормой в общении с окружающими. У него атрофировалась способность к адекватному чувству...

Обуреваемый сомнениями относительно целесообразности дальнейшей связи, Артём однажды не выдержал и в ответ на обычные признания Аиды выпалил:

- Все вы, женщины, на одно лицо... Вам всё время подавай предметное доказательство любви!

Аида уставилась на него огромными, вопрощающими глазами:

- Признайся, я тебе в тягость?

Она усадила Артёма на диван и попыталась вызвать на откровенный разговор. Он пролепетал нечто вроде извинения, хотел ещё что-то добавить, но неожиданно выдавил из себя нелепое и бесчувственное нравоучение:

- Не надо быть такой сентиментальной... Ты же знаешь, как я к тебе отношусь.

Про себя же он негодовал: «Вот впутался!»

ГЛАВА 29

Вочередное воскресенье, которое по злой иронии пришлось на День святого Валентина - праздник влюблённых, Артём купил шампанское, дорогую бонбоньерку и шикарный букет. Он решил красиво распрощаться с Аидой и больше никогда не видеться с ней. Однако, когда вошёл, Аида так искренне и бурно проявила свою радость, что Артём заколебался. Она обсыпала своего «жениха» поцелуями, кокетливо коря его за то, что так потратился.

Сейчас Артём был столь же нерешителен, как в первые дни, когда собирался делать Аиде предложение. Пока распивали шампанское, он несколько раз приказывал себе сказать то, для чего собственно и пришёл. Но язык никак не поворачивался, и Артём всё ждал более удобного момента. Вдруг послышался стук в ворота.

- Брат? - насторожился Артём. Он не хотел видеть его, но Аиде сказал обратное: - Вот и познакомимся наконец.

- Нет. Он в отъезде...

Стук повторился, и через минуту мужской голос позвал:

-Аида, открой! Это я...

- Это он, Володя, - Аида побледнела.

- Значит, он всё-таки существует,- словно обиделся Артём.- Я поговорю с ним.

На самом деле Артём был далёк от такого намерения. В душе он ликовал, как утопающий, которому в последний момент бросили спасательный круг: «Значит, всё может разрешиться само собой. Тот, кто нам мешал, тот нам и поможет». Артём картинно поднялся и повернулся в сторону двери.

- Прошу тебя, не надо... Постучит и уйдёт, - Аида схватила его за предплечье.

Артём стряхнул с себя её руку и строго посмотрел на неё.

- Почему ты скрывала от меня? - со злым упрёком произ-

нёс он. - Признавайся, ты что-нибудь обещала ему?

- Я не хотела тебя зря тревожить, думала - отстанет. Не тут-то было: говорит, что я разбила ему сердце, и что он обязательно сделает что-нибудь с собой или со мной.

- Я поговорю с ним, - повторил с напускной решимостью Артём и подался вперёд, но Аида встала перед дверью.

- Как-нибудь потом, когда остынешь... Он, кажется, ушёл.

Артём так и не сказал ничего Аиде, отложив свои планы до следующего раза. Об интиме в этот раз он и не думал, но когда прощался, Аида неожиданно вцепилась ему в руку и повлекла к постели. Артём сопротивляться не стал. Однако любовь на этот раз показалась ему пресной и невыносимо скучной.

Уходил он уже в сумерках. Аида проводила его до калитки.

- Будь осторожен, наших здесь не особенно жалуют, - сказала она, поцеловав Артёма на прощанье. - В субботу приготовлю хинкали, по особому рецепту. Жду, миленький!

ГЛАВА 30

До последней электрички оставалось четверть часа. Чтобы сократить путь к вокзалу, Артём пошёл напрямик, по тёмному скверу. Он был крайне недоволен собой. Если поначалу победа над Аидой, которая, несомненно, помнила Артёмку-изгоя (да и сама, невзирая на свою любовь к нему, являлась неким живым укором ему), ассоциировала с победой над прошлым и вдохновляла его, то сейчас Артём понимал никчемность и нелепость этой связи. «Голые амбиции, эгоизм и неутолённая животная страсть были мотивом моих поступков! - корил он себя, с удивлением обнаруживая, что его охватывает какое-то неведомое ранее чувство, похожее на раскаяние. - Жертвой же предательского желания, притаившегося в уголках сознания, стало невинное по сути существо»... Он решил больше не возвращаться к Аиде.

Артём был уже где-то в середине сквера, когда сзади позвали:

- Эй, дядя, закурить найдётся?

Голос показался Артёму знакомым. Он обернулся, но в темноте ничего не разобрал.

- Не курю, - бросил Артём и повернулся, чтобы продолжить свой путь, но повелительный возглас остановил его.

- Постой, черномазый! Базар есть! - появившиеся из темноты четыре тёмных силуэта приблизились, окружив его со всех сторон.

- Ну вот и встретились!.. Будем знакомы - Володей меня величать! - коренастый малый в кожанке задиристо, как бы в шутку протянул руку. - Догадываешься, с кем говоришь?

- Ребята, вы меня с кем-то путаете, - Артём не взял его руку.

- Нет, дружок, как раз ты нам и нужен! Мы тебя давно уже пасём. Ведь это ты ходишь к нашей банкирше? - тот, кто представился Володей, плотнее подступился к Артёму и с наглым вызовом заглянул ему в глаза (даже в этот критический для себя момент Артём в силу своей привычки зациклился на слове «нашей», моментально проанализировав не только смысл, с которым оно было произнесено, но и уловив все его оттенки). - Знаешь, собака, чьё мясо съела?!

- Да пошёл ты!.. - Артём изо всех сил толкнул Володю и попытался убежать. Но его тут же сбили и стали пинать. В воздухе что-то блеснуло, и Артём почувствовал пронзительную боль в области паха. Он попытался схватить лезвие повторно занесённого ножа...

- Будешь зариться на чужое!.. - сквозь кровавый туман до него доносился глухой и злой голос Володи.

Он уже не чувствовал ударов тяжёлых ботинок и совсем не сопротивлялся... «Цинизм - оружие обоюдоострое», - вновь послышалось ему то ли во сне, то ли наяву, и уже позабытый образ женщины в белых одеяниях пролетел над ним...

Артём лежал, распластавшись на холодной чужой земле. «Всё! Так глупо и нелепо!..» - пронеслось в угасающем сознании.

Вместе с вытекающей кровью уходили, умирая, и мечты Артёма...

ПОСЛЕСЛОВИЕ

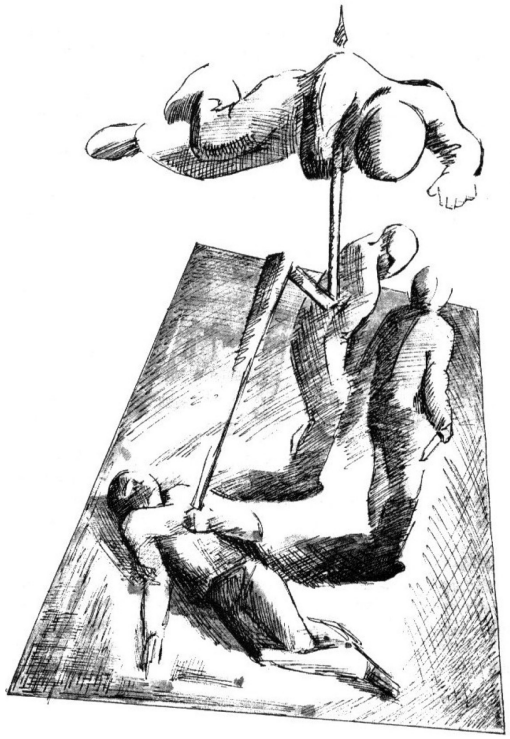

Иллюстрация Альберта Саркисяна

Вот так неожиданно оборвались мечты Артёма.

Читатель, пожалуй, обвинит автора в жестокости - ведь он внезапно остановил своего героя на полпути, на том самом месте, когда после долгих мытарств, наконец, вроде бы стали исполняться его заветные желания.

Но ведь Артём - образ собирательный, несмотря на некоторую уникальность его судьбы. Сколько молодых жизней было принесено в жертву призрачных надежд, эгоизма и ложных амбиций, часто облачённых в сомнительную броню цинизма, безнравственности, наглости и бесстыдства! И как часто в жизни именно в тот момент, когда с тайным ликованием уже собираешься надеть на себя тогу победителя, судьба распоряжается иначе. На одного счастливчика, увы, приходятся тысячи обманувшихся в своих расчётах и надеждах молодых людей.

Что касается конкретно Артёма, то ему, наверное, больше всего не хватало главного - веры. Веры в то, что можно достичь чего-либо в жизни без обмана и интриг, оставаясь человеком, критерием оценки которого является нравственность.

Артём пытался подстроить под свои планы всё, в том числе поставить на службу себе сам Случай, в который единственно, пожалуй, и верил. Он опутал себя паутиной придуманной им же ложной системы ценностей, став в конечном итоге её заложником. Увы, на пути к сомнительным вершинам человек растрачивает много того, что должно быть для него свято, что он всю жизнь должен был нести как факел в ночи, чтобы не заплутать, не сбиться с верного пути.

В планетарном масштабе земля, конечно, одна общая на всех. Но отказываться от того самого уголка, где тебе было уготовано появиться на свет Божий, всё равно, что отворачиваться от родной матери и проситься в пасынки к чужой женщине, которая вовсе и не желает быть мачехой, ибо у неё хватает своих детей...

Примечания:

***Даи** - почтительное обращение к пожилому человеку
****Вертухай** - надзиратель в тюрьме
***** Яр** - любимая

2003-2004 гг.

СТРАХ

«Величайший в мире страх - это страх перед мнениями других. В то мгновение, когда ты не боишься толпы, ты больше не овца, ты становишься львом. Великий рёв раздаётся в твоём сердце - рёв свободы». **Ошо**

Откуда взялся этот Страх?.. Нет, конечно, страхи у него, как и у любого нормального человека, были от рождения. Но почему он вдруг превратился в их заложника? Почему стал физически осязать их и испытывать самую настоящую боль и другие неприятные ощущения даже от, казалось, несуществующих, воображаемых страхов? А ведь жили они себе довольно смирно где-то в подсознании и вдруг, как по команде, заворошились, повскакивали со своих мест, повылетали из клеток, словно ящик Пандоры открылся.

Страхов, к удивлению, оказалось очень много: различных видов, мастей, цветов и оттенков. Со дна поднялись даже, казалось, давно забытые детские страхи, принимая сказочные образы дракона, ведьмы или чёрта. Были темпераментные, буйные страхи, были и тихие, уверенные в себе ужасы. Некоторые страхи, мокрые и липкие, наслаивались друг на друга, свивались в клубок, подобно спаривающимся змеям. А иные боролись между собой, словно стремясь выявить, кто страшнее...

Юра был сбит с толку. Раньше ему казалось, что вместе с взрослением и жизненным опытом человек избавляется от страхов, разве что остаётся лишь страх смерти. Оказалось наоборот...

Юра с детства боялся воды и не умел плавать. Теперь ему навязчиво представлялось, что он упал в глубокий грязный, заросший тиной бассейн, барахтается, делает судорожные движения руками и ногами, стараясь остаться на плаву и доплыть до бортика. Сверху на него смотрят чужие люди. Никто и не думает помочь ему. Может, не решаются - сами не умеют плавать, а может, их смущает мутная холодная

вода... Но скорее, им нет дела до него. Вот кто-то даже ехидно улыбается и, наверное, в душе ликует, что он попал в столь унизительное положение. А Юре страшно и обидно, но больше стыдно - уж лучше уйти под воду...

С тех пор, когда однажды в школе в разгар весёлого маскарада внезапно воспламенилась новогодняя ёлка, внутри Юры поселился рыжий страх. И вот теперь в своём разболевшемся воображении он представлял вместо ёлки самого себя - его охватило пламя, и он горит, как полено в камине. Исступлённая фантазия не усмирялась, пока не превращала хозяина в горстку пепла...

Пуще огня Юра боялся высоты. Он жил на девятом этаже и всегда старался не смотреть вниз. А теперь и вовсе не выходил на балкон, ибо ему казалось, что земля вдруг потянет его мощной силой своего притяжения и разобьёт о себя в лепёшку... Юра с ужасом представлял, как молча, чтобы не привлечь внимания соседей, камнем летит вниз, и сердце у него едва не останавливалось...

Да, у Юры был страх потерпеть крушение на глазах у всех, боязнь общественного мнения, которое было невидимо, но, подобно грубой толпе, готово было раздавить, накрыть дерьмом любого, кто попадал в его гущу. Он боялся показаться комичным, вызвать всеобщий смех. Не удивительно, что Юра даже мысленно обходил за километр... деревенские сортиры - их старый, прогнивший вид наводил на него ужас...

Стоит ли говорить, что необщительный от природы, страдающий комплексом неполноценности, Юра, которому казалось, что все только и делают, что оценивают его и думают исключительно о его недостатках, боялся отношений с противоположным полом. Он даже не мог заставить себя встречаться глазами с женщиной. Юра ужасался самой мысли о женитьбе и почему-то был уверен, что любимая женщина непременно изменит ему. Особенно он страшился красивых женщин - стоило ещё издалека заметить привлекательную особу, как у него учащалось сердцебиение, по телу пробегали мурашки, предательски дрожали колени. Красивая женщина представлялась ему злой и коварной, как змея, готовая в

любой момент нанести смертельный укол-укус...

Откуда же Юра такой взялся?..

В тридцать пять лет одинокая женщина, работавшая делопроизводителем в небольшой конторе, загорелась желанием родить ребёнка «для себя». Вскоре мечта её осуществилась. К тому же родился мальчик - будущая опора! Мать была счастлива вдвойне.

Между тем Юра рос без отца, не видел его даже на фотографии. Ему и отчество дали по дедушке. Существовал ли отец вообще? Говорят, когда ребёнок знает, что отец был, да ещё, как утверждает мама, лучший на свете, то тогда у него не появляется серьёзных психологических комплексов.

Мать Юры никогда сама не заговаривала об отце. На вопросы сынишки она придумывала разные небылицы, типа того, что папа уехал далеко на заработки, чтобы накупить ему хороших игрушек. До семи лет Юра верил, что отец когда-нибудь приедет и они заживут вместе. Но отец так и не появился...

Юра любил и ненавидел маму одновременно. Роднее её у него в жизни никого не было, но подсознательно он винил мать в отсутствии отца. Юра чувствовал себя обделённым и остро переживал свою ущербность.

Мать же тянула в одиночку лямку быта как могла и, стараясь обеспечить единственного сына всем необходимым, хваталась за любую возможность подзаработать. Она очень любила и ревновала Юру, но опекала дитя чрезмерно, как-то гипертрофированно, карикатурно - не давала ему самостоятельно задышать, словно и не перерезала связывавшую их когда-то пуповину. Ей так и хотелось «спрятать» мальчика, заслонить, укрыть его от жизни.

«Юрчик, надень комбинезончик, не то простудишься», - и это в середине мая, когда кругом всё цветёт и пахнет. «Смотри, в лужу не наступи...» А Юрчику, как другим ребятишкам, хочется пошлёпать по лужам.

Вольно или невольно мать постоянно внушала сыну страхи, большей частью нереальные и преувеличенные, а ребёнок принимал их за чистую монету. Невидимые и незаконнорожденные страхи откладывались в его подсознании. Не

осознавая того, мать искусственно выращивала в сыне фобии. Ей казалось, что за каждым углом притаилась опасность, и она старалась контролировать любой шаг сына. Даже в туалет до шести лет его одного не пускала. Правда, однажды всё-таки пришлось оставить сынишку без присмотра, чтобы побежать в магазин за молоком. А Юре, как назло, приспичило по малой нужде. В ожидании мамы он начал делать нетерпеливые круги вокруг стола. Но её всё не было. С искажённым от боли лицом мальчик переминался с ноги на ногу, борясь с настойчивыми позывами мочевого пузыря опорожниться... Тут дверь наконец распахнулась вместе с тревожным возгласом матери: «Ой, Юрчик, ты цел?» Мальчик расслабился и помочился в штаны...

Для матери Юра всегда оставался ребёнком. Она неизменно провожала сыночка в школу, даже когда он учился уже в средних классах, просила учителей относиться к нему со всем вниманием. В переполненном транспорте мать могла попросить взрослых пассажиров уступить сыну-подростку место - якобы тому нездоровится. Сама она при этом готова была стоять у окошка со своими сумками, едва держась за поручень...

На переменах в школе Юра не бегал, не резвился, на классных вечеринках не танцевал, не веселился. Однако замкнутый и стеснительный Юра любил играть в придуманную им же странную игру под названием «В эту уж точно не влюблюсь...» И, приглядываясь к однокласснице поневзрачней, фокусируя своё внимание на её физических недостатках, будь то длинный нос или оттопыренные уши, подросток убеждал себя: «Нет, в неё уж точно не влюблюсь...» Но через несколько дней Юра вдруг с изумлением обнаруживал, что влюбился. Влюблялся тихо, молча страдал, опасаясь, что кто-то, в том числе сам объект его необъявленной любви, узнает о его тайне. Но подавляемые противоречивые чувства, переполнявшие подростка, выплёскивались в воображаемые ситуации. Тут Юра, считавший себя некрасивым и остро переживавший реальные и мнимые изъяны своей внешности, всегда был на коне, неотразимым и непобедимым героем. Игра воображения доставляла ему удовольствие и приносила успокоение,

сглаживала чувство одиночества и непонятости.

В своё личное пространство - мир фантазий, где чувствовалось легко и комфортно, Юра никого не пускал. Но однажды, лет в пятнадцать, он раскрылся матери относительно новой платонической пассии. Объятая ужасом мать явилась на следующий день в школу и попросила девушку, которая даже и не подозревала о чувствах Юры, не охмурять сынка... От стыда Юра слёг в постель на целую неделю - его хрупкий внутренний мир был разрушен...

Чрезмерное проявление родительской заботы мешало Юре расти. По паспорту ему уже было восемнадцать, а по уровню зрелости и зависимости от матери - лет десять. Даже по форме тела Юра напоминал большого ребёнка - мать не позволила ему развиться как мужчине. Когда подошло время, она освободила его от службы в армии, как единственного своего опекуна (на фоне тотальной опёки с её стороны это звучало смешно).

Проходили годы, а Юра, вечно маленький мальчик, привыкший, что ответственность за него всё время берёт на себя кто-нибудь другой, а именно - мать, плыл по течению, не особо задумываясь о своём будущем. У него не сложилась ни личная жизнь, ни профессиональная карьера. Не обделённый умом, Юра дотянул лишь до второго курса университета. Ему не сиделось на лекциях, было лень учиться, а такого весёлого предмета, как физкультура, он и вовсе боялся. Ничто, даже постоянные «незачёты» и угроза отчисления, не могли заставить его появиться перед сокурсниками в спортивных трусах...

После отчисления из университета Юра, опасаясь гнева матери, некоторое время имитировал посещение занятий. Но вскоре тайна раскрылась, а родительница чуть инфаркт не схватила.

Юре уже было под тридцать, когда неожиданно скончалась мать. Он никак не мог осознать произошедшее, походил своими неуверенными, словно во сне, движениями и жестами на неудачливого спортсмена, едва поднявшегося из глубокого нокдауна. Соседи помогли организовать похороны, достойно предать женщину земле. До сороковин они утешали Юру,

помогали, чем могли. Старушка из квартиры напротив каждый день приносила ему горячий жидкий обед. Но вскоре соседи погрузились в свои повседневные заботы, а Юра остался наедине с проблемами, от которых так тщательно оберегала его всю жизнь мать. Боль притупилась, но взамен обострилось ощущение беспомощности и ненужности. Связь с внешним миром Юра поддерживал единственно через соседского мальчишку, который пару раз в неделю покупал ему хлеб, кефир или кусок сыра на скудную пенсию по инвалидности, которую успела устроить ему мать.

Тем временем Юра всё глубже погружался в болото негативных эмоций, переживаний и тревог. Удушье, приливы жара и холода, головокружение и другие неприятные ощущения мучили его постоянно. Порой он пытался найти спасение в прошлом, ища там что-то светлое и обнадёживающее. Самым ярким и чуть ли не единственным воспоминанием были редкие дни, проведённые летом в деревне у давно уже почившего дедушки. Внешне неказистый, но уютный внутри домик с железным красным петушком на крыше, золотой диск солнца в ясном небе, лучезарный полдень, чистый воздух, наполненный трелью птиц, жужжание пчёл, стрекот кузнечиков в зелёной травке, по которой можно было прогуляться босиком... Обычная деревня со своими прелестями и недостатками, но Юра чувствовал здесь невиданную свободу... Теперь всё это казалось было из другой, далёкой и чужой жизни...

Одиночество, в котором заперся Юра, лишь усилило страхи, появились новые. Мог ли он предположить, что станет бояться и закрытого пространства? Тех самых четырёх стен, в которых замуровался в подсознательной надежде обезопасить себя. Всё вокруг раздражало Юру. Недовольство вылилось в несвойственную ему агрессию: он бранил непривычными для себя матерными словами картины, статуэтки, посуду. Особенно доставалось большим настенным часам с маятником. Их монотонный бой, выкрадывающий средь бела дня секунды, минуты и часы отпущенного земного времени, усиливал чувство безысходности и страх перед будущим. Юра заставил

замолчать часы, разбив их шваброй. Но потом стала давить безжизненная тишина, и, борясь с ней, Юра стал громко разговаривать с собой, спорить с кем-то невидимым.

Появилась боязнь уснуть - по ночам снились кошмары. Юра не раздевался, лежал большую часть ночи с открытыми глазами, словно готовый по сигналу выбежать из дому. Порой нервно вскакивал с кровати, но к окну не подходил, боялся заглянуть за стекло, особенно в сумерках, ибо ему казалось, что кто-то оттуда наблюдает за ним, и если он раздвинет штору, то наткнётся на взгляд, подобный обращающему в камень взору горгоны Медузы...

А в светлое время суток преследовали галлюцинации. Одна из них повторялась часто - красивая ведущая с экрана давно не работающего телевизора звала поцеловать его, указывая пальцем на правую щёчку и подмигивая при этом. В такие минуты Юра застывал в ступоре с растерянно-глупой улыбкой на лице...

Страх блокировал разум, а вскоре и вовсе заменил его. Наслаиваясь друг на друга, эмоции превращались в реальную силу и уже сами формировали будущее, вернее, его отсутствие. Юра окончательно потерял ту невидимую, почти неуловимую нить, которая связывает человека с действительностью. Окружающий мир казался нереальным, отдалённым, а собственные действия - чужими.

Юра и внешне изменился до неузнаваемости - от его упитанной женской фигуры остались кожа да кости, лицо неестественно осунулось, нос заострился. Из-за страшной худобы одежда висела на нём мешком.

Обросший волосами до самых глаз, безжизненных, воспалённых, испещрённых красными прожилками, он теперь боялся и собственного отражения в зеркале. Казалось, Юра и был сам Страх... А за плотно зашторенным окном, к которому он боялся приблизиться, был свежий воздух, пели птицы, и жизнь, такая недоступная теперь для Юры, шла своим чередом...

Но однажды ночью кто-то позвал его снаружи. Юра, казалось, ждал этот голос. Неожиданно легко он поднялся с

кровати и плавно, подобно лунатику, направился в сторону балкона.

На холодном небе одиноко светила какая-то необычная, красная луна, свет которой придавал одинокой мрачной человеческой фигуре ещё большую мистичность. Юра поднял мёртвый взгляд вверх, на верного спутника земли, тяжело перевёл дыхание и, заглянув в притягивающую пустоту, перевалился за перила. Но как-то не сразу он пошёл вниз - некоторое время его невесомое тело словно парило в воздухе на неподвижно распростёртых крыльях. Со стороны могло показаться, что это не человек бросился с балкона, а с бельевой верёвки сорвался балахон...

К удивлению, не было никакого страха. На миг в голове у Юры просветлело, и он понял, что наконец избавился от всех преследовавших его ужасов, но какой ценой... Охватившая было радость свободы тут же сменилась горьким разочарованием, он закричал, вернее, попытался сделать это, однако вышел какой-то сдавленный хрип. Юра, кажется, даже взмахнул, подобно раненой птице, руками-крыльями, пытаясь удержаться в воздухе и остановить своё роковое падение. Но было уже поздно...

Жалобный собачий вой пронзил темноту. Как по отмашке дирижёра, этот одинокий вопль подхватило истошное завывание невидимого бродячего псиного хора...

НЕБОЛЬШОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ

Дорогой читатель, на самом деле персонажа моего, признаюсь, мрачного рассказа не существовало. Это гиперболизированный трагический образ, жертва обстоятельств и воспитания. Он может вызвать жалость, сочувствие и даже страх. Конечно, я был определённо жесток, позволив себе выставить своего незадачливого героя (впрочем, признаемся, в каждом из нас есть что-то от него) в столь невыгодном свете, навешав на него все страхи мира. Но...

К проблеме страха в той или иной мере я не раз обращался

в своих повестях и рассказах. Сейчас я решил сконцентрироваться на этом загадочном и неоднозначном явлении, его влиянии на жизнь и судьбу человека. Углубившись в образ и нагнетая, во многом искусственно, страсти, я всего лишь хотел как можно полнее показать ту тёмную сторону человеческого сознания, которая порой пытается взять верх над нами, потушив в нас всё светлое и доброе, подавить нашу волю, заключая её в свои ледяные тиски...

В то же время надо признать, что страхи сопровождают нас всю жизнь, взрослеют вместе с нами, и их надо уважать, но не бояться. Со страхами надо считаться, ибо при правильном обхождении с ними они часто помогают нам преодолевать различные сложные жизненные ситуации, выживать и побеждать.

Иначе говоря, человек должен управлять страхами, а не страх человеком, ибо уступить страху - значит поступиться свободой, добровольно отказаться от неё, превратиться в безвольного раба.

Думаю, такая перспектива никому не нужна.

декабрь 2013 г. - февраль 2014 г.

ЖИВОТВОРЯЩИЙ СМЕХ

1

Беззаботно играя в воскресный день с внуком в бумажный самолётик, Андреас вдруг ни с того ни с сего подумал о смерти. Внезапно резанула мысль о том, что через некоторый период времени, этак лет через тридцать, а может хоть завтра, его уже не будет на белом свете. Андреас даже почувствовал физическую боль от этого «открытия»... Куда же денется всё это: самолётик, лавирующий между богатой мебелью в широкой гостиной, большой телевизор, мягкий ковёр на полу с коробкой игрушек в центре... А этот весёлый детский смех? Разве он, такой живой и чистый, пропадёт без следа, сгинет в пространстве и времени? Во всяком случае - для него...

Андреас представил пустоту на том самом месте, где сейчас стоял с самолётиком в руке, собираясь в который уже раз запустить его на забаву внуку. Он содрогнулся: а ведь этого не миновать - его не будет ни здесь, где он сейчас стоит, ни где-нибудь в другом месте этого большого и одновременно крохотного и сиротливого земного шара... Он больше не развалится расслабленно в глубоком кресле, не почитает за чашечкой кофе газету, не нарисует внуку смешную рожицу... А дальше что? Неужели всё навсегда превратится в тьму, хуже того - в ничто...

Андреас перевёл дыхание. Конечно, жизнь после него не остановится, всё будет идти своим чередом, только... без него. Лишь он не будет воспринимать ничего из окружающего. Он будет даже лишён возможности пассивно, со стороны наблюдать за происходящим...

Занесённая для запуска самолётика рука безвольно опустилась. «Но ведь ты не чувствовал, когда тебя не было раньше. Чего же ты теперь печалишься?» - Андреас попытался успокоить себя.

Только тут он заметил, что внук тянет его за край рубашки,

требуя продолжить игру. Он сделал усилие над собой и запустил самолётик. Мальчик с весёлым смехом побежал за ним. Этот переливистый смех почему-то больно отозвался в сердце Андреаса. Провожая туманным взглядом не совсем уверенный полёт бумажной поделки, он вдруг представил, как, отделившись от тела, его растерянная душа будет блуждать в неведомом зыбком воздушном пространстве, лавируя, как этот самолётик, между тенями и светом, полная тревог и одиночества, беспомощная, словно только что появившийся на свет ребёнок...

- Дедуль, глянь, куда залетел самолёт!

Звонко смеясь, малыш показывал в сторону книжного шкафа, с двухметровой высоты которого выглядывал бумажный хвостик.

- Пойдём, достанешь, - мальчик потянул дедушку за рукав, и тот вконец очнулся и послушно последовал за внуком.

Андреас потянулся правой рукой вверх и ухватился двумя пальцами за хвост самолётика. Расправив помятые крылья летающей игрушки, он запустил её в дверной проём. Самолётик вылетел в коридор и, неожиданно перевернувшись в воздухе, изменил курс, направившись в сторону кухни. От столь крутого виража мальчик зашёлся таким задорным, с жизнерадостными переливами смехом, каким, наверное, могут смеяться только маленькие беззаботные и полные неосознанного оптимизма дети.

«Какое значение имеет этот исходящий из чистой детской души смех в жизни мироздания? - неожиданно подумал Андреас. - Ведь он не может быть случайным, наверняка был изначально задуман и имеет своё место и роль в пространстве и времени...»

Размышляя над этим, Андреас заметил, что малыш тоже застыл на месте, словно и он задумался о чём-то. Мальчик вроде бы смотрел в упор, а на самом деле - куда-то в даль, мимо него. Его маленькое личико то прояснялось в какой-то отвлечённой полуулыбке, то сморщивалось, словно в недоумении.

Андреас подумал, что дети в этом возрасте способны об-

щаться с ангелами, и, наверное, перед ним, несмышлёным, открывается больше, чем перед взрослым человеком. Ведь дети, только что появившиеся на этот свет из вечности, в каком-то смысле должны знать больше взрослого человека, обременённого повседневными мирскими заботами и отдалившегося в утомительном и тщетном поиске земного счастья от священного первоисточника жизни. Быть может, в один миг, на стыке космического и земного, малышу приоткрывается даже таинственная завеса Судьбы, почти обнажая её секрет...

«Но как понять детскую смерть? - словно кто-то возразил Андреасу. - Бесчувственная статистика утверждает, что каждый день в мире умирает свыше двадцати тысяч детей в возрасте до пяти лет... Судьба? Но в таком случае, зачем эти несчастные вообще появлялись на свет?.. Впрочем, детям, почти ангелам, наверное, легче расставаться с этим миром, ведь они, в отличие от взрослых, ещё не срослись с жизнью миллионами невидимых, нередко бесполезных и никому не нужных нитей, которые обрываются с такой мучительной болью...»

Андреас сделал усилие над собой, чтобы не дать своим мрачным мыслям развиться, и, словно решив сбросить с себя тягостные думы, неожиданно выпустил самолётик в открытое окно.

Бумажный аэроплан взмыл вверх, затем столь же резко стал пикировать, вновь вызвав у малыша восторженный хохот...

2

Верно подмечено: если в детстве день никак не кончается, то для людей в летах, наоборот, ночь длится бесконечно. У врачей на это простое объяснение - снижение интенсивности обмена веществ вызывает замедление внутреннего биологического времени, и в старости создаётся иллюзия ускорения внешнего времени. Но так ли всё просто?..

Хотя Андреас уже имел внука, до старости ему было ещё далеко - всего-то сорок семь лет с хвостиком было дедушке. Это возраст, когда и прошлое есть за спиной, и будущее

впереди. То есть, по идее, Андреасу не о чём было пока беспокоиться. Более того, он принадлежал к типу «состоявшихся» мужчин, у него было всё, чтобы наслаждаться жизнью и быть счастливым: дом - полная чаша, любящая, заботливая жена, взрослые, устроившиеся в жизни дети и даже уже внук, вносящий оживление и особую радость в повседневные будни. Глава семьи и на работе был руководителем, пусть и среднего звена - начальником отдела статистики социальной сферы. Вышестоящее начальство ценило его, а подчинённые уважали. Правда, кое-кто из близких товарищей с некоторой иронией называл его «юным дедушкой», потому что у многих из них дети были примерно возраста его внука. Но, с другой стороны, это можно было воспринимать как комплимент. Однако не всё так просто...

Обожая внука, Андреас в глубине души не очень радовался, что рано стал дедом - давило осознание того, что он «уже дедушка». У него даже появился комплекс в связи с новым статусом: средний возраст опасен для мужчины не только в плане физических недугов, но и самокопания. Мужчина под пятьдесят не только способен видеть себя со стороны, реально оценивать себя и свои возможности, но и склонен с тревогой вглядываться в будущее.

Стало царапать душу понимание того, что пик жизни достигнут и пора потихоньку спускаться. Эта мысль парализующего действия нередко всплывала в самый неподходящий момент: на работе, в пик трудового дня или же на оживлённой улице, в метро, в транспорте. Если раньше казалось, что впереди уйма времени и до финала ещё далеко, то теперь он чувствовал себя стайером, выходящим на финишную прямую. Мрачные мысли стали сильнее одолевать после того, когда с разницей всего в месяц от рака скончались две бывшие одноклассницы. Вторая не знала о смерти первой, но за несколько часов до своего ухода вдруг произнесла: «День рождения Нины справляют... Там, наверху...»

«Вот иди и не верь...» - с удивлением, а больше с недоумением делился с собой Андреас.

Правда, он так и не ответил себе - «чему?». Андреас был

человек скорее колеблющийся, чем верующий, редко посещал церковь и то лишь для того, чтобы поставить свечку. Поэтому на многие вопросы он не имел ответа, да и не желал углубляться в них. Но сейчас он осознал с поразительной ясностью, что время движется лишь в одном направлении и, взяв человека в свои цепкие когти, словно орёл добычу, оно неумолимо несёт его к концу. Иногда этот хищник может выпустить из когтей свою жертву на полпути, но освобождение от тюрьмы под названием «время» возможно лишь ценой жизни, ибо понятие времени и составные последнего - прошлое, настоящее и будущее - тесно связаны с ограниченным физическим существованием человека. Если бы возможно было остановить миг или оседлать его, то человек обеспечил бы себе вечность...

Однажды в беспокойную ночь Андреас так глубоко задумался о смерти, что наутро не пошёл на работу. Его, пережившего войну и видевшего смерть в различных её проявлениях, нередко посещали также мучительные мысли о возможных обстоятельствах неминуемой смерти.

«Хотя бы умереть в кругу родных... Тут, пожалуй, смерть сделала бы мне одолжение...»

В такие минуты усиливалось навязчивое чувство приближения чего-то страшного и неотвратимого. А порой так и тянуло резко распахнуть дверь в... Ничто или Вечность. Узнать, наконец, что же там, за порогом этой загадочной, роковой двери...

3

Проснувшись в очередной раз с тяжёлой головой и неприятными ощущениями по всему телу, Андреас пощупал онемевшую левую руку - кольцо на опухшем безымянном пальце давило, его невозможно было снять. «Этого ещё не хватало...» - невольно возмутился он. Перспектива посещения врача напугала его - Андреас всегда избегал людей в белых халатах, да и особой нужды в них доселе не было.

Бреясь перед большим зеркалом в ванной комнате,

Андреас внимательно всматривался в своё лицо, словно видел его впервые. Вокруг глаз уже образовалась отчётливая паутина морщин, спускающаяся на скулы. Он заметил также бороздку меж бровей, нервно смещённую влево. На висках предательски серебрилась седина. Он потрогал указательным и средним пальцем вздувшуюся змееобразную жилу на левом виске. Там судорожно, словно задыхаясь, билась жизнь... Андреас заметил какую-то несимметричную складку на левой щеке, носогубные морщины заявляли о своих правах...

«Да, помяла жизнь, - подумал он. - Как же я раньше не замечал всего этого?..»

Словно спохватившись, Андреас приоткрыл рот и стал считать зубы, касаясь каждого из них пальцем. Недосчитался восьми. Это тоже неприятно удивило его: «Двадцать четыре. А должно быть тридцать два... Время безжалостно. Оно потихоньку отбирает всё, чем тебя наделила природа...» Правда, он успокоил себя тем, что из восьми отсутствующих четыре приходились на никому не нужные и словно в насмешку именуемые «зубы мудрости», которые начинают прорезаться уже у вполне взрослого человека будто для того, чтобы вернуть его в детство и заставить пережить аналогичный болезненный процесс, тяжело переносимый младенцами.

Андреас невольно всмотрелся в собственные глаза. Они показались ему чужими. В них была пугающая пустота, какая-то потусторонность. Андреас невольно отпрянул от зеркала...

Он рассеянно оделся и вышел из дому.

«Ходим по краю бездны, не осознавая того. Один неосторожный шаг... и конец...» - непривычные мысли одолевали Андреаса на работе. Он даже не сразу отозвался, когда одна из сотрудниц, пышнотелая Алина, привычным бодрым, несколько певучим голосом предложила ему кофе.

Глядя на неё, Андреас поймал себя на мысли, что с некоторых пор стал завидовать пышущим здоровьем, весёлым людям.

- Алина, только честно, ты довольна жизнью? - неожиданно спросил Андреас свою подчинённую.

- Вообще-то не жалуюсь, Андреас Аркадьевич, - после

небольшой заминки ответила та, не скрывая удивления.

- А вот у меня нет ответа на этот вопрос, - задумчиво произнёс Андреас. - Знаешь, такое ощущение, будто всё мимо течёт, как вода сквозь пальцы. Настоящее - всего лишь миг, почти неуловимый, а будущее ещё более призрачно, обманчиво, его... и вовсе нет. Будущее - это предвосхищение того, что моментально станет прошлым.

Когда ты молод, чудится, что нет конца и края жизни, на самом же деле не успеешь оглянуться, как она позади...

- Не мучайте себя, Андреас Аркадьевич. Многие вопросы не имеют ответа, не тратьте время и нервы попусту. Живите легко и берегите себя.

- Как же уберечь себя в этой суетне?.. Вот что я понял: нужно или остановиться во времени, предавшись служению исключительно Богу в надежде обрести вечность, либо в поисках счастья предаться бурному течению жизни, не задумываясь о времени и вечности... Желание жить прежде всего связано с желанием счастья. Но ведь эта жажда счастья не утоляется на земле...

- Следовательно, должна быть жизнь будущая, где бы могло исполниться это страстное желание нашего сердца, - мягко парировала Алина. - Было бы нелепо, если бы всё окончилось для нас в могиле... Надо на Бога уповать.

- Где этот ваш Бог? Покажите мне его, дайте пощупать, - неожиданно отреагировал с дальнего угла большого кабинета Вольдемар, ведущий специалист отдела. При этом он картинно делал в воздухе щупательные движения большим и указательным пальцами. - Вот вы говорите, что после смерти человек, живущий правильно, обретёт счастье. Но как можно быть счастливым, не будучи чем-то осязаемым? Разве после смерти останутся осознание личности, память, опыт жизни на земле? И, наконец, чем, какими органами вы будете ощущать это счастье?

Произнеся это, Вольдемар неприязненно улыбнулся и довольно провёл рукой по чёрной без единого седого волоса шевелюре над гладким белым лбом.

Конфетная внешность и брезгливые манеры Вольдемара

раздражали Андреаса. Тридцатилетний коллега вёл себя с окружающими с некоторой надменностью, как барин - будто все были должны ему. Он не любил рассуждать о высоких материях, не пытался докопаться до сути вещей, предпочитая видеть лишь то, что бросалось в глаза. Если с цифрами он обращался аккуратно и даже с почтением, то об абстрактном судил с недоверчивым прищуром, однобоко и незрело, по-детски осуждающе. Разумеется, такой человек не мог верить в Бога.

- Где он? Не ощущаю, - как-то агрессивно произнёс Вольдемар и снова цинично изобразил в воздухе щупанье.

И так уже взвинченного Андреаса в этот миг так и порывало встать и заехать ему в неестественную физиономию, полную иронии и злобы. Однако он лишь сказал пренебрежительно:

- Не всякому дано коснуться Его...

Вольдемар с обиженно-гордым выражением на лице вышел в коридор покурить, а Андреас подумал: «Если мы окажемся вместе с этим типом в раю или в аду, то, значит, я жил неправильно».

Алина же бросила вдогонку Вольдемару, то ли желая успокоить его, то ли добить:

- Ведь когда-то тебя не было, ты ничего не чувствовал, не осознавал. И лишь какая-то сила вызвала тебя из небытия в бытие...

4

Похоже, это было начало депрессии - чувство пессимизма и безнадёжности без всякой видимой причины овладевали Андреасом. Будущее стало страшить его - Андреас вдруг начал переживать по поводу возможных неприятностей: конфликта с начальством, увольнения с работы и, как следствие, бедности, разлада в семье... Он стал меньше общаться с домочадцами, часто закрывался у себя в комнате и копался в себе. Даже с внуком перестал играть.

Андреас помрачнел, осунулся, перестал регулярно бриться.

А когда однажды в автобусе молодая девушка поспешила уступить ему место, он воспринял это как приговор...

«В жизни, в вечной борьбе с обстоятельствами и временем, одинок любой, даже окружённый большим семейством и друзьями человек, - по привычке терзал он себя, уединившись вечером в своей комнате. - Есть человек, и есть смерть... Она и есть верная спутница жизни человека...»

Голос внука оторвал его от мрачных мыслей:

- Дедуль, бабуля зовёт ужинать.

Неохотно и рассеянно выходя из комнаты, Андреас споткнулся о край плинтуса и едва удержался на ногах, сделав резкое, неестественное телодвижение, чтобы сохранить равновесие. Увидев это, малыш закатился неудержимым смехом. Андреас сам невольно засмеялся, поймав себя на мысли, что давно не делал этого. Его басистый смех слился с перламутровым детским смехом, образовав некую диковинную мелодию. И тут перед глазами неожиданно встала цветистая поляна в деревне, где у них была дача.

Андреасу было лет семь. Они поднимались с отцом по озарённому солнцем, казалось, бесконечному склону. Отец то и дело срывал ягоды земляники, сдувал с них пыль и заботливо протягивал ему, проговаривая что-то весёлое. А маленький Андреас заливисто смеялся каждый раз, когда отец находил спрятавшуюся в густой траве ягодку. В открытом поле этот смех звучал как-то по-особенному. Казалось, что его подхватывали летящие над полем птицы, и он звенел и лился в их песнях...

«Только перед памятью бессильно время», - подумал Андреас и под впечатлением светлого воспоминания из детства поднял внука на руки.

На припухлых щёчках малыша играли нежные ямочки. Андреас подбросил ребёнка в воздух. Со звонким смехом он плавно опустился на руки деда. Андреас ещё раз подкинул мальчика к потолку. Колокольчиковый смех усиливался, сотрясая всё вокруг. Внучек был на седьмом небе от счастья. От заразительного детского смеха Андреас почувствовал необычную лёгкость. Мучавшие его думы как ветром раз-

веяло. Он бережно прижал внука к сердцу, словно накладывал пластырь на рану. Ребёнок крепко обнял шею деда.

«Детский смех - это дар свыше, стимул жить, - подумал Андреас, наполняясь теплом, чувством святости и чистоты. - Этот ангельский смех не может умереть. Он подсказывает нам, что жизнь бесконечна. Этот смех будет передаваться детям из поколения в поколение, и земля будет жива до тех пор, пока он будет звенеть...»

Андреас крепко сжимал в своих объятиях внука, словно хватаясь за саму жизнь, его святой источник. И будь рядом художник, то, приглядевшись к ним, мог бы написать картину «Бессмертие»...

Впервые за последние дни Андреас спал сном младенца. Под впечатлением жизнерадостного смеха внука он сделал для себя открытие: главный секрет жизни - это сама жизнь, умение жить и радоваться жизни именно сейчас, в этот миг, невзирая ни на что и без оглядки на прошлое, без пустых мечтаний о будущем. Настоящая жизнь, переживание чувства радости и любви, происходит не во времени, а здесь и сейчас.

И эти здесь и сейчас, выраженные в детском, животворящем смехе, являются сутью вечности...

декабрь 2014 г. - январь 2015 г.

ПРАВДА

Волк дождался, пока пастух, спасаясь от полуденного зноя, ляжет в тени одинокого, словно случайно оказавшегося на альпийском лугу дерева, выскочил из своего укрытия в зарослях, ворвался в небольшое вялое стадо, схватил зубами за шею ягнёнка покрупнее и, деловито подсобив хвостом, словно человек рукой, взвалил его уверенным движением себе на плечо. Ягнёнок, скованный ужасом, а может, от неожиданности и сильного удивления, распластался на широкой волчьей спине, словно неживая вещь, не издав ни звука и даже не шелохнувшись. Молчало и стадо. Только одна овца, наверное, мать ягнёнка, недовольно и жалобно заблеяла...

Волк стал подниматься по холму, тяжело дыша. Это был довольно крупный и нахальный волк. Наверное, он был сильно голоден, а потому и презрел всякую опасность, напав средь бела дня в присутствии пастуха на стадо. Правда, ему казалось, что он улучил удобный момент и пастух ничего не заметил. Уже ощущая в пасти сладкую кровь ягнёнка, зверь исходил слюной. Но инстинкт самосохранения был сильнее голода и внушал волку, что для пущей безопасности следует отойти подальше от человека. И хищник, пыхтя, ускорил шаги. Сейчас он достигнет вершины холма, затем побежит вниз по склону в сторону леса и скроется вместе с добычей в гуще зарослей...

Но вдруг сверху раздалось:

- Положи ягнёнка! Это не твоё.

Волк поднял голову, не выпуская из зубов шею своей жертвы. Почерневший от солнца человек с крупным орлиным носом и недельной щетиной на скуластом худощавом лице смотрел волку прямо в глаза. Мужик был приземистый и не очень широкий в плечах, но с увесистой палкой в грубой, узловатой руке. Он не отрывал от волка требовательный, пронизывающий взгляд чёрных, с красными прожилками глаз. Опытный пастух понимал, что взгляд - тоже оружие, а в

иных случаях и посильнее дубинки и ружья. Им можно внушить страх противнику, парализовать его, навязать ему свою волю.

Конечно, волк не собирался просто так сдаваться. У голодного хищника была своя правда - он должен был кушать. Кушать, чтобы жить, существовать дальше. Но у человека была, пожалуй, более убедительная и весомая правда - ягнёнок принадлежал ему, это было его имущество, он тратил на него своё время, силы и средства: кормил, защищал, растил его... Правда была даже у слабенького, полуживого-полумёртвого ягнёнка - ему, Божьему созданию, просто хотелось жить, пусть неосознанно, на этом свете. И, наверное, это была самая большая правда из всех трёх правд, самая главная правда, потому что без этой правды две другие просто лишены смысла. Но «правда жить» и «правда жизни» слишком отличались друг от друга: у бедного ягнёнка не было ни острых зубов или когтей, ни крепких мышц, ни другого какого-либо оружия и даже взгляда, передающего внутреннюю силу и способность к самозащите. И теперь всё зависело от того, какая из двух первых правд победит - волка или человека, ибо в данном случае правда была на стороне силы.

Волк инстинктивно применял естественное оружие - он посмотрел на человека исподлобья голодным и злым взглядом. Жёлтые глаза хищника потемнели от ярости, налились кровью. Не раскрывая рта, он угрожающе зарычал, вернее, заурчал, полуобнажив жёлтые клыки, с которых капала жадная слюна. Его хвост был задран, а это означало, что зверь был вполне уверен в себе и настроен решительно.

Но и человек был не лыком шит: маленький, но с сильным взглядом, он продолжал смотреть на зверя прямо, спокойно и пронзительно. В руке у него была дубина, но волк словно не замечал её, впившись враждебными, кровавыми глазами в человека. Человек в душе уважал волка, так как, в отличие от той же коварной рыси, которая нападала, как правило, на ничего не подозревающую жертву сзади сверху, волки обычно охотились открыто, лоб на лоб. Но сейчас было не до чувств и философии...

- Это не твоё. Положи и уходи, - твёрдым басом повторил человек, выдержав грозный взгляд хищника и продолжая давить его своим суровым, пристальным взглядом.

Волк ощетинился летней негустой, серой с рыжим оттенком грязноватой шерстью, не переставая глухо рычать. Из пасти хищника текла слюна, теперь уже перемешанная с кровью ягнёнка. Стоящие торчком уши были развёрнуты вперёд. Всем своим свирепым видом зверь пытался внушить человеку страх.

Ягнёнок, видимо, от боли, наконец очнулся и издал слабое «мя-я-я-я». Глаза у него были полуоткрыты, но не было видно зрачков, не было взгляда как такового.

- Уходи подобру-поздорову! - вновь раздался спокойный, но полный силы и уверенности повелительный голос человека.

Взгляд у волка сверкнул бессильной злобой и вдруг погас, словно перегоревшая лампочка. Он поджал хвост, отвёл уши назад и скинул со своей спины окровавленного, но ещё дышащего ягнёнка. Опустив голову и глядя прямо перед собой, волк потрусил мелкой рысцой прочь, высунув язык.

Человек бережно поднял с земли бедное животное и, неся его на вытянутых полусогнутых руках, спустился к овцам, которые, спасаясь то ли от жары, то ли от опасности, уткнулись носами в землю, спрятав головы и образовав сплошную серую массу...

2015 г.

НАИВНАЯ МУДРОСТЬ

– Папа, когда я вырасту, ты станешь маленьким, как я? - вопрос четырёхлетнего сынишки, кажется, застал Арама врасплох.

Наткнувшись на серьёзный вопрошающий взгляд малыша, он подавил первый порыв рассмеяться и ответил с лёгкой улыбкой:

- Нет, Багратик, стану дедушкой.

Малыш призадумался и, словно сделав открытие, произнёс с откровенным удивлением:

- А потом?.. Умрёшь?..

- Да, - коротко, будто спеша скинуть с себя нечто тяжёлое, бросил Арам и пожалел об этом, увидев грустно-изумлённую мордашку сына.

Багратик печально опустил голову.

- Все люди когда-нибудь умирают, детка, - словно оправдываясь, добавил Арам и понял, что тем самым ещё больше усугубил неловкую ситуацию - ведь мысль о том, что можно исчезнуть навсегда, неприемлема для сознания ребёнка.

Мальчик больше не стал задавать вопросов, молча направился в детский уголок, в свой отдельный мирок в гостиной, где его терпеливо ожидали любимые глазастые автомобильчики разных цветов и форм.

«Да что дети! Даже взрослые порой готовы идти против реальности и дарить себе иллюзию бессмертия: будто смерть, в порядке исключения, обойдёт их, - подумал Арам под впечатлением от разговора с сыном. - Многие заботятся лишь о том, как пронести себя, своё крайне уязвимое физическое тело сквозь пространство и время в целости и сохранности. Более того, они надеются неким волшебным образом обмануть неумолимое время. Ужасаясь небытия, абсолютной свободы, когда нет возможности потрогать, пощупать что-нибудь, они на самом деле и не живут, мучая себя страхом ожидания смерти...»

Арам невольно вспомнил, как многие годы назад, когда ему

было почти столько же, сколько сейчас сыну, он стал свидетелем пышных похорон: длинную процессию сопровождал оркестр, придававший церемонии торжественность, но одновременно и какую-то неестественность, бутафоричность. Маленькому Араму казалось, будто взрослые, в том числе неподвижный человек в гробу, играют с важным видом в некую необычную игру. В этом он уверился, когда заметил, что некоторые в большой толпе, ближе к её концу, то и дело улыбаются, а один даже прыснул смешком, поспешно прикрыв рот ладонью... Смерть тогда представлялась мальчику с его ощущением безграничности жизни не только чем-то нереальным, но и... забавным. «Я не умру», - был уверен мальчик и радостно делился с друзьями и родными своим «открытием».

Будучи уже достаточно зрелым юношей, Арам, размышляя над феноменом смерти, задался вопросом, почему человек не остаётся вечно молодым и сильным на протяжении всей отпущенной ему жизни и почему с годами, в старости, он становится всё беззащитней перед жизнью, словно напоследок она издевается над своим хозяином за то, что тот безвозмездно, часто беспечно, пользовался ею в течение многих лет. Почему время, эта движущаяся пародия вечности, несёт, словно орёл жертву, в своих цепких когтях чело-века всю его жизнь, чтобы в конце беспощадно расп-равиться с ним... И у двадцатилетнего Арама тогда появилась идея: «Разве не было бы разумнее, если бы люди умирали, а вернее, исчезали или растворялись в воздухе в сорок лет, в расцвете сил и здоровья, чтобы никто не стал свидетелем их беззащитности и унижения перед смертью. Ведь в такие минуты сама жизнь кажется жалкой и бессмысленной, некой злой шуткой природы...»

Годы спустя, когда магическая для него цифра сорок подступила вплотную, Арам понял нелепость и жестокость собственной идеи...

И вот теперь его сынишка, сам того не осознавая, выдвигал, пусть и в виде наивного вопроса, собственную «теорию» жизни и смерти, а точнее - жизни без смерти, некой вечной жизни, в которой дети и их родители не разлучаются.

Арам подошёл к сынишке, взял его на руки, поцеловал в румяную щеку.

В ответ малыш, блеснув хитринкой в глазах, вновь ошарашил отца:

- Не хочу расти. Хочу быть всегда маленьким...

Это шло вразрез с общепринятым мнением о том, что дети мечтают поскорее вырасти.

- Почему? - с неподдельным удивлением спросил Арам.

- Хочу, чтобы ты всегда носил меня на руках.

Арам почувствовал внезапный прилив веселья и какого-то детского озорства.

- Но сейчас ты станешь выше меня! - с этими словами он резко поднял сына над своей головой на вытянутые руки. - Вот теперь ты большой, а я маленький...

Это внезапное и забавное действие вызвало сильные эмоции у мальчика - он разразился заливистым смехом.

Посадив ребёнка себе на плечи, Арам сделал несколько энергичных приседаний, весело приговаривая: «Теперь - снова маленький, а сейчас - большой... Маленький, большой...»

Наконец, опустив сына на пол, Арам отдышался. Мальчик, весело гикнув, побежал вприпрыжку к своим машинкам, каждой из которых он придумал забавное имя. Раздался рёв мотора, визг тормозов. «Выж-выж-выж...» - буксовали колёса, «пи-би-бип...» - сигналили автомобильчики, обгоняя друг-друга, то и дело раздавался грохот аварий...

Отец с улыбкой наблюдал, как сынок с детским азартом, брызжа эмоциями, общается со своими, словно оживающими в его руках, четырёхколёсными друзьями, и вдруг сделал для себя открытие, которое, казалось, должно было быть очевидным: дети стараются наполнить *каждый миг жизни радостью и невинным удовольствием*. Именно к такому состоянию, когда каждой клеточкой чувствуешь полноту жизни, испытываешь ощущение праздника от живых эмоций, по идее, должны стремиться все люди на этом свете. Но, увы, пытаясь построить себе земное счастье, человек с годами всё крепче привязывается к мёртвым ценностям, окружая себя ненужными вещами и предметами, которые очень часто приоб-

ретаются либо из ложной экономии, лишь потому, что они дёшевы, либо из глупого тщеславия - потому, что они стоят больших денег и другим не по карману. Взрослое разумное существо настолько привязывается к своим пожиткам, как ребёнок к любимым игрушкам, что хронически боится потерять их, словно всё это принадлежало ему и ранее, ещё до появления на свет. В итоге венец творения всё больше отдаляется от истинной своей природы и всё глубже погружается в болото суеты и тревоги, где захлёбывается живая душа...

Дети же, сами того не осознавая, всем своим существом пытаются напомнить взрослым ниспосланную свыше мудрость: жить просто, радуясь каждой мелочи бытия, и не думать о скоротечном времени, которое, пожалуй, придумал для себя сам человек (неуверенный в себе и вечно колеблющийся), чтобы «планировать» свою жизнь, расписать её наперёд по часам, дабы не отстать от других, преуспеть в мире, искусственно придуманном людьми в качестве реального...

Просто жить, наслаждаясь такой уникальной возможностью, прожить, прочувствовав целиком каждое мгновение дарованной свыше жизни - ведь человек не властен над следующим мигом, который может и не настать... В этом и заключается наивная мудрость ребёнка...

2017 г.

ВЛАСТЕЛИН ГРЁЗ

1

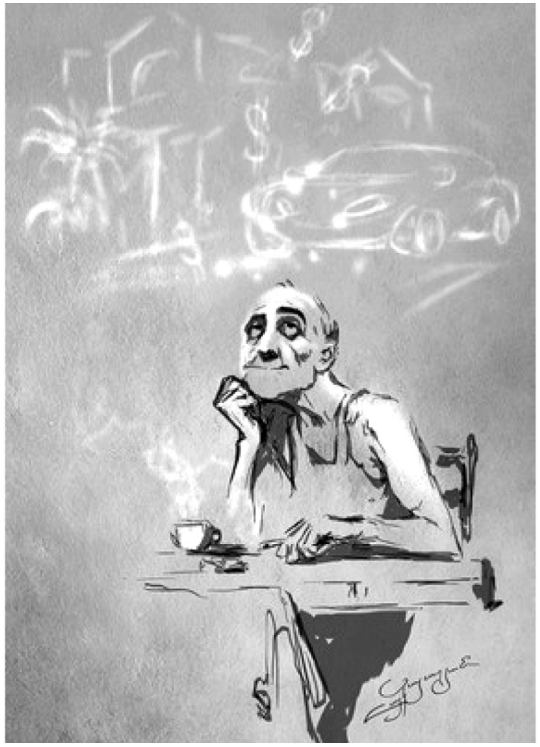

Иллюстрация Айка Саадяна

Существует гипотеза, что более десяти процентов жителей планеты видят только чёрно-белые сны. Славику же с некоторых пор стали сниться только цветные сны, особенно наяву.

И вот, одержимый одним из таких снов, он загорелся желанием приобрести футбольный клуб в Англии, хотя не разбирался в этом популярном во всём мире виде спорта и знал всего несколько названий самых известных, так называемых топовых клубов, о которых просто невозможно было не знать, потому что они были вечно у всех на слуху. Свою будущую команду, словно бросая вызов самим родоначальникам футбола, Славик решил назвать «Британия - Лондон». Вот так бесхитростно и с откровенной прямотой, но всеобъемлюще и масштабно.

«А ведь до меня никто не догадался! - поздравил себя Славик. - Всё гениальное - просто...»

Славика не только не смущало, что он совершенный про-

фан в этом деле, но и, наоборот, подстёгивало, так как он видел лишь праздничную сторону дела. И вот он уже представлял себе, как с элегантной лёгкостью размашисто подписывает огромные суммы на чеках, чтобы заполучить лучших игроков и самых именитых тренеров. Результат не заставляет себя ждать: команда одерживает одну победу за другой, удивляя многолетних фанатов знаменитых клубов. Имя загадочного владельца клуба не сходит со страниц мировых газет и журналов. Его осаждает горлопанящая толпа фанатов, требующих осчастливить их автографом... Славик аж зажмурил глаза от лучей ослепительной славы...

В его воображении Лондон был тем волшебным местом, где воплощаются в жизнь самые невероятные фантазии. В далёкой провинции, в трёх тысячах километров от города мечты, он предвкушал всевозможные прелести большой столичной жизни. Перед его глазами стояли во всей сияющей красе дорогие машины, роскошные особняки, величественные виллы, картинные пляжи лучших мировых курортов, длинноногие фанатки в коротких юбчонках, джакузи, золотые унитазы и прочие изыски богатой жизни... А что на этом фоне кредиторская задолженность - подумаешь, всего лишь пара десятков тысяч долларов...

«Фи! - Славик презрительно, словно докучливую муху, отогнал от себя непрошеную мысль. - Я своим лучшим игрокам за одну игру больше буду давать...»

2

Да, у Славика не только не было и гроша за душой, но он давно погряз в долгах... Однако это не мешало ему, а, наоборот, побуждало строить самые крутые планы. Но в отличие от пчелы, которая для производства мёда облетает миллионы цветков, преодолевая многие километры, Славик предпочитал витать в сладких грёзах, не отходя от воображаемой кассы... А ведь он не всегда был таким трутнем-мечтателем...

Всё началось с провала собственного бизнеса. Ещё года три назад Славик был достаточно преуспевающим предприни-

мателем - по небольшому полупровинциальному городу были расчётливо разбросаны его пять магазинчиков одежды и обуви. Он закупал товар оптовыми партиями в столице, привозил и сбывал по цене, позволяющей покрыть дорожные расходы и постепенно гасить внушительный 20-процентный кредит, взятый у частной компании «Тенета» для налаживания предпринимательства, которое раньше заклеймили бы бичующим словом «спекуляция», а сейчас, в условиях «рыночных отношений», уважительно называют «бизнесом». Новоиспечённый бизнесмен не только своевременно выплачивал кредит, но и охотно одалживал деньги друзьям и знакомым, которых у него было много. Он обрёл имидж респектабельного предпринимателя, и это очень льстило ущемлённому в детстве самолюбию молодого человека, родители которого, едва сводившие концы с концами, вынуждены были отдать его, пятого ребёнка в семье, на попечение пожилых родственников, у которых не было собственных детей.

Окрылённый успехом, Славик между делом уже думал о создании собственной семьи, и невеста, дочь одной из его постоянных клиенток, не заставила ждать преуспевающего жениха. Молоденькую красавицу успешно сосватали Славику, наделив её, как принято в таких случаях, неземными добродетелями. Свадьбу сыграли пышную. Поздравления и добрые пожелания рекой лились на молодых, на лебединой шее невесты сверкали, словно подмигивая участникам торжества, золото и бриллианты... Но красавица оказалась роковой, и уже через три месяца новобрачные... разводились. Благоверная, не без науськивания матери и родственников, требовала от Славика немедленно обеспечить ей (и не только ей) неземной рай - сад земных благ и наслаждений. Он старался как мог, не жалея сил и средств, но тут, как назло, навалился мировой финансово-экономический кризис, покупательская способность людей резко снизилась, бизнес стал дышать на ладан, а Славику надо было возвращать кредит... В общем, трещина в личной жизни и бизнесе произошла почти одномоментно. Благоверная ушла, унося на своих хрупких плечах половину состояния несостоявшегося мужа-бизнесмена...

3

Надломленный Славик выбился из колеи, ему стало не по силам вовремя погашать долг, пошли штрафные санкции. Штраф начислялся довольно внушительный - один процент за каждый день просрочки. То и дело звонили из банка, сначала вежливо предупреждали, потом стали грозить отъёмом имущества и прочими карами.

Славик несколько раз обращался к руководству «Тенеты» с просьбой подождать немного, пока дела поправятся, не назначать штрафы, жалуясь при этом на несоразмерность штрафных санкций. Однако навстречу ему не пошли, наоборот, стали давить через суд. Вскоре делом занялись судебные приставы.

Как законопослушному гражданину Славику пришлось снять все оборотные средства и свернуть бизнес. Однако пока он пытался продать свои торговые объекты, задолженность росла. Пришлось отказаться и от автомобилей - не торгуясь, он сначала сбыл легковушку, а затем и грузовичок, на котором привозил товар для реализации. Ему едва удавалось погашать штрафы и проценты... Славик уже выплатил на четверть больше основной суммы кредита, но зловещий долг неумолимо подбирался к дому, доставшемуся ему в наследство от приёмных родителей, которые с разницей в неполный год покинули этот свет, едва их воспитаннику исполнилось двадцать. Словно муха, бьющаяся в паутине в попытках выбраться, Славик всё больше запутывался в сетях «Тенеты».

Он ложился не раздеваясь, не засыпал до утра, ворочаясь в постели, иногда вскакивал посреди ночи от мнимого звонка, бредил, часто повторяя одну и ту же фразу: «Нет, нет... Это невозможно! За что?..»

Ему казалось, что все устроили заговор против него: и кредиторы, и судьи, и даже сами клиенты, чтобы искусственно загубить его бизнес, обобрать до нитки, отнять его последнее пристанище.

Славик стал писать жалобы в высокие инстанции, требуя защитить его права и интересы. «Меня обманули, ограбили средь бела дня! Требую восстановления справедливости,

защиты моих гражданских прав, возмещения материальных потерь, компенсации нанесённого мне морально-психологического ущерба, наказания виновных...» - перечислял он.

При этом Славик заверял, что заплатил вдвое больше положенной суммы. А последний взнос, утверждал он, загадочным образом не дошёл до адресата. «Аргументами» выступали и другие, часто сиюминутные эмоции, основанные на полном или частичном искажении фактов. Кредиторы же приводили свои аргументы, холодные и весомые, где не было ничего личного и лишнего. Тем временем отрицательные ответы судов на его заявления всё больше укрепляли подозрения Славика в заговоре против него...

Многочисленные друзья и знакомые пропали, словно их сдуло порывом ветра. Некоторые из них исчезли вместе с невозвращёнными долгами. Славик, будучи обманутым, брошенным и забытым всеми, горел от обиды и тоски. Думая о своей печальной участи, он жалел, что человек не способен перемещаться назад во времени, так как очень хотел вернуться назад, к той роковой черте, после которой начались его несчастья, и предотвратить фатальные ошибки. Злой на весь мир, он погружался в чувство безнадёжного отчаяния, от которого можно было сойти с ума. Порой посещали мысли о самоубийстве, которое позволило бы вмиг покончить со всеми проблемами. Но Славик панически боялся самого процесса смерти: неимоверной боли от падения с высоты или самосожжения, тяжелейших ощущений при удавлении петлёй, мучительных конвульсий от яда ...

В голове два голоса вели диалог. «Ну, допустим, нашёл безболезненный способ, - говорил первый голос, - а что дальше: вечная пустота, чистилище, ад?..»

«Вот именно - если бы знал, что попаду в рай, то медлить не стал бы», - отвечал второй...

4

Но вдруг всё как рукой сняло.

Проснувшись однажды от нежного щекотания солнечного лучика, робко проникшего сквозь щель плотных занавесок,

Славик почувствовал себя необычайно легко.

Он бодро встал с постели, сделал глубокий вдох, потянулся всем телом, расправляя затёкшие шею и плечи, похрустел пальцами и шейными позвонками. Раздвинув тяжёлые запылившиеся шторы, Славик зажмурился от яркого света и в недоумении замер, словно впервые в жизни заметил красоту восходящего солнца. Природа сбрасывала последние оковы ночи. Пробуждающиеся под живительными лучами могучего небесного светила деревья, цветы, травы обретали свой натуральный вид и естественную, яркую окраску. Беззаботно-радостные трели невидимых птиц возвещали о наступлении нового дня...

Казалось, только сейчас Славик понял, что всё происходящее за тонкими стёклами окна касается и его. Чья-то невидимая рука сняла ирреальную, но вполне ощутимую удавку с его шеи, вычеркнув из памяти недавнее прошлое вместе с мучавшими его проблемами и тревогами. Он почувствовал себя совершенно другим человеком. На душе вдруг стало радостно и светло. Но, увы, как оказалось, это был необычный, слишком яркий свет лампочки, который появляется при перенапряжении в электрической сети и грозит перегоранием или взрывом...

Будучи не в силах справиться с навалившимися проблемами, Славик инстинктивно отстранился от враждебной ему реальности и ушёл в мир живописных иллюзий и фантазий. Здесь он был властелином собственных грёз, неким чародеем, одним движением мысли которого исполнялись самые немыслимые мечты... Именно в это необычное лучистое утро Славик озарился идеей стать владельцем успешного английского клуба...

Он достал из массивного шкафа позабытые галстуки, выбрал самый яркий. Из нереализованных запасов сорочек Славик выделил самую модную и дорогую - ведь теперь он хозяин жизни и должен выглядеть соответствующе.

Сбрив месячную щетину, Славик не узнал себя в зеркале - настолько бледным и осунувшимся было его лицо. Но взамен у него появился воинственный огонёк в глазах, а заострив-

шийся подбородок горделиво вздёрнулся.

Славик приоделся, приосанился и вышел на улицу. С непривычки после многодневной тишины замкнутого пространства ему заложило уши, слегка кружилась голова, но взгляд его был твёрдым и уверенно-холодным. Шагая по улицам, он не смотрел себе под ноги, а поверх голов людей, словно видел вдали нечто такое, чего не видели другие. При этом Славик то и дело заговаривал с кем-то невидимым, доказывал что-то, подкрепляя свои доводы властными, не допускающими возражения жестами...

Такие прогулки стали для него ежедневной привычкой. Возвращаясь домой, он принимал новую для себя, барскую позу: откидывался расслабленно на спинку кресла и клал ноги на журнальный стол. Так было удобнее строить свои амбициозные планы. Он задумал даже подправить своё имя - по паспорту он был Славик, а станет Слава. Так будет звучать солиднее - прибавится «славы»...

Славик, без преувеличения, перестал отличать грёзы от реальности, он жил в своей идее, и она целиком управляла его поведением в искусственно созданном, причудливом мире. Говоря иначе, он лихо скакал на мёртвой лошади, не осознавая того. Правда, иногда приходилось спешиваться и признавать жестокую очевидность: чтобы долететь до Лондона для начала необходимо найти хотя бы 300 долларов на билет. Но он быстро отгонял от себя мрачные мысли и снова прыгал в седло, чтобы помчаться дальше. Фантазии росли, с каждым часом Славик становился на новую ступень своих больных мечтаний... Вот его принимает сама королева Англии, наслышанная о невообразимых успехах его клуба, и награждает почётным орденом...

Казалось, это апогей воображения, но не тут-то было. Легко преодолев первые барьеры на пути своих мечтаний, Славик пошёл дальше - он возомнил себя... спасителем мира.

5

Славик был уверен, что только его собственное сознание способно решать глобальные проблемы. И он стал «изобре-

тать» - разумеется, в своём воображении - концепции по борьбе с терроризмом, ядерной угрозой, финансово-экономическими кризисами, наводнениями... От системы антицунами он перешёл к «разработке» новых технологий по обезвреживанию невзорвавшихся со времён второй мировой войны бомб...

Окрылённый своими «ноу-хау», Славик писал электронные письма с пометкой «Срочно! Лично в руки!» президентам и королям разных европейских стран, уверяя, что создал не имеющие мировых аналогов системы, способные оперативно выявлять и локализовывать современные глобальные угрозы.

«Я генератор бесценных идей, - писал Славик главам и послам государств. - В судьбоносный момент Господь послал Вам нужного человека для помощи в борьбе с поднявшим голову мировым злом. Надеюсь, Вы со всей серьёзностью отнесётесь к моим концепциям и поможете реализовать их».

Он предлагал пригласить его в европейские аналитические центры и ведущие университеты для прочтения лекций по угрозам современного мира и национальной безопасности. При этом Славик обещал приехать к королям, президентам, премьер-министрам не с пустыми руками, а с щедрыми подарками, в том числе с майками собственного, эксклюзивного производства с их изображениями, книгами про них и живописными портретами в своём исполнении... Он даже готов был установить им памятник на их родине, изваянный «собственноручно, талантливо и от души».

В конце письма Славик неизменно благодарил своих адресатов «за оказание высокой поддержки в реализации важнейших для человечества проектов» - как за уже свершившийся факт.

А когда внутренний голос однажды спросил: «А вдруг пригласят?», Славик, не моргнув глазом, ответил несколько обиженным тоном: «В чём проблема, дорогой? Разве трудно за пару дней всё подготовить? Взял и скачал из интернета, немного видоизменил, и всё готово...»

Разумеется, короли, президенты и премьер-министры не отвечали Славику, и тот считал их равнодушными и примити-

вными функционерами, не желающими и не способными осознать полёт его мысли...

Вместе с тем Славика всё больше терзали подозрения. Ему казалось, что все его идеи перехватываются кем-то и немедленно осуществляются как собственные...

6

Славик очнулся в крохотной белой комнатушке с форточкой вместо окна под самым потолком. Он с трудом оторвал голову от подушки, сел в оцепенении в жестковатой постели на грубой железной кровати. В давящей, готовой лопнуть тишине Славик пытался понять, как сюда попал. Но голова была ватная, никак не «включалась». Первое, что пришло на ум - инопланетяне похитили его как гениальный экземпляр человека и забрали половину его мозга для проведения исследований.

Но вскоре, по всей видимости, ему вернули второе полушарие мозга, и он вспомнил, как накануне пытался вломиться в двери к соседям с верхнего этажа, у которых, как ему показалось, поселились внеземные существа, выкачивавшие с помощью специального устройства у него идеи, чтобы затем использовать их против землян. Далее всё происходило словно не с ним. Славик как бы со стороны видел, как ему заламывают руки и ведут к машине с проблесковым маячком, заталкивают туда. Как потом развивались события - он никак не мог вспомнить...

Психиатры вынесли экспертное заключение о том, что Славик «не может понимать значения своих действий и руководить ими». На основе этого суд принял решение о его временной недееспособности. Славика признали банкротом, списали долги, простив набежавшие проценты и штрафы.

Вместе с исчезновением основного источника стресса потихоньку отступила и болезнь. Правда, врачам потребовались недюжинные коллективные усилия, чтобы окончательно спустить Славика на землю и убедить его жить по-человечески, просто и без лишних затей...

2017 г.

ПРЕОДОЛЕНИЕ

Посвящается подруге жизни

Иллюстрация Айка Саадяна

Поначалу показалось, что это обычная слабость от уже ставшего привычным перенапряжения на работе. Работал Он, как говорится, на износ, стараясь успеть всё, будь то аналитическая статья, художественный рассказ, редактирование текста или банальная починка протекающего крана на кухне. Спать ложился за полночь и заставлял себя просыпаться до восхода солнца, чтобы как можно полнее и эффективнее использовать вечно не хватающее время - единственный невосполнимый ресурс в жизни человека. Но стальная воля, увы, это не стальные нервы и сосуды, и рвётся там, где тонко. Первыми напоминали о себе старые раны, которые вроде бы давно зарубцевались, но поражённый нерв часто ныл, как бы жалуясь, когда Он особенно усердствовал, либо погода резко

менялась или наваливался какой-то нежданный стресс. До сих пор Он «слышал» резкие звуки сначала левой рукой, потом уже воспринимал слухом: раненая рука спешила реагировать наэлектризованной болью, словно происходило короткое замыкание в сети...

На этот раз всё было по-другому - к ослабевшей руке (левая кисть безвольно повисла) прибавилась и нога, которая попросту отказалась держать остальное тело, быть ему опорой. Благо, диван был рядом, и Он присел на него, пытаясь осознать происходящее. При этом всё ещё надеялся, что это привычное переутомление, и растревоженные раны всего лишь напоминают о себе, требуя должного внимания и уважения. Посидев с минуту и собрав волю в кулак, Он поднялся с дивана, сел за компьютер и продолжил работу над очерком. Минут через сорок вышел на балкон передохнуть и подышать свежим воздухом. Тут левая нога вновь дрогнула. Доковылял до кровати в спальной и прилёг.

Левая сторона тела, от предплечья до ступни, словно была забита ватой. Кисть скрючилась, онемевшие пальцы шевелились с трудом.

Он решил не тревожить домашних, которые на кухне вовсю готовились к встрече Нового года. Дети, весело щебеча, помогали маме накрывать праздничный стол. Не хотелось портить им настроение. Вместе с тем не терпелось доказать самому себе, что ничего экстраординарного не произошло...

Напрягая волю, Он встал и, стараясь не выдать своё состояние, организовал вместе со старшим сыном шашлык на балконном подвесном мангале. Сел с семьёй за предновогодний ужин, поднял тост за наступающий Новый год, пожелал всем мира, счастья и здоровья, но не стал пить, а лишь пригубил бокал вина. Предчувствие не обмануло - самостоятельно встать из-за стола не сумел...

Свой пятидесятый Новый год Он встречал в больнице. В последний раз, почти четверть века назад, Он лежал в

стационаре военного госпиталя с огнестрельными ранениями. Восстановился относительно быстро и после этого ни разу серьёзно не болел. В душе Он гордился своим железным здоровьем, которому, казалось, не были страшны никакие испытания... Сейчас, двадцать пять лет спустя, инсульт ударил по старым ранам, «оживив» их...

Словно это было вчера. Перед глазами встал худой бородатый человек с несколько уставшим, но твёрдым и решительным взглядом. Глядя на фотографии тех лихих лет, вряд ли кто-либо узнал бы его - ведь сегодня Он выглядел чуть ли не моложе, чем четверть века назад...

Август 1992-го выдался жарким во всех смыслах. На северо-восточном направлении фронта шли ожесточённые бои, позиции по нескольку раз переходили из рук в руки. На одном из участков противник, используя своё значительное численное преимущество, «взял в мешок» небольшой отряд самообороны. Завязался горячий бой. Горсточке отчаянных бойцов удалось прорвать вражеское кольцо и углубиться в лес. С перебитой автоматной очередью рукой Он преодолел несколько километров, оставляя за собой нескончаемый кровавый след. Потом удивлялся, как хватило крови на весь этот путь, ведь невозможно переключить организм на режим «холостого хода», как это делает опытный водитель на определённых участках дороги, экономя бензина. Но всё же чудо состоялось - выжил... В госпитале, преодолевая нестерпимую боль, отвоёвывал у смерти миллиметр за миллиметром своё пространство. Единственно шевелящийся на левой руке большой палец обнадёживал....

Сейчас, накануне своего пятидесятилетия, Он вновь лежал на больничной койке, но уже с полностью отключившейся левой стороной тела. Это было почти дежавю, словно кто-то отмотал время на двадцать пять лет назад... Удивительно, но вновь замаячившая на горизонте смерть нисколько не страшила, Он думал только о семье, детях. А ещё жалел, что может

не завершить главную в своей жизни книгу, которую готовил много лет и должен был вот-вот сдать в издательство...

Из раздумий вывела супруга, круглые сутки ни на шаг не отходившая от него.

- Что-нибудь надо?
- Нет. Приляг, отдохни. Сильно устала?
- Нет, что ты?..

В эти дни Он в буквальном смысле слова опирался на её хрупкое, но сильное и надёжное плечо, как раненый боец на плечо медсестры. В каждом её движении, вольном или невольном, были преданность и забота. Минувшей ночью, когда Он неловко и с шумом повернулся в кровати, прикорнувшая рядом на стуле супруга в инстинктивном, каком-то самоотверженном стремлении помочь, ещё даже не успев открыть глаза, отчаянно потянулась всем телом к нему с вытянутой вперёд рукой и приглушённым криком-вопросом: «Что?!».

Это было конкретное воплощение понятия «моя половинка». Подруга жизни, в самом деле, стала в трудный час его половиной, составив одно целое с ним, чтобы не дать упасть в прямом и переносном смысле. Две жизни словно слились в одну для выживания. В этом, наверное, и заключается счастье, когда в большом, всепоглощающем чувстве растворяются границы между двумя разными людьми, и они превращаются в единое гармоничное целое. Вместе с тем очевидно, что для доказательства любви и верности не обязательно идти с милым на край света, а достаточно просто находиться рядом в минуты удачи и невзгод, делить с ним радость, добавляя положительных эмоций, и брать в случае необходимости часть боли на себя...

Он сделал для себя ещё один вывод: «милым» становятся не только после смерти. За первые дни болезни его посетили десятки людей - не только родственники и друзья, но и знакомые - близкие и не очень. Некоторые из них сами недомогали, но его болезнь подняла их на ноги, они буквально встали

с постели, забыв на время свои хвори. Были среди них и инвалиды, боевые товарищи - они на костылях пришли поддержать его. Это было предметное доказательство правдивости изречения: «Не имей сто рублей, а имей сто друзей». Сам Он в своё время многим протягивал руку помощи, по первой просьбе и бескорыстно, не ставя различий, и теперь каждый напоминал ему об этом, стараясь внести свою посильную лепту в его выздоровление - кто-то приносил еду, соки, лекарства, а кто-то подбодрял добрым словом, которое, казалось, обладало особым исцеляющим свойством...

Да, самое дорогое в этой жизни - естественное тепло, исходящее от людей, от их живых, не зачерствевших душ. Мощный эмоциональный фон сочувствия и поддержки, сформировавшийся от любви и заботы множества людей, словно спасительный кислород для задыхающегося, позволял преодолеть тяжёлый недуг и быстрее возвратиться к жизни...

январь-февраль 2018 г.

ЮМОР И САТИРА

СЕСТРИЧКА

Шум шагов в коридоре оторвал Артура Мартиросяна от книги. Приподнявшись на локте, он устремил взгляд в светлый дверной проём госпитальной палаты. Нет, это оказалась не она, а всего лишь медсестра соседнего отделения. Хотя по подсчётам Артура сегодня как раз ЕЁ дежурство.

«Ну вот опять, все мысли об одном и том же», - Мартиросян понял, что теперь ему уже не до чтения, отложил книгу на тумбочку.

Вот уже третья неделя, как солдат попал сюда с травмой колена, а эта сестричка никак не выходит у него из головы. Вздёрнутый и оттого чуть смешной носик, губы с припухлинкой, а глаза - точно две небесные слезинки. Не раз Артур мысленно разговаривал с этими глазами. А в действительности почему-то всё никак не получалось - он робел при её появлении. Ну а она, по крайней мере, так казалось Артуру, держалась с ним подчёркнуто сухо и официально - не так, как с другими ребятами палаты. А когда парень пытался поймать её взгляд, она тут же отводила глаза.

Обидно: надо же было упасть прямо на чашечку - ни встать, ни сесть... Ничего, главное - не падать духом! Надо что-то предпринять...

За мыслями Мартиросян не заметил появления дежурной медсестры. Это была Наташа.

Весёлая и озорная, как молодое деревце по весне, сестричка мигом развеяла мрачную унылость, которая так характерна для всякого лечебного учреждения.

- Так, ребятки, будем температуру мерить. Давайте, разбирайте термометры, - будто свежим ветерком прозвенел её голос.

Когда Наташа протянула градусник Артуру, он задержал ладонь её в своей руке. Их взгляды встретились.

- Наташа, - обратился Артур, - понимаете, у меня нога в гипсе, а мне очень нужны цветы. Там, - Мартиросян показал в сторону окна, - за дорогой - цветочный магазин, вы знаете. Купите мне, пожалуйста, букет... Мне его надо подарить одной девушке. - Артур полез в тумбочку за деньгами.

Ладонь Наташи выскользнула из горящей солдатской руки. На небесные слезинки набежали тучи.

- Букет, цветы?! - переспросила она чуть дрогнувшим голосом, поджав кончики губ, как это делает обиженный ребёнок.

- А впрочем, мне не трудно. Чего уж там, - девушка опустила глаза и уже привычным для Мартиросяна тоном сухо добавила: - Схожу после завтрака, не останется ваша девушка без цветов.

Но ни после завтрака, ни после обеда Наташа в палату не зашла. И только после «тихого часа» она появилась с букетом алых гвоздик.

- Вот, - протянула она цветы Мартиросяну. - В магазинчике ничего подходящего не было. Пришлось во время перерыва сбегать на рынок. Может, только поздно уже, и ваша девушка ушла, не дождавшись. Но я, правда же, хотела как лучше.

- Наташенька, да никуда она не ушла, не беспокойтесь. Ведь эти цветы для... вас.

- Для меня? - лицо Наташи стало пунцовым.

Часто-часто заморгав огромными ресницами, девушка бросала недоумённый взгляд то в одну, то в другую сторону, словно стыдясь наблюдавших за этой сценой парней.

- Ой, что это я стою, цветы же надо в воду поставить, - нашлась она и, бросив тёплый взгляд на Артура, поспешила к двери.

А перед глазами бойца ещё долго стоял свет небесных слезинок. Уже без всякого следа от серых туч...

1989 г.

СОСИСКА

Накануне вечером почтальон принёс ему небольшую бандероль от старого друга из периферии. В ней оказалась горсточка муки и скупая записка: «Дорогой Григор, мужайся! Твой Мукуч».

«Что бы это значило?» - шёл и думал Григор Мушегович Каркарян.

Была ли это новогодняя шутка или что-то другое, но, исколесив с утра чуть ли не полгорода, Григор Мушегович ни в одном из «хлебных» не увидел хлеба. Длинные очереди выходили далеко за пределы магазинов.

В поисках исчезнувшего хлеба Каркарян оказался на улице Царя Врама Шапуха. Улица медленно покрывалась снегом...

Не поворачивая головы, Григор Мушегович покосился налево, и правая бровь его, подпрыгнув, застыла в неестественной позе. Чудная картина предстала взору преподавателя латинского языка: синий от холода красавец с лихо подкрученными усами джигита стоял в гордом одиночестве на фоне высоченной горы из сосисок.

Теперь уже правым глазом Каркарян покосился на дощечку с красными знаками: «1 кг - 55 р.», и брови его сошлись у переносицы.

«У-у !.. » - мысленно произнёс он и прошёл мимо.

Через несколько шагов подумал: «Взять, что ли, полкило?»- повернул обратно и снова покосился на ценник.

- Продаёте? - скорбным голосом спросила пожилая женщина рядом с Григором Мушеговичем.

- Нет, только показываем, - отшутился продавец и почему-то заговорщически подмигнул Каркаряну.

«Ну его к чёрту! Дороговато! Обойдёмся без сосисок», - решил Григор Мушегович и сделал поворот на сто восемьдесят градусов.

Но тут вспомнив, что новогодние яства, запас которых он со своей старушкой доедал эти два дня, исчерпались и к ужину нечего будет приготовить, решился: «Возьму!», повер-

нул было обратно, однако, поймав на себе насмешливо-сочувствующий взгляд синего продавца, вошёл помимо своей воли в двери ювелирного магазина напротив.

- Ба! Григор Мушегович! - плотный мужчина в чёрном на меху пальто стиснул его в свои объятья. - С Новым годом! Сколько лет, сколько зим!

Каркарян едва узнал своего бывшего коллегу по университету, вовремя покинувшего храм науки и открывшего у себя на дому небольшой цех по шитью обуви.

- Ну, как самочувствие? - спросил сапожник, словно у больного, но быстро поправился. - А ты всё молодеешь, смотрю! - здоровая улыбка играла на его лице.

Оправившись от первой неожиданности, Григор Мушегович рассыпался в ответных любезностях.

- Вот, прохожу - а там сосиски продают, - бывший коллега поднял пузатый целлофановый пакет. - Недорого! Советую как друг - бери.

- Спасибо...

«Недорого, говоришь, дружище?! - спросил себя Григор Мушегович, когда собеседник удалился. - Видал: был сапожником, выбился в люди - стал доцентом, теперь снова подался в сапожники?! Конъюнктурщик! Зато - Человек!!! А чем я хуже? Разве я не человек?.. »

Он вышел из магазина, пошевелил сердито бровями и подошёл к усатому продавцу.

- Два кило! - предварительно откашлявшись для важности, заказал он.

Длинная цепочка сосисок компактно уложилась в целлофановый пакетик. Красавец продавец в качестве новогоднего презента положил вдобавок ещё одну сосиску.

- Спасибо!

- На здоровье!

«То-то!» - удовлетворённо подумал Каркарян и направился к трамвайной остановке.

Удобно разместившись и пощупав кончиками пальцев упругое тело сосисок, Григор Мушегович заметил про себя: «Тепло как... аж ко сну тянет. Эх, измаялся же сегодня с этим

хлебом... Где достать - вот задача?!»

- Ничего, заграница нам поможет! - словно в ответ на его вопрос откуда-то сзади донёсся чей-то ленивый голос.

- Ты опять за своё! Слушай, когда будет стипендия? У меня даже на хлеб не осталось, - жаловался в ответ кто-то.

- Стипендии твоей на хлеб едва ли хватит. Не те времена - либерализация, брат: теперь за ценами не угонишься, хоть галопом скачи... Эй, смотри, что это такое? - ленивый голос вдруг оживился. - Что за чудо?!

Григор Мушегович невольно обернулся. В заднем ряду сидел маленький, оборванный старикашка в очках без стекол. Заметив внимание к своей персоне, он осклабился, обнажив два-три гнилых зуба, и начал медленно, вполголоса ныть.

- Строили, строили, вот тебе и достроились, - Григор Мушегович ловил обрывки его фраз. - Обещали, обещали, бессовестные... Такую страну развалили...

«O tempora! O mores! - О, времена! О, нравы! Ну и жизнь пошла... Скоро вообще голыми по городу станут ходить, - думал преподаватель латинского языка, глядя в окно. - О, Боже, где же выход - укажи... »

Снег за окном стал мельче. Трамвай, как показалось Григору Мушеговичу, сильно сбавил ход. Неподалеку от рельсов маленькая девочка лепила снежную бабу. Увлёкшись работой, она неожиданно поскользнулась и бухнула лицом в сугроб.

Поднявшись, девочка удивлённо воскликнула:

- Сладкий-то какой!

Взяла в горсть снега и решительно поднесла ко рту.

- Сахар? Сахар! - радостно закричала девочка.

Водитель резко затормозил. Пассажиры с гиком выбежали вон из трамвая. Только один Григор Мушегович никак не мог оторваться от сиденья - неведомая сила приковала его к месту. Он вынужден был наблюдать за развернувшейся за окном драмой из трамвая.

Сначала неуверенно и робко, затем всё смелее и смелее люди набивали себе карманы, шапки, рукавицы, засыпали за пазуху сахарный песок. Старик с пустой оправой даже носки для этой цели снял.

Вслед за сахаром сверху посыпались крупа, рис, пшеница, чай...

- Дорогая, сними бюстгальтер, - уговаривал муж жену, - не пропадать же добру!

- Гражданин, у меня талоны на рис не реализованы с прошлого года, одолжите вашу ёмкость! - здоровенный мужчина вырывал шапку у небольшого лысого человека.

- Товарищи! Не деритесь, всем хватит! - срывающимся от волнения голосом кричал плюгавый старикашка, набивая футляр из-под очков без стёкол. - Коммунизм! Коммунизм! Вот он, родименький, пришёл! Дождались!

С неба посыпались какие-то свёртки, пакеты, коробки.

- Беги, позвони Вачику, пусть машину с ребятами подгонит! И мешки чтоб не забыли прихватить! А я за нашей зоной присмотрю, чтоб никто не лез! - кричал товарищу юноша с растрёпанными волосами.

Появился сержант милиции. Ловким движением фокусника подхватив на лету какую-то коробочку и проворно спрятав её в карман, сержант с нарочитой строгостью произнёс:

- Граждане, прекратите самодеятельность и выложите содержимое ваших котомок на асфальт! Скоро сюда прибудет государственная комиссия и решит все вопросы, связанные с распределением продуктов.

Но никто его не слушал.

С шумом затормозил грузовик: из кузова десантировалась бригада молодцов с мешками и энергично заработала лопатами.

Кто-то уже сооружал из подручных средств «столик», чтобы как только прекратится «манна небесная», сразу же начать торговлю.

Две почтенные матроны вцепились друг другу в волосы из-за пачки импортного кофе. Чей-то парик валялся на снегу.

- Граждане! Прекратите безобразие! - снова попытался призвать к порядку сержант.

Однако старик в оправе, увлечённый работой, проползая мимо на четвереньках, невзначай сбил блюстителя порядка с ног. И не думая извиняться, старик маслено улыбнулся и, ви-

димо, осенённый новой идеей, неожиданно легко для своих лет вскочил на ноги и с хищной рожей подбежал к снежной бабе. Грубо оттолкнув девочку, которая, не замечая происходящего, уже приделывала своему нехитрому творению носщепку, старик схватил снежную бабу и убежал. Девочка отчаянно заревела, но никто не обращал на неё внимания...

Вдруг на горизонте показалась небольшая чёрная точка. Она приближалась, принимая человеческий облик. А через минуту все ахнули, узнав загадочного гостя.

- Ты кто? - тем не менее спросил чей-то грубый, недоверчивый бас.

- Джордж Буш, президент США, - ответил высокий поджарый господин в чёрном. - Это наши вертолёты засыпали вас продуктами. Мы хотели помочь вам, но, увы, вы оказались не готовы...

Григорий Мушегович открыл глаза. Трамвай был почти пуст. Целлофанового пакета рядом не оказалось. На полу сиротливо валялась сосиска. Каркарян огляделся, поднял её и, спрятав в карман пальто, направился к выходу какой-то пришибленной походкой.

Поднявшись к себе, Григор Мушегович тайком от старушки завернул сосиску в фольгу и вывел на небольшом клочке бумаги: «Дорогой Мукуч, крепись: Джордж Буш нам не поможет!»

Наутро, высоко и подчёркнуто гордо неся свою изрядно поседевшую голову, Каркарян направился в сторону почты...

1992 г.

СКРЫТЫЕ РЕЗЕРВЫ

День для новичков урологического отделения начинался клизмой, после чего следовали судорожные поиски свободного туалета.

Облегчившись, Аршак вернулся в палату и, растянувшись на скрипучей койке, задумчиво уставился в сизый, облупившийся от сырости потолок.

Сосед слева - Хачик, мерно посапывал во сне, а справа, уткнувшись лицом в подушку, безмолвно извивался в судорогах толстый бородатый мужчина.

В приоткрытую дверь больничной палаты боком протиснулся известный своими озорничаньями старик из соседнего отделения с дымящей папиросой в зубах. Воровски оглянувшись назад в коридор, он плотно прикрыл дверь, приложился к ней ухом и настороженно прислушался. Успокоившись, старик пружинистой походкой подошёл к столу и по-хозяйски врубил магнитофон Хачика.

В такт лихой музыке он начал производить резкие, нескромные для пожилого человека телодвижения. Тяжело пыхтя, весь в багровых пятнах, старик старательно вращал сухими бёдрами, отчаянно встряхивал седой головой, выкидывал попеременно ноги - аж до самых ушей.

Вдруг, застыв на минуту, он выпустил изо рта несколько колечек дыма и одним движением плеч сбросил с себя больничный халат. Зло вращая жёлтыми белками глаз, старик ещё быстрее и истеричнее забился в танце, одновременно сердито напевая что-то незанятым папиросой уголком рта.

Спустя минуту он сдёрнул с себя и майку.

Неизвестно, чем бы закончился этот канкан со стриптизом, но дверь с грохотом распахнулась, влетела санитарка с угрожающе поднятым совком и воинственно надвинулась на разгулявшегося старца. Тот сделал ложный выпад в сторону и, обогнув легко обманувшуюся женщину, направился к выходу, приплясывая. Однако в дверях санитарка успела-таки дать ему здоровенного тумака.

Разом смахнув со стола остатки вчерашнего ужина, пустую консервную банку, кассету и несколько книг, санитарка неистово замахала веником, подняв массивный столб пыли.

Приблизившись к койке Аршака, она бросила веник и без лишних церемоний открыла дверцу его тумбочки. Вытащив увесистый куль с фруктами, санитарка, ворча себе под нос, тщательно выбрала и отложила два самых крупных и аппетитных яблока. Затем проглотила с потрохами горсточку вишен, откусила от огромной груши, поморщилась и небрежно бросила её обратно в куль.

Ворча что-то себе под нос, она рассовала яблоки по карманам и вышла, хлопнув дверью.

- Ты что за клизму не заплатил? - спросил проснувшийся Хачик.

- Разве надо? - удивился Аршак.

- Конечно! Это ведь не входит в её обязанности - клизмами медсестра должна заниматься... А я думаю, отчего она сегодня так взбесилась?

Дверь снова грохнула - вновь появилась санитарка, теперь уже со шваброй в руке и бельём под мышкой.

Молниеносным, страшной силы рывком она вытянула из-под извивающегося бородача простыню. Бородач горизонтально взлетел и пока переворачивался в воздухе, санитарка изловчилась стянуть с подушки и наволочку. Когда же больной мёртвой птицей упал навзничь на постель, она, скомкав, бросила ему в лицо свежий набор белья. Бородач коротко всхлипнул и высморкался в простыню.

- Он тоже не заплатил? - робко прошептал Аршак.

- Не задавай наивных вопросов! Кто тебе без этого посередине недели бельё сменит? - поучал Хачик. - Советую, дай ей немного денег - как король жить будешь.

- Неудобно.

- Дай червонец... Смотри и учись, студент!

Хачик ловко сунул деньги санитарке в широкий оттопыренный карман.

- Тикин Парандзем, это от нашего нового товарища. Он такой стеснительный... - за её спиной Хачик лукаво подмигнул Аршаку.

Тикин Парандзем, теперь само участие, перестала протирать полы, повернулась к новичку и, видимо, желая улыбнуться, нелепо скривила губы.

- Живот не болит, касатик?

- Нет.

- Ну и слава Богу!

В зыбком полумраке длинного коридора двигались две белые фигуры. Начался утренний обход. Приблизившись и увидев в щель неплотно прикрытой двери извивающегося бородача, врач приказал медсестре немедленно вспрыснуть больному снотворного, а сам поспешно удалился.

Врач с первых дней невзлюбил бородача и отмахивался от него, как от крупной назойливой мухи. Бородач вечно ныл и брюзжал, требовал от врача показать конспект с планом его лечения, ежеминутно напоминал о Гиппократовой клятве, грозился вызвать в больницу «Скорую помощь».

Но вот уже который день врач искусно избегал встреч со своим пациентом. Однако тот не унывал: как только отпускали боли, бородач тут же вскакивал с постели и часами на корточках высматривал врача в замочную скважину.

- Завтракать идите, идите завтракать! - по утрам тягуче просил чей-то жалобный голос в коридоре.

- Да подавись ты своей парашей! - как правило, в ответ из-за двери раздавался злой бас бородача.

Так больной проводил свой досуг, пока новые приступы не валили его на койку.

Тем временем к Хачику пришла большая группа товарищей.

- А у сторожа внизу губа не дура - прямо рэкетир! - говорили они, перебивая друг друга. - Пока с каждого в отдельности по рублю не содрал - не впустил. Мисаку даже 24 рубля сдачи от четвертака дал! И все рублёвыми...

Час Страшного Суда пробил: в палату вошла хрупкая медсестра, победно неся большущий шприц с толстой туповатой иглой на конце - одной на всех! Пощады не знал никто!

Аршак, согласно инструкции Хачика, после чувствительного, надолго запоминающегося укола, сунул медсестре в кар-

ман кредитку. Но с непривычки эта вроде бы нехитрая операция была произведена с излишней ловкостью - так, что медсестра и не заметила «щедрого жеста» больного и строго-вопрощающе уставилась на него. Пришлось великодушно повторить операцию.

К полудню следующего дня настырность бородача была с лихвой вознаграждена - неуловимый эскулап наконец попал в хитро расставленные сети.

- Доктор, простите навязчивость погибающего человека, - с тактичной иронией начал бородач, выходя навстречу из-за двери, - но меня беспокоит ваше полное безразличия отношение к своим пациентам.

- Сисак-джан, драгоценный ты мой, уверяю: ты всех нас переживёшь, - с напускным спокойствием парировал врач. - Я не посвящаю больных в секреты своего лечения, однако почему бы не сделать исключения для хорошего человека? - врач боязливо оглянулся - в коридоре никого не было. - Так вот, мой нетрадиционный метод лечения не имеет аналогов в мировой практике. Он предполагает... минимум внимания к больному.

- То есть как это?! - искренне удивился бородач.

- Конечно, поначалу пациент возмущается, протестует, ломает стулья и другую нехитрую больничную утварь! Но проходит немного времени, и он смиряется со своим положением, теряет всякую надежду на помощь врача. И вот тут наступает переломный момент в ходе болезни! Организм больного в целях самозащиты мобилизует все свои скрытые резервы, зарабатывают ранее молчавшие внутренние механизмы и рычаги. Дело постепенно идёт на поправку - больной сам исцеляет себя! Выздоровеешь - поговорим обстоятельнее. Со здоровым человеком, согласись, общаться приятнее, - врач загадочно ухмыльнулся.

«Так можно и дома лечиться, - недоумевал ничего не понявший бородач. - Нет, всё-таки придётся вызвать «скорую»!»

Вернувшись в палату после моциона по больничному двору, Аршак нашёл бородача внимательно рассматривающим что-то на широкой ладони. Лицо его сияло.

- Вот! Вылезли наконец-то! Сами вылезли! - делился он радостью, показывая несколько песчинок.

Кто-то со стороны коридора смотрел в замочную скважину. Через минуту торжественно вошёл «лечащий» врач. Лучезарная улыбка играла на его устах. Он так стиснул в своих объятьях бородача, что тот застонал от боли.

- Поздравляю, Сисак-джан! С выздоровлением! Искренне рад за тебя! А ты боялся, - скупая мужская слеза медленно потекла по впалой щеке врача и застыла в густой чёрной бороде бывшего больного.

Растроганный бородач, сам того от себя не ожидая, достал кожаный бумажник и, не раскрывая его, царственным жестом положил доктору в нагрудной карман халата.

- Ты что? Как не совестно? Разве так можно? - упрекал врач, стыдливо косясь на стоявшего рядом Аршака.

Бородач не растерялся: двумя пальцами вытащил обратно бумажник и незаметно переложил его врачу в боковой карман. Видимо, решив, что дальнейшее «сопротивление» лишено смысла, эскулап охотно сдался.

- Мой метод никогда не даёт сбоев!.. - облегчённо вздохнул он.

На следующее утро вместе с бородачом выписался и Аршак. Его скрытые резервы накануне вечером перевелись...

1992 г.

ПОЩЁЧИНА

В соавторстве с Арсеном Арутюняном

Литературовед Макич Клоян чувствовал, как его полные щёки заливаются густой горячей краской. Такое он и вообразить не мог: чтобы ему, известному в городе человеку, не суметь должным образом принять гостя, накормить его до отвала, напоить отборными винами, коньяком?! Да ещё какого гостя - депутата, прозаика, старого своего друга - Сероба Каблукяна!

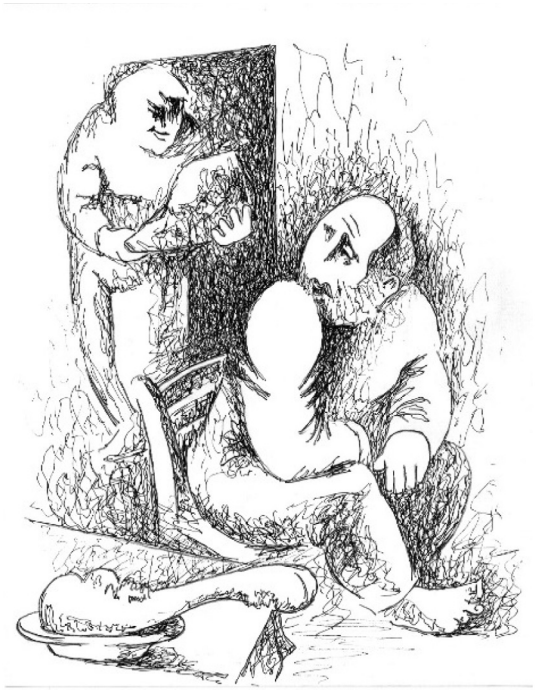

Иллюстрация Альберта Саркисяна

Сейчас он, прославленный своим хлебосольством, потерянно сидел за столом, на котором небрежно валялась огромная уродливая обглоданная кость, и не смел поднять голову и взглянуть гостю в глаза.

Каблукян, не молвя ни слова, сочувственно вздохнул и, сунув руку за пазуху, достал небольшой свёрток.

- Так и знал, что ничего путного у тебя не будет, - говорил он, разворачивая свёрток и выкладывая на стол сочный свиной окорок.

Клоян, выпучив от изумления глаза, хищно уставился на

окорок. Затем случилось непредвиденное: известный литературовед, тяжело перегнувшись через стол, схватил лоснящийся жиром кусок мяса и с жадностью впился в него зубами.

Сероб Каблукян, небольшого роста, юркий до невозможности, моментально вспрыгнул на стол и вцепился за ещё выступающий изо рта хозяина дома, но готовый в любой миг исчезнуть конец окорока.

- Макич, Макич, пусти! - металлическим голосом кричал он и тянул изо всех сил окорок.

Макич Клоян попятился назад, и депутат, который приходился ему чуть ли не по пояс, повис в воздухе.

Пытаясь отделаться от назойливого гостя, хозяин отчаянно встряхивал головой, с силой отталкивал его руками, но тот держался цепко, дрыгал в воздухе ногами, неистово барабанил ими по ярко выраженному пузу литератора и вдруг стал умолять... трагическим женским голосом:

- Макич-джан, миленький, отпусти - будь умницей!

Клоян ещё крепче сомкнул челюсти и сильнее затряс головой.

- Отпусти, старый чёрт, совсем что ли очумел? - вновь прозвучал «металл» Каблукяна и, освободив одну руку, продолжая висеть на другой, депутат закатил своему другу увесистую пощёчину.

Тот, укрощённый, разнял челюсти, выпустил окорок и... проснулся.

Над ним стояли нахмуренная жена Нунуфар и задыхающийся в приступах смеха Сероб Каблукян с домашней туфлей во вскинутой руке.

- Ты чего? - испуганно спросил Клоян, протирая глаза.

- Ну и крепкие у тебя, старого хрыча, зубы - еле с Нунуфар смогли вырвать! - депутат наконец взял себя в руки и потряс в воздухе «трофеем» - туфлей.

Жена недоумённо качала головой:

- Совсем на старости лет стыд потерял. Вставай живее, одевайся - Вячеслав Иванович прилетел, в гостиной сидит. Я уже на стол накрываю.

«Вот странный сон! Не к добру, говорят, во сне мясо

видеть», - одеваясь, бурчал себе под нос литературовед.

- Коньяк, водку: домашнюю или разливную? - предлагал хозяин гостям - Серобу Каблукяну и Вячеславу Дуплетову - поэту, другу и единомышленнику из России.

- Начнём с домашней - тутовая? - спросил депутат.

- Кизиловая... Славик, не против?

Дуплетов согласно кивнул.

Наливая Каблукяну из пузатого хрустального графина, Клоян неотрывно следил за его изящными, тонкими, небрежно обхватывающими рюмку пальцами.

«Вот сволочь, - думал хозяин, - писака несчастный, брехун - ничего полезного не сделал этими руками, а надо же - депутат! И при прежней власти был на виду, и при нынешней».

«Скотина! - думал в свою очередь депутат, перекладывая в свою тарелку исходящую паром кюфту и обильно поливая её топлёным маслом. - Республика голодает, а у него стол ломится от изысканных яств».

Дуплетов же в предвкушении «жгучего удовольствия» о посторонних вещах не думал.

Хозяин грузно поднялся из-за стола.

- Друзья мои! У меня уже стало традицией поднимать первый тост за независимость нашей республики. За независимость, которую мы так долго ждали, за которую вместе боролись!..

- Конечно! Конечно! - вскочил депутат. - Этот тост нужно пить из бокалов - я всегда делаю так.

Каблукян вылил содержимое своей рюмки в фужер. Его примеру последовали и остальные.

- За независимость!

Чокнулись, выпили. Приятная теплота разлилась по всему телу. Лица порозовели.

- Великолепная водка! - не удержался Каблукян.

- Прелесть! - поддакнул Дуплетов с набитым ртом.

- Вот... живём, как можем, - не без самодовольства изрёк польщённый хозяин.

Несколько минут ели молча. Слышалось только постанывающее чавканье старого поэта, поглощавшего долму.

- У меня тост! - воскликнул депутат, энергично расправившись с кюфтой.

- Молодец! - одобрил хозяин, облизав пальцы от сока хашламы и наполнив бокалы.

- Я хочу выпить за наше руководство!

- Ну, это уже нечестно, - обиженно произнёс Дуплетов, вытирая салфеткой губы. - Я сам собирался поднять этот тост.

- Дорогой ты наш товарищ Дуплетов, - засмеялся Клоян. - Ты, наверное, хотел выпить за ваше руководство?

- Ну да, - не понял поэт. - А вы за какое?.. Ах, да-да! - вконец смутился он.

- Вот именно, - съязвил Каблукян. - Пора отвыкать от имперских замашек.

Дуплетову ничего другого не оставалось, как запить свой конфуз малиновым соком.

- Так вот, - самодовольно продолжал Каблукян, - не знаю, как ты относишься к своему правительству, - он покосился на Дуплетова, - но я горд за наше! Будучи представителем власти, знаю, как тяжело управлять молодой независимой республикой, - депутата слегка качнуло - то ли от выпитой водки, то ли от чрезмерной гордости за себя и республиканское руководство. - Ещё в бытность секретарем бюро нашей творческой организации я не упускал случая покритиковать на партсобраниях ошибки прежнего правительства... Вот Макич подтвердит - он всегда был в курсе моих дел.

- Да, конечно, Сероб-джан!..

- Да что хвалиться, не я один такой. Сам-то Макич сколько от прежних властей пострадал за свою принципиальность, сколько палок в колёса ему вставляли... Почему он до сих пор профессор, а не академик?!

Растроганный Клоян подскочил к своему другу и обнял его. Оба они прослезились.

Чокнулись, выпили.

Тикин Нунуфар внесла на подносе зажаренного в духовке поросёнка. При виде его хозяин зашёлся в кашле. Поэт старческим кулачком несколько раз тихонько ударил его по спине.

- Водкой поперхнулся?

Хозяин замахал руками.

- Убери его, убери сейчас же! - велел он жене.

- Кого?

- Поросёнка!

- Ты что, веру сменил? - засмеялся Каблукян, принимая поднос с поросёнком.

Поставив поднос на стол, он ловко отрезал жирный окорок и хищно впился в него зубами.

- А ну положи на место! - глухо зарычал хозяин и стал вырывать окорок изо рта гостя.

Ошарашенный Дуплетов выкатил глаза.

Не выпуская из зубов окорока, Каблукян запустил в Клояна маринованным огурцом. Озверевший вконец хозяин залепил гостю звонкую пощёчину, и тот разжал челюсти. Злополучный окорок выпал из его рта.

Все трое сразу отрезвели.

- Ты что, с ума спятил? - взвизгнул депутат, потирая покрасневшую щеку.

- Товарищи! Товарищи! Что вы в самом деле?! - потрясённый поэт встал между ними.

Хозяин наконец пришёл в себя.

- Прости, - едва слышно произнёс он. - Проклятый сон... он во всём виноват...

Но Каблукян и слушать его не хотел.

- Простить... тебя простить?! - кричал он с перекошенным от злобы лицом. - Привык рукам волю давать! Подумать только - из-за паршивого куска мяса... Был ты сапожником, сапожником и остался. И храм науки в мастерскую превратил... За независимость пьёшь, а сам до путча всю прессу статьями в защиту обновлённого Союза наводнил! Паршивец ты этакий!

Лицо хозяина пошло пятнами.

- Ты говори, да не заговаривайся... Сам хорош! - взорвался он. - Творческий цех в райком партии превратил, должности и звания раздавал направо и налево. Хорошо, что вовремя вышвырнули... А теперь что - дифирамбы поёшь новому руководству?! Оборотень!

- Да как ты смеешь меня, депутата, народного избранника, такими словами честить! Я лицо неприкосновенное!.. Сам-то как жил при прежнем правительстве припеваючи, так и при нынешнем живёшь... Перевёртыш!

Смена поз, обмен колкостями и выпадами, вспоминание старых обид продолжались бы бесконечно долго, если бы враждующие стороны вдруг не заметили, что Дуплетова за столом нет.

Литературовед и прозаик бросились на лестничную площадку, выбежали на улицу. Дуплетова не было.

«НЕ ВЫНЕСЛА ДУША ПОЭТА...» - он уехал.

Раздосадованные и подавленные, старые друзья вернулись к столу и почти по-прежнему, почти по-дружески чокнулись, утопив досаду и старые обиды в глубоком бокале.

1992 г.

КОЛЛЕГИ

Иллюстрация Альберта Саркисяна

Толстая, обитая кожей дверь слегка приотворилась и в образовавшуюся щель просунулась чья-то птичья головка.

- Что там ещё? - недовольно пробурчал шеф, прикрывая локтем большой блокнот, в котором минутой раньше что-то писал.

- Вот, Гегам Артаваздович, бумаги на подпись, отчёты, оперативка...

- Ну-ну, давай.

Шеф положил ручку и стал неохотно перебирать поданные секретаршей бумаги: кражи, угон автомобилей, драки с поножовщиной, разбойное нападение...

«Боже мой! Как всё это пошло: каждый день одно и то же - надоело», - шеф отложил бумаги, задумался на минуту и вдруг, воодушевившись, вывел что-то в своём блокноте. Судя по напряжённым складкам на его низком лбу, крупным зёрнам пота, обильно выступившим на лобных залысинах, дело продвигалось с трудом. Начало будущей поэмы, кажется, получилось: в страстном поэтическом порыве шеф всё возносил своего героя - молодого красавца-лейтенанта с волевым

взглядом, который один, даже не удосуживаясь (по воле автора) вытащить пистолет из кобуры, громил шайку вооружённых до зубов злодеев.

Нагнав бандитов в подворотне,
За шкирку одного схватил,
Другого тут же замочил,
А третий на колени пал,
В надежде вымолить прощенье...

Это были мучительные минуты всепоглощающей творческой работы. Но шеф вдруг почувствовал необычайную усталость и слабость, рука безвольно опустилась и выронила паркер. Шеф нажал на кнопку в столе. В узкую щель вновь протиснулась та же птичья головка.

- Назик, - тихо позвал шеф, - поди сюда... Скажи откровенно, стихи пишешь?

- Что вы, Гегам Артаваздович?! Как можно... в рабочее-то время?

- Нет-нет, я вообще имею в виду.

- Да, немного, - со стыдливой ужимкой призналась секретарша.

Шеф оживился, потускневший было взгляд снова загорелся.

- Как это немного? Если писать - так надо много, - категорично произнёс он. - Ты что кончала?

- Филологический...

- Вот и прекрасно: коллеги, значит! Дай мне твою честную руку, - шеф стиснул девушке ручку. Та тоненько взвизгнула.

- Вот, дописать надо эту главу, - шеф протянул блокнот. - Сынишке в школе задали. Начал бездельник, а закончить - не закончил: терпения, да и мозгов не хватило... Не в службу, как говорится. Мне некогда - дела! К концу рабочего дня покажи, ладно? И как можно попатетичнее - сейчас это в моде, - посоветовал напоследок он.

Секретарша ушла. Шеф только прикрыл глаза, чтобы поке-

марить немного, как девушка вернулась и протянула рукопись.

- Назик! Дурочка ты этакая! У тебя же талант!!! Что ты здесь чахнешь?! Тебе же в высших литературных кругах порхать... Погоди, я замолвлю за тебя словечко.

- Спасибо, Гегам Арта...

- Хотя постой, ты мне здесь нужна. Хорошие кадры везде нужны...

Вдруг дверь резко отворилась, и чья-то наглая, заросшая физиономия молча окинула высокомерным, брезгливо-нетерпеливым взглядом обстановку кабинета, с шумом потянула носом воздух, скверно выругалась и, сплюнув на ковёр, исчезла.

- Кто это? - испуганно спросил шеф.

- Хам какой-то, на приём к вам рвался, скандал устроил. Там ещё двое - говорят, что вы обещали принять их.

Шеф задумался, нахмурив брови. Через минуту лицо его просветлело - осенило!

- Знаешь что, Назик? Сегодня я не в духе - голова трещит, ломит в висках, да и масса дел неотложных. Узнай, что они там хотят, и удовлетвори по возможности. Мы же коллеги с тобой, в конце концов!

Шеф снова стиснул девушке руку. Та взвизгнула.

- Вот надень мой мундир, - говорил он, снимая со спинки стула несколько запылённый служебный пиджак, - так представительнее.

Удивлённая до крайности секретарша, однако, не смела возражать.

- Ба-а! Назик, да ты в нём родилась... Сидит словно на хозяине. Ну-ка повернись!

Шеф отступил на шаг и окинул девушку с ног до головы оценивающим взглядом.

- Разве в бёдрах чуть стесняет, - он хлопнул обеими руками ей по ляжкам, - оно и понятно - дело женское.

Девушка залилась густой краской. Гегам Артаваздович же, довольный своей шуткой и находчивостью, осклабился.

- Что главное в нашем деле, Назик? - спросил шеф и сам же ответил. - Главное, чтобы мундирчик сидел!

Он полез в ящик стола и достал огромную золотистую звезду - символический знак шерифа.

- В комиссионном купили? - наивно спросила девушка.

- Нет, один хороший товарищ подарил.

Уже на груди у секретарши шеф протёр звезду платочком.

- Блестит-то, блестит как! Ну, с Богом! Поласковей будь с ними. А меня сегодня прошу не беспокоить. Обещаю в скором времени должность советника по... непредвиденным вопросам. Коллеги мы с тобой, чёрт возьми, или нет?!

Секретарша неловко улыбнулась и пошла было исполнять свои новые, как снег на голову упавшие обязанности, но, нерешительно потоптавшись в дверях, вернулась к шефу.

- Гегам Артаваздович, я всё собиралась сказать вам, да никак не решалась, - робко начала она. - Муж мой пятый месяц сидит...

- Что-о? Кто сидит? Как? Где сидит?

- Нет-нет! Вы не то подумали. Он честный человек... инженер. Дома сидит. Без работы...

- Ой, Назик, как ты меня напугала! - шеф картинно взялся за сердце.

- Извините, Гегам Артаваздович, может у нас найдётся для него свободная должность. Специалист он толковый, только слабохарактерный немного... Кстати, в стихах неплохо разбирается.

- Инженер, говоришь, - задумчиво произнёс шеф, - хорошо, подумаю. Хоть не по профилю это, но можно, как говорится, переквалифицировать... Приведи его на следующей неделе - поглядим, что за птица.

Секретарша-шериф двинулась к двери, неся на своей спине масленый взгляд шефа.

Гегам Артаваздович ухмыльнулся, погладил седые виски и посмотрел на часы: «Да-а, за работой время летит незаметно!»

Вздремнув ещё с полчаса, он, наконец, решил заняться служебными делами и потянулся было за бумагами, но тут

взгляд его остановился на бронзовом пресс-папье в виде сухой, крепко сжатой, землистого цвета орлиной лапы со страшными когтями.

«Острые когти закона», - шеф художественно обобщил увиденное и с озабоченным видом стал прохаживаться по кабинету.

«Да, цепкая хватка нужна нам сегодня, как никогда!» - патетически думал он, в то время как предательский взгляд упрямо косился на его белые, ухоженные, слабые пальцы поэта.

Шеф спрятал руки за спину - их безвольный вид нарушал плавное течение высоких мыслей...

1992 г.

УЖИН С ГЕНЕРАЛОМ

– Хозяин с поля пришёл, накорми!

Нет, дорогой читатель, действие происходит не в деревне, не на лоне природы, а в высотном здании в центре достаточно большого современного города. Так бабуля каждый день подстёгивает невестку, едва приходит с работы в университете её сын-профессор. Она всё ещё живёт своим прошлым, далёкой молодостью в деревне и неустанно пытается привить патриархальные нравы нынешнему поколению...

Эти карабахские долгожители всякого с панталыку собьют. Деды ещё ничего - смирные, а вот от бабушек прямо проходу нет, внукам особенно.

Иная из бабуль, сама в юности три класса едва осилившая, как примется рассусоливать внуку, второй кандидатский минимум давеча сдавшему, порядком успевшую надоесть байку о том, как в революцию она по направлению райкома партии проводила ликбез в глухом селении среди «таких вот дылд» (а «дылды» эти в лице внука, разумеется, уже третий десяток лет растут вместе с её рассказом), да как пойдёт на досуге стыдить, уму разуму учить, со скуки можно помереть! И так каждый день - хоть под стол залезай!

Впрочем, даже под столом от них проходу нет. Вот, к примеру, уронил за обедом вилку (с кем не бывает?) и, раздосадованный этим, лениво и нехотя тянешься за ней, не подозревая ни о чём. А там вместо вилки что-то живое и большое шевелится: это бабуля, отложив вязанье, незаметно метнулась из угла своего возле печки вилку поднимать. Вообще, это им свойственно - стремление к первенству и верховодству во всём. Ни выдержки, ни терпения! Верно говорят: чрезмерная прыть к добру не приводит, с ними вечно начеку нужно быть, иначе непременно в пассаж неловкий попадёшь!

Вот с соседями недавно такой случай произошёл. Приехал с далёкого севера генерал, классический военный чин - с лампасами, разноцветными орденскими планками на груди, кру-

тыми седеющими усами и экзотичной, вечно дымящей трубкой, а хлебосольный местный офицер возьми да и пригласи его к себе ужинать. Понятное дело - хозяйка, гремя посудой, вовсю на кухне старается. В столовую, где хозяин с «высоким» гостем сидят, доносится интересный, противоречивый аромат. Набивая трубку пахучим голландским табаком, генерал сначала тактично принюхивается молча, тщетно силясь определить по запаху род готовящихся яств, однако, отчаявшись, со свойственной людям его профессии прямотой басит:

- Поужинаем, значит, сегодня!

Наконец хозяйка с важным видом вносит огромную, исходящую паром кастрюлю. Нетерпеливо слушая пышный и длинный кавказский тост, генерал кладёт трубку, нюхает содержимое рюмки с недовольным, одновременно довольным видом.

- Тутовка, 65 градусов! - с некоторой гордостью предупреждает хозяин.

- Да ты что?! Сейчас посмотрим! Ну... будем!

Генерал берёт тремя пальцами рюмку, оттопырив мизинец, поднимает локоть на все 90 градусов, картинно задерживает дыхание, чтобы легче было принять в себя горючую жидкость, да так и застывает в нелепой позе: с широко раскрытым ртом и прикрытыми в предвкушении жгучего удовольствия глазами...

- Вуй, ослепни мои глаза, чтобы не видеть всего этого! Стерпит ли Бог такое, бесстыжие?! Тайком от меня шашлыки жрут...

Генерал вздрагивает, оборачивается резко, выплескивая часть водки на обои: в дверном проёме белая, сгорбившаяся под грузом лет фигура в панталонах, воздев руки, взывает к небесам.

- Что бабуля говорит? - придя в себя от аффекта, любезно спрашивает генерал.

Хозяин, опешив, принимается в растерянности мять край скатерти, однако хозяйка тут же находится.

- Бабуля сердечно приветствует вас, желает приятного аппетита и просит не стесняться, чувствовать себя как дома, -

изящно «переводит» она с армянского.

Генерал начинает сиять, торжественно поднимается, поправляя китель, и дефилирует к бабуле. Демонстративно шаркнув, целует ей ручку. Хозяин с хозяйкой облегчённо вздыхают - пронесло!

Нет, дорогой читатель, не подумай ненароком, что бабулю в этом семействе обходят вниманием. Наоборот, невестка заранее, как это принято в традиционных карабахских семьях, отложила ей лучшие, самые мягкие и жирные куски. Просто старушка сегодня пораньше легла (вроде нездоровилось), но, услышав за стеной незнакомый голос, не поленилась, собралась с силами, встала и пошла посмотреть на гостя.

По настоянию генерала бабушку одели и посадили во главу стола.

- Ну, бабуля, за тебя! - генерал принюхался к рюмке, недоверчиво покосился в сторону хозяина:

- 65, говоришь?..

Он опорожнил рюмку, понюхал кусок хлеба, покраснел, прослезился, откашлялся, лихо поправил ус:

- Так точно - 65!

Тем временем, пользуясь сложившейся тактической ситуацией, бабуля быстро взяла бразды правления в свои руки и всё рассказывала на ломаном русском, шамкая беззубым ртом и не обращая внимания на косые взгляды сына, про революцию, про ликбез, про то, как носила в узелке на колхозное поле еду мужу, где они, садясь спиной к спине, молча обедали, как он возвращался вечером усталый и угрюмый, ужинал, не проронив и слова, ложился в постель, а она - покорно рядом с ним. Они, утверждала бабуля, не валяли дурака в постели, как нынешняя молодежь.

- Секса-мекса, что по телевизору показывают, тогда у нас не было. Даже не знали, как дети появлялись...

Генерал прервал её басистым раскатом смеха и, обняв старушку, с напускной наивностью произнёс:

- Ах, как я вам завидую, бабуля? Вот жизнь тогда была - прямо идиллия!

- Э-э, сынок, в наше время всё по-другому было, -

подхватила бабуля, - тогда от человека человеком пахло... По глазам вижу, ты - хороший человек, только квёлый: рюмку водки и то нормально выпить не можешь. За твоё здоровье! - подмигнув генералу, бабуля непринуждённо опрокинула в себя стопку водки, вытерла тыльной стороной ладони губы и, не закусив, стала негодовать на то, что муж-бесстыдник, лет десять назад ушедший в мир иной, забыл её, не приходит за ней...

- Наверное, там себе хорошую подругу нашёл, - шутил явно повеселевший генерал.

Ему всё было впервой: и водка в 65 градусов, и энергичная бабуля без комплексов в 95 лет... Он слушал старушку умилённо, то и дело целуя ей ручки и поднимая тосты за здравие, за державу, за женщин, за любовь, попыхивая при этом трубкой. А бабуля не отставала, шутила и веселилась в стиле ретро, а порой делала и едкие замечания, не давая сыну с невесткой и рта раскрыть.

Вот такие у нас старички - хоть и беззубые, но палец им в рот не клади...

1997 г.

НЕЛЕПЫЙ ПОЦЕЛУЙ

Корюн проснулся от протяжного и требовательного звонка, открыл дверь. Маленький солдатик на пороге вручил ему повестку с «предложением», не совсем вяжущимся по тону с последующим текстом - «немедленно явиться в военкомат». Корюн поспешно оделся и отправился в военкомат, даже не позавтракав от волнения. Здесь его зарегистрировали, а вернее, захомутали, и отпустили домой собираться. Через несколько дней он снова получил повестку - теперь уже с «приказом немедленно явиться в военкомат», явился и был мобилизован в артиллерийскую часть.

Поначалу ему, «маменькиному сынку», с малолетства приученному к шаблонам обычной, гражданской жизни и домашнему уюту, всё казалось нереальным: подъём до рассвета, когда слипаются глаза и ноет неотдохнувшее тело, отбой, когда ещё толком не стемнело, суровые сержанты и старшина, вечно теребящие солдат и, словно нарочно, не дающие им и минуты остаться наедине с самим собой, отдышаться, расслабиться, подумать о чём-то своём, личном. Но это ещё полбеды: младшие командиры гоняли «салаг» днём - по уставу, а ночью начиналась совершенно другая, неуставная жизнь - теперь молодыми солдатами занимались «старики». Уже во вторую ночь Корюн был избит старослужащими солдатами за то, что отказался шить воротничок одному из «дедов», который зверствовал в оставшиеся ему полгода службы сильнее «дембелей», относительно мирно доживающих последние свои несколько дней в армии.

- Настучишь взводному - получишь ещё, - пригрозил «дед».

Корюн командиру не пожаловался, да и тот особенно разбираться не стал, хотя, конечно же, понимал, что фонарь под глазом - отнюдь не результат падения, как утверждал салага. Ещё пару месяцев старослужащие терзали группу молодых солдат. Большинство ломалось, становясь безропотным инструментом в руках у «дедов». Жизнь для них превращалась в сплошной кошмар. Днём они служили родине, а

ночью - старослужащим, находясь у них на побегушках, подшивая им воротнички, стирая «дедовскую» военную форму и носки. Зло мира словно сконцентрировалось здесь - в казарме, где человек человеку был волком, и слабый немедленно пожирался более сильным. Маленький, тщедушный Корюн, движимый всё ещё оставшейся внутренней гордостью, сопротивлялся как мог. «Корюн - означает львёнок, и я должен быть сильным!» - внушал он себе. Но силы были неравны...

Не раз по ночам, обняв подушку, он глотал горькие, беззвучные слёзы, проклиная себя за слабость. Улучив минуту, писал матери письмо. Тут Корюн не боялся показаться слабым и беспомощным, подробно расписывал, как тяжело служится ему, пропуская лишь самые обидные для себя детали. Он явно жалел себя в письмах... Правда, отдавая дань справедливости, скажем, что по возвращении домой Корюн немедленно отобрал у матери свои армейские послания и сжёг...

Вспоминая после армию, он особенно стыдился за один эпизод. По прошествии трёх месяцев службы заместитель командира дивизиона, долговязый капитан, заметив на политических занятиях грамотность и начитанность Корюна, определил его в помощники писаря. Он стал чертить плакаты, помогал выпускать стенгазету, в общем, выполнял работу «канцелярской крысы», как с презрением, скрывавшем в себе ещё большую зависть, называли его сослуживцы. Корюн вдохнул наконец полной грудью. Теперь, когда других отправляли в наряд, караул или на парково-хозяйственные работы, у него появлялось достаточно времени, чтобы заняться собой. Между делом, отложив тушь и перья, «канцелярская крыса» могла позволить себе зайти в чайную, поупражняться в спортгородке или просто выйти прогуляться по расположению воинской части.

Именно во время одной из таких прогулок Корюн столкнулся у санчасти с ослепительной блондинкой-медсестрой. Та буквально вылетела из дверей лазарета, задев его плечом, и пронеслась мимо, бросив на ходу почти пренебрежительные и

не совсем внятные слова извинения. При этом она едва удостоила солдатика мимолётным взглядом. Однако Корюну этого было достаточно, чтобы запечатлеть в себе пару огромных глаз цвета фиалки.

Медсестра с аптечкой под мышкой явно спешила куда-то, почти бежала, но при этом не делала каких-либо лишних движений, оскорбляющих женственность и нарушающих ту неуловимую природную гармонию, которая делает женщину по-настоящему женщиной. Она, казалось, не касалась ступнями земли - настолько воздушной была её походка. Линии её стройной фигуры едва обозначались под просторным белым халатом, но это лишь воспаляло воображение и чувственную фантазию Корюна. Когда медсестра скрылась за углом большого кирпичного здания штаба полка, тень её осталась по эту сторону, витая перед солдатиком светящимся облаком...

Всю ночь Корюн грезил. Пятый месяц сдерживающий всякие проявления полового инстинкта, он с юношеским порывом воображал свою близость с медсестрой: изливался горячими признаниями в любви, обнимал и целовал её, заступался за неё, спасая от бандитов... А наутро она показалась ему до боли родной, и он страстно захотел ещё раз увидеть её.

Теперь после утреннего развода Корюн прямо направлялся к санчасти. Встав поодаль, он с замиранием сердца ожидал её появления. Дверь санчасти открывалась и закрывалась - входили и выходили солдатики, перевязанные бинтами, офицеры и прапорщики-медработники. А её всё не было...

Затаив дыхание, Корюн терпеливо ждал в тени клёнового дерева напротив санчасти до тех пор, пока наконец не выходила медсестра. Она проходила мимо, не замечая его. Он же потерянно смотрел ей вслед и уходил удручённый, чтобы дальше терзаться фантазиями своего разыгравшегося и неуправляемого воображения. И с каждой такой мимолётной встречей она казалась ему всё более недосягаемой...

Но тут произошла неожиданная развязка. Один из медиков, заметив вскоре Корюна и его постоянные «засады» у санчасти, стал тайком следить за ним. Догадавшись, в чём

дело, он поманил солдата и, заговорщически подмигнув, прошептал ему:

- Хочешь, свидание устрою?

- Вы о чем?.. Какое свидание?.. - пролепетал едва живой Корюн.

- Не притворяйся, сынок. Сам молодым был, - прапорщик лукаво улыбнулся. - Запомни, воздержание - вещь опасная.

Корюн горел от стыда - его заветная тайна была раскрыта!

- Ну, что ты ломаешься - хочешь Алёнку поцеловать? - задорно выпалил старшина.

Корюн стал пунцовый.

- Это невозможно... - едва выдавил он из себя.

Здоровенный усатый прапорщик, похожий на сказочного Бармалея, разразился здоровым, раскатистым смехом.

- Ты бы видел, что эти девицы вытворяют с офицерами во вечерам! - прапорщик имел в виду молоденьких медработниц, которые, бывало, оставались ночевать в полку.

- Она не такая, - задыхаясь, произнёс Корюн, посмотрев с нелепой надеждой на прапорщика.

Последовал новый взрыв хохота - гусарские усы старшины затряслись.

- Услуга, как говорится, за услугу, - придя в себя, прапорщик надвинулся на Корюна и, снова подмигнув с хитрецой, прошептал. - После я попрошу тебя об одном небольшом дельце... Подожди здесь, сейчас приведу её.

Корюн хотел бежать, но неодолимое любопытство приковало его к месту. Через пару минут прапорщик действительно вывел медсестру под руку, говоря ей что-то на ушко. Одним глазом он глядел на Корюна.

- Этот что-ли? - задорно хихикнула медсестра, остановившись метрах в трёх и оглядывая солдатика с ног до головы иронично-оценивающим взглядом.

Корюн попятился. Ему казалось, что ноги вот-вот перестанут держать. Он не разбирал черт лица блондинки - перед глазами стояло какое-то слепящее пятно, от которого ему хотелось прикрыться рукой, защититься, словно от яркого солнца.

Между тем прапорщик снова наклонился к ушку девицы, щекоча её своими длинными усами. Та вдруг зарделась и хихикнула. Потом сводник, приплясывая, подошёл к Корюну и с серьёзной миной тихо спросил:

- Куда целовать будешь?

Корюн стоял, потупив взор.

- Ну что ты красную девицу из себя строишь? В щёчку, в губы?.. - с явным нетерпением переспросил прапорщик.

Корюн помялся и вдруг неожиданно для самого себя выпалил:

- В грудь!

- О-о! Куда хватил! - загоготал старшина и весело побежал к медсестре.

- Что-о!.. Да пропадите вы пропадом, кобеля несчастные! - она округлила в изумлении глаза и хотела повернуться и уйти в деланном гневе, но прапорщик мягко удержал её за руку и снова задышал ей на ушко.

- Ну, ладно, черти, делайте, что хотите. Только давайте быстрей, а то у меня процедуры с больными, - как-то обыденно, словно речь шла о целесообразности того или иного лекарства, произнесла медсестра.

Итогом челночной дипломатии старшины стало то, что Корюн, помешкав немного, подбежал, не помня себя, к женщине и поцеловал её... в щёчку. Затем под истеричный гогот своего сводника унёс ноги, не оглядываясь...

А услуга, о которой попросил Корюна прапорщик, заключалась в том, чтобы подложить в конспект замполита дивизиона, который чем-то насолил старшине, несколько картинок непристойного характера - в надежде дискредитировать его в глазах подчинённых. Но бывалый капитан сразу же почувствовал подвох и, не дожидаясь признания, чьих рук это дело, вывел весь взвод на плац и взамен политзанятий целый час гонял солдат строевым шагом на морозе...

Корюн долго не мог простить себя за слабость и унижение, за свою первую, армейскую любовь и нелепый поцелуй.

2003 г.

НЕСУН

Эта почти невероятная история произошла в одной из республик Закавказья ещё в советское время - в период, который тогда не без гордости называли «развитым социализмом».

Иллюстрация Альберта Саркисяна

В районном отделе милиции было шумно, неуютно и зыбко. Во всяком случае, так казалось тому, кто по воле обстоятельств или, может быть, самой судьбы оказывался здесь со стороны - был приглашён, а вернее, приведён «по делу»...

Высокий сержант вёл по длинному неопрятному коридору маленького тёмного гражданина в большой кепке. У кабинета старшего участкового сержант остановился, сурово, словно вынося приговор, взглянул на провинившегося, сорвал с него головной убор и... нерешительно постучался в дубовую дверь.

- Расхититель социалистической собственности! - участковый грузно поднялся со своего места, как-то нервно и

суетливо надел на лысую круглую голову форменную фуражку типа «аэродром» (что считалось особым шиком, признаком довольства и высокого статуса - чем солиднее пост, тем больше площадь фуражки) и грозно надвинулся на появившегося на пороге человечка. - Таких, как ты, раньше в расход пускали!

Человечек, которому можно было дать лет сорок, вздрогнул, втянул голову в плечи, став ещё меньше.

- Представься! - скомандовал участковый, и большая бородавка на его здоровом, лоснящемся лице налилась кровью.

- Эйвазов... Рафик, - нерешительно, словно сомневаясь в том, что он произносит, выдавил из себя допрашиваемый.

Участковый двумя пальцами взял со стола металлический стерженёк, обёрнутый в платочек, и помахал им в воздухе.

- Сколько лет на заводе?

- Девятнадцать...

- Девятнадцать?! - злорадно переспросил участковый. - Так вот, несун несчастный, будем отплясывать от того, что ты тащил с завода каждый день... Этот штифт стоит 1 рубль 27 копеек. Умножим 1 рубль 27 копеек на число трудодней в неделе - шесть... Потом - на число недель в месяце, ещё - на месяцев в году, наконец - на девятнадцать, - участковый с минуту калькулировал, затем, невзирая на свою тучность, достаточно легко встал, выпрямился, выпятив уродливый колыхающийся живот, который у него начинался почти прямо под двойным подбородком, снова зачем-то надел фуражку и, назвав цифру с несколькими нулями, крикнул почему-то на русском:

- Расхититель социалистической собственности! Такие негодяи, как ты, тормозят наступление светлой эры коммунизма!..

Грузно опустившись в под стать ему массивное кресло, старший участковый перевёл дыхание, ещё раз прошёлся глазами по протоколу мелкого хищения и как-то обречённо посмотрел на сержанта-стажёра:

- Загляни в уголовный кодекс. Сколько ему положено?

Сержант взял со стола потрёпанную книжку и стал листать. Спустя минуту он многозначительно взглянул на участкового и бесстрастно произнёс:

- Хищение государственного имущества в особо крупных размерах... 15 лет строгого режима!

Человечек аж подпрыгнул на месте:

- Смилуйтесь... не губите! У меня дети... много детей! Жена, тёща больная - все на моей шее, - сказал он, весь скукожившись.

Участковый грозно смотрел на него, сдвинув неухоженные, растопыренные брови.

- Ладно, сержант, не будем мелочиться - давай заменим ему на 10, - обратился он после солидной паузы к стажёру, незаметно подмигнув ему.

- Можно, пожалуй... - произнёс тот, как-то глупо откашлявшись.

- Можно Машку за ляжку, а закон требует строгости и точности! - снова подмигнув, произнёс участковый и хрипло рассмеялся. В его смехе чувствовался какой-то зловещий оптимизм.

Допрашиваемый стоял, как провинившийся ученик, боясь поднять глаза. Лишь тонкие усы его нервно дёргались и, казалось, что он вот-вот всхлипнет.

- Ну что раскис, негодник? Или разжалобить хочешь? Поздно уже - тогда надо было думать, когда народное добро воровал...

- Всё сделаю, ничего для вас не пожалею... пощадите! - взмолился несун, показав участковому два вытянутых пальца - указательный и средний.

Взгляд участкового невольно оживился и несколько смягчился, однако он резким движением снова надел фуражку-аэродром, встал и с возмущением произнёс на русском языке:

- Попытка дачи взятки должностному лицу?! Это ещё более усугубляет твоё положение! Сержант, посмотри сколько ему в совокупности полагается.

Стажёр с важным видом полистал потрёпанную книжку:

- Высшая мера наказания - расстрел! - отрезал он.

Наступила минутная пауза. Со стены на потенциальную жертву электрического стула строго и осуждающе смотрел железный Феликс в деревянной раме...

- Расстрел, так расстрел. Как говорили древние, «суров закон, но закон».

Произнося это, участковый вытянул перед несуном 3 пальца. Тот кивнул в знак согласия, и оба облегчённо вздохнули. Стажёр, с любопытством наблюдавший за этой игрой, довольно улыбнулся.

Участковый нажал на кнопку в столе. На пороге появилась под стать ему толстая, но в то же время очень подвижная секретарша с огромными, красивыми, как у газели, глазами.

- Аделина, принеси чай, да покрепче, а то у меня нервы начинают сдавать!

У секретарши всё гармонично колыхалось: грудь, спина, бёдра... Не скрывая удовольствия, участковый, стажёр и допрашиваемый (несмотря на критичность своего положения) следили за тем, как она поплыла обратно.

- Ладно, земляк, так и быть, назначу тебе условное наказание... - участковый надвинулся на залётчика, едва жен-

щина скрылась за дверью. - Три тысячи! Через два часа! - уже открыто произнёс он тоном, не допускающим возражений.

- Будет сделано, шеф! Разрешите идти?

- Иди, время пошло! - как подчинённому отдал «приказ» старший участковый. - И чтобы без шуток!

- С такими мерзавцами по-другому нельзя! - сказал поучительным тоном «шеф» стажёру, провожая нарочито строгим взглядом штрафника.

Через два часа восемь минут и двадцать секунд (как зафиксировал «шеф») залётчик появился. Теперь это был уже другой человек: он вошёл как хозяин, открыв, что называется, дверь ногой. Бросив на стол «откупные» в виде трёх обёрнутых в картон пачек, «обвиняемый» гордо посмотрел на «судей». Те и не глядели в его сторону, глупо уставившись на толстые стопки, словно не веря своим глазам. Из-под картонной обёртки с десятирублёвых банкнот с укоризненной и грустной улыбкой смотрел на них Владимир Ильич Ленин...

- Шеф, могу я попросить у твоей секретарши чай? - отдышавшись, нагловато спросил несун. - Только обязательно в стакане армуды - из других не могу пить.

«Шеф» неохотно потянулся к звонку. Величественным кораблем в кабинет вплыла секретарша.

- Аделина, принеси... уважаемому чай, в армуды.

«Подследственный» теперь уже по-хозяйски посмотрел вслед за секретаршей, наслаждаясь её пышными, колыхающимися формами. Вся фигура женщины удивительным образом напоминала грушевидный стакан армуды.

- Вот женщина! - нахально произнёс несун. - Много бы за такую отдал.

- А, негодяй, не зарься на чужое, не твоего ума дело! - почти по-свойски отчитал его участковый.

- Да я так, ненароком, - оправдался залётчик. - Все мы - люди...

Но участковый уже и не слышал его, пряча под стол толстые пачки денег.

- А могу я взять штифт? Так, на память, - попросил бывший подследственный, уходя.

- Нет, дорогой, не положено. Это вещественное доказательство, - участковый аккуратно взял платочком железку и положил её в сейф...

Проводив несуна, милиционер вынул обратно штифт, полюбовался им и рассмеялся раскатистым, хищным смехом. Затем выбросил железку в урну и подмигнул стажёру-подельнику:

- Согласись, Игорёк, хорошие у нас люди - работать с ними можно. Вроде бы гиблое дело - административное наказание, штраф 10 рублей, но если к нему подойти творчески, с головой, то можно и ...

Стажёр весело кивнул.

- Но и ты молодец, прогрессируешь! Так сколько, говоришь, с меня причитается?

2005 г.

«САЛИМЧИКА ЖАЛКО!»

По мере того, как региональный семинар представителей неправительственного сектора стран Южного Кавказа приближался к концу, всё более непосредственным становилось общение его участников, особенно в кулуарах. Между ними установились какие-то свойские, домашние отношения, несмотря на то, что конфликты между их государствами ещё не были урегулированы, а атмосфера в обществах сторон была далека от идеальной.

Однажды после ужина участники семинара собрались в холле гостиницы, и Ваграм, представитель Нагорного Карабаха, начал рассказывать историю своего знакомого Салима:

- Это был импозантный, богатый и щедрый молодой человек. Ходил в светлом импортном костюме, был всегда опрятен, чисто выбрит, от него пахло дорогими духами, туфли блестели. Он заведовал крупным универмагом - вы прекрасно знаете, что означало это в советское время, когда хороший товар продавался из-под прилавка. Короче говоря, мой приятель преуспевал: у него были великолепные связи, ради дефицитного товара к нему шли на поклон власть имущие и самые известные люди города. В то же время Салим был простодушным, а порой - наивным до невозможности. Наверное, поэтому все мы звали его Салимчиком. Да и сам он нередко называл себя так, часто говоря о себе в третьем лице.

Ваграм почувствовал, что его слушают с любопытством и, вобрав в лёгкие запас воздуха, продолжил:

- Салимчик был женат на низенькой невзрачной женщине, данной ему судьбой, словно по иронии. Впрочем, он пошёл на такой брак, не желая обидеть горячо любимую мать: Гюльнара, которую ему настойчиво сватали, была дочерью её близкой подруги. Как джентльмен, Салимчик уважал свою жену, одаривал её золотом и бриллиантами, шикарно одевал. Но он не любил Гюльнару. На его лице неизменно были написаны скука и тоска. Но вот однажды Салимчик расцвёл, словно весенним ветерком разогнало тучи на его лице...

Ваграм замолчал, обвёл взглядом присутствующих. У всех на лицах был неподдельный интерес. Но взор его остановился на соседе по гостиничному номеру - Арисе, который уставился на него со странным, каменным, как показалось Ваграму, недобрым выражением. Глаза его были неестественно выпучены, а губы вытянулись, образовав трубочку.

- Вы наверняка догадались, дорогие друзья, что наш Салимчик влюбился. Она была длинноногой красавицей-блондинкой со знойным взглядом. Я однажды случайно видел их вместе в городе. Когда мы приблизились, Салимчик незаметно подмигнул мне, давая понять, что не собирается знакомить с подругой, и я сделал вид, что не знаю его. Разумеется, я не мог не оглянуться, а посмотрев назад, поразился её стройности - таких девушек я не видел даже по телевизору. Выйди она на подиум, непременно обставила бы всех манекенщиц. Но и Салимчик не терялся на её фоне - он был высок, широкоплеч. Некоторая сутулость и рыхловатость не портили его. Честно говоря, я позавидовал своему приятелю - откуда он откопал её? Впрочем, на счастливую парочку оглядывались все прохожие.

Ваграм перевёл дыхание и невольно покосился на Ариса. Лицо его по-прежнему было неподвижным, лишь ещё больше вытянулось в сторону рассказчика. Глаза же горели каким-то нездоровым блеском. Ваграм отвёл взгляд и поспешил продолжить:

- Увы, их идиллия длилась недолго, примерно год. За это время я видел Салимчика ещё один раз. Он спешил куда-то с огромным букетом цветов. Мы успели лишь поздороваться и переброситься на ходу парой общих фраз. Затем он побежал, заговорщически подмигнув, как тогда, сел в свою чёрную «Волгу» и, круто развернувшись, уехал. Он был счастлив. Это было написано на его лице: здоровом румянце, лучиках радости в уголках глаз, умиротворённом лбе. Это выражалось в его энергичных, полных жизни движениях. Но однажды, когда я совершал свой обычный вечерний моцион по городу, кто-то позвал меня. Я обернулся... и не узнал его. Вернее, я, конечно же, узнал его, но это был совершенно другой

человек: Салимчик поседел, неестественно осунулся, был небрит, весь какой-то поникший. Пиджак сидел на нём мешком.

- Что с тобой? - не удержался я.

Он отчаянно махнул рукой и пригласил меня в ближайшее кафе. Салимчик был глубоко несчастен, и я, естественно, догадался о причине, но не спешил убрать со своего лица знака вопроса. Заказав официанту пирожное и кофе, а мне лично - коньяк с лимоном (Салимчик знал о моём пристрастии), он сразу же начал, будто я был в курсе всех его дел:

- Объясни мне, пожалуйста, чем я обидел её? Купил ей квартиру в центре города, обставил дорогой мебелью, одарил бриллиантами, устроил родственников на работу у себя в универмаге. Салимчик - нежадный человек, весь город об этом знает! И вот такой удар в спину! А говорила, что любит. Выходит, морочила мне голову... А я любил её больше жизни.

- Ты о ком? - я сделал вид, что не понимаю о чём речь, и уж точно зная, что не о жене говорит.

- Да ты угощайся, возьми пахлаву, - безвольные складки на лбу у Салимчика, опущенные уголки рта, дрожащие пальцы отражали его крайне подавленное внутреннее состояние. Он старался унять дрожь, перебирая чётки, которые постоянно носил с собой. - Я об Олечке... Ах да, я же не познакомил тебя с ней. Вот штучка: страстная, горячая, как огонь! Такой у меня ещё не было... Ты кушай-кушай, выпей рюмочку. Я не могу, извини, нездоров...

Салимчик долго рассказывал о счастливых днях с Олей, всё растягивая печальный финал, о котором я изначально уже догадался интуитивно. Наконец он начал, вобрав голову в плечи:

- Месяц назад чисто мужской компанией отмечали день рождения однокурсника. Выехали за город, в прибрежный ресторанчик «Эдем». Туда едут все, кто хочет немного отдохнуть от городской суеты и оградить себя от любопытных глаз знакомых. Так вот, в середине застолья из соседней кабины послышался знакомый звонкий смех. Ну, думаю, показалось: перебрал Салимчик спиртного, звуковая галлюцинация - тем

более что я постоянно думал о ней. Через минуту смех повторился. Я вскочил, выбежал и распахнул дверь кабины напротив... Ноги мои подкосились. Пока гримаса смеха на лице моей Олечки менялась маской ужаса, я потерял сознание, не успев даже разглядеть её друга... Пришёл в себя только в больнице...

Салимчик неожиданно всхлипнул. Мне стало не по себе, я прятал свой взгляд, стараясь не глядеть на его жалкое бледное лицо и воспалённые глаза. Потом я сделал несколько неуклюжих попыток успокоить его. Впрочем я был недостаточно искренен в отношении самого себя, намекая на то, что не в постели же застал Салимчик свою любимую - может, измены-то и не было... Но он и слушать меня не хотел, всё повторяя:

- А Салимчик любил её больше жизни...

Когда Ваграм замолчал, нависла тягостная, тяжёлая тишина. Первой нарушила её Нонна, правозащитница, старая дева и неулыба:

- Так ему и надо! Женился, не заглядывайся на чужих красавиц: в одной руке два арбуза не удержишь.

- Да что вы понимаете?! - возразил ей Ираклий, импульсивный молодой человек. - Нельзя же каждый день борщ кушать, иногда хочется и шашлычка попробовать.

- А как потом сложилась жизнь Салимчика? Ты видел его после этого? - спросил Руслан.

- Нет, но говорят, что спился, потерял всё своё состояние. В общем, банальный печальный конец.

- Жалко Салимчика, - вздохнула Аида...

Никто не остался равнодушен к судьбе Салимчика, кто-то сочувствовал ему, кто-то критиковал и упрекал его в слабохарактерности и безволии. Только Арис молчал. Лицо его было серьёзно-застывшим. Чувствовалось, что за этой, казалось, непробиваемой миной идёт серьёзная внутренняя борьба. Но Арис не проронил и слова...

Уже далеко за полночь под впечатлением рассказа Ваграма люди разошлись по своим номерам.

Всю ночь Арис ворочался в постели: что-то явно мучило его. Спросонья Ваграм услышал его бормотанье: «...В жизни

быдло всегда берёт верх над интеллигенцией. Бедный Салимчик стал жертвой хамства и продажности...»

«Причём тут интеллигенция?» - невольно спросил сам у себя Ваграм и, не ответив, углубился в сон. Он не знал о том, что Арис, сорокалетний холостяк, сам пережил нечто подобное в ранней молодости...

К утру Ваграму показалось, что кто-то зовёт его, но откликнуться не было сил. Ещё через минуту он почувствовал, как что-то давящее стремительно приближается к нему.

- Ваграм! Ваграм!! Ваграм!!! - по нарастающей, словно пытаясь спасти умирающего, звал Арис, приближаясь к своему соседу по номеру.

Ваграм вскочил, сел на постели, увидев в лучах восходящего солнца знакомое до боли застывшее лицо и воспалённые глаза.

- Что случилось? - испуганно спросил он.

- Бедный Салимчик!.. - произнёс Арис, всхлипнув.

Ваграм не поверил своим ушам, протёр глаза - ему это казалось продолжением сна.

- Что?!

- Салимчика, говорю, жалко...

2006 г.

ТРЕНЕР

Иллюстрация Альберта Саркисяна

В каждом большом карабахском семействе такой «тренер» непременно имеется. Он безапелляционно говорит о разных вещах, даёт инструкции на все случаи жизни, нисколько не сомневаясь в своей правоте, чрезвычайно охоч до прекрасного пола - во многом благодаря последнему качеству его и называют «тренером» или чем-то в этом роде. Вдобавок ко всему, наш Тренер был ещё и озорником.

Бывало, в чужом городе подойдёт к нему пожилая женщина и попросит подсказать, как пройти к N-скому объекту, и вместо того, чтобы сказать: «Извините, я тоже приезжий», Тренер непременно возьмёт её за плечо и без тени смущения укажет:

- Иди прямо, бабуля!

- Почему прямо, ты же не знаешь города? - спросишь его.

- Не налево же бабуле идти! - не теряется Тренер.

Но это одна из самых безобидных шуток Тренера - то ли бывало!

Однако для начала давайте уясним, как за нашим героем - дядей Хореном (так обращались к Тренеру в семействе и стар

и млад), закрепилось столь почётное и обязывающее звание.

Дело было в Ленинграде. Дядя Хорен, как самый деловой в семействе, поехал устраивать в университет своего племянника. Тогда у него не было такого выдающегося брюха, как сейчас (оно едва намечалось), и из-за достаточно высокого роста и косой сажени в плечах он вполне мог сойти за спортсмена-ветерана...

Надо сразу сказать, что в такие деловые поездки наш герой брал с собой большую канистру тутовки. «Волшебная» канистра помогала решать любые вопросы: после второй рюмки самые несговорчивые становились на удивление податливыми и уступчивыми, ибо жгучее содержимое невзрачного, замызганного сосуда помогало находить общий язык.

Когда в Ленинграде зашли в универмаг купить абитуриенту необходимые принадлежности, дядя Хорен вдруг остановился у отдела белья, пригляделся, подошёл, гордо неся свое небольшое упругое пузо, и стал по очереди примеривать лежащие на прилавке трусы: берёт одни, приставляет к переду и небрежно бросает обратно, берёт другие - все малы... Когда он проделал это в четвёртый раз, молоденькая продавщица-блондинка произнесла тоненьким, вежливо-предупреждающим голосом:

- Мужчина, это спортивные трусы!

- А я тренер-да! - не растерялся дядя Хорен.

Все вокруг прыснули... Абитуриент же чуть не помер со смеху, и с тех пор с лёгкой руки племянника, как анекдот рассказывающего всем подряд данный пассаж, дядя Хорен стал теперь уже официально носить это почётное звание.

На время экзаменов остановились у знакомых. В большой комнате вместе с людьми жили две собаки и кошка с выводком. Едва переступив порог, Тренер стал недовольно коситься на них, сердито бурча себе под нос. Порой не выдерживал: «Брысь! Пошёл отсюда! Тоже мне... Дом это или зверинец, не могу понять?!»

Всю ночь ворочался в постели - видно, снились кошмары...

Утром встал в очередь в туалет. Вошёл, наконец, наступил на лужу (шлёпанцы ему не достались - он был в одних нос-

ках). Тут его терпению пришёл конец. Ещё в туалете он начал:

- Тьфу, что э-э у вас: вода, лужа, кошки-мышки?!

Выйдя, поднял вверх указательный палец:

- У нас один муха, слышите, один муха э-э, придёт в дом, жена целый день, целый день э-э, гонится за ним, пока не убьёт! А у вас что э-э - кошки-мышки?!

Успокоился Тренер не скоро, всё повторяя:

- Что э-э у вас?!

Положение спасла молодая соседка, вошедшая на свою беду попросить что-то у хозяйки. У Тренера заблестели глаза.

- Садись, дорогая, выпей рюмку тутовки, - по-хозяйски, с южным гостеприимством распорядился дядя Хорен, потянувшись к канистре у дивана.

- Нет, что вы?! У меня больной желудок, - отнекивалась женщина.

- Послушай меня, дорогая. Мой сестра тоже болел. Доктор посмотрел, сказал: «Ты умрёшь». Мой сестра кушал туту прямо с дерева, водку пил, туту кушал, водку пил... Через месяц доктор видит её и удивленно спрашивает: «Ты ещё не умер?» Выпей, и все болезни исчезнут. Это не водка э-э, это - настоящий лекарство. Эй, принеси стакан!

Он взял смущённую женщину за плечи, усадил рядом с собой, налил прямо из канистры полную рюмку.

- Выпей, азиз-джан, задержи дыхание и быстро вылей в горло. И глазом не моргни, а то, смотри, поперхнёшься.

Та сделала ещё одну робкую попытку отказаться, но Тренер уже подносил рюмку к её губам. Он чуть ли не сам влил водку в горло женщине. Её вдруг задергало, она зашлась в кашле, стала задыхаться... Вызвали «Скорую». Через три дня соседка выписалась из больницы и пришла разбираться.

- Вы меня чуть не убили...

- Да, тутовка - рентген, если человек больной, сразу показывает, - без тени смущения говорил Тренер. - А это что-э?! Однажды я выпил два ящика коньяка - сердце не выдержал, целый неделя в больнице лежал.

В Ленинграде «волшебная канистра», к великому удивлению Тренера, не сработала: доценты и профессора

попались какие-то непьющие, «ненормальные», племянник же не набрал достаточного количества баллов.

- Какой позор, какой позор! - Тренер в отчаянии ударял себя по коленям. - Чтобы я встал, оставил всё: дом, машина, жена, любовница - пришёл сюда, и ничего не получилось?! Разве такое бывает?.. Эти профессоры - не люди!

Прощаясь с хозяевами, Тренер расцеловал их и грустно произнёс:

- Это вам на память, - он протянул канистру.

- Зачем она нам? - искренне удивился хозяин.

- Э-э, что вы понимаете? Это - нужный вещь... Ну и что, один раз промах дал?!

На вокзале Тренера встречала большая толпа родственников. Все сразу заметили, что он без канистры (обычно он возвращался с пустой канистрой, как боец с передовой с пустым автоматным магазином). Немой вопрос на лицах сменила тревога.

- Дядя Хорен?! - не выдержал кто-то.

- Э-э, и без вас на душе кошки-мышки скребут, дайте дорогу!

Толпа бесшумно расступилась перед гордым, но немного грустным, обезоруженным Тренером.

- У каждого свой Ватерлоо, - процедил он сквозь губы, садясь в машину. - Чем я хуже Наполеона?..

2006 г.

КУЛЬТУРНОЕ МЕРОПРИЯТИЕ, ИЛИ РАССКАЗ О ТОМ, КАК НЕМЕЦ ДВУХ КАВКАЗЦЕВ МИРИЛ

Спустя пару лет после установления хрупкого перемирия в зоне Карабахского вооружённого противостояния правозащитник из Германии Август Мюллер загорелся желанием примирить хотя бы по одному представителю сторон конфликта и, недолго думая, выбрал себе в качестве подопытного материала своих коллег - карабахца Сурена Аскаряна и азербайджанца Рауфа Гаджиева, с которыми имел шапочное знакомство. Отправив пригласительные с подробной программой пребывания, где с немецкой педантичностью отметил даже то, сколько времени будет отведено утреннему и вечернему туалетам, он не без тревоги ждал ответа. Нервно похаживая по просторному кабинету своего трёхэтажного особняка, Август, поправляя очки на переносице, куда съехались его светлые, едва заметные брови, размышлял: «Как бы чего не вышло... Не дай Бог ещё дома у меня перегрызутся - тогда не миновать скандала... пожалуй, международного! Кто знает этих кавказцев?! Однако, с другой стороны, чем чёрт не шутит, может, и премию мира дадут?»

Воодушевившись последней идеей, он всё ободрял себя: «Должен же, в конце концов, кто-нибудь решиться и попробовать пробить стену недоверия!.. »

Нервничала вместе с ним супруга - фрау Кэтрин, которая всё ломала голову над тем, как преподнести в лучшем виде немецкую кухню и вообще немецкие манеры... «Оценят ли эти горцы мои старания?» - думала она.

Признаться, они не особенно верили в успех затеи и даже сомневались, что гости из далёкого Южного Кавказа вообще согласятся приехать, чтобы стать объектом достаточно риско-

ванного эксперимента...

Но спустя две недели Сурен и Рауф сидели, как ни в чём ни бывало, в гостиной у Августа. Немец предупредительно расположился между кавказцами, бросая напряжённо-настороженный взгляд то на одного, то на другого.

- Ну, надеюсь, вы подружитесь, - как бы сомневаясь, наконец произнёс он, поёрзав в своём кресле.

Кавказцы переглянулись и скромно опустили головы.

Фрау Кэтрин принесла на подносе кофе и, расставляя чашки, вопросительно и немного испуганно посмотрела на супруга, пытаясь догадаться по выражению его лица, как продвигается эксперимент. Но лицо мужа в этот момент было каменным и бледным.

- Итак, господа, напоминаю программу пребывания, - откашлявшись, немец сказал более твёрдо и уверенно.

Минут с десять он читал длинный список предстоящих, до боли знакомых южанам мероприятий: подъём, физзарядка, утренний туалет, завтрак, беседа на тему о толерантности...

- А культурное мероприятие будет? - неожиданно спросил Сурен, незаметно подмигнув азербайджанцу.

Тот столь же незаметно улыбнулся.

- Культурное мероприятие? - Август недоверчиво сощурился.

- Да, - невозмутимо произнёс застрельщик, для предметности нарисовав ладонями в воздухе что-то грушевидное.

Вновь собрав у переносицы невидимые брови, немец, подумав, ответил:

- А что, можно. Придумаем что-нибудь... А пока прошу подготовиться к обеду. У вас, - он посмотрел на часы, - 13 минут.

- А покурить можно? - спросил Рауф.

- Только в саду. Там на столике находится пепельница, а под деревом - три бака для мусора. После того, как покурите,

пепел и окурки выбросьте в бак с неэкологическим мусором. Он стоит посередине...

Спустившись без особого энтузиазма в сад, кавказцы нашли загадочную пепельницу. Закурили, выпустив из себя на вздохе облегчения лёгкие, беззаботные кружочки дыма. Лишь после того, как, следуя инструкции, аккуратно стряхнули пепел в пепельницу, заметили, что немец наблюдает за ними с балкона. Тот, терпеливо выждав, когда кавказцы закончат курить и потушат окурки, для верности ещё раз подсказал местонахождение бака с неэкологическим мусором...

Когда курильщики вернулись, Август почти угрожающе поднял указательный палец:

- Через три минуты - обед.

В соседней комнате фрау Кэтрин уже накрыла на стол. Было всё: разные колбасы, ветчина, жареные мясо и картошка, пиво. Но не было самого главного для жителя Кавказа... Догадались? Ну конечно же - хлеба. Вернее, он был, но в очень малом количестве и только чёрный. К тому же был нарезан тонко, как бастурма. И каждый раз, когда Сурен с Рауфом, опуская в смущении глаза, просили у хозяйки ещё ломтик хлеба, втайне взывали к Всевышнему, чтобы фрау Кэтрин случайно взяла ножом чуть левее, ну хотя бы на полсантиметра... Потом «камрад» (так между собой кавказцы назвали Августа) объяснил им, что белый хлеб в Германии покупают только приезжие, и стоит он дешевле чёрного.

- А так, мы не злоупотребляем хлебом, - с некоторым упрёком заключил немец.

Наскоро отобедав, фрау Кэтрин извинилась перед гостями, оделась и вышла.

- На дежурство в больницу, - объяснил Август и начал собирать посуду со стола.

Переглянувшись, кавказцы стали помогать ему.

- О, раз вы хотите пособить мне, то давайте распределим

роли, - деловито произнёс немец, надев передник и профессионально завязав у себя за спиной тесёмки бабочкой. - Сурен, возьмите полотенце, а вы, Рауф, подавайте мне грязную посуду.

- Ты дома моешь посуду? - улучив момент, прошептал Рауф Сурену.

- Нет, у меня жена, дочь... бабушка, - удивлённо ответил тот.

- Вот бы посмотрели на нас краешком глаза наши благоверные...

Позже выяснилось, что в семье у Августа, как, впрочем, и по всей Германии, это в порядке вещей. Проявляя «мужскую» солидарность с Августом, кавказцы, меняясь ролями, каждый день, сначала неуклюже и уныло, затем всё искуснее и охотнее возились с тарелками у мойки.

Ужинать немец повёл своих подопечных в ресторан. Кавказцы, в знак солидарности друг с другом и стирания религиозных границ, заказали свиные ножки (фирменное блюдо этого заведения). Они были гигантских размеров.

- Наверное, такие свиньи жили в эпоху динозавров, - пошутил жизнерадостный Сурен, но внезапно сник, так как, к собственному ужасу, обнаружил, что на столе отсутствует хлеб.

Он отодвинул тарелку и наотрез отказался кушать, заявив, что без хлеба не сможет осилить эти громадные ножки. После долгих и нелёгких раздумий «камрад» позвал официанта и, отвернувшись, показал на Сурена пальцем, сказав, что «он хочет хлеба». Оглядев с нескрываемым любопытством необычного клиента, официант несколько смущённо улыбнулся и, произнеся «яволь», направился в сторону кухни. Через некоторое время он принёс и поставил перед Суреном большую корзину с белым и чёрным хлебом. Все посетители ресторана смотрели на Сурена с недоумением. Последний же,

оглядевшись, только тут заметил, что ни на одном из столов хлеба нет. Однако от такого конфуза ни один мускул не дрогнул на лице у блюстителя кавказских традиций. Сурен пожалел Рауфа и дал ему ломтик, хотя тот его не поддержал, когда он, отбросив стыд, потребовал хлеба. Во всё время ужина Август сидел вполоборота к Сурену, как будто он был не с ним. Когда необычный гость поел, официант, убрав посуду, подал ему кофе, однако корзину с хлебом оставил...

На обратном пути немец, всё ещё не оправившийся от стыда, долго объяснял своим гостям, что у них принято кушать ужин отдельно, а хлеб - отдельно, и что хлеб и ужин - понятия несовместимые. Сурен не хотел понимать его. Рауф вежливо отмалчивался.

Как только вошли в дом, Август произнёс:

- Заранее предупреждаю, что Сурен будет спать на первом этаже, а вы, Рауф, на третьем. Мы с Кэтрин будем посередине.

Кавказцы еле сдержали смех.

Так прошло два дня. Кавказцы приучались к устоявшемуся, расписанному до мелочей немецкому быту, а немец - к их странностям и капризам. Однажды, будучи в настроении, хозяин подсунул Сурену безалкогольное пиво. Тот пьёт, пьёт, а «прихода» нет... Немец радовался своему розыгрышу, как ребёнок.

- То-то, и я умею веселиться! - довольно повторял он сквозь смех.

На третий день кавказцы сплели небольшой заговор, попросив Августа разрешить им одним выйти в город. Еле удалось уговорить. Они направились в ближайший ресторан. Сурен предупредительно положил во внутренний карман пиджака бутылку припасённой тутовки. Его не испугала вывеска, на которой почему-то на русском было выведено большими и неровными буквами: «Приносить с собой и

распивать спиртные напитки категорически воспрещается! Штраф... марок».

Пока Рауф, достав карманный словарь, возился с меню, пытаясь разобраться в длинном перечне блюд, Сурен, посмотрев сбоку на застывшего в профессиональной позе официанта, на его характерный профиль, тонкие, коротко остриженные усы, произнёс на азербайджанском языке, которым владел не хуже родного:

- Турок?

Дёрнулись тоненькие усики, официант оживился...

Когда он принёс текилу и пошёл за шашлыком, Сурен незаметно вылил содержимое рюмок в цветочный горшок на подоконнике и, не вынимая бутылку из кармана, наклонившись, разлил тутовку. Официант никак не мог понять, почему с каждым его приходом рюмки были полные, но лица гостей - всё краснее...

На следующий день, после лекции о толерантности, во время которой южане клевали носом, Сурен, пошептавшись с Рауфом, сказал Августу:

- А про культурное мероприятие не забыли?

Вопрос не застал немца врасплох, но он призадумался.

- Сейчас посовещаюсь с женой.

Кавказцы покраснели, попытались остановить его, но он уже звал свою прекрасную половину.

- Вот тебе демократия и равенство полов! - прошептал Рауф Сурену.

С минуту немец шептал что-то на ухо жене, которая не спускала с гостей серьёзного, изучающего взгляда. Затем уже Кэтрин стала что-то объяснять супругу и, выслушав её, Август торжественно произнёс:

- Собирайтесь! Придётся ехать в соседний город.

Радость кавказцев не знала границ. Сурен весело подмигнул своему потворщику.

Быстренько побрились, помылись, надушились, приоделись.

Сойдя через пару часов с электрички, заказали такси. Рауф и Сурен всё думали, зачем для «этого» так долго ехать? Но в предвкушении удовольствия готовы были терпеть все неудобства.

Такси встало неподалёку от большого светлого здания. Пройти к нему пришлось через небольшой ухоженный парк.

- Ты посмотри! - неожиданно воскликнул Сурен, показывая в сторону пруда.

- Ух ты-ы! - восторженно откликнулся Рауф.

Переваливаясь, покачивая жирными ляжками, к пруду, где мирно плавала её подруга, шла утка, не подозревая о том, что стала объектом нездорового интереса.

- Что стали? - спросил немец с упрёком.

- Утки! - мечтательно произнёс Сурен, провожая птицу плотоядным взглядом.

- Ну и что?

- Деликатес! - произнёс Рауф.

- И у вас это съели бы? - изумлённо и почти гадливо произнёс немец.

- Конечно!

- Так ведь в магазинах продаётся.

- Но ведь это дичь... - Сурен стал объяснять немцу.

- Дикари! - бросил немец, не дослушав его, и ускорил шаг.

Посмотрев на здание и почуяв недоброе, Сурен встревоженно спросил у Августа:

- Куда вы привели нас?

Примерно такие же чувства раздирали душу Рауфа. «Тоже мне - Сусанин!» - думал он.

- А что вы хотели? - недоумённо спросил немец.

В ответ, как по команде, Сурен и Рауф нарисовали в воздухе пышные женские формы: первый - груди, второй - бёдра.

- А-а, вот что вы хотите?! - Август словно разоблачил шпионов. - Это исключается! У меня хорошая репутация. Да и проектом не предусмотрено - фонд за «это» платить не будет.

Всё ещё не теряя надежды, что это шутка и немец просто заигрывает с ними, кавказцы уныло вошли в здание.

- Начнём с третьего этажа, там интереснее, - предложил Август.

Вышли из лифта, вошли в широкую дверь. Странная картина предстала взору опешивших кавказцев. Вернее, картины. Они расплывались перед глазами: бесформенные пятна яркого цвета пересекались какими-то кривыми линиями. От разнообразия цветовых сочетаний, геометрических форм, плоскостей, прямых и ломаных линий кружило голову...

- Бардак! - невольно вырвалось у Сурена.

- Хуже! - ответил ему Рауф.

Да, дорогой читатель, это был музей абстракционизма. Что ещё оставалось делать бедным искателям приключений, как послушно ходить по всем этажам, внимательно осматривать странные и непонятные им экспозиции и попытаться найти в них логику? Сперва делали вид, что интересно, а потом так увлеклись, что не пожалели про «культурное мероприятие»...

Когда ждали электричку, кто-то пролаял в громкоговоритель на перроне: «Ахтунг, ахтунг!», затем возбуждённо добавил ещё что-то. Сурен с Рауфом перепугались, понимая, что «ахтунг, ахтунг!» не сулит ничего доброго. Первое, что пришло в голову Сурену - начинается бомбардировка и нужно бежать в подвал. А тут Рауф с бледным лицом вдруг говорит тихо: «Война! Немцы напали на Россию...».

«Камрад» успокоил своих попутчиков, объяснив, что электричка запаздывает, по пути следования случилось небольшое ЧП. Придя в себя, Сурен спросил у Рауфа, почему

тот решил, что немцы напали на Россию? Но Рауф толком так ничего и не ответил, сказав, что это первое, что пришло ему в голову. Впрочем, оно и понятно, мы, бывшие советские люди, насмотрелись фильмов про войну 1941-1945 годов и, слыша слово «ахтунг», думаем, что началась война. А войн в наш век - хоть отбавляй, они давно уже перешли с экрана телевизора в реальную жизнь, став, увы, обыденностью...

По возвращении Август со сдержанным смехом рассказал жене о «культурном мероприятии», и та получила колоссальное удовольствие от такой «накладки»...

Неделя в Германии приблизилась к концу. В последний день гости в знак благодарности решили прибраться в саду у Августа. В ход пошли лопаты, грабли. Когда собрали в кучу сухие ветви, у Сурена появилась идея зажарить настоящий кавказский шашлык и угостить напоследок хозяев. Поделились этой мыслью с немцем. Он озабоченно спросил:

- А что будем зажигать?

- Сухие ветки.

Пауза. У хозяина появилась характерная напряжённая складка у переносицы, не предвещавшая ничего хорошего:

- У нас же нет шомполов...

Но отговорка не вышла.

- Можно пару веток с дерева срезать - вот тебе и шомполы, - вдохновлённо парировал Сурен.

- Надо у жены спросить, - побледнев, сказал Август и пошёл в дом совещаться.

Вернулся он ещё более озабоченным:

- А если в камине зажарим?

Наступила неловкая пауза.

- Понимаете, у меня репутация... Кроме того, соседи могут упрекнуть меня в том, что я не только эксплуатирую приезжих, но ещё и экологию загрязняю...

Прощаясь в аэропорту, Сурен и Рауф с кавказской готов-

ностью приглашали Августа с супругой в гости. Немец, довольный тем, что эксперимент прошёл без эксцессов, обещал непременно приехать...

В самолёте Сурен несколько раз просил стюардессу принести дополнительно хлеба. После пятого раза та сердито сказала, что хлеба больше нет, хотя первые четыре булочки принесла с милой, «понимающей» улыбкой.

Сурен смотрел в иллюминатор, забылся. Снились нарядные парки, дома в готическом стиле, доброе, но озабоченное и подёрнутое легкой грустью лицо Августа... А очнувшись, нашёл себя крепко прижимающим к груди булочку хлеба.

Когда выходил из самолёта, всё было как в тумане, нереально, словно в музее абстракционизма... Но вдруг кто-то наступил ему на ногу и, вырывая у него дорожную сумку, крикнул в ухо:

- Брат, куда надо? Скажи, довезу!

Сурен понял, что он уже дома, и на душе стало тепло и спокойно...

2006 г.

КОТУ ПОД ХВОСТ

(Быль о том, как философ кошек кормил)

Студенческая жизнь полна курьёзов, но мне больше всего запомнился один случай.

После десятилетки мы со школьным товарищем поступили в один и тот же университет в большом городе: я на филологический факультет, он - на философский. Сняли комнату рядом с университетом.

Комната - сильно сказано! Она была карикатурна: три на три метра жизненного пространства, потрескавшаяся штукатурка стен, местами покрытая плесенью, фанерный потолок, почти касающийся макушки наших голов, а за фанерой на чердаке... кошки. Они вечно царапали потолок с той стороны, грызлись между собой и кричали так странно и неестественно, подобно судорожному плачу ребёнка, что я порой просыпался посреди ночи в холодном поту. Товарищ же мой спокойно, по-философски заключал, что кошки голодают и следовало бы накормить их. Разумеется, дальше слов дело не шло: самим было не до жиру (у студента и кость голодная). Но к кошкам и кошмарам, связанным с ними, мы ещё вернёмся...

Ради справедливости надо сказать, что за стеной была ещё и небольшая кухня общего пользования, с газовой плитой и краном. В общем, минимально необходимые для жизни условия и никаких излишеств. Ко всему прочему хозяйка, сгорбившаяся под тяжестью лет маленькая старушка с живописно крупным носом, чем-то напоминавшая сказочную Бабу-Ягу, сразу же, едва познакомилась с нами, предупредила: «Девушек не приводить!» Признаться, тогда нам было не до них: собственных забот хватало.

Моего товарища-философа звали Лорик. Наверное, такими и бывают начинающие философы: рассуждают умно, но

слишком много и обо всём сразу, словно боятся, что больше не представится возможности выговориться, однако совершенно беспомощны в практических делах. Лорик мог беспрерывно и энергично говорить в буквальном смысле до самого утра, но стоило предложить ему сделать что-нибудь по хозяйству, как весь его энтузиазм пропадал, горящий доселе взор вмиг затухал, словно выключенная водителем фара машины, а сам он становился вялым и немного грустным.

Когда в первое после новоселья воскресенье я предложил Лорику сделать генеральную уборку, его лицо стало трагичным. Он поспешил выступить со встречным предложением: перенести уборку на следующее воскресенье. Однако я твёрдо стоял на своём.

Мы вынесли из полуразвалившейся тумбочки в углу хлам, сохранившийся от прежних обитателей нашего нелепого жилища, распределили участки, вооружились тряпками, тазиками с водой. Я невольно следил за неловкими движениями Лорика, который протирал на корточках пол под кроватью, за его нервной, периодически вздрагивающей спиной и наверняка знал, что про себя он ругает меня. Однако по завершении уборки философ облегчённо вздохнул и вроде бы сделал мне комплимент:

- Ты у нас прямо-таки Горбачёв!

По всей видимости, он хотел сказать, что как Михаил Горбачёв в масштабах всей бывшей советской империи, так и я в отдельно взятой комнатушке осуществили перестройку. И надо признаться, вскоре мои усилия действительно дали плоды - в один прекрасный день Лорик совершенно неожиданно сам проявил хозяйственную инициативу.

Вот как это было. В воскресенье Лорик собирался в баню. Накануне он, к моему искреннему удивлению, предложил с утра, до бани, разрубить мясо, которое мы хранили в холодильнике у хозяйки. Тогда в городе действовали всего две-три бани, и нужно было явиться туда пораньше, чтобы часами не

ждать в очереди. В общем, назавтра, едва забрезжил рассвет, Лорик уже был на ногах. Я же решил немного понежиться в постели, в душе восхищаясь инициативой товарища. Не тут-то было!

Предутреннюю тишину в округе нарушил топор философа: он приступил к разделке мяса. Но какие-то странные, вечно меняющиеся звуки сопровождали эту нехитрую вроде бы процедуру - как будто аккомпанировал целый оркестр. Что-то падало, шлёпалось о стену, билось о стекло. Вокруг всё дрожало и дребезжало. Потом вдруг раздался сильный треск, грохот упавшего предмета, скорее всего, табурета, лязг клинка отлетевшего топора... Мне было ужасно интересно посмотреть, что творится за дверью, но лень было вставать. Потом вдруг всё стихло. Напряжённую паузу нарушил ржавый скрип приоткрывшейся двери: Лорик как-то подозрительно и неуверенно просунул голову в образовавшуюся щель и произнёс:

- Мясо готово. Я пошёл в баню.

Я чуял, что произошло нечто неординарное и не совсем хорошее. Вскоре мои предчувствия подтвердились: за дверью послышалось недовольное бурчанье старушки. Я встал и, спрятавшись за дверью, осторожно приоткрыл её. Удивительная картина представилась моему взору: площадка напротив нашей каморки и кухни была сплошь покрыта мелкими, словно специально наструганными, кусочками мяса. Стены и стёкла были обрызганы кровавыми крошками, с потолка свисала длинная, тоненькая жилка... Я перевёл взгляд и с ужасом заметил валяющийся в углу расколотый напополам табурет. Рядом клинком вверх лежал топор. Я молча закрыл дверь и лёг обратно в постель, уйдя с головой под одеяло, чтобы не слышать ворчанье старушки.

Через пару часов вернулся мой посвежевший после бани товарищ с румянцем на щеках. Он всё уводил глаза от моего упрямо-вопросительного взгляда. Неловкая пауза длилась с минуту. Наконец Лорик, достаточно нагло, нарушил тишину:

- Что? Старушенция возмущалась?

Тут и ко мне вернулся дар речи:

- Лорик, я могу понять сломанный по неосторожности табурет, но за собой почему не прибрал?

Ответ не заставил себя ждать:

- Думал, пока вернусь из бани, кошки полакомятся отходами.

- ?!

На кухне на дне кастрюли лежал жалкий комочек мяса - словно кот наплакал... Мы не знали, что с ним делать. Скормили бы кошкам, да вот, видно, убежали они, пока начинающий философ махал топором, будоража всю округу...

2007 г.

ЖЕЛЧНЫЙ ПУЗЫРЬ

Иллюстрация Альберта Саркисяна

- Аполлон? - Самохвалов (так прозвали Весьмира Карапетова сослуживцы за почти патологическую привычку хвалить себя) вышел из ванной комнаты, обмотав интимные места полотенцем.

Жена не обратила абсолютно никакого внимания ни на его слова, ни на него самого, продолжая смотреть растянувшийся на четвёртый месяц бразильский сериал.

- Аполлон?! - повторил Самохвалов воодушевлённо, стараясь как можно глубже вобрать в себя вялый живот и выпятить белую безволосую грудь.

Жена наконец оторвалась от экрана телевизора, окинула его почти презрительным взглядом и спросила с ехидством:

- О чём ты?

- У кого такая мускулатура, как у меня? И вообще, у кого такой супруг - красивый, умный, сильный?

- Перестань дурачиться - простынешь. Надень кальсоны, холодновато уже.

Напевая: «А ты такая холодная, как айсберг в океане...», не-

признанный, но невозмутимый Аполлон удалился в спальню...

В 40 лет Самохвалов, достаточно преуспевающий чиновник средней руки, умудрился окружить себя почти одними недоброжелателями и врагами. Тот, кто впервые видел Самохвалова, его конфетную, слащаво-красивую внешность и сдержанные манеры, думал: «Какой обходительный человек!» Однако за налётом культурности скрывались фальшь и коварство. Внешняя добропорядочность, по сути, была лишь наживкой, перед вами стояла настроенная на особый лад машина, зациклившаяся на самолюбовании и интрижках. Он мог напускным участием и лестью расположить к себе человека, использовать его, узнать всю его подноготную, а затем в нужный момент использовать это против него. При всём при этом Самохвалов вечно гладил себя по головке, беззастенчиво пытался убедить своего визави в том, что он самый умный, самый грамотный, самый красивый, что свет клином сошёлся на нём. «Видать, неспроста мне дано такое имя - Весьмир!» - тешил себя Самохвалов. Он был искренне уверен в собственном совершенстве.

- Конечно, я не Ален Делон, но всё познаётся в сравнении, - порой «скромно» вставлял он, когда чувствовал, что слишком перебарщивает.

Самохвалов принадлежал к типу людей, которые стараются брать у других по возможности больше, взамен не отдавая практически ничего.

- Кажется, ты не хочешь, чтобы тебе помогали, - поучал он собеседника, когда тот рассказывал, как с лихвой отблагодарил человека, сделавшего ему добрую услугу.

При этом он держался с окружающими с определённой надменностью, как барин - будто все были должны ему.

Будучи поглощённым созерцанием собственного пупа, Самохвалов никогда не рассуждал о высоких материях, не пытался добраться до сути вещей, предпочитая видеть лишь то, что бросалось в глаза. Об отвлечённом, абстрактном он судил с недоверчивым прищуром, однобоко и незрело, по-детски осуждающе. Разумеется, такой человек не мог верить в

Бога. Он даже имел наглость заявлять во всеуслышание:

- Где этот ваш Бог? Покажите мне его, дайте пощупать.

Собеседники часто уходили от него ошарашенные.

- Что за человек? - разводил иной руками.

Зато у Самохвалова, как вы могли догадаться, был свой бог - золотой телец, или, говоря проще, деньги. Получал он деньги охотно, отдавать же их было настоящей трагедией. Он никогда не садился в общественный транспорт, не тратил копейки на холодное пиво в жару, даже если этого жаждали все фибры души, хотя не прочь был выпить за чужой счёт. При этом наш гобсек мог самодовольно ввернуть:

- Чего скрывать - в банке у меня на счету 500 тысяч...

Заработать деньги, равно как и выманить, выклянчить, вытребовать их, стало для Самохвалова навязчивой, неотвязной идеей. В душе у него никогда не болело, если не считать уколов зависти - только успех других мог вывести его из равновесия. Он не мог сопереживать, соболезновать, сорадоваться другим. В общем, как выразился один из коллег, «монетная душа». Будь Самохвалов чуть поумнее и искреннее, наверное, признался бы себе: «Удивительно, ничего не болит, а жив». Впрочем, безжизненно-тусклый взгляд Самохвалова, портящий конфетную внешность, как нельзя лучше отражал его внутреннее содержание.

Во время совещаний на работе Самохвалов садился с важным видом поближе к высокому начальству. Сам почти не говорил, но следил за всеми, подмечая промахи в их речи и манерах. Потом с желчью передразнивал коллег - надо сказать, что артистизма у него хватало. В дни, когда желчь у Самохвалова переливала через край, он фыркал на всех, а тем, кто был послабее, делал резкие замечания.

- Молодой человек, уж не в огород ли собрались? - как бы невзначай мог упрекнуть он молодого коллегу самым язвительным тоном. - Где галстук, почему небриты?

- Не успел...

- А я вот всегда успеваю, - говорил Самохвалов, перебивая его и самодовольно гладя тыльной стороной своих холёных белых женских рук собственные бледные щёки.

- Тебе-то и нечего брить, - безмолвно-агрессивно реагировал тот про себя.

На работе Самохвалова сторонились. Некоторые даже откровенно боялись его: он мог взвести напраслину на кого угодно. Самохвалову бы впору, как говорится, привязать к языку лошадь, ан нет: безнаказанность и нежелание окружающих «связываться» всё больше подзадоривали его. Когда же кто-то пытался острастить, призвать к ответу, он недовольно морщился:

- Ну, сказал в сердцах... Донесли суки!

А вслед бормотал с презрением:

- Всякая фитюлька ещё учить будет как жить!

Коллеги долго терпели Самохвалова, однако чаша терпения наполнялась - тихой сапой приближался час расплаты.

Однажды коротким зимним вечером четверо коллег помоложе - трое мужчин и женщина - устроили ему тёмную. Они подкараулили Самохвалова прямо у выхода здания учреждения и, набросив ему на голову большой мешок, изрядно потрепали его содержимое. Особенно старалась женщина, которую Самохвалов бесцеремонно называл Губошлёпом. Она не удержалась и, нарушив положенный в таких случаях обет молчания, обозвала Самохвалова скунсом за то, что он вечно «вонял» (правда, в горячке борьбы жертва не узнала её голоса). Затем случилось самое ужасное - совершенно неожиданно (на это способна только оскорблённая и обозлённая женщина!) она, поправив пальцем на переносице очки с позолоченной оправой, резко протянула руку к нижней части живота Самохвалова, нащупала там что-то и в сердцах сжала кисть. Самохвалов взвизгнул, подобно поросёнку под ножом у мясника, затем вдруг обмяк, рухнул с жалобным писком на колени и как-то неуклюже повалился на бок...

Когда он пришёл в себя и выбрался из мешка, весь седой - то ли от алебастровой, то ли от мучной пыли, рядом никого уже не было. Произошедшее казалось ему неправдоподобным, невероятным и даже немыслимым...

На следующий день Самохвалов явился на работу с надутой маской: лицо его выражало холодную оскорблённость. Он

прихрамывал, большие тёмные очки скрывали фонарь под левым глазом. Удивительно, но даже сейчас Самохвалов был на редкость самодоволен, за тёмными очками чувствовался его высокомерный мутный взгляд. В своём избиении он подозревал чуть ли не весь коллектив, ибо врагов и недоброжелателей, как уже говорилось, у Самохвалова было в достатке. При встрече с коллегами у него сверкала недобрая усмешка: Самохвалов как бы давал понять, что у него есть некий тайный план, и он ещё покажет всем! Однако, взвалив на себя неблагодарную миссию заносчивого неудачника, он по своей природной малодушности боялся предпринять что-либо сам и надеялся отомстить обидчикам чужими руками. Самохвалов писал жалобы начальству, требовал суровых санкций, однако ответом было холодное молчание, равнозначное отвращению. Все нос воротили от него. И даже цветы в кабинете у Самохвалова почему-то стали вянуть - каждую неделю оттуда выносили горшки с мёртвыми растениями... Обида, словно яд, разъедала Самохвалова. У него пропал аппетит, он не мог спать по ночам...

И вот однажды, когда Самохвалов заснул, замученный навязчивыми мыслями, ему приснилось, что лежит на больничной койке.

Над ним стоял врач, готовясь к операции. Вдруг за операционной маской Самохвалов узнал одного из коллег, которого больше всех подозревал в своём избиении, и ужас овладел им. «Не ровён час, - съёжился Самохвалов, - может и зарезать». Тут медсестра подала врачу скальпель, и при виде острого хирургического ножа, словно под воздействием сильного наркоза, Самохвалов забылся, впал в беспамятство...

Проснулся пациент уже другим: как и прежде ничего не болело, но теперь какая-то неведомая доселе умиротворённость и лёгкость разлились по всему телу. Вокруг никого не было, врач и медсестра ушли куда-то. Самохвалов встал с койки, пощупал себя. Всё на месте, только вот в брюшке будто просторнее стало. Тут его осенило - желчный пузырь удалили!..

Прямо из больничной палаты Самохвалов направился на

работу. Вопреки своему обыкновению он заказал такси и даже дал таксисту чаевые.

В дверях учреждения он встретил своего молодого коллегу с недельной теперь уже щетиной.

- А ведь главное не наружность, - сказал он, к удивлению своему, без какой-либо задней мысли. - Так вам даже больше идёт!

Потом он сделал изящный комплимент сотруднице, которую называл Губошлёпом.

Он по очереди входил в кабинеты, виновато улыбаясь, обнимал изумлённых коллег, просил их простить все его прегрешения:

- Как говорится, кто старое помянет...

Куда-то исчезла физиономия циника - Самохвалов был сама доброта и скромность.

- Что с ним? - удивлялись сослуживцы.

- Меня вылечили!.. - неожиданно воскликнул Самохвалов, но тут... действительно проснулся - весь в холодном поту. Отдышался, протёр глаза, пощупал себя, стал будить жену.

- Страшный сон приснился, женушка! - произнёс он испуганно.

- Что такое? - буркнула она спросонок.

- Будто желчный пузырь вырезали... Как хорошо, что всё это сон! Как же я без желч...

- Дай поспать, прошу тебя... - жена резко повернулась на другой бок.

Самохвалов до утра не мог сомкнуть глаз.

«Как хорошо, что всё это сон», - бесконечно повторял он про себя...

2007 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ВОЕННАЯ ПРОЗА

День рождения 3
Ловушка смерти 7
Жажда жизни 9
Сон 14
Дед Аршак 17
Мать 19
Затравленная птица 22
Родительская клятва 25
Ночь на посту 29
Чужой счёт 31
Изгой 46
Марш-бросок 50
«Орёл» 54
Прощание 58
Дед Мороз 62
Дом, который стрелял 67
Бакинский разворот 70
Дитя войны 73
Звёздный Мальчик 78
Прыжок 130
Ожидание 146
Обыкновенные герои 150
Маленький провидец 182
Беженка 189
Диверсанты 203
Возвращение 247
Спасённая мелодия 252

ФИЛОСОФСКАЯ И ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОЗА

Агония 261
Одиночество, или Разбитое зеркало 264
Рождение человека, или Преодоление боли 271
Циник 274
Страх 331
Животворящий смех 340
Правда 350
Наивная мудрость 353
Властелин грёз 357
Преодоление 366

ЮМОР И САТИРА

Сестричка 371
Сосиска 373
Скрытые резервы 378
Пощёчина 383
Коллеги 389
Ужин с генералом 394
Нелепый поцелуй 398
Несун 403
«Салимчика жалко!» 409
Тренер 414
Культурное мероприятие 418
Коту под хвост 428
Желчный пузырь 432

АШОТ БЕГЛАРЯН

ПРЕОДОЛЕНИЕ

Повести и рассказы

Редактор	Сирвард Гаспарян - Бегларян
Корректор	Анаит Айрапетян
Набор текста	Аревик Бегларян
Вёрстка	Тамар Арутюнян
Иллюстрации	Альберт Саркисян, Алвард Григорян, Айк Саадян
Иллюстрация на обложке	Айк Саадян

Книга издана при финансовом участии Союза писателей Арцаха

Печать офсетная. Бумага офсетная. Объем 27.5 п.л. Тираж 550.

Отпечатано в типографии издательства “Дизак плюс”.
375000, НКР, г. Степанакерт, ул. А. Акопяна, 25
Тел: /+374/47946360 /+374/97302002. E-mail: dizak-plus@mail.ru